ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

К. КАУТСКИЙ

ТОМАС МОР И ЕГО УТОПИЯ

URSS

Из наследия мировой философской мысли:
социальная философия

Karl Johann Kautsky
THOMAS MORE UND SEINE UTOPIE

К. Каутский

ТОМАС МОР и его УТОПИЯ

Перевод с немецкого
М. А. Генкель и А. Г. Генкель

Издание второе

URSS
МОСКВА

ББК 66.1(0)4 87.6

Каутский Карл

Томас Мор и его утопия: Пер. с нем. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 304 с. (Из наследия мировой философской мысли: социальная философия.)

Вниманию читателей предлагается книга известного немецкого экономиста, историка и публициста Карла Каутского (1854–1938), в которой он обращается к изучению системы взглядов Томаса Мора в контексте рассмотрения его знаменитого произведения «Утопия». Автор предлагает критику основных положений этого труда, описывает его композицию и выясняет его цель. Большое внимание в работе уделяется биографии выдающегося английского мыслителя; подробно излагаются взгляды Мора-гуманиста, Мора-политика и Мора-социалиста. В начале книги описываются исторические условия, детищем которых являлся Т. Мор и без понимания которых, по мнению автора, невозможно постичь его труд.

Книга предназначена не только для специалистов — историков, политологов, социологов, философов, но и для широкого круга заинтересованных читателей.

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 19. Зак. № 4091.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-01636-0

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», оформление, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724-25-45
URSS

4191 ID 118069
9 785397 016360

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда я сталъ разрабатывать планъ предположеннаго для «Интернаціональной библіотеки» сочиненія «Начала соціализма», я сначала собирался соединить *Мора* и *Мюнцера* въ одномъ томикѣ. Однако, чѣмъ болѣе я сталъ углубляться въ изученіе перваго, тѣмъ болѣе онъ увлекалъ меня, тѣмъ значительнѣе и симпатичнѣе сталъ казаться мнѣ авторъ «Утопіи». Я приступилъ къ работѣ безъ всякой предвзятой мысли. Современное соціалистическое движеніе также мало выигрываетъ отъ благопріятнаго сужденія о Морѣ, какъ мало оно потеряло бы отъ того, если бы отнестись къ Мору отрицательно. Если, стало быть, во мнѣ выработался настоящій энтузіазмъ къ этому человѣку, то его слѣдуетъ отнести цѣликомъ къ его личности, а не къ теоретическому положенію, какое онъ, какъ соціалистъ, занимаетъ. Относительно его я старался никогда не забывать своей задачи, какъ критика; если, тѣмъ не менѣе, кому-нибудь изъ моихъ читателей покажется, что я стараюсь выставить ему Мора въ односторонне-благопріятномъ освѣщеніи, то я сошлюсь хотя бы на то, что мое изложеніе, все-таки, оказывается чрезвычайно сдержаннымъ сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что писали о Морѣ другіе его біографы, далеко притомъ не всегда принадлежавшіе къ числу его партійныхъ друзей. Моромъ нельзя заниматься и не полюбить его при этомъ.

Въ Англіи о Томасѣ Морѣ существуетъ большая литература; онъ является въ этой странѣ своего рода національнымъ героемъ. Въ Германіи его, въ сущности, кромѣ круга спеціалистовъ, мало кто знаетъ. Однако, и въ Англіи въ немъ до сихъ поръ видѣли только политика-практика и ученаго-гуманиста; за Мора-соціалиста еще до сихъ поръ тамъ не сумѣли приняться.

Все это заставило меня заняться Моромъ подробнѣе и полнѣе освѣтить историческую и біографическую часть своего труда, чѣмъ

я вначалѣ предполагалъ. Меня къ этому поощряло еще и то обстоятельство, что въ британскомъ музеѣ я могъ воспользоваться всей важнѣйшей литературой о Морѣ. Я надѣюсь, что расширеніе рамокъ моей работы можетъ заполнить пробѣлъ не только въ нѣмецкой *соціалистической*, но и *исторической* литературахъ.

Тѣмъ не менѣе предлагаемый трудъ предназначается не только для спеціалистовъ, но и для большой публики. Я не могу, однако, предполагать, чтобы эта большая публика могла совершенно свободно ориентироваться въ историческихъ условіяхъ, дѣтищемъ которыхъ является Моръ и безъ пониманія коихъ и его постичь не удается. Между тѣмъ эти условія столь своеобразны, что въ нѣсколькихъ словахъ ихъ не изложишь, и приходится иногда, сообщая о нихъ, дѣлать далекія экскурсіи въ глубь среднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ возникло введеніе, обнимающее первый отдѣлъ изъ трехъ, составляющихъ данный трудъ.

Предпослать труду своему такое введеніе представлялось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что точка зрѣнія, на которой я стою, не представляется обычной идеологической, она чисто матеріалистическая, такъ какъ я понимаю исторію въ смыслѣ Маркса.

Въ этой работѣ мнѣ лишь рѣдко представлялся случай ссылаться на сочиненія Маркса и Энгельса. Впрочемъ, единичныя цитаты далеко не въ полной мѣрѣ могли бы указать, чѣмъ я обязанъ этимъ двумъ мыслителямъ въ теоретическомъ отношеніи. Ссылка можетъ дать указаніе, когда пользуешься у автора извѣстнымъ фактомъ или точкою зрѣнія. Между тѣмъ очень трудно выразить ссылками весь *методъ изслѣдованія*, которымъ пользуешься. Поэтому считаю умѣстнымъ напомнить здѣсь, что если мнѣ удалось стать на новую и, быть можетъ, интересную точку зрѣнія, то я обязанъ этимъ марксистическому пониманію исторіи и методу.

Этотъ плодотворный методъ, открывающій изслѣдователю на каждомъ шагу новые, оригинальные горизонты, въ примѣненіи къ лицу и эпохѣ, интересы которыхъ трудно себѣ и вообразить, сдѣлали для меня составленіе настоящаго сочиненія источникомъ истиннаго наслажденія. Мнѣ хотѣлось бы только, чтобы и на читателя предметъ нашей бесѣды подѣйствовалъ бы такимъ же притягательнымъ образомъ, какъ на меня.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Вѣка гуманизма и реформаціи

ВВЕДЕНІЕ

У преддверія соціализма стоятъ два мощныхъ бойца—Томасъ Моръ и Томасъ Мюнцеръ. Слава этихъ двухъ мужей въ свое время гремѣла по всей Европѣ. Одинъ изъ нихъ—государственный дѣятель и ученый, достигшій въ своемъ отечествѣ высшихъ государственныхъ почестей и издававшій сочиненія, которымъ удивлялись его современники; другой—агитаторъ и организаторъ, наскоро собравшій полчища пролетаріевъ и крестьянъ, передъ которыми содрогнулись нѣмецкіе владѣтельные князья... Они не имѣли между собою ничего общаго ни въ своихъ воззрѣніяхъ, ни въ методѣ дѣйствія, ни въ темпераментѣ, но равны другъ другу по смѣлости и твердости убѣжденій,—у обоихъ одна конечная цѣль—коммунизмъ; сходенъ также и конецъ ихъ: оба погибли на эшафотѣ.

Неоднократно старались оспаривать у Мора и у Мюнцера ихъ право на вѣчную славу—право считаться въ исторіи основателями соціализма. Придерживаясь извѣстной поговорки: «бѣдныхъ всегда было довольно, да и будетъ столько же», многіе увѣряютъ, что и соціалисты существовали искони и всегда будутъ существовать, причемъ, конечно, никогда имъ не удастся достигнуть своей цѣли. Затѣмъ намъ стараются приводить въ доказательство рядъ соціалистовъ древности, начиная съ Ликурга и Пиѳагора и кончая Платономъ, Гракхами, Катилиной и Христомъ съ его апостолами и учениками.

Намъ и въ голову не приходитъ отрицать, что съ развитіемъ товаропроизводства въ древности тогда же появился и классъ неимущихъ свободныхъ гражданъ, которыхъ римляне называли пролетаріями. На ряду съ этимъ явленіемъ тогда же обнаруживались кое-гдѣ и попытки къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, смягче-

нію тѣхъ или иныхъ соціальныхъ несправедливостей. Однако, древній пролетаріатъ въ значительной степени отличается отъ современнаго. Объ этомъ было говорено уже такъ много, что разбирать этотъ вопросъ детально намъ кажется совершенно излишнимъ. Достаточно будетъ указать на то, что древній и современный пролетарій относятся другъ къ другу такъ, какъ жалкій бродяга, ведущій паразитическій образъ жизни, къ рабочему, являющемуся необходимымъ условіемъ существованія какой бы то ни было культуры.

И вотъ, подобно тому, какъ различается отъ современнаго древній пролетаріатъ, такъ же точно и такъ называемый древній «соціализмъ» вовсе не похожъ на нынѣшній. Установить всѣ оттѣнки этихъ различій мимоходомъ нельзя—это потребовало бы отдѣльнаго спеціальнаго труда, обнимающаго всю древнюю исторію, такъ какъ вѣдь различныя древнія «соціалистическія» попытки, кажущіяся при поверхностномъ разсмотрѣніи проявленіями того же принципа, въ дѣйствительности были вызваны самыми разнообразными причинами и выражали собою подчасъ самыя разнорѣчивыя тенденціи.

Такимъ образомъ нерѣдко иному историку кажется, будто въ Римѣ при Юліи Цезарѣ или въ Аѳинахъ при Демосѳенѣ онъ можетъ найти пролетаріатъ, ничѣмъ не отличающійся отъ такового временъ Наполеона III или берлинскихъ баррикадъ (1848 г.). На самомъ же дѣлѣ, однако, пролетаріатъ даже за сравнительно небольшой промежутокъ времени своего дѣйствительнаго существованія, именно за 400 лѣтъ, никогда не оставался тождественнымъ—напротивъ того, онъ все время подвергался сильнѣйшимъ измѣненіямъ соотвѣтственно экономическому развитію данной эпохи. Пролетаріатъ 1848 года уже существенно разнится отъ современнаго, а тѣмъ болѣе, значитъ, отъ того, который жилъ и дѣйствовалъ во времена «Утопіи». Капиталъ находился тогда только лишь въ зародышѣ своей экономической революціи; феодализмъ оказывалъ еще мощное вліяніе. Новыя идеи, развившіяся вслѣдствіе измѣнившихся классовыхъ интересовъ, должны были еще облекаться въ формы отживавшаго феодальнаго кругозора, а этотъ, въ свою очередь, продолжалъ лелѣять свои традиціонныя иллюзіи, хотя почва для нихъ давно уже была потрясена въ самыхъ своихъ основахъ.

Своеобразному характеру этой эпохи, само собою разумѣется, долженъ былъ соотвѣтствовать и тогдашній соціализмъ. Моръ былъ

сыномъ своего вѣка; онъ не могъ высвободиться изъ его тѣсныхъ рамокъ; однако, геніальность его, его проницательность и, пожалуй, даже отчасти инстинктъ ясно сказываются въ томъ, что онъ сумѣлъ уже въ современномъ ему обществѣ замѣтить тѣ проблемы, зародыши которыхъ оно въ то время только лишь начинало вынашивать.

Основы его соціализма въ общемъ не отличаются отъ современныхъ, однако, онѣ опутаны такимъ количествомъ отжившаго, что изолировать и выдѣлить ихъ изъ всего исторически отслужившаго свою роль представляется задачею далеко не легкою. Положимъ, по своему направленію соціализмъ Мора нигдѣ и никогда не становится реакціоннымъ; онъ далекъ былъ отъ склонности многихъ «соціальныхъ реформаторовъ» XIX вѣка видѣть спасеніе міра въ возстановленіи феодальнаго режима. Однако, нерѣдко онъ располагалъ для рѣшенія встрѣчавшихся ему на пути вопросовъ только тѣми средствами, какія рекомендовалъ въ то время феодальный строй. И вотъ въ этихъ то случаяхъ ему зачастую приходилось изворачиваться вкривь и вкось, чтобы приноровить эти феодальныя средства къ своимъ цѣлямъ.

Кто безъ дальнѣйшихъ околичностей примется за критику коммунистической теоріи Т. Мора, тому многія изъ его положеній могутъ показаться дикими, нелѣпыми и произвольными, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ положенія эти зиждутся на основательномъ и продуманномъ изученіи нуждъ и потребностей современной Мору эпохи.

Какъ и вообще всякій соціалистъ, такъ же точно и Моръ можетъ быть понятъ только лишь въ томъ случаѣ, если стать на точку зрѣнія современной ему эпохи. Между тѣмъ, именно эту эпоху значительно труднѣе понять, чѣмъ вѣкъ любого послѣдующаго соціалиста, такъ какъ она сильно разнится отъ современной намъ. Чтобы разобраться въ ней, необходимо познакомиться не только съ начальными стадіями развитія *капитализма*—надо узнать также послѣднюю пору жизни *феодализма* и прежде всего детально постичь ту громадную роль, которая въ это время доставалась на долю съ одной стороны *церкви*, съ другой—*міровой торговлѣ*. Моръ, подобно всѣмъ другимъ, точно также подпалъ подъ сильное вліяніе того и другого, и намъ пришлось бы переливать изъ пустого въ порожнее, если бы мы поддались хоть на минуту искушенію набро-

сать характеристику личности и твореній перваго соціалиста, не показавъ предварительно, хотя бы даже въ самыхъ общихъ чертахъ, ту комбинацію историческихъ моментовъ, продуктомъ которыхъ онъ является.

Выясненію этихъ то историческихъ соотношеній и будетъ посвященъ первый отдѣлъ этой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе капитализма и современнаго государственнаго строя.

1. Феодализмъ.

«Науки процвѣтаютъ, умы пробуждаются—любо жить въ такое время»—такъ восклицалъ нѣкогда Гуттенъ. И онъ былъ совершенно правъ. Для такой боевой натуры, какой онъ представляется, пріятно было работать въ ту пору, когда смѣло разрушались устарѣлыя традиціи и унаслѣдованные предразсудки, когда медленное движеніе общества по пути къ прогрессу было уложено въ надлежащее русло, когда умственный горизонтъ европейскаго общества безконечно расширился, когда создавались новые классы, новыя идеи и новыя арены для умственныхъ схватокъ.

Будучи «рыцаремъ ума», Гуттенъ имѣлъ полное основаніе радоваться своему вѣку. Какъ членъ рыцарскаго сословія, онъ долженъ былъ бы относиться къ нему съ гораздо меньшей пріязнью. Въ то время его сословіе, несомнѣнно, терпѣло пораженіе: онъ долженъ былъ раздѣлять его судьбу. Рыцарскому сословію представлялся тогда выборъ между обнищаніемъ или продажею себя въ службу князьямъ, лишая себя почвы подъ ногами.

Характерной, отличительной особенностью XVI вѣка является смертельная борьба между феодализмомъ и нарождающимся капитализмомъ. Этотъ вѣкъ носитъ на себѣ отпечатокъ обоихъ способовъ производства, онъ представляетъ изъ себя какъ бы диковинное сочетаніе и того и другого.

Основою феодализма являлось *крестьянское* или *ремесленное* производство *въ предѣлахъ одной общины* (Markgenossenschaft).

Одна деревня или нѣсколько обыкновенно составляли одну общину, владѣвшую сообща лѣсомъ, выгономъ и водою, первоначально также и полями. Въ предѣлахъ одной такой общины совершалось все средневѣковое производство. Общее землевладѣніе, а также поля и сады, перешедшіе въ частныя руки, доставляли *жизненные припасы*, какіе только были нужны, именно хлѣбъ, скотъ, дичь и рыбу, а также и *сырые продукты* (дерево, шерсть и т. д.), которые перерабатывались или въ самой патріархальной семьѣ или же деревенскими ремесленниками. Общественная и частная дѣятельность сводилась къ доставленію необходимыхъ продуктовъ для *собственнаго потребленія* самого производителя или его семьи, или общины, или же, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и самого феодальнаго владѣтеля.

Община являлась, такимъ образомъ, экономическимъ самодовлѣющимъ организмомъ, который въ большинствѣ случаевъ не имѣлъ никакихъ экономическихъ соотношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Результатомъ подобнаго рода условій являлась чрезвычайная исключительность. Кто не былъ общинникомъ, считался *чужимъ*, безправнымъ или, по крайней мѣрѣ, полуправнымъ, даже если бы онъ и навсегда поселился въ общинѣ; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣталъ себѣ недвижимой собственности. Весь внѣшній, находящійся внѣ общины, міръ считался «за-границей».

Такимъ образомъ, у общинниковъ съ одной стороны появлялась аристократическая заносчивость въ отношеніяхъ къ пришельцамъ извнѣ, съ другой—крайне узкій, чисто мѣстный, патріотизмъ, политика своего погоста или округа, которая во многихъ уединенныхъ или экономически отсталыхъ мѣстностяхъ порою сказывается еще и понынѣ. На этихъ то началахъ зиждятся *партикуляризмъ и сословное различіе*, составлявшіе отличительный характерный признакъ среднихъ вѣковъ.

Хозяйственная (экономическая) связь феодальнаго государства при такихъ условіяхъ могла быть только очень непрочной. Государства такъ же быстро разрушались, какъ и создавались вновь. Даже самый національный *языкъ* не могъ быть сильнымъ связую-

щимъ звеномъ, такъ какъ экономическая исключительность общинъ благопріятствовала сохраненію и даже развитію *мѣстныхъ нарѣчій.*

Единственной сильной организаціей, стоявшей надъ общинами, была вселенская католическая *церковь* съ ея единообразнымъ латинскимъ языкомъ и повсемѣстнымъ землевладѣніемъ. Она то одна и связывала всю массу маленькихъ самодовлѣющихъ производительныхъ ячеекъ Запада.

Власть главы государства, *короля*, была настолько же незначительна, насколько связь государственныхъ частей между собою, какъ мы уже видѣли, не отличалась прочностью. Изъ самаго государства король могъ черпать только ничтожную долю могущества, главный же источникъ власти какъ для правителя, такъ и для всякой другой общественной силы заключался тогда въ *землевладѣніи.* Чѣмъ больше князь имѣлъ земли, чѣмъ больше крестьянъ въ общинѣ и чѣмъ больше общинъ въ своей зависимости, тѣмъ большими средствами онъ могъ располагать; онъ могъ себѣ тогда строить замокъ обширнѣе и неприступнѣе, могъ держать при своемъ дворѣ больше ремесленниковъ и художниковъ, которые изготовляли ему платье, предметы обихода, оружіе и украшенія. Его вооруженная свита росла въ той же мѣрѣ, какъ и его гостепріимство, при помощи котораго да еще путемъ раздачи земли и людей онъ могъ привязать къ себѣ большее число вассаловъ.

Король бывалъ обыкновенно самымъ богатымъ и, слѣдовательно, наиболѣе могущественнымъ землевладѣльцемъ страны. Однако, власть его не была такъ непомѣрна, чтобы другіе крупные землевладѣльцы обязаны были безпрекословно повиноваться ему. Вступая между собою въ союзы, они легко могли образовать коалиціи болѣе сильныя, чѣмъ король, да и порознь наиболѣе богатые изъ нихъ не могли считаться ничтожными соперниками. Король долженъ былъ довольствоваться ролью перваго среди равныхъ. Его роль становилась тѣмъ печальнѣе, чѣмъ сильнѣе развивался феодализмъ, чѣмъ могущественнѣе становились отдѣльные феодалы, подчинявшіе себѣ свободныхъ крестьянъ, чѣмъ больше, стало быть, уменьшалось королевское войско и становилось въ зависимыя отношенія къ феодальному рыцарскому ополченію. Лишь тогда королевская да и вообще концентрированная власть начала оправляться отъ своего подчинен-

наго положенія, когда *города* окрѣпли настолько, что могли протянуть ей руку помощи.

г. Города.

Подобно сельскому, и городовое положеніе въ средніе вѣка возникло изъ общиннаго [1]). Поводомъ къ возникновенію городовъ послужила *торговля*, главнымъ образомъ съ Италіей. Торговля эта не прекращалась совершенно даже во времена страшнаго разоренія, послѣдовавшаго за паденіемъ Западной Римской имперіи. Положимъ, крестьяне въ этой торговлѣ почти вовсе не нуждались. Они сами производили все, что имъ было нужно. Зато владѣтельные князья, высшее дворянство и духовенство постоянно требовали предметовъ роскоши. Ихъ доморощенные ремесленники могли удовлетворить подобнаго рода требованіямъ только въ самой ничтожной мѣрѣ. Они не умѣли, напр., изготовлять тонкихъ тканей, украшеній и т. д., по крайней мѣрѣ не могли ихъ дѣлать такъ красиво, какъ это дѣлали въ Италіи. Нѣмецкіе князья добывали себѣ отчасти эти предметы роскоши при своихъ походахъ на Римъ; однако, на ряду съ этимъ возникала и правильная торговля, которая стала особенно сильно развиваться въ Германіи въ X вѣкѣ, когда на Гарцѣ были открыты серебряные рудники [2]).

При дворахъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей, а также на извѣстныхъ узловыхъ пунктахъ, какъ, напр., въ мѣстахъ выхода швейцарскихъ горныхъ проходовъ къ судоходнымъ Рейну и Дунаю, вскорѣ образовались скопленія товаровъ. То же самое можно сказать также и объ укрѣпленныхъ гаваняхъ внутри страны, каковы Парижъ и Лондонъ, вполнѣ доступныхъ, впрочемъ, еще тогдашнимъ мелко сидѣвшимъ въ водѣ морскимъ судамъ. Въ настоящее время они представлялись бы жалкими складами, тогда же, напротивъ, они возбуждали аппетиты окрестныхъ жителей, а также иноземныхъ

[1]) Сравн. G. Z. v. Maurer, «Geschichte der Städteverfassung in Deutschland», 4 тома, Эрлангенъ, 1869—71 г.

[2]) Рудники въ Госларѣ начали разрабатываться съ 950 года. О вліяніи ихъ на средневѣковую торговлю сравни Anderson «An historical and chronological deduction of the origine of commerce», London, 1787. I. 93.

грабителей, норманновъ, венгровъ и т. п. Эти мѣста необходимо было укрѣпить. Такимъ то образомъ изъ деревни возникъ городъ. Однако, еще долго послѣ того, какъ городъ окружился стѣною, земледѣліе и самодовлѣющее производство, удовлетворявшія собственному потребленію, составляли главное занятіе жителей укрѣпленной мѣстности. Торговля была еще слишкомъ незначительна для того, чтобы оказывать на занятіе горожанъ особое вліяніе. Да и сами они оставались все еще такими же узкими, исключительно мѣстными патріотами, какъ и деревенское населеніе.

Однако, на ряду съ древними привилегированными сословіями среди общинниковъ вскорѣ возникла новая сила, именно *ремесленниковъ*, которая организовалась, по примѣру общинъ, въ свои спеціальные союзы, въ *цехи*.

Ремесло не было искони товаропроизводствомъ. Ремесленникъ находился въ извѣстномъ подчиненіи или у общины или у феодальнаго владѣтеля. Онъ производилъ для потребностей общины или двора, но не для продажи. Въ городахъ, понятно, постоянно было много такихъ дворовыхъ ремесленниковъ, если только тамъ жилъ князь или духовная особа. Другіе ремесленники были привлечены въ города въ то время, когда торговля уже развивалась достаточно и для сбыта издѣлій въ городахъ открылись *рынки*. Ремесленнику не нужно уже было работать на хозяина—онъ могъ сдѣлаться *свободнымъ производителемъ*. Крѣпостные ремесленники, жившіе въ городахъ, старались свергнуть свои обязательства; деревенскіе ихъ собратья бѣжали въ города, когда только имъ это удавалось сдѣлать, и, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если города обладали достаточною силою, чтобы сумѣть защищать ихъ. Такимъ образомъ, городское ремесленное сословіе становилось многочисленнѣе и сильнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оказывалось по большей части изолированнымъ отъ общины и отъ управленія дѣлами города. Эта роль осталась за первыми общинниками, которые изъ крестьянъ превратились въ гордыхъ патрійцевъ. Между городской знатью и цехами возникла, такимъ образомъ, классовая борьба, которая въ большинствѣ случаевъ оканчивалась полнымъ пораженіемъ первой. На ряду съ этимъ происходила также борьба за независимость между городомъ и феодальнымъ владѣльцемъ, и эта борьба обыкновенно кончалась въ пользу города.

Въ своей борьбѣ съ земельной аристократіей ремесленное сословіе до извѣстной степени было солидарно съ крестьянами, стремившимися облегчить свои феодальныя тяготы. Нерѣдко оба класса шли рука объ руку. Въ мелкой буржуазіи развился, такимъ образомъ, демократическій, республиканскій духъ, хотя прежняя общинная исключительность все еще не была совершенно уничтожена—она только расширила свои рамки, она заключила въ нихъ и *цехъ* и *церковный приходъ*.

Конечно, ремесленное товаропроизводство разрушило исключительность городскихъ общинниковъ: ремесленники вѣдь работали не только для города, они распространяли свои товары иногда далеко за его предѣлы.

Впрочемъ, издѣлія ихъ менѣе находили сбыта среди крестьянъ, продолжавшихъ все потребное имъ приготовлять себѣ сами, они отправлялись чаще ихъ вымогателю, феодальному князю, лишившемуся теперь своихъ дворовыхъ ремесленниковъ. Съ своей стороны, ремесленники получали жизненные продукты и сырой матеріалъ изъ деревни. Начался хозяйственный обмѣнъ, а также и извѣстный антагонизмъ между городомъ и деревней.

На ряду съ сельской общиной становился въ видѣ второй экономической единицы городъ съ большимъ или меньшимъ участкомъ принадлежащей ему земли. Однако, *города попрежнему оставались разобщенными*, если не считать временныхъ или продолжительныхъ союзовъ, заключавшихся между ними для достиженія общихъ цѣлей. Единство государства нисколько не выигрывало отъ этого, напротивъ, оно скорѣе еще больше нарушалось, такъ какъ богатыя и гордыя городскія республики добивались такой независимости, которая въ сельскихъ общинахъ была бы совершенно немыслима. На ряду съ крупными феодалами они также являлись причиною розни въ государствѣ.

Могущество государя въ его борьбѣ съ дворянствомъ значительно увеличилось, благодаря помощи городовъ. Однако, вскорѣ государи могли имѣть поводъ опасаться, что прежній союзникъ окончательно уничтожитъ и ихъ самихъ. Впрочемъ, эта тенденція проявлялась въ довольно слабой степени, такъ какъ въ нѣдрахъ самихъ городовъ возродилась новая сила, которая сдѣлала ихъ оплотомъ крѣпкаго государственнаго абсолютизма,—эта сила была революціоннымъ могу-

ществомъ *торговаго* капитала, появившагося вслѣдствіе міровой торговли.

3. Міровая торговля и абсолютизмъ.

Какъ мы уже знаемъ, торговля между Италіей и германскимъ сѣвромъ никогда вполнѣ не прекращалась даже и послѣ паденія римскаго владычества. Благодаря ей основались города. Но пока торговля эта оставалась преимущественно мелкой, она не могла придать имъ своеобразнаго характера. Вначалѣ въ городахъ преобладало и характеръ ихъ жизни все еще опредѣляло сельское хозяйство, позднѣе его вытѣснило цеховое ремесло.

Во многихъ городахъ послѣднее имѣло мѣсто вплоть до XIX столѣтія, въ другихъ—оно остается таковымъ и по сей день. Но цѣлый рядъ городовъ развился въ *крупные центры* и проложилъ, такимъ образомъ, путь новому соціальному порядку. Это тѣ города, которые, вслѣдствіе особо благопріятныхъ историческихъ и географическихъ условій, сдѣлались центральными пунктами морской торговли, т. е. *міровой торговли.*

Морская торговля съ Востокомъ, въ особенности съ Константинополемъ и Египтомъ, началась въ средневѣковой Европѣ сначала въ нижней Италіи, въ Амальфи, гдѣ греки и сарацины вступили на первыхъ порахъ во враждебныя отношенія съ туземцами, а затѣмъ въ торговыя. Какъ ни глубоко палъ Востокъ, онъ, все-таки, въ искусствахъ и въ техническихъ знаніяхъ безконечно превосходилъ Западъ. Тамъ не только сохранились древнія отрасли промышленности, но, наряду съ ними, возникли и новыя, какъ, напр., производство и обработка шелка въ Византіи. Кромѣ того, движеніе народовъ, исповѣдывавшихъ исламъ, привело высококультурныя страны дальняго востока, Индію и Китай, въ болѣе тѣсную связь съ Египтомъ и береговыми странами Средиземнаго моря, чѣмъ это было во времена римскаго владычества.

Потому то великія сокровища, привозимыя купцами изъ Амальфи, представлялись европейскимъ варварамъ какими то фееричными, невѣроятными кладами. Жадность обладать ими, пріобрѣсти ихъ скоро охватила всѣ господствующіе классы населенія Европы. Она много способствовала тѣмъ походамъ на Востокъ съ цѣлью грабежа

и завоеванія, которые извѣстны подъ именемъ крестовыхъ, но она же пробудила въ городахъ, занимавшихъ благопріятное географическое положеніе, стремленіе принять участіе въ выгодной торговлѣ. Прежде всего это имѣло мѣсто въ сѣверной Италіи.

Со временемъ возникло стремленіе перенять производство ввозимыхъ товаровъ, именно тканей. Уже въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ Палермо шелковыя ткацкія мастерскія, въ которыхъ работали греческіе военноплѣнные. Въ XIV столѣтіи такія мастерскія стали устраивать и въ сѣверно-итальянскихъ городахъ.

Тамъ, гдѣ удалось перенять производство, купцы вскорѣ находили болѣе выгоднымъ ввозить сырье и обрабатывать его дома руками наемныхъ рабочихъ—въ томъ, конечно, случаѣ, когда находились свободные рабочіе, т. е. рабочіе, не связанные ни цеховыми обязательствами, ни барщиной и не обладавшіе средствами производства, чтобы использовать свою свободу для себя и работать на себя, но принужденные продавать свою рабочую силу.

Такъ возникли зачатки мануфактуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *основы капиталистическаго способа производства.*

Во времена Мора, въ началѣ XVI столѣтія, эти зачатки были, однако, еще очень ничтожными. Промышленность находится преимущественно еще въ рукахъ цеховыхъ ремесленниковъ. Капиталъ является еще главнымъ образомъ въ формѣ *торговаго капитала.* Но и въ этой уже формѣ онъ оказывалъ разлагающее вліяніе на феодальный способъ производства. Чѣмъ болѣе развивался товарный обмѣнъ, тѣмъ большею силою становились *деньги.* Деньги были товаромъ, который всякій бралъ и въ которомъ всякій нуждался; за деньги можно было пріобрѣсти все, что давалъ феодальный способъ производства: личныя услуги, домъ и дворъ, пищу и питье, но также и множество предметовъ, которыхъ нельзя было приготовить домашнимъ способомъ, предметовъ, обладаніе которыми становилось все большею потребностью и которыхъ нельзя было пріобрѣсти иначе, какъ за *деньги.* Классы, добывающіе деньги, производящіе товары или торгующіе товарами, пріобрѣтали все большее значеніе. Цехового мастера, достигающаго только умѣреннаго благосостоянія, вслѣдствіе ограниченнаго числа подмастерьевъ, вскорѣ обгоняетъ купецъ со своей безмѣрной жаждой прибыли, съ капиталомъ, способнымъ къ безграничному росту, и съ огромной торговой прибылью.

Торговый капиталъ—революціонная экономическая сила XIV, XV и XVI столѣтій. Съ нимъ явилась новая жизнь въ обществѣ и пробудилось новое міровоззрѣніе.

Въ средніе вѣка мы встрѣчаемся съ ограниченнымъ партикуляризмомъ и съ мелко-буржуазными интересами съ одной стороны, съ другой—съ космополитизмомъ, охватывавшимъ весь западный христіанскій міръ. Чувство національности, напротивъ того, было развито очень слабо.

Купецъ не можетъ ограничиться столь малой ареной дѣятельности, какъ крестьянинъ или ремесленникъ; для него, по возможности, долженъ быть открытъ весь міръ; онъ стремится все дальше, старается открывать все новые рынки. Въ противоположность цеховому мастеру, который часто за всю свою жизнь не покидалъ черты роднаго города, купецъ неутомимо стремится въ невѣдомыя страны. Онъ переступаетъ за предѣлы Европы и начинаетъ вѣкъ географическихъ открытій, вѣнчающійся открытіемъ Америки и морского пути въ Индію. Впрочемъ, строго говоря, эти открытія продолжаются еще и теперь. И въ настоящее время купецъ, а не ученый изслѣдователь, является иниціаторомъ большинства научныхъ экспедицій съ цѣлью открытій [1]).

На мѣсто прежняго прикрѣпленія къ землѣ, торговля ввела космополитизмъ, который процвѣталъ вездѣ, гдѣ можно было что-нибудь заработать. Вмѣстѣ съ тѣмъ она замѣнила универсальность церкви—

---

[1]) Лучше всего это доказывается Каспійской экспедиціей 1904 г., устроенной и обставленной вполнѣ научно, но состоявшейся по почину и на средства рыбопромышленниковъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы правительство оказало имъ извѣстныя льготы. Такъ какъ правительство отказалось удовлетворить ихъ ходатайство, не имѣя научнаго матеріала для рѣшенія спорнаго вопроса, то промышленники и собрали между собою деньги для экспедиціи.

Прим. переводчика.

Венеціанецъ Марко Поло уже въ XIII столѣтіи добрался до Китая. Десять лѣтъ послѣ Марко Поло смѣлые генуэзцы уже пробовали проѣхать въ Индію моремъ, вокругъ Африки. Предпріятіе это удалось, впрочемъ, только два столѣтія спустя. (Ср. Sophus Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, стр. 23). Еще большее значеніе имѣло для экономическаго развитія открытіе прямого морского сообщенія изъ Италіи въ Англію и Голландію, чего достигли къ концу XIII столѣтія генуэзцы и венеціанцы. Это обстоятельство необыкновенно способствовало развитію въ этихъ странахъ капитализма.

національнымъ. Міровая торговля расширила кругозоръ западныхъ народовъ далеко за предѣлы господства католицизма и въ то же время сузила его областью собственной національности.

Это звучитъ парадоксально, но тѣмъ не менѣе оно вполнѣ вѣрно. Хозяйственные интересы мелкихъ самодовлѣющихъ общинъ въ средніе вѣка мало сталкивались между собою. Внутри общины существовали, разумѣется, недоразумѣнія, но внѣшній міръ былъ для нихъ безразличенъ до тѣхъ поръ, пока онъ оставлялъ ихъ въ покоѣ. Для крупнаго же купца, напротивъ того, не безразлично, какую роль играетъ за границей соціальная группа, къ которой онъ принадлежитъ. Торговая прибыль получается оттого, что покупаютъ какъ можно дешевле и продаютъ какъ можно дороже.

Прибыль много зависитъ отъ того, въ какомъ соотношеніи находятся силы покупателя и продавца [1]). Но вмѣстѣ съ торговлей возникаетъ и конкуренція какъ между покупателями, такъ и продавцами. На внѣшнемъ рынкѣ эти противорѣчія становятся національными противорѣчіями. Напримѣръ, противоположность интересовъ между генуэзскимъ покупателемъ и греческимъ продавцемъ въ Константинополѣ приводитъ къ національному антагонизму; съ другой стороны противорѣчіе интересовъ между генуэзскими и венеціанскими купцами на томъ же самомъ рынкѣ точно также оканчивается національнымъ антагонизмомъ. Чѣмъ могущественнѣе Генуя сравнительно съ Венеціей или Византіей, тѣмъ большихъ торговыхъ привилегій могла она ожидать въ Константинополѣ. Чѣмъ больше, могущественнѣе отечество, нація, тѣмъ больше и прибыль. Еще и теперь шовинизмъ нигдѣ такъ не великъ, какъ между купцами, торгующими за границей, и еще теперь считается, что затронута «честь націи», если нашему «національному» купцу за границей мѣшаютъ безсовѣстно обирать тамошнее населеніе.

---

[1]) Конечно выгоднѣе всего брать товары у товаровладѣльца безо всякаго вознагражденія. Въ дѣйствительности торговля вначалѣ очень часто была тождественна съ морскимъ разбоемъ. Это доказываютъ намъ не только стихи Гомера. Мы увидимъ еще въ 3 главѣ, какъ и въ Англіи XVI столѣтія морской разбой является излюбленной формой первоначальнаго накопленія капитала и пользуется поэтому государственной поддержкой. (Не отъ того ли русское слово «гость» [напр., гость новгородскій] звучитъ сходно съ латинскимъ hostis= врагъ?).

Благодаря развитію міровой торговли, возникъ могущественный экономическій интересъ, укрѣпившій и упрочившій цѣлость государства, но въ то же время онъ способствовалъ отдѣленію ихъ другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распаденію христіанскаго міра на многія рѣзко обособленныя другъ отъ друга націи.

Послѣ того, какъ возникла міровая торговля, и внутренняя торговля не менѣе способствовала укрѣпленію національныхъ государствъ.

Торговля естественно стремится сконцентрироваться въ нѣкоторыхъ складочныхъ мѣстахъ, узловыхъ пунктахъ, гдѣ сходятся пути. Тамъ собираются заграничные товары, чтобы изъ этого центральнаго пункта разойтись по всей странѣ по цѣлой сѣти путей. Въ этомъ же узловомъ пунктѣ собираются и товары изъ самой страны; отсюда они отправляются за границу. Вся область, въ которой находится такой складъ, становится хозяйственнымъ организмомъ, связь котораго тѣмъ тѣснѣе, зависимость котораго отъ центральнаго пункта тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣе развито товарное производство и чѣмъ болѣе вытѣсняется самодовлѣющее производство.

Изо всѣхъ окружающихъ мѣстъ люди стекаются къ этому центральному пункту; одни, чтобы здѣсь поселиться, другіе, чтобы, устроивъ дѣла, снова вернуться домой. Центральный пунктъ растетъ, становится большимъ городомъ, въ которомъ концентрируется не только хозяйственная, но также и духовная жизнь страны, находящаяся отъ нея въ зависимости. Языкомъ города становится языкъ купцовъ и ученыхъ. Онъ вытѣсняетъ латинскій и становится литературнымъ языкомъ. Въ то же время языкъ этотъ вытѣсняетъ крестьянскія нарѣчія. Такимъ образомъ возникаетъ *національный языкъ*.

Государственное управленіе приспособляется къ экономической организаціи. Оно централизуется, политическая центральная власть сосредоточивается въ центрѣ хозяйственной жизни, и этотъ центръ становится главнымъ городомъ въ странѣ, надъ которой онъ властвуетъ не только экономически, но и политически.

Такимъ образомъ, экономическое развитіе образуетъ современное *государство*, національное государство съ своеобразнымъ языкомъ, съ централизованнымъ управленіемъ и съ главнымъ городомъ.

Этотъ процессъ развитія далеко еще не законченъ и теперь; онъ многократно пріостанавливался, но его направленіе ясно опредѣли-

лось въ Западной Европѣ уже къ концу XV и къ началу XVI столѣтія, и тѣмъ яснѣе можетъ быть именно потому, что феодализмъ тогда еще сильно вліялъ на экономическую жизнь и, благодаря традиціи, еще въ большей мѣрѣ на формы духовной жизни. То, что нѣсколько поколѣній спустя было понятно само собой, тогда должно было еще доказать свое «право на существованіе», а также убѣдить всѣхъ въ устарѣлости старыхъ формъ. Новое экономическое, политическое и духовное направленіе должно было проложить себѣ путь, оно должно было выступить полемически и потому то оно именно въ эту эпоху гораздо яснѣе могло указать свою роль, чѣмъ въ слѣдующемъ столѣтіи.

Замѣчательно, что именно это направленіе вообще было полезно королевской власти или лучше—власти земельнаго собственника вездѣ, гдѣ она только сохранила остатокъ своей силы. Естественно, что новая политическая централизованная власть кристаллизовалась вокругъ особы землевладѣльца, что онъ сталъ во главѣ централизованнаго управленія и арміи. Его интересы и интересы торговли совпадали. Она нуждалась въ надежномъ полководцѣ и въ сильной арміи, которая, сообразно характеру той экономической силы, интересамъ которой она служила, нанималась за деньги—наемное войско противоставлялось свитѣ и дружинѣ феодальнаго собственника. Торговля нуждалась въ арміи для защиты своихъ интересовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ: для пораженія конкурирующихъ націй, для завоеванія рынковъ, для устраненія границъ между мелкими общинами внутри государства, которыя препятствовали свободной торговлѣ, для содержанія полиціи противъ крупныхъ и мелкихъ феодаловъ, дерзко отрицавшихъ и притомъ не теоретически только, право собственности, провозглашенное торговлей.

Съ развитіемъ международнаго обмѣна увеличились и поводы къ столкновеніямъ между различными націями. Все чаще и горячѣе ведутся войны изъ-за торговыхъ недоразумѣній. А между тѣмъ всякая война усиливала власть владѣтельнаго князя и дѣлала ее все болѣе абсолютной.

Тамъ, гдѣ не было законной, т. е. наслѣдственной, династіи, которая могла бы воспользоваться подобнымъ положеніемъ вещей, тамъ создавался абсолютизмъ вождей наемныхъ ополченій, въ которомъ такъ нуждались государства. Это мы наблюдаемъ въ различныхъ республикахъ сѣверной Италіи.

Однако, новое государство нуждалось въ вождѣ не только какъ въ полководцѣ. Оно нуждалось также и въ человѣкѣ, который могъ бы стоять во главѣ государственнаго управленія.

Феодальный раздробленный механизмъ управленія приходилъ въ упадокъ, новый же централизованный, бюрократическій только еще зарождался. Политическій централизмъ былъ экономической необходимостью для товарнаго производства съ развитой торговлей на порогѣ капиталистическаго способа производства; онъ усиливалъ экономическую централизацію и обратно обусловливался и ускорялся послѣдней. Централизмъ этотъ нуждался вначалѣ въ *личномъ вождѣ*, который былъ бы достаточно силенъ, чтобы удержать единство управленія противъ тянувшихъ въ разные стороны элементовъ, именно дворянства. Этой властью обладалъ только вождь арміи. Соединеніе всѣхъ орудій власти военнаго и административнаго аппарата въ однѣхъ рукахъ, другими словами, княжескій абсолютизмъ былъ *экономической необходимостью* въ вѣкъ реформаціи и еще много позднѣе. Мы должны особенно подчеркнуть это обстоятельство, такъ какъ иначе многіе поступки и сочиненія Мора покажутся намъ совершенно непонятными и, если мы упустимъ изъ виду этотъ пунктъ, то съ новѣйшей точки зрѣнія мы можемъ признать ихъ даже противорѣчивыми. Тогда казалось, а въ большинствѣ случаевъ и дѣйствительно было немыслимымъ предпринять что-нибудь въ государствѣ безъ вѣдома и тѣмъ болѣе противъ воли князя. Все, что совершалось въ государствѣ, должно было получить санкцію землевладѣльца.

Чѣмъ сильнѣе былъ въ государствѣ абсолютизмъ, тѣмъ болѣе приносилъ онъ пользы капиталу, въ то время больше всего торговлѣ и финансовой аристократіи.

Интересы капитала не только до извѣстной степени совпадали съ интересами королевской власти, но послѣдняя становилась болѣе и болѣе зависимой отъ перваго.

По мѣрѣ того, какъ развивалась міровая торговля, могущество короля все менѣе и менѣе находило опоры въ земельной собственности. Основой этого могущества начали становиться деньги. Значеніе короля опиралось на армію и дворъ. То и другое стоило много и очень много денегъ. Феодальный способъ веденія войны замѣнился новымъ болѣе сложнымъ, которому дали начало богатые города. Они

не только замѣнили нестройное рыцарское войско строго дисциплинированной пѣхотой, они воспользовались успѣхами техники и создали артиллерію, столь опасную для рыцарства.

Такимъ образомъ и самая война стала зависѣть отъ денегъ. Только тотъ могъ позволить себѣ роскошь войны, у кого было достаточно денегъ, чтобы нанять пѣхоту и стрѣлковъ и собрать большіе склады оружія.

Нельзя при этомъ упускать изъ виду также и дороговизны содержанія двора. Интересы торговли съ одной и короля съ другой стороны требовали, чтобы упорство феодальнаго дворянства было сломлено; они, конечно, не стремились къ его уничтоженію, но только требовали, чтобы оно приспособлялось къ новымъ условіямъ. Дворянство должно было оставить свои земли, распустить многочисленную свиту, безполезную и даже опасную для короля и торговли. Дворянинъ долженъ былъ поступить ко двору князя, быть подъ его присмотромъ, на его службѣ; вмѣсто того, чтобы употреблять свои доходы на содержаніе собственнаго войска, онъ принужденъ былъ расточать ихъ въ роскоши при дворѣ, употреблять ихъ на покупку именно тѣхъ товаровъ, на продажѣ которыхъ покоилась міровая торговля, т. е. прибыль купца [1]).

Придворная роскошь дворянства была полезна, такимъ образомъ, и торговлѣ и королевской власти; она увеличивала прибыль купцовъ и разоряла дворянство, дѣлало его зависимымъ отъ денежныхъ подачекъ короля и отъ кредита купца и заставляла его служить обоимъ.

Купечество и король всѣми возможными средствами распространяли тогда роскошь, прежде всего собственнымъ примѣромъ. Дворянство всѣми возможными способами привлекалось изъ замковъ ко двору; при случаѣ даже и силой; по возможности же этого достигали посредствомъ разныхъ почестей и приманокъ, напр., утонченнымъ великолѣпіемъ придворной жизни, сильно отличавшейся отъ суровой жизни въ замкѣ.

---

[1]) Въ Англійскомъ парламентскомъ актѣ 1512 года, регулировавшемъ обложеніе пошлиной золотыхъ и серебряныхъ тканей, бархата, парчи, атласа, тафты и всякихъ другихъ шелковыхъ и золоченыхъ тканей, упоминается между прочимъ о томъ, что нерѣдко на одномъ кораблѣ привозится въ Англію такихъ матерій 3—4000 штукъ. G. L. Craik. The history of britisch commerce. I. 217.

Но если, съ одной стороны, король своимъ примѣромъ принуждалъ дворянъ къ роскоши, то, съ другой—дворяне принуждали къ тому же и короля.

Въ началѣ XVI столѣтія нельзя было вкладывать свое состояніе въ государственныя бумаги или акціи, какъ это дѣлается теперь. Праздные богачи, не желавшіе быть купцами, арендаторами или мануфактуристами, именно прежде всего высшее дворянство, охотно вкладывали поэтому накопленныя богатства въ благородные металлы и драгоцѣнные камни—предметы, которые всегда сохраняли свою цѣнность и вездѣ находили покупателя. Но не сохранять же имъ было эти сокровища въ ящикахъ. Золото и драгоцѣнные камни были тогда признакомъ могущества, какъ раньше многочисленная свита. И этой силой не только хотѣли обладать, ее старались выставлять на показъ; въ тѣ времена это было лучшимъ средствомъ пріобрѣсти вліяніе, склонить однихъ къ почтенію и подчиненію, другихъ къ обходительности и вѣжливости. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка землевладѣльцы употребляли свои доходы на содержаніе многочисленной свиты, такъ теперь они тратили ихъ на пріобрѣтеніе драгоцѣнностей; и также, какъ раньше въ праздничные дни они выѣзжали, окруженные цѣлой свитой, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе, такъ теперь они появлялись нагруженными драгоцѣнностями.

Нѣкоторые, желая блеснуть, нерѣдко выставляли на показъ богатства, взятыя на прокатъ.

Король не могъ отставать отъ своихъ придворныхъ; онъ долженъ былъ доказать преимущество власти также и преимуществомъ блеска. Дворянство и королевская власть, такимъ образомъ, поощряли другъ друга къ большей роскоши.

Поэтому-то, начиная съ XV столѣтія, пышный дворъ становится потребностью правительства, безъ него король никакъ не могъ обойтись. Съ этого времени появляется бѣшеная роскошь, поглощавшая безконечныя суммы.

Между тѣмъ, доходы съ феодальной земельной собственности короля далеко не успѣвали возрастать соразмѣрно всѣмъ этимъ расходамъ. Короли начали повышать подати, но большую часть дохода они разсчитывали получить съ богатыхъ городовъ, которые въ то время не позволяли съ собой шутить. Короли старались поэтому обезпечить себѣ ихъ согласіе на подати, которыя они на нихъ же

и налагали: городамъ, какъ третьему сословію, предлагали посылать депутатовъ, чтобы наравнѣ съ двумя другими сословіями, дворянствомъ и духовенствомъ, распредѣлить вмѣстѣ съ королемъ сумму налагаемыхъ податей. Тамъ, гдѣ города имѣли достаточную силу, они соглашались на такія подати только подъ извѣстными условіями; въ Англіи, такимъ образомъ, развилась, благодаря особо благопріятнымъ обстоятельствамъ—именно вслѣдствіе соединенія мелкихъ земельныхъ собственниковъ съ буржуазіей — законодательная сила парламента.

Однако, этихъ добровольныхъ денежныхъ жертвъ очень рѣдко хватало для того, чтобы заполнить въ казнѣ короля всѣ недохваты, являвшіеся результатомъ вѣчныхъ войнъ и безмѣрнаго придворнаго расточительства. Большинство королей было въ вѣчномъ денежномъ затрудненіи, несмотря на то, что подати страшнымъ образомъ угнетали народъ: изъ этихъ денежныхъ затрудненій королей охотно вытягивали богатые торговцы и банкиры, конечно, не даромъ, но въ большинствѣ случаевъ взамѣнъ на откупъ государственнаго дохода. Отсюда пошли государственные долги, государство и его правительство стали слугами капитала, они должны были служить его интересамъ.

Власть абсолютизма усиливалась въ ущербъ народу. Она возрастала противъ крестьянъ и ремесленниковъ, противъ дворянъ и духовенства. Но при посредствѣ абсолютизма пріобрѣли значеніе взгляды и интересы торговцевъ, банкировъ и земельныхъ спекулянтовъ.

Распространенное мнѣніе, будто монархъ необходимъ и неизбѣженъ и что дѣло только въ томъ, чтобы сдѣлать его слугой интересовъ буржуазіи,—этотъ взглядъ въ существенномъ и до сихъ поръ еще держится въ буржуазіи. Борьба XVIII столѣтія, закончившаяся великой революціей, сводилась главнымъ образомъ къ тому, является ли королевская власть орудіемъ дворянства и духовенства или же третьяго сословія. Хотя идеологи буржуазіи и были знакомы съ крестьянскими и аристократическими республиками, но едва ли кому-нибудь изъ нихъ представлялась возможною буржуазная республика. Философы эпохи «Возрожденія и просвѣщенія» группировались вокругъ «просвѣщеннаго», т. е. дѣйствующаго въ ихъ смыслѣ, деспотизма. Только въ силу обстоятельствъ у французовъ появилась

буржуазная республика; послѣдняя, королевство безъ короля, только тогда стала совмѣстима съ буржуазными условіями, когда механизмъ централизованной арміи и бюрократіи былъ вполнѣ устроенъ и пошелъ полнымъ ходомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Земельная собственность. Недостатокъ земли въ феодальную и капиталистическую эпоху.

Товарное производство и товарная торговля не только образовали новые классы съ новыми интересами и новыми взглядами. Они измѣнили также и тѣ классы, которые существовали еще и раньше. Новыя потребности, вызванныя ими, перешли изъ городовъ въ деревню и вызвали тамъ также, какъ и здѣсь, потребность и жажду золота и серебра, товаровъ, за которые все можно было купить. Вмѣстѣ съ тѣмъ возросла и необходимость приспособить феодализмъ къ новымъ условіямъ производства, сдѣлать изъ земельной собственности источникъ добыванія денегъ; земледѣліе должно было перейти къ товарному производству; земледѣлецъ могъ продолжать производить для собственнаго потребленія, но онъ долженъ былъ, кромѣ того, представить избытокъ, который могъ быть вынесенъ на рынокъ въ качествѣ товара.

Такой рынокъ представлялъ изъ себя городъ. Онъ нуждался не только въ питательныхъ веществахъ, но и въ сырьѣ, притомъ въ постоянно возрастающей степени; ему необходимы были не только зерно и мясо, сыръ и масло, но также и шерсть, ленъ, шкуры, дерево и т. д.

При такихъ обстоятельствахъ крестьянинъ до нѣкоторой степени сдѣлался товаропроизводителемъ. Земледѣліе стало тогда источникомъ денегъ и тамъ, гдѣ дѣло обстояло такимъ образомъ, самъ крестьянинъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы замѣнить личныя услуги и натуральныя повинности, которыя онъ обязанъ былъ нести по отношенію феодальнаго собственника, денежными повин-

ностями. При особо благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ могъ даже вполнѣ освободиться отъ ига феодализма.

Такъ же, какъ эти крестьяне, и сами феодальные владѣтели мечтали объ измѣненіи феодальныхъ податей въ денежныя. Но это измѣненіе только при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ было полезно крестьянину. Напротивъ того, оно было ему вредно въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльческое товарное производство еще не было достаточно развито. Во всякомъ случаѣ, для англійскихъ крестьянъ оно, конечно, служило къ смягченію феодальныхъ узъ, для массы крестьянъ въ Германіи денежныя подати были бичемъ, приведшимъ ихъ въ отчаяніе и разорившимъ ихъ, не принеся притомъ и феодаламъ значительной прибыли.

Между тѣмъ, англійскіе крестьяне недолго пользовались своимъ благопріятнымъ положеніемъ.

Товарное производство сообщило даже землѣ характеръ товара и такимъ образомъ придало ей стоимость, которая опредѣлялась не числомъ жителей, которыхъ она прокармливала, но доставляемымъ ею избыткомъ. Чѣмъ ничтожнѣе число земледѣльцевъ по отношенію къ доходности и чѣмъ непритязательнѣе жизненныя требованія, тѣмъ больше избытокъ, тѣмъ больше земельная стоимость.

Во всей Западной Европѣ мы поэтому видимъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени два своеобразныхъ явленія: возникаетъ потребность въ землѣ и именно въ такой землѣ, которая требуетъ для своей обработки мало рукъ, какъ, напр., лѣса и пастбища. И одновременно съ этимъ замѣчается стремленіе по возможности *уменьшить земледѣльческое населеніе;* этого достигаютъ частью такимъ образомъ, что замѣняютъ культуры, требующія многихъ рукъ, другими, которыя нуждаются въ немногихъ рукахъ, частью посредствомъ увеличенія бремени труда отдѣльныхъ земледѣльцевъ, такимъ, напримѣръ, образомъ, что теперь двое людей дѣлаютъ то, надъ чѣмъ прежде трудилось трое, и третій становится, слѣдовательно, излишнимъ.

И въ феодальное время ощущался недостатокъ въ землѣ, который сказывался такъ же настоятельно, какъ и въ новѣйшее время; но его характеръ былъ совсѣмъ иной. Старые феодалы жаждали земли съ крестьянами, новые нуждались только въ землѣ, принадлежавшей крестьянамъ.

Феодальное дворянство нуждалось не только въ *землѣ*, но въ *землѣ и людяхъ*. Чѣмъ гуще была заселена земля, тѣмъ больше число платящихъ подати и дающихъ свой трудъ, тѣмъ больше военная свита, которую онъ могъ содержать. Стремленіе средневѣкового дворянства состояло не въ томъ, чтобы сгонять крестьянъ съ земли, а напротивъ въ томъ, чтобы прикрѣпить ихъ къ землѣ и привлечь на нее какъ можно больше новыхъ поселенцевъ.

Иначе дѣло обстоитъ съ новымъ дворянствомъ.

Такъ какъ изъ крестьянъ нельзя было достаточно высосать денегъ, то дворянство все болѣе чувствовало себя вынужденнымъ перейти къ товарному производству, затѣять собственные земледѣльческіе промыслы—въ Англіи земли скоро перешли въ руки капиталистическихъ фермеровъ: при этомъ обнаружилась надобность въ части крестьянскихъ земель, но не въ ихъ обитателяхъ. Напротивъ того, весь интересъ заключался въ томъ, чтобы выгнать ихъ вонъ.

Къ тому же, какъ упомянуто, луга и лѣса пріобрѣли большую стоимость. Феодалы начали теперь присваивать себѣ въ частную собственность общественные пастбища и лѣса и отказывать крестьянамъ въ правѣ пользованія ими.

Отъ пастбищъ же зависѣло состояніе крестьянскаго скота. Скотъ опять же былъ для нихъ полезенъ не только какъ поставщикъ молока, мяса и кожи, но прямо необходимъ въ земледѣліи какъ источникъ удобренія. Лѣса служили крестьянину для охоты, доставляли дрова, хворостъ, а также оказывались хорошимъ пастбищемъ для свиней.

Такимъ образомъ, съ потерей общественныхъ лѣсовъ и пастбищъ, крестьянинъ лишился важнаго подспорья въ хозяйствѣ; въ то же время его угнетали, какъ уже упомянуто, денежныя подати. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что крестьяне разорялись одинъ за другимъ и изгонялись съ насиженныхъ мѣстъ и притомъ не «евреями», а германскимъ дворянствомъ, исповѣдывавшимъ христіанскую религію. Тамъ, гдѣ экономическій процессъ не могъ такъ быстро обездолить крестьянина, какъ этого хотѣлось земельному собственнику, послѣдній часто ускорялъ дѣло кляузами, опираясь на незнакомое крестьянину римское право, которое теперь очень съ руки было землевладѣльцамъ; наконецъ, не гнушались и простымъ физическимъ насиліемъ, не стараясь даже найти для него никакого предлога.

Слѣдствіемъ этого процесса была массовая пролетаризація сельскаго населенія. Пролетаріатъ увеличился еще вслѣдствіе *уничтоженія монастырей*, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, и распущенія дворовыхъ.

До тѣхъ поръ, пока для продуктовъ земледѣлія не было рынковъ, землевладѣльцы могли только употреблять массу съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ ихъ крѣпостными, и такъ какъ они, несмотря на хорошіе желудки, не могли *потребить* всего, справиться со всѣмъ этимъ одни, они приглашали на помощь другихъ— друзей, странствующихъ рыцарей и вооруженную дружину, которая находилась отъ нихъ въ зависимости, составляла ихъ свиту и увеличивала ихъ значеніе и могущество [1]).

Всему этому пришелъ конецъ, когда земельнымъ собственникамъ представилась возможность продавать излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, который они не могли потребить; за это они могли вымѣнять то, что при новыхъ условіяхъ давало больше силы и могущества, чѣмъ свита, именно деньги. Одновременно возростало могущество землевладѣльца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть полиціи. Внутреннія распри становились все рѣже, а потому и дружина дѣлалась излишней. Она стала казаться господину шайкой ненужныхъ ѣдоковъ, которыхъ надо было по возможности сбыть съ шеи. Владѣтельные князья съ своей стороны поощряли распущеніе дружинъ феодаловъ, причемъ иногда добивались этого силой, тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ свита была еще настолько сильна, что могла сдѣлаться для нихъ опасной.

Распущеніе свиты, раскрѣпощеніе крестьянъ и, начиная съ реформаціи, конфискація монастырей, быстро создали огромную массу пролетаріевъ.

2. *Пролетаріатъ.*

Германскіе народы, вторгнувшіеся въ римское государство, перемяли вмѣстѣ съ римскимъ способомъ производства также и возмож-

[1]) Говорятъ, что графъ Варвикъ кормилъ каждый день въ своихъ замкахъ 30.000 человѣкъ. Зато онъ былъ достаточно могучъ для того, чтобы сажать и свергать королей: онъ «дѣлалъ королей» (He was the Kingmaker).

ность сдѣлаться нищими. Уже во время Меровинговъ мы встрѣчаемъ между нищими, кормившимися у церковныхъ воротъ, нѣкоторыхъ, носящихъ франкскія имена [1]).

Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ забота о бѣдныхъ была одной изъ главнѣйшихъ функцій церкви. Но бѣдность была единичнымъ явленіемъ. Хотя и въ средніе вѣка бывали народныя бѣдствія, но они обыкновенно являлись результатомъ набѣга врага, венгра, норманна, или явленія природы, чумы, неурожая и т. п.

Эти бѣдствія распространялись болѣе или менѣе на весь народъ и носили временный характеръ. Только съ начала новаго времени снова возникаетъ пролетаріатъ, какъ особый многочисленный классъ общества, какъ постоянное учрежденіе; то же самое, вѣдь, было и въ эпоху паденія римской республики и во времена императоровъ.

Но между этимъ новымъ и древнимъ пролетаріатомъ существовало различіе. У новаго пролетаріата не было класса, стоящаго ниже его, отъ прямой или косвенной эксплоатаціи котораго онъ могъ бы жить, тутъ не было рабовъ и безправныхъ провинціаловъ. Новѣйшій пролетаріатъ ко времени своего возникновенія не обладалъ никакими верховными правами, отъ продажи которыхъ онъ могъ бы имѣть выгоду, какъ это было у римскаго народа. Новѣйшій пролетаріатъ возникъ не какъ основа господствующихъ, эксплоатирующихъ классовъ, онъ образовался отъ разложенія побѣжденныхъ, эксплоатируемыхъ классовъ. Въ первый разъ въ міровой исторіи мы видимъ въ XV столѣтіи классъ *свободныхъ* пролетаріевъ, образующихъ *низшій* слой общества, классъ, интересы котораго состоятъ не въ томъ, чтобы замѣнить одно классовое господство другимъ, а въ томъ, чтобы уничтожить всякое классовое господство.

Конечно, въ тѣ времена о той великой, всемірно исторической роли, которая выпала на долю пролетаріату, никто не имѣлъ представленія, менѣе всего сами пролетаріи; да иначе и быть не могло!

Что пролетаріи составляли *низшій* классъ общества, они, конечно, слишкомъ ясно сознавали. Они не имѣли собственности, кромѣ своей рабочей силы, и у нихъ не было другого выбора, какъ продавать ее или же умереть съ голода.

---

[1]) Павелъ Ротъ, исторія благотворительности съ древнѣйшихъ временъ до десятаго столѣтія. Эрлангенъ 1850, стр. 185 (по нѣмецки).

Вмѣстѣ съ новымъ товаромъ появились одновременно и покупатели на него: военачальники и купцы. Имъ нуженъ былъ этотъ товаръ для *наемныхъ войскъ и мануфактуръ*. Пролетаризація массъ, совершавшаяся только что изложеннымъ способомъ, была такъ же важна для развитія военнаго дѣла, какъ и для промышленности. Однако, далеко не всѣ люди, сдѣлавшіеся свободными, находили себѣ занятія въ этихъ двухъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Капиталистическія мануфактуры нуждались преимущественно въ искусныхъ рабочихъ, а таковыхъ они находили среди изгнанныхъ крестьянъ, оруженосцевъ, монаховъ лишь самое ограниченное число. Правда, и ремесла начали уже доставлять пролетаріевъ— цеховые мастера уже тогда жаловались на конкуренцію купцовъ, ввозящихъ чужіе товары и распространяющихъ даже продукты отечественной мануфактурной промышленности, не считаясь со старинными правами цеховъ.

Тѣмъ не менѣе ремесленники, въ общемъ, еще чувствовали тогда подъ собою твердую почву. Не удивительно, что капиталисты жаловались на недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, между тѣмъ, какъ повсюду бродили тысячи людей, не имѣвшихъ работы.

Войны, конечно, поглощали большія массы народа; однако, земледѣльческое населеніе, въ большинствѣ случаевъ, успѣло разучиться владѣть оружіемъ, между тѣмъ, какъ именно къ концу среднихъ вѣковъ война стала искусствомъ, которое приходилось уже изучать.

Не каждый могъ теперь быть солдатомъ; а кто разъ становился имъ, тотъ ужъ такъ солдатомъ и оставался и терялъ способность заниматься какимъ либо другимъ ремесломъ. Однако, постоянныя войска въ XV и XVI вѣкахъ были еще очень незначительны. Большинство солдатъ распускалось по окончаніи войны. Потерявъ способность къ мирному труду, одичавшіе и озвѣрѣвшіе, эти праздные отставные солдаты повсемѣстно сѣяли ужасъ; никто не желалъ имѣть съ ними дѣло. Отъ нужды и съ отчаянія они легко рѣшались на свой рискъ и страхъ производить въ малыхъ размѣрахъ то самое, что въ большомъ масштабѣ они дѣлали для своихъ «кондотьери» [1]).

---

[1]) Подобно тому, какъ гигантскія постройки и техническія сооруженія нашихъ дней, какъ то каналы и т. п., производятся подрядчиками, созывающи-

Они становились разбойниками. Само собою разумѣется, что отъ нихъ наиболѣе доставалось самому беззащитному классу населенія—крестьянамъ. Будучи сами порожденіемъ процесса пролетаризаціи массъ, они съ другой стороны этимъ опять-таки сами способствовали этому процессу [1]). Нужда заставляла людей, лишенныхъ работы и даже не умѣвшихъ владѣть оружіемъ, приняться за подобнаго же рода дѣятельность. Бродяжничество и мошенничество сдѣлались общимъ бичемъ, разбойники и воры наводнили всѣ дороги.

Напрасно жесточайшими кровавыми законами пытались положить этому бродяжничеству конецъ. Этимъ нельзя было создать работъ, процесса пролетаризаціи земледѣльческаго населенія эти законы также не могли остановить. Всѣ попытки, направленныя къ тому, чтобы защитить крестьянина отъ крупнаго землевладѣльца, кончались ничѣмъ. Несмотря на всѣ законы и распоряженія, несмотря на висѣлицу и колесованіе, голодъ и одичалость въ массахъ нисколько не уменьшались.

3. Крѣпостная зависимость и товарное производство.

Судьба крестьянъ, оставленныхъ на своихъ дворахъ, была немногимъ лучше той, которая досталась въ удѣлъ ихъ насиль-

---

ми цѣлыя арміи рабочихъ, такъ въ XIV и XV вѣкахъ въ Италіи крупные подрядчики, располагавшіе хорошими войсками, принимали на себя сраженія, осаду городовъ и вообще удовлетворяли военнымъ потребностямъ «мирной» торговли, впрочемъ, конечно, за приличное вознагражденіе. Такіе крупные подрядчики военнаго ремесла назывались «кондотьери».

[1]) То же самое можно сказать также о тогдашнихъ войнахъ. Въ Германіи пролетаризація массъ приняла обширные размѣры послѣ крестьянскаго возстанія, между тѣмъ какъ развитіе капиталистическаго производства и колоніальной политики было на время подавлено тѣмъ, что пути міровыхъ сношеній подверглись въ то же время коренному измѣненію. Потому-то пролетаріатъ и не могъ найти выхода въ промышленности и колоніяхъ, куда въ другихъ странахъ обыкновенно оттекаетъ его излишекъ, и потому ему оставалось только заняться войной и грабежами. Въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ продолжительности 30-лѣтней войны. Война эта находила поддержку въ массѣ пролетаріевъ, пополнявшихъ наемныя войска. Сама же по себѣ война эта разоряла новыхъ крестьянъ, создавала новыхъ пролетаріевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давала новый контингентъ наемниковъ. Поэтому воюющія стороны исчерпывали источники своихъ армій лишь тогда, когда крестьянское сословіе почти совершенно исчезало. Тогда, конечно, неоткуда было доставать и солдатъ.

ственно раскрѣпощеннымъ братьямъ. Во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Англіи, крестьянство совершенно исчезло: его замѣнилъ фермеръ-капиталистъ, хозяйничающій при помощи наемныхъ батраковъ, которыхъ теперь можно было достать сколько угодно.

Тамъ, гдѣ крестьянъ нельзя было замѣнить поденщиками, тамъ сами они принуждены были стать на ихъ положеніе. Въ средніе вѣка феодальный владѣтель нуждался въ своихъ крестьянахъ. Чѣмъ больше крестьянъ, тѣмъ сильнѣе и его могущество. Когда города окрѣпли настолько, что оказались въ состояніи защищать бѣжавшихъ къ нимъ крестьянъ отъ ихъ господъ, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крестовые походы удалили изъ страны массу населенія, тяготившагося крѣпостной зависимостью, и вообще количество народонаселенія сильно уменьшилось, тогда поневолѣ самимъ господамъ пришлось создавать болѣе благопріятныя условія жизни для того, чтобы удержать на землѣ людей и, тѣмъ болѣе, привлекать къ себѣ новыхъ пришельцевъ. Этимъ-то объясняется улучшеніе быта крѣпостныхъ въ XIII вѣкѣ.

Начиная съ XIV вѣка, крестьянинъ становится господину все болѣе и болѣе въ тягость, и потому положеніе его замѣтно измѣняется къ худшему. Если его не гонятъ прочь, то лишь потому, что хотятъ замѣнить имъ поденщика. Усадебныя угодья крестьянскаго двора урѣзываются, на ихъ счетъ увеличивается область хозяйничанья господина, иногда крестьянину оставляютъ только хижину и немного земли подъ садъ. Конечно, *барщина*, которую крестьянину приходилось отбывать, соотвѣтствующему сокращенію не подвергалась: наоборотъ, она непомѣрно увеличилась. Производство для *собственнаго потребленія* имѣетъ извѣстныя границы, даже въ томъ случаѣ, если работа на нужды потребителей оказывается принудительной. Напротивъ того, *товаропроизводство* съ принудительнымъ характеромъ работы отличается тѣмъ же любостяжеміемъ, что и капитализмъ: денегъ никогда нельзя имѣть довольно! Однако, крѣпостной трудъ не регулируется, какъ трудъ свободнаго рабочаго, сопротивленіемъ и недовольствомъ рабочаго, а капитализму съ этимъ обстоятельствомъ очень и очень приходится считаться.

Поэтому товаропроизводство съ принудительнымъ характеромъ труда является отвратительнѣйшей формой эксплоатаціи рабочей силы вообще. Восточное патріархальное рабство оказывается идилліей

сравнительно съ тѣмъ рабствомъ, которое господствовало на плантаціяхъ хлопка и сахарнаго тростника южныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Потому-то крѣпостная зависимость феодальнаго періода была несравненно легче чѣмъ та, которая замѣнила ее въ эпоху развитія товарнаго производства [1]).

Капиталистическій способъ производства въ городахъ иногда способствовалъ усиленію тягостей крѣпостной зависимости. Капитализмъ нуждался для своего развитія въ массовомъ подвозѣ сырья, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло осилить лишь крупное земледѣльческое хозяйство съ крѣпостными крестьянами; крѣпостничество въ Европѣ дѣйствительно въ извѣстныя эпохи являлось такимъ же условіемъ существованія капиталистическаго производства, какъ впослѣдствіи рабство въ Америкѣ [2]).

Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ соперничаніе крупнаго землевладѣнія и капитала, которые наперерывъ другъ передъ другомъ стараются заслужить любовь рабочаго класса: «я являюсь естественнымъ защитникомъ рабочаго», восклицаетъ первый, «я требую, чтобы каждый имѣлъ прочное положеніе въ обществѣ, чтобы пролетаріевъ не существовало»; «не слушай заманчивыхъ восклицаній», убѣждаетъ рабочаго второй, т. е. капиталистъ, «вѣдь я, а никто иной, вырвалъ тебя изъ ярма крѣпостной зависимости».

На самомъ же дѣлѣ землевладѣніе и капитализмъ ни въ чемъ не могутъ другъ друга упрекнуть, не только капиталъ, но и помѣщикъ способствовали «освобожденію» рабочаго отъ земли. А тамъ, гдѣ капиталу крѣпостничество и рабовладѣльчество было на руку, онъ ими обоими очень и очень увлекался.

---

[1]) Срав. К. Марксъ. Капиталъ. I глава: «Фабрикантъ и бояринъ».

[2]) Еще въ 1847 г. Марксъ могъ писать слѣдующее: «непосредственное рабство является для буржуазной промышленности такой же необходимостью, какъ машины и т. п. Безъ рабства нѣтъ хлопка, безъ хлопка нѣтъ современной промышленности. Только рабовладѣльчество придало колоніямъ ихъ значеніе: колоніи создали міровую торговлю, и міровая торговля является условіемъ крупной промышленности. (Марксъ, «Нищета философіи», изданіе Зябицкаго и Пятина. Спб. 1898 г.). Еще четыре десятилѣтія тому назадъ, во время войны за освобожденіе, англійскіе капиталисты доказывали, что рабовладѣльчествомъ южныхъ штатовъ держится вся крупная промышленность Англіи. Последнее издание «Нищеты философии» вышло в URSS в 2010 г.

4. *Новое дворянство, съ экономической точки зрѣнія, является лишнимъ.*

Усиленное производство товаровъ повело къ тому, что феодальный строй сталъ служить возможной эксплоатаціи батрака-земледѣльца, котораго нельзя уже называть крестьяниномъ.

Въ то время какъ усиливался гнетъ крѣпостничества, надобность въ феодальномъ дворянствѣ быстро падала. Въ средніе вѣка не только владѣлецъ нуждался въ крестьянинѣ, но и тому нуженъ былъ феодальный господинъ, защищавшій его отъ насилій, снимавшій съ него часть судебныхъ и административныхъ обязанностей въ общинѣ и, что самое главное, освобождавшій его отъ гнета воинской повинности.

По мѣрѣ возникновенія современнаго типа государствъ, причины, заставлявшія крестьянина въ началѣ эпохи среднихъ вѣковъ искать покровительства у сильныхъ, становились все болѣе и болѣе шаткими. По мѣрѣ усиленія въ государствѣ центральной власти, по мѣрѣ подавленія полиціей внутреннихъ раздоровъ, крестьянинъ переставалъ ощущать потребность въ господинѣ, который бы могъ защитить его отъ сильныхъ враговъ. Да къ этому времени дворянство перестало уже и владѣть самостоятельной военной дружиной. Теперь защитникомъ и покровителемъ сдѣлался тотъ, противъ кого бы, по настоящему, слѣдовало искать болѣе всего защиты.

Феодальный властелинъ снялъ съ крестьянина бремя воинской повинности и взвалилъ его на себя. Современное государство сняло въ свою очередь это бремя съ феодала и вновь взвалило его на крестьянина. На мѣсто рыцарскаго ополченія, какъ уже было сказано, стало наемное войско, вербовавшееся среди крестьянскаго населенія: ряды арміи наполняли разоренные или, если этотъ источникъ изсякалъ, то и настоящіе хозяйствующіе крестьяне. Вскорѣ добровольный наборъ началъ производиться почти насильственно, причемъ этого насилія вовсе не скрывали. Крестьянину, кромѣ того, вмѣнялось въ обязанность содержать армію; солдаты располагались у него въ домѣ, и къ податямъ, взимаемымъ феодаломъ и церковью, присоединялись еще общегосударственные налоги, шедшіе, главнымъ образомъ, на содержаніе арміи. Конечно, дворянство еще не переставало кичиться тѣмъ, что оно представляетъ изъ себя сосло-

віе, призванное защищать отечество, однако, въ немъ только и оставалось рыцарскаго—это его привилегія занимать хорошо оплачивавшіяся офицерскія должности.

Землевладѣніе все болѣе и болѣе теряло вліяніе на административное и судебное управленія: они достались въ удѣлъ бюрократіи, содержать которую пришлось опять таки тому же крестьянину. То, что еще оставалось отъ старинныхъ патріархальныхъ судовъ у феодаловъ, собственно говоря, сдѣлалось лишь новымъ источникомъ для эксплоатаціи населенія.

Изъ всѣхъ тѣхъ услугъ, которыя дворянство когда-то оказывало крестьянину и за что оно отъ него, съ своей стороны, требовало взаимности, не осталось ни одной, между тѣмъ какъ обязанности крестьянина возросли въ огромной степени.

Наконецъ, феодальныя ограниченія и гнетъ сдѣлались настоящимъ тормазомъ производительности, такъ что послѣдняя стала настойчиво требовать, чтобы сельское товаропроизводство совершенно освободилось отъ своего феодалистическаго характера. Способъ пріобрѣтенія имущества, практиковавшійся феодалами, сталъ въ противорѣчіе съ требованіями новаго способа производства товаровъ. Феодальное дворянство, давно уже сдѣлавшееся излишнимъ, съ этой точки зрѣнія стало уже прямо-таки вреднымъ, и потому историческая необходимость требовала его устраненія.

Мы не можемъ ближе остановиться здѣсь на дальнѣйшемъ развитіи этого процесса, такъ какъ въ интересующую насъ теперь историческую эпоху зародыши этого движенія только лишь начинали проявляться. Первымъ, и если не по формѣ своей, то, по крайней мѣрѣ, по своей конечной цѣли, робкимъ протестомъ противъ зарождавшагося новаго, только что описаннаго нами измѣненія въ характерѣ современнаго феодализма (т. е. его приспособленія въ производствѣ товаровъ) оказались *крестьянскія войны*. Онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ изъ себя послѣднія предсмертныя судороги умиравшей общины; однако, въ нихъ слѣдуетъ также усматривать и первые зародыши великой революціи 1789 года.

5. Рыцарство.

Между высшимъ дворянствомъ и крестьяниномъ стояло низшее дворянство—рыцари, представлявшіе изъ себя, по большей части,

потомковъ старыхъ, свободныхъ крестьянъ, которые, по какимъ-либо благопріятнымъ обстоятельствамъ, сумѣли сохранить свою свободу. Конечно, освободиться отъ вассальной зависимости, въ которой они находились у болѣе могущественнаго феодала, имъ не удавалось, однако, они все-таки были свободны отъ земельныхъ податей и повинностей [1]).

Рыцарь въ то время занималъ такое же положеніе между могущественнымъ феодаломъ и крестьяниномъ, какъ въ настоящее время мелкій буржуа стоитъ между капиталистомъ и рабочимъ. И роль его была такая же неопредѣленная; сегодня онъ соединялся съ крестьяниномъ противъ феодала, для того, чтобы завтра соединиться съ княземъ противъ крестьянъ, когда они начинали казаться ему опасными. Типомъ такого рыцаря является Гецъ ф. Берлихингенъ (воспѣтый Гёте). Конечно, не было также недостатка и въ такихъ рыцаряхъ, которые вполнѣ и совершенно стояли за дѣло крестьянъ: кто не слышалъ, напр., о Флоріанѣ Гейерѣ? Однако, въ большинствѣ случаевъ они были для крестьянъ очень ненадежной опорой. Даже отношеніе самого Ульриха ф. Гуттена къ крестьянамъ было далеко не очень опредѣленнымъ.

Поддерживало ли рыцарство интересы крестьянъ или крупныхъ феодаловъ, его гибель, какъ самостоятельнаго класса, тѣмъ не менѣе никакъ не могла быть предотвращена. Либо рыцарю удавалось подняться до класса крупныхъ феодаловъ, т. е. столь увеличить свои владѣнія, чтобы возможно было заняться производствомъ товаровъ, или же его владѣнія оказывались столь незначительными, что дѣлались добычею болѣе могущественнаго сосѣда,—во всякомъ случаѣ имущество рыцаря всегда оказывалось недостаточнымъ, чтобы дать ему возможность вести образъ жизни «приличествующій его сану». Такимъ образомъ рыцарю оставалось одно—исчезнуть изъ рядовъ феодаловъ и искать въ городахъ куска хлѣба, занимаясь торговлей, или, что считалось менѣе унизительнымъ, поступить въ дворню могущественнаго господина со званіемъ литератора. На самомъ дѣлѣ такіе литераторы представляли изъ себя нѣчто въ

[1]) Г. Л. Ф. Мауреръ. «Введеніе въ исторію устройства общины, двора, деревни, города и общественной власти». Мюнхенъ. 1854. Стр. 236 и далѣе нѣмецкаго оригинала. Рус. пер.: Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

родѣ высшихъ лакеевъ и личныхъ тѣлохранителей князя. Такимъ образомъ рыцарь становился придворнымъ или ландскнехтомъ (наемникомъ).

Въ Испаніи, Англіи и другихъ странахъ колоніальная политика открыла низшему дворянству удобный случай достигнуть своего идеала, т. е. обогатиться, ничего не дѣлая. Кулачное право, которому дома уже былъ положенъ предѣлъ, въ колоніяхъ и въ морскомъ разбоѣ достигло пышнаго расцвѣта.

Наряду съ купцомъ и низшее дворянство стало могучей пружиной для развитія колоніальной политики.

Само собою разумѣется, что приспособленіе низшаго дворянства къ новому способу производства такъ же точно не могло обойтись безъ тяжелыхъ конвульсій, какъ и другіе соціальные перевороты эпохи реформаціи. Рыцарство упорно стремилось сохранить свою самостоятельность, что, однако, оказывалось возможнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда феодальный способъ производства могъ сохранить свои первоначальныя формы. Между тѣмъ, рыцарство начало ощущать новыя потребности, которыя были вызваны господствующими классами, благодаря развитію товаропроизводства: требованія къ жизни, предъявлявшіяся рыцарствомъ, становились все больше, рессурсовъ же удовлетворить имъ на почвѣ феодальнаго способа производства становилось меньше и меньше. Когда, съ другой стороны, рыцарство стремилось продолжать тотъ образъ жизни, къ которому привыкло во времена феодализма, то несоотвѣтствіе его съ фактическимъ положеніемъ вещей увеличивалось въ еще большей мѣрѣ.

Контрастъ между тѣмъ, чего рыцарству хотѣлось, и тѣмъ, чего оно могло достичь, становился все острѣе и острѣе—онъ является характерной особенностью начала новой исторіи; несоотвѣтствіе это принимало иногда трагическія формы, однако, сословію тогдашнихъ городскихъ литераторовъ, которое расточало лесть новому богу—деньгамъ, дѣло казалось совершенно инымъ. Рыцарь вмѣстѣ съ монахомъ и крестьяниномъ являлся представителемъ стариннаго феодальнаго способа производства. Каждое изъ этихъ трехъ сословій служило предметомъ презрѣнія и ненависти населенія большихъ городовъ, въ которыхъ концентрировалась умственная жизнь. Однако, до тѣхъ поръ, пока городское населеніе оставалось революціоннымъ,

оно не имѣло въ себѣ ничего малодушнаго, льстиваго. Нравственное возмущеніе рѣдко служило ему орудіемъ борьбы. Оно боролось съ врагами шутками и насмѣшками. Глупый мужикъ, праздный попъ, опустившійся, гордый въ своей нищетѣ рыцарь оказываются излюбленными дѣйствующими лицами литературы возрожденія и слѣдующихъ за нею эпохъ.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ ними въ Италіи, гдѣ новый способъ производства началъ развиваться раньше всего; однако, вскорѣ эти типы дѣлаются достояніемъ литературы всей Европы. Начиная съ Декамерона (появился въ 1352 или 1353 г.) Бокаччіо, до Донъ-Кихота (вышелъ въ свѣтъ въ 1604 г.) Сервантеса мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ высмѣивается то одно изъ вышеназванныхъ сословій, то другое, а то и всѣ три вмѣстѣ.

Въ настоящее время большинство изъ этихъ литературныхъ произведеній забыто. Только двѣ фигуры, являющіяся веселой надгробной рѣчью рыцарству, знакомы въ настоящее время каждому, они стали для насъ безсмертными—это Донъ-Кихотъ и Фольстэфъ (изъ «Виндзорскихъ кумушекъ» Шекспира; по-русски обыкновенно неправильно называется Фальстафомъ).

«Виндзорскія кумушки» (написаны въ 1602 г.) въ настоящее время большинству читателей представляются невинной комедіей, между тѣмъ, какъ онѣ олицетворяютъ суровую борьбу между сословіями, которую геніальный авторъ сумѣлъ облечь юморомъ, бьющимъ ключомъ. Мы не знаемъ въ настоящее время, задавался ли Шекспиръ цѣлью провести посредствомъ этой комедіи политическую тенденцію; однако, онъ сумѣлъ изобразить то, что видѣлъ передъ своими глазами—борьбу между отживающимъ свой вѣкъ рыцарствомъ, не желавшимъ приспособиться къ укладу жизни горожанъ, и поднимавшей голову буржуазіей, представительницы которой оказываются и умнѣе, и даже храбрѣе, чѣмъ рыцарь безъ страха и упрека. «Виндзорскія кумушки» оказываются самодовольнымъ торжествующимъ кликомъ побѣдоносной буржуазной революціи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Церковь.

1. Необходимость и могущество церкви въ средніе вѣка.

Классовыя противорѣчія, которыя мы старались намѣтить въ предыдущихъ главахъ, на пути къ своему развитію принимали самыя разнообразныя формы, чрезвычайно сильно мѣнялись въ зависимости отъ времени и мѣста, комбинируясь сообразно внѣшнимъ условіямъ, историческимъ традиціямъ, степени умственнаго развитія и временнымъ интересамъ.

Тѣмъ не менѣе, сколь бы запутанной ни могла бы казаться намъ, благодаря всему этому, исторія XV и XVI вѣковъ, черезъ нее красною нитью проходитъ девизъ, характеризующій всю эту эпоху: *борьба съ папскою церковью* [1]).

Церковь представляла изъ себя первенствующее могущество феодальнаго періода: вмѣстѣ съ феодализмомъ должна была рухнуть и она.

Когда германцы вторглись въ римскую имперію, тогда церковь стала имъ поперекъ дороги, претендуя на наслѣдіе цезарей и являясь организаціей, сдерживающей государство, она же являлась представительницей производительности въ эпоху паденія власти императоровъ. Какъ бы жалко государство ни было, какъ бы ничтожна ни была и производительность, оба они стояли значительно выше политическихъ и экономическихъ условій, господствовавшихъ у варварскихъ германскихъ племенъ. Послѣдніе въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ стояли головою выше выродившагося Рима, однако, они попались на удочку его благосостоянія и сокровищъ. Грабежъ не является способомъ производства, хотя многіе экономисты, повидимому, и раздѣляютъ эту точку

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать понятія о церкви съ религіей. О послѣдней рѣчь будетъ впереди.

зрѣнія. Простое ограбленіе римлянъ не могло на долгое время удовлетворить германцевъ, и они начали заниматься производствами, заимствуя ихъ у тѣхъ же римлянъ. Чѣмъ болѣе они этимъ занимались, тѣмъ болѣе, однако, они, незамѣтно для себя, попадали въ зависимость церкви, потому что она то и являлась ихъ истинной просвѣтительницей, и вотъ тутъ-то и встрѣтилась надобность въ государственной организаціи, соотвѣтствовавшей этому новому способу производства, а такой организаціи не могла въ то время дать никакая другая власть, кромѣ церковной.

Церковь научила германцевъ лучшимъ методамъ земледѣлія: до позднѣйшихъ эпохъ среднихъ вѣковъ монастыри представляли изъ себя образцовыя земледѣльческія хозяйства. Духовныя лица, равнымъ образомъ, познакомили германцевъ съ искусствами и усовершенствованными ремеслами; подъ покровительствомъ церкви благоденствовалъ не только одинъ крестьянинъ, она оказывала защиту также и большинству городовъ, пока тѣ не почувствовали сами въ себѣ достаточно силы, чтобы защищаться. Особенно церковь благопріятствовала торговлѣ [1]).

Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что вообще всякое знаніе въ тѣ времена находило убѣжище въ церкви—она доставляла архитекторовъ, инженеровъ, врачей, историковъ, дипломатовъ и т. д.

---

[1]) Великіе рынки въ большинствѣ случаевъ устраивались въ самихъ церквахъ или близъ нихъ. Церковь всячески заботилась о томъ, чтобы привлекать на эти рынки покупателей. Она же представляла изъ себя, въ эпоху средневѣковья, единственную сильную организацію, которая заботилась о содержаніи великихъ торговыхъ путей и облегчала движеніе по нимъ, благодаря гостепріимству монастырей. Многіе изъ нихъ, напр., убѣжища на альпійскихъ горныхъ проходахъ, служили почти исключительно торговымъ цѣлямъ. Торговыя сношенія казались церкви столь важными, что она не остановилась, для оживленія и поддержанія ихъ, войти въ соглашеніе съ другимъ факторомъ, подобно ей являвшимся въ германскихъ государствахъ представителемъ культуры павшаго Рима. Этимъ факторомъ являлось *еврейство*. Папы долгое время защищали и поддерживали его вообще въ тѣ времена, когда нѣмцы представляли изъ себя еще чистыхъ, неиспорченныхъ германцевъ; они съ радостью принимали у себя евреевъ и всячески старались привлечь ихъ къ себѣ, видя въ нихъ представителей высшей культуры. Лишь въ то время, когда германскіе купцы-христіане точно также научились орудовать своими дѣлишками, какъ и сами евреи, они стали ихъ преслѣдовать.

Вся матеріальная и умственная жизнь имѣла въ то время своимъ источникомъ церковь; неудивительно поэтому, что она уже заполоняла человѣка совершенно, что она не только опредѣляла его мысли и чувства, но контролировала и предначертывала рѣшительно всѣ его поступки. Не только рожденіе, бракъ, смерть давали ей поводъ вмѣшиваться въ жизнь, даже рабочіе и праздничные дни контролировались и распредѣлялись ею.

Однако, экономическое развитіе заставляло прибѣгать къ услугамъ церкви не только *отдѣльное лицо и семейство,* но также и цѣлое *государство.*

Мы уже указывали на то, что переходъ германцевъ къ высшей формѣ производства, къ болѣе раціональному земледѣлію и къ городскимъ ремесламъ сдѣлалъ необходимымъ также соотвѣтствующее измѣненіе и государственнаго устройства. Однако, германцы такъ быстро перешли къ этому новому способу производства, особенно въ романскихъ странахъ, Италіи, Испаніи и Галліи, гдѣ они нашли эти методы пустившими прочные корни у туземнаго населенія, что они, конечно, не были въ состояніи создать новые органы государственности изъ своихъ примитивныхъ правовыхъ формъ. Церковь, представлявшая изъ себя политическую организацію уже во время постепеннаго паденія римской имперіи, церковь, тогда уже объединявшая государство, почти исключительно завладѣла теперь государственными функціями. Она создала монарха изъ прежняго вождя германцевъ, бывшаго только демократическимъ предводителемъ народа и полководцемъ; однако, по мѣрѣ того, какъ росло могущество монарха надъ народомъ, росла и власть церкви надъ монархомъ. Онъ сталъ ея куклой, а сама церковь изъ учительницы стала повелительницей.

Средневѣковая церковь представляла изъ себя, по преимуществу, политическую организацію. Расширенію ея могущества соотвѣтствовало также и расширеніе государственной власти. Основаніе монархомъ епископіи въ языческой странѣ вовсе не обозначало исключительнаго желанія дать язычникамъ возможность пользоваться всѣми вспомогательными средствами для усвоенія новой вѣры и молитвословія: ради этого Карлъ Великій не сталъ бы разорять франкскихъ крестьянъ и не истреблялъ бы безчисленныхъ полчищъ саксовъ, да и саксы, отличавшіеся, какъ и большинство язычниковъ, большей

вѣротерпимостью, не стали бы ради этого оказывать христіанству сопротивленія, продолжавшагося нѣсколько десятилѣтій и кончившагося полнымъ ихъ разореніемъ и истощеніемъ. Основаніе епископіи въ языческой странѣ было равносильно распространенію тамъ римскаго метода производства и сводилось къ поглощенію этой страны государствомъ, основавшимъ епископію.

Чѣмъ болѣе германцы совершенствовались въ производствѣ товаровъ, которое ко времени паденія римской имперіи стояло у нихъ необычайно низко, тѣмъ болѣе государство и народъ ощущали потребность въ церкви. Она была полезна тому и другому, однако, мы не хотимъ этимъ сказать, что она пользовалась своимъ положеніемъ исключительно въ интересахъ тѣхъ элементовъ, которые находились въ ея зависимости, и была совершенно чужда эгоизму. Напротивъ того, она заставляла исправно оплачивать свои попеченія: единственная общая подать, которую мы повсемѣстно встрѣчаемъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, была «десятина» въ пользу церкви. Однако въ эпоху среднихъ вѣковъ главнѣйшимъ источникомъ могущества и доходовъ была, какъ мы уже слышали, *земельная собственность*. Церковь обнаруживала такую же жадность въ своемъ стремленіи захватить людей и земли, какъ это характерно и для дворянства, и она также, подобно дворянству, старалась пріобрѣтать землю и подчинять себѣ ея обитателей. Земельныя угодья, которыми церковь владѣла во времена римскаго владычества, она большей частью сохранила и при германцахъ, которые, вторгнувшись въ страну, однако, не лишили церкви ея владѣній. Церковь давала такую же защиту, какъ и дворянство, и даже, быть можетъ, лучшую, поэтому много крестьянъ подчинилось ей добровольно. Церковь управляла, наконецъ, и самимъ государствомъ, такъ какъ совѣтниками королей состояли духовные. Неудивительно потому, что короли часто поддавались этимъ совѣтникамъ и уступали церкви коронное имущество. Въ покоренныхъ странахъ значительное обезпеченіе монастырей и епископій землею стало прямо-таки условіемъ, вызываемымъ необходимостью. Кромѣ того, церковь являлась единственною силою, которую королевская власть могла противопоставить дворянству; когда послѣднее начинало становиться черезъ-чуръ заносчивымъ, тогда королевской власти только и оставалось ослаблять дворянство передачею части его земли въ полное или въ ленное

владѣніе церкви. А тамъ, гдѣ церковь только чувствовала свою силу, она не ждала, пока королю или дворянству заблагоразсудится увеличить ея благосостояніе, напротивъ того—она брала все, что могла взять, и оправдывала свой насильственный захватъ, въ томъ случаѣ, если ей ставили его на видъ какою-нибудь поддѣльною дарственною записью. Не даромъ же она одна въ тѣ времена обладала искусствомъ чтенія и письма! [1]).

Казалось бы церкви было предназначено сдѣлаться единственной обладательницей всей земельной собственности. Однако, тутъ было изыскано средство, помѣшавшее деревьямъ залѣзать подъ облака. Дворянство всегда чувствовало къ церкви вражду; когда церковныя владѣнія становились уже слишкомъ обширными, тогда и королевская власть начинала ощущать неловкость и старалась обуздать церковь при помощи дворянства. Нашествія магометанъ и язычниковъ точно также прежде всего ослабляли церковь [2]).

---

[1]) Поддѣлка документовъ въ средніе вѣка являлась такимъ же удобнымъ средствомъ для узаконенія захвата земли, какимъ нынѣ считается ссуда подъ ростовщическіе проценты, тяжбы и т. п. Бенедиктинскій монахъ Домъ-Вейсіеръ, жившій въ XVIII вѣкѣ, увѣряетъ, что изъ 1.200 заемныхъ документовъ, изслѣдованныхъ имъ въ абатствѣ Ландевенекъ въ Бретани, по крайней мѣрѣ 800 подложныхъ. Сколько на остальные 400 приходится подлинныхъ, объ этомъ онъ не рѣшается высказать рѣшительнаго сужденія.

[2]) Монтескье очень рѣшительно описываетъ это волнообразное измѣненіе могущества церкви во Франціи, связанное съ расширеніемъ или, напротивъ, уменьшеніемъ церковныхъ земель: «Духовенство получило такъ много, что при трехъ французскихъ династіяхъ (меровингахъ, каролингахъ и капетингахъ), навѣрно, ей по нѣсколько разъ дарили всѣ помѣстья королевства. Однако, если король, дворянство или народъ находили средства и поводъ дарить церкви всѣ свои имѣнія, они выискивали не меньше средствъ отнимать ихъ опять обратно. Благочестіе временъ меровинговъ выразилось въ постройкѣ массы церквей; однако, воинственный духъ того времени заставлялъ церковныя имущества переходить въ собственность военныхъ, которые, въ свою очередь, дѣлили ихъ между своими дѣтьми. Сколько земель духовенство потеряло такимъ образомъ! У каролинговъ также рука дающаго не оскудѣвала, и они благотворили, не зная границъ. Но вотъ явились норманны, они грабятъ и расхищаютъ все, преслѣдованіе ихъ направлено, главнымъ образомъ, противъ священниковъ и монаховъ, они повсюду ищутъ аббатства и стараются выслѣдить гдѣ-нибудь какое-либо священное мѣсто. Опять-таки при такихъ условіяхъ духовенству пришлось утратить не мало земель! Не много тогда даже и осталось-то лицъ духовнаго сословія, которыя могли бы потребовать себѣ

Истинные размѣры такой собственности, которые къ тому же все время подвергались измѣненію, очень трудно теперь опредѣлить: вѣдь, не существовало же тогда ничего похожаго на статистическія записи. Въ общемъ можно признать, что въ средніе вѣка *одна треть* земли находилась въ рукахъ церкви [1]).

Земельное богатство церкви являлось результатомъ ея экономическаго и политическаго могущества. Съ другой стороны, это богатство также способствовало расширенію ея могущества.

Мы раньше уже указывали на то, какую силу представляло въ средніе вѣка пользованіе землею. Все, что мы объ этомъ говорили, не только въ равной, но скорѣе еще въ большей мѣрѣ относится и къ церкви. Ея земли были наилучше обработанными, на нихъ больше всего жило поселянъ, и доходъ и могущество, получаемые церковью изъ земли, значительно превосходили то, что могли извлечь изъ такого же количества земли дворянство и король. Однако, доходы выражались преимущественно въ сырьѣ, а какъ его утилизировать? Какъ бы ни усердствовали господа монахи и прочій клиръ, всего, что имъ давали, они все-таки не въ состояніи были пожрать. Правда, аббатамъ и епископамъ такъ же приходи-

---

обратно захваченное имущество. Потому благочестіе каппетинговъ опять-таки имѣло достаточное число поводовъ къ тому, чтобы основать новые монастыри и раздавать имъ землю... Духовенство всегда пріобрѣтало, утрачивало свои пріобрѣтенія и въ настоящее время точно также старается пріобрѣтать» (Монтескье, «Духъ законовъ», 31 книга, глава X).

[1]) Во Франціи записи о размѣрахъ церковныхъ имуществъ были сдѣланы въ эпоху великой революціи. Согласно имъ, владѣнія церкви были особенно обширны въ провинціяхъ, захваченныхъ въ 1665 году. Въ Камбрези ей принадлежало $^{14}/_{17}$ всей земли, въ Эннего и Артуа три четверти, въ Франшконте, Руссильонѣ и Эльзасѣ половина, въ другихъ провинціяхъ треть или же, по крайней мѣрѣ, четверть всѣхъ земельныхъ угодій (Луи Блянъ, «Исторія французской революціи», Брюссель, 1847, I, 423). Со временъ реформаціи земельное имущество церкви во Франціи врядъ ли особенно увеличилось.

О невѣроятномъ расширеніи земельныхъ владѣній церкви въ *Германіи* можно составить себѣ понятіе хотя бы изъ того, что еще въ 1786 году церковныя территоріи, состоявшія непосредственно въ вѣдѣніи имперіи, составляли 1424 кв. миль. Въ этотъ расчетъ, стало быть, не входятъ значительныя церковныя имущества свѣтскихъ католическихъ государствъ, какъ-то: Баварія и Австрія, а также не приняты во вниманіе тѣ владѣнія, которыя были отобраны у церкви въ протестантскихъ странахъ.

лось исполнять феодальныя повинности, какъ и свѣтскимъ князьямъ; они должны были, подобно послѣднимъ, содержать вооруженную свиту и нерѣдко являться на ленную службу; однако, церковь лишь изрѣдка проявляла такую воинственность, чтобы ея военная сила могла поглотить большую часть доходовъ. Средства, которыми она дѣйствовала, заключались въ нравственныхъ преимуществахъ, въ той экономической и политической необходимости ея, которая всѣмъ была тогда ясна. Церкви приходилось поэтому тратить тогда меньше средствъ на военныя надобности, нежели дворянству, а доходы ея, между тѣмъ, были больше. Ей не только принадлежало больше земель, но она, кромѣ того, пользовалась десятиною (10%) и съ тѣхъ земель, которыя ей прямо не принадлежали. Потому церковь не была такъ сильно, какъ дворянство, заинтересована въ томъ, чтобы довести систему поборовъ до возможной эксплоатаціи населенія. Она, напротивъ того, въ общемъ, относилась къ крѣпостнымъ мягче; подъ пастырскимъ кривымъ посохомъ жилось обыкновенно недурно, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ подъ мечемъ князя, жаднаго до войны и охоты. Несмотря, однако, на эту сравнительную умѣренность въ поборахъ, церковныя учрежденія, все-таки, накапливали избытокъ свѣстныхъ припасовъ и съ послѣдними въ то время не оставалось ничего другого дѣлать, какъ заботиться и *призрѣвать бѣдныхъ*.

Церкви въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, пришлось только удержаться на традиціяхъ, унаслѣдованныхъ со временъ римской имперіи. Когда эта послѣдняя постепенно начинала клониться къ упадку, въ ней соотвѣтственно этому возросталъ пауперизмъ (обѣдненіе), и призрѣніе бѣдныхъ стало одной изъ существеннѣйшихъ обязанностей и заботъ государства. Однако, старый, языческій строй государства оказался неприспособленнымъ къ этой цѣли; забота о бѣдныхъ досталась новой организаціи, явившейся слѣдствіемъ измѣненныхъ условій общежитія — именно церкви. Попеченіе о бѣдныхъ, явившись результатомъ экономическихъ причинъ, сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ функцій ея и главнымъ образомъ этому обстоятельству церковь обязана быстрымъ ростомъ своего могущества и богатства. Благотворительныя учрежденія, основывавшіяся частными лицами, общинами или государствомъ, передавались церкви въ управленіе или просто дарились ей. По

мѣрѣ того, какъ росло число неимущихъ, росла и зависимость ихъ отъ церкви, а такъ какъ понемногу къ неимущимъ начинала принадлежать все большая и большая часть народа, то и вліяніе церкви на народъ становилось все значительнѣе.

Подарки и регулярные взносы церкви преслѣдовали обыкновенно опредѣленную цѣль: служить поддержанію бѣдныхъ. Такъ, напримѣръ, расходованіе десятины было точно регулировано: ее нужно дѣлить на четыре части: одна доставалась епископу, другая—низшему духовенству, третья шла на общественное богослуженіе и послѣдняя расходовалась на попеченіе о бѣдныхъ.

По мѣрѣ того, какъ германцы усваивали себѣ римскій способъ производства товаровъ, начали сказываться также и естественныя послѣдствія его; частная собственность съ одной и отсутствіе всякой собственности съ другой стороны. Общее пользованіе лѣсомъ и выгономъ и вообще невоздѣлываемой землею, которое еще сохранилось рядомъ съ частной собственностью—частнымъ владѣніемъ обрабатываемой земли, до нѣкоторой степени задерживало обѣднѣніе крестьянъ. Однако, какъ разъ къ началу средневѣковья наступили событія, повергавшія въ голодъ и отчаяніе цѣлыя большія области. Къ вѣчнымъ войнамъ и распрямъ феодаловъ и князей присоединились нашествія безчисленныхъ полчищъ, столь гибельныхъ для земледѣльческихъ народовъ, напр., орды кочевниковъ или пиратовъ, норманновъ, венгровъ, сарацинъ. Наконецъ, голодъ нерѣдко являлся послѣдствіемъ неурожая.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда общее бѣдствіе не достигало еще такихъ размѣровъ, что приходилось туго самой церкви, она, въ минуту нужды, являлась поистинѣ спасительнымъ геніемъ. Она открывала свои обширныя житницы, гдѣ сохранялись запасы, и надѣляла ими неимущихъ. Монастыри являлись большими благотворительными учрежденіями, гдѣ нерѣдко могъ найти убѣжище и дворянинъ безъ кола и двора или почему-либо лишившійся наслѣдства. Дѣлаясь чиномъ церкви, онъ становился могущественъ, достигалъ почестей и жилъ въ свое удовольствіе.

Въ феодальномъ обществѣ не было ни одного класса, интересы котораго не связывались бы такъ или иначе съ церковью, хотя, конечно, не всегда въ одинаковой степени. Сомнѣваться въ необходимости церкви было въ средніе вѣка равносильно сомнѣнію въ

надобности общества и даже самой жизни. Конечно, церкви приходилось вести упорную борьбу съ другими классами, однако, борьба эта шла не за ея *существованіе*, а только за большую или меньшую степень ея могущества или за часть получаемаго ею дохода. Вся матеріальная и, конечно, нравственная жизнь находилась въ подчиненіи у церкви, она срослась со всей жизнью народа, пока, наконецъ, въ продолженіе вѣковъ, церковный образъ мыслей сдѣлался своего рода *инстинктомъ*, которому слѣпо довѣряли, какъ закону природы, перечить которому показалось бы противоестественнымъ; такъ было до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока всѣ государственныя, общественныя и семейныя условія облекались въ церковную форму. И эти формы церковнаго образа мыслей и дѣйствій сохранились затѣмъ еще на долгое время послѣ того какъ давно уже были устранены вызвавшія ихъ матеріальныя причины.

Естественно, что могущество средневѣковой церкви было особенно сильно въ тѣхъ странахъ, которыя нѣкогда входили въ составъ римской имперіи, какъ-то: во ранціи, Италіи, Испаніи, Англіи; въ Германіи оно усилилось уже значительно позже, а въ сѣверной и восточной частяхъ европейскаго запада и еще гораздо позже.

Тѣ германскія племена, которыя попытались, во время великаго переселенія народовъ, основать, наперекоръ церкви, свои государства на развалинахъ римской имперіи,—кончили печально. Они либо противились церкви принятіемъ враждебной католичеству секты аріанъ, какъ вестготы или вандалы, и затѣмъ совершенно исчезли, утонули въ морѣ народовъ, или же спасались только цѣною подчиненія католической церкви.

Между тѣмъ господство на Западѣ досталось племени, которое съ самаго начала основало свое государство въ союзѣ съ римскою церковью, — это было *племя франковъ*. Король франковъ заключилъ союзъ съ римскою церковью, создавъ изъ западнаго христіанскаго міра одно общее тѣло съ двумя головами, духовной и свѣтской; конечно, въ тѣ времена, когда со всѣхъ сторонъ наступали враги, обстоятельства и заставляли рѣшиться на такую мѣру. Однако, ни франкскимъ королямъ, ни ихъ послѣдователямъ саксонскаго племени не удавалось сдѣлать этотъ союзъ прочнымъ. Римскіе папы сумѣли сдѣлать то, чего тщетно добивались римскіе

императоры нѣмецкаго происхожденія—имъ удалось соединить весь христіанскій міръ подъ управленіемъ одного монарха. Ни одинъ феодальный король, какого бы то ни было племени, не былъ способенъ выполнить задачу, для рѣшенія которой могла послужить лишь одна организація, гораздо болѣе могущественная, чѣмъ власть короля—это сила *централизованной церкви*.

2. *Основы могущества папъ.*

Римскій первосвященникъ сдѣлался главою западной церкви еще до эпохи великаго переселенія народовъ; онъ считался наслѣдникомъ римскаго императора, какъ представитель города, который фактически продолжалъ быть столицею западно-римской Имперіи, хотя въ Римѣ уже не было болѣе императора.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Имперіи на нѣкоторое время ослабѣло также и владычество папъ, такъ какъ церковныя организаціи различныхъ нѣмецкихъ государствъ освободили себя отъ подчиненія Риму. Однако, папы вскорѣ вновь вернули себѣ прежній престижъ и даже сумѣли поднять его еще выше. Какъ бы низко ни пала Италія, она все-таки, по культурѣ своей, представляла изъ себя самую цивилизованную страну европейскаго Запада. Земледѣліе здѣсь стояло, несомнѣнно, выше, нежели въ другихъ странахъ, ремесла не вполнѣ заглохли; здѣсь существовала еще городская жизнь, и если торговля съ востока шла не богъ вѣсть какъ оживленно, она все-таки еще существовала. Сокровища и вмѣстѣ съ ними также и способъ производства товаровъ въ Италіи сдѣлались предметомъ вожделѣнія полуварваровъ, жившихъ по сю сторону Альпъ. Эти послѣдніе становились богаче и достигали большаго благосостоянія именно въ той мѣрѣ, въ какой укрѣплялась ихъ связь съ Италіей. Учрежденія, особенно заинтересованныя въ этомъ усовершенствованіи товаропроизводства, такъ какъ оно давало имъ выгоды, именно корона и церковь каждаго государства христіанскаго Запада, должны были поэтому вступать съ Италіей въ самую тѣсную связь. Между тѣмъ, средоточіемъ Италіи оказывался Римъ. Чѣмъ сильнѣе была зависимость средневѣковыхъ странъ Запада отъ Италіи, тѣмъ, конечно, сильнѣе становилось подчиненіе королей

и епископовъ Риму, тѣмъ болѣе центръ Италіи становился средоточіемъ западнаго христіанства.

Экономическая зависимость отъ Италіи и вліяніе Рима на эту послѣднюю (постольку, конечно, поскольку Италія была вообще католической страною, а не принадлежала греческой церкви и даже исламу), — впрочемъ, не такъ ужъ была велика, чтобы ею можно всецѣло объяснить огромное могущество папства. Этимъ путемъ можно лишь объяснить, почему *руководительство* и *направленіе пути* въ христіанскомъ мірѣ достались папамъ. Однако, *руководительство* въ военномъ дѣлѣ становится *приказомъ;* совѣтникъ передъ сраженіемъ дѣлается диктаторомъ, когда оно уже началось. Разъ началась борьба, угрожавшая всему христіанству, то папы, единственныя личности, авторитетъ которыхъ признавался всѣми христіанскими народами, должны были взять на себя *организацію сопротивленія*, и чѣмъ дольше длилась война, чѣмъ большія и болѣе отдаленныя области она захватывала, тѣмъ менѣе ограничивалась воля руководителей, сдѣлавшихся самодержавными диктаторами, тѣмъ болѣе подчинялись имъ всѣ тѣ силы, которыя противоставлялись общему врагу.

А пора для такихъ войнъ наступила скоро. Крушеніе Римской имперіи дало толчокъ не однимъ только германцамъ, а также и другимъ на видъ прямо неистощимымъ по своему количеству племенамъ полуосѣдлыхъ или даже просто кочевыхъ варваровъ, жившихъ по сосѣдству съ германцами и Римской имперіей. Въ той самой мѣрѣ, въ какой подвигались германцы къ западу, за ними слѣдовали другіе народы. Славяне перешли черезъ Эльбу, южнорусскія степи высылали одинъ дикій народъ наѣздниковъ за другимъ, гунны, авары, венгры (послѣдніе къ концу IX вѣка) подвигались вдоль беззащитнаго Дуная и продолжали свои разбойничьи набѣги и дальше до Шварцвальда, до Рейна, и даже переходили черезъ Альпы въ сѣверную Италію. Изъ Скандинавіи, этой vagina gentium (родительницы народовъ), изливался одинъ потокъ смѣлыхъ пиратовъ за другимъ—это были норманны, для которыхъ не существовало ни слишкомъ широкаго моря, величина котораго могла бы ихъ испугать, ни страны, достаточно могущественной для того, чтобы удержать ихъ нашествіе. Они владычествовали на Балтійскомъ морѣ, овладѣли Россіей, обосновались въ Исландіи, открыли

задолго до Колумба Америку, и, что для насъ важнѣе всего, начиная съ конца VIII вѣка и впредь до XI, они угрожали всей культурѣ уже осѣдлыхъ германскихъ племенъ, культурѣ, которая съ такимъ великимъ трудомъ проложила себѣ путь. Не только берега Нѣмецкаго моря совершенно опустѣли вслѣдствіе этихъ разбойничьихъ набѣговъ, но и по рѣкамъ они могли заплывать на своихъ утлыхъ ладьяхъ далеко вглубь страны; зато они не останавливались передъ опасностями долгихъ морскихъ путешествій, начали затѣмъ вторгаться даже въ Испанію и, наконецъ, добрались до юга Франціи и до Италіи.

Однако, наиболѣе опаснымъ врагомъ германскихъ племенъ, сдѣлавшихся осѣдлыми, оказались *арабы* или вѣрнѣе *сарацины*, какъ называли писатели среднихъ вѣковъ всѣ тѣ племена, которыя, получивъ отъ аравитянъ толчокъ, двинулись вслѣдствіе него и стали искать убѣжища и добычи въ странахъ съ болѣе высокой культурою [1]).

Въ 638 году арабы вторглись въ Египетъ и быстро завоевали весь сѣверный берегъ Африки, въ началѣ VIII вѣка появились въ Испаніи и менѣе чѣмъ черезъ сотню лѣтъ послѣ своего появленія въ Египтѣ начали угрожать уже государству франковъ. Побѣда Карла Мартеля спасла эту монархію отъ судьбы царства вестготовъ, однако, опасность со стороны сарацинъ такимъ путемъ еще далеко не была устранена. Они остались въ Испаніи, основались въ южной, а мѣстами и въ сѣверной Италіи, и даже въ южной Франціи, заняли важнѣйшіе горные проходы черезъ Альпы и угрожали своими разбойничьими набѣгами даже равнинамъ по сѣверному склону Альповъ.

Осѣдлыя германскія племена заняли въ эпоху великаго переселенія народовъ большую часть Европы и часть сѣверной Африки, теперь они оказались скученными на маленькомъ пространствѣ и

---

[1]) Сказанное, конечно, не исключаетъ возможности того, чтобы сарацины потомъ сами не приняли культуры этихъ странъ и не распространяли ея дальше. Такъ, напр., аравійскія племена, бывшія по сравненію съ египтянами настоящими варварами, по отношенію къ германцамъ могли оказаться носителями высшей культуры, т. е. болѣе высокаго способа производства товаровъ. Эти германцы, казавшіеся итальянцамъ варварами, въ свою очередь оказывались «культуртрегерами» для славянъ и венгровъ.

даже того почти не были въ состояніи защитить: даже Бургундія, расположенная приблизительно въ географическомъ центрѣ католическаго Запада, не была обезпечена отъ вторженія норманновъ съ одной, венгровъ и сарацинъ съ другой стороны. Казалось, что племенамъ христіанскаго Запада наступилъ конецъ.

И вотъ какъ разъ въ это время, когда натискъ внѣшнихъ враговъ достигъ высшаго напряженія, безсиліе государственной власти сдѣлалось поистинѣ сказочнымъ, феодальная анархія не чувствовала никакихъ стѣсненій, и единственной крѣпкой, сдерживающей весь христіанскій міръ, связью оказывалась папская церковь.

Подобно всякой другой монархической власти и папская въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ усилилась настолько, что оказалась въ состояніи дать отпоръ и внутреннимъ врагамъ.

Сарацинъ, культура которыхъ въ общемъ была значительно выше христіанской, можно было удержать только мечомъ: и вотъ для борьбы съ исламомъ папство собрало вокругъ себя и организовало весь христіанскій міръ. Случайные враги на сѣверѣ и востокѣ могли на время быть отражаемы, однако, надолго этого сопротивленія не хватало. Потому для покоренія ихъ воспользовались тѣмъ же средствомъ, при помощи котораго римская церковь покорила себѣ германцевъ: имъ пришлось подчиниться высшей формѣ развитія товаропроизводства, христіанство пріобрѣло ихъ себѣ, сдѣлало ихъ осѣдлыми и, стало быть, безопасными для себя.

Наиболѣе блестящій тріумфъ христіанство одержало надъ *норманнами*. Изъ самыхъ ужасныхъ враговъ христіанства оно превратило ихъ въ храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ борцовъ за него, направивъ ихъ воинственный пылъ противъ врага, угрожавшаго съ юга. Папство заключило съ норманнами договоръ, очень похожій на тотъ, который оно нѣкогда заключило съ франками. Дѣло въ томъ, что норманновъ нельзя было сразу успокоить, навязавъ имъ феодальный порядокъ товаропроизводства. Они остались неутомимымъ разбойничьимъ племенемъ, только для ихъ воинственной энергіи былъ выбранъ другой объектъ. Сдѣлавъ ихъ феодальными князьями, въ нихъ пробудили жадность къ земельнымъ захватамъ— изъ грабителей они стали завоевателями.

Папство превосходно сумѣло воспользоваться этой ихъ жаждой завоеваній, направивъ ее противъ самаго грознаго своего врага—

сарацинъ. Оно столь же много выигрывало отъ побѣды норманновъ надъ сарацинами, сколько послѣдніе, т. е. норманны, отъ побѣды папства. Дѣло въ томъ, что норманны сдѣлались вассалами папы, который отдавалъ имъ въ ленное владѣніе ихъ же собственныя завоеванія. Папа благословлялъ ихъ оружіе, а благословеніе папы въ XI вѣкѣ имѣло большую силу, такъ какъ оно обезпечивало благословляемому поддержку могущественной тогда организаціи—церкви. При помощи папъ норманны завоевали Англію и Южную Италію.

Сдѣлавъ своими слугами—хотя, по правдѣ сказать, довольно строптивыми, норманновъ, обезопасивъ себя, наконецъ, отъ славянъ и венгровъ, приведенныхъ также въ вассальную зависимость, папство достигло высшей ступени своего могущества. Оно не только восторжествовало надъ внутренними врагами, оно не только сумѣло подвергнуть униженію германскаго императора въ Каноссѣ, оно почувствовало въ себѣ достаточно силы для того, чтобы начать *наступательныя дѣйствія* противъ сарацинъ: наступила эпоха крестовыхъ походовъ [1]).

Папы были ихъ организаторами, а первыми борцами ихъ оказались норманны. На востокъ гнала ихъ жажда земли: они основали феодальныя государства въ Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи, на Кипрѣ, наконецъ, даже въ византійской Имперіи. Въ послѣднемъ случаѣ не оставалось даже иллюзіи «борьбы съ невѣрными».

На ряду съ норманнами главное ядро крестоносцевъ составлялось изъ людей, которымъ тягота соціальныхъ условій на родинѣ стала невыносима, напр., изъ крѣпостныхъ, невѣроятно эксплоатировавшихся феодаломъ, или изъ низшихъ дворянъ, подпавшихъ подъ власть крупныхъ феодаловъ, и т. п.

Въ *рыцарскихъ полчищахъ* перваго крестоваго похода норманны, несомнѣнно, занимали первое мѣсто. *Крестьянскіе полки*, что очень характерно, находились подъ предводительствомъ нѣсколь-

---

[1]) Полагаемъ, что слѣдующія цифры не будутъ лишены для читателя интереса: обращеніе венгровъ въ большомъ масштабѣ началось при Стефанѣ I (997—1038). Норманны обосновались въ Южной Италіи въ 1016 году, получили ее въ ленное владѣніе въ 1053-мъ, завоевали Англію въ 1066-мъ (битва при Гастингсѣ!); одиннадцать лѣтъ спустя Генрихъ IV подвергся въ Каноссѣ публичному униженію, а въ 1095 году начался первый крестовый походъ.

кихъ обѣднѣвшихъ рыцарей, изъ которыхъ одинъ носилъ типичное имя *Вальтера фонъ-Хабенихтсъ* (Вальтеръ, у котораго ничего нѣтъ). Отъ цвѣтущаго Востока надѣялись они получить то, въ чемъ отказала имъ родина: благополучіе и благосостояніе. Если одни, пускаясь въ походъ, имѣли въ виду остаться въ покоренной странѣ господами, то у другихъ была иная цѣль: побольше награбить и вернуться домой.

Однако, огромное могущество папской власти доказывается тѣмъ, что она сумѣла подвинуть на крестовый походъ даже такіе элементы, которымъ, повидимому, на Востокѣ рѣшительно нечего было дѣлать. Даже тотъ или другой германскій императоръ не находилъ возможнымъ уклоняться отъ папской рекрутчины и надѣвалъ на себя кокарду папской военной власти—крестъ.

3. Крушеніе папской власти.

Эпоха крестовыхъ походовъ совпала со временемъ наибольшаго могущества папской власти. Однако, какъ разъ они-то и послужили сильнымъ средствомъ для развитія того элемента, отъ котораго пришлось заболѣбаться и феодальному міру, и его монарху—папѣ; этотъ элементъ привелъ, наконецъ, къ паденію и то и другое—это былъ *капиталъ*.

Крестовые походы сблизили Западъ съ Востокомъ, они же въ значительной степени усилили производство товаровъ и торговлю. При всемъ этомъ церковь получила другую физіономію. Описанное выше развитіе земельной собственности, явившееся слѣдствіемъ деревенскаго производства товаровъ, очень часто имѣло мѣсто и на монастырской землѣ. И здѣсь мы замѣчаемъ, начиная съ XIV вѣка, усиленное обремененіе крестьянъ работою, захватъ общиннаго имущества и удаленіе крестьянъ съ земли. Все возрастающее корыстолюбіе заставило и церковь нѣсколько поудержаться съ попеченіемъ о бѣдныхъ. То, что прежде давали охотно, потому что оно не было нужно самимъ, тѣмъ старались удержать за собою, разъ это былъ товаръ, который можно было обратить въ деньги. А деньги, въ свою очередь, можно было обратить въ предметы роскоши или же въ силу (военную или другую—безразлично). Уже одно то, что въ тѣ времена начали издаваться законы, принуждающіе церковь забо-

титься о бѣдныхъ, доказываетъ въ достаточной мѣрѣ, что сама она не исполняла какъ слѣдуетъ этой своей обязанности [1]).

Понемногу церковь возстановила противъ себя низшіе слои населенія тѣмъ, что не только не защищала ихъ отъ пролетаризаціи, но нерѣдко даже поощряла ее; въ то же время она не угодила и горожанамъ, потому что, все-таки, до нѣкоторой степени, служила валомъ, объ который слегка разбивался натискъ послѣднихъ на простой народъ, который, все-таки, не бѣднѣлъ такъ быстро, какъ того хотѣлось горожанамъ. Пока еще существовала церковь, неимущій могъ нѣсколько сопротивляться, а не сдаваться безъ всякихъ условій капиталу: вѣдь, онъ могъ, все-таки, получить отъ церкви подаяніе, какъ бы скудно оно ни было. Позволять тысячамъ монаховъ ничего не дѣлать, вмѣсто того, чтобы выбросить ихъ на улицу и заставить ихъ продать себя въ рабство капиталисту,—вотъ преступленіе противъ національнаго благосостоянія, котораго подымающая голову буржуазія не могла простить церкви. Еще болѣе тяжкое преступленіе вмѣнялось ей въ вину: настойчивое санкціонированіе всѣхъ многочисленныхъ праздниковъ феодальнаго періода, хотя, по понятіямъ нарождающагося буржуазнаго общества, рабочій работаетъ не для того, чтобы жить, а живетъ для того, чтобы работать.

Все увеличивающееся богатство церкви возбуждало зависть и корыстолюбіе всѣхъ имущихъ, главнымъ образомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и лицъ, обогащавшихся скупкою и продажею земель. Даже короли стали зариться на церковныя сокровища и надѣялись на ихъ счетъ какъ-нибудь пополнить свои карманы и купить себѣ «друзей».

По мѣрѣ того, какъ распространеніе товарнаго способа производства заставляло церковныя сокровища увеличиваться, а самую церковь все болѣе и болѣе жаждать ихъ, по мѣрѣ этого она сама дѣлалась все болѣе и болѣе излишнею въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Новый способъ производства товаровъ развивался въ городахъ, которые были сильнѣе феодаловъ, и города

[1]) Уже при Ричардѣ II англійскомъ былъ (въ 1391 г.) изданъ законъ, обязывавшій монастыри употреблять часть собираемыхъ въ ихъ пользу налоговъ (десятины) на благотворительность и на содержаніе сельскаго духовенства.

сами начали уже поставлять людей и организацію, безъ которыхъ новое общество и новое государство не могли обойтись. Духовные съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе переставали быть учителями народа, знаніе народа, особенно въ городахъ, переросло ихъ—духовные сдѣлались одною изъ невѣжественнѣйшихъ частей народа. Если мы вспомнимъ то, что выше было сказано о пользованіи землею, то поймемъ, что церковь въ роли землевладѣльца сдѣлалась совершенно излишнею.

Да и для самого государственнаго управленія не оказывалось болѣе нужды въ церкви. Правда, современное государство еще нуждалось въ сельскомъ духовенствѣ и въ спеціальной организаціи, которая могла бы имъ вѣдать; еще и сейчасъ въ наиболѣе отсталыхъ странахъ сельское духовенство исполняетъ нѣкоторыя, впрочемъ, обыкновенно очень неважныя, административныя функціи, напр., ведетъ метрики и поименные списки.

Только тогда, когда современная бюрократія уже развилась значительно больше, она могла совершенно упразднить свѣтскія правительственныя функціи духовенства или даже вовсе уничтожить его, какъ государственное учрежденіе.

Въ XVI вѣкѣ сельское духовенство еще было нужно; никто и не помышлялъ о его упраздненіи; однако, современная королевская власть не могла долѣе *подчиняться* ему и его руководителямъ, епископамъ. Духовныя лица должны были сдѣлаться *чиновниками* государства, насколько, конечно, оно нуждалось въ нихъ.

Однако, два элемента, входящіе въ составъ церкви, становились въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе *излишними*, даже, наоборотъ, *дѣлались для государства вредными*; а, между тѣмъ, они-то какъ разъ и составляли въ средніе вѣка наиболѣе благородныя части церкви,—это были *монастыри и папы*.

Почему именно монастыри стали совершенно лишними, мы можемъ уже понять изъ сказаннаго выше: для крестьянъ они стали столь же излишними, какъ и всякій другой феодальный владѣлецъ; учителями народа они уже тоже перестали служить; не могли они защитить народа также и противъ бѣдности, такъ какъ перестали раздавать милостыню; перестали они служить разсадниками наукъ и искусствъ, такъ какъ въ городахъ послѣдніе преуспѣвали лучше;

въ управленіи и сплачиваніи государства они также утратили всякую роль: однимъ словомъ, они стали излишними потому, что стало излишнимъ папство, для котораго они служили крѣпкой защитой.

Не исполняя никакихъ функцій въ общественной и политической жизни, невѣжественные, лѣнивые, грубые, притомъ черезчуръ богатые, монахи все больше и больше погрязали въ праздности и развратѣ и сдѣлались предметомъ всеобщаго глумленія. Въ своемъ Декамеронѣ Бокаччіо лучше всякаго ученѣйшаго изслѣдованія показываетъ намъ, какъ низко пало монашество въ Италіи въ XIV вѣкѣ. Слѣдующій вѣкъ ничего не измѣнилъ къ лучшему. Дальнѣйшее развитіе товаропроизводства распространяло нравственное разложеніе монастырей въ Германіи и Англіи.

Столь же ненужной, какъ монастыри, сдѣлалась также и папская власть. Ея главнѣйшая функція, объединеніе христіанства противъ невѣрныхъ, была устранена результатами крестовыхъ походовъ. Правда, западно-европейскимъ авантюристамъ не удалось удержать за собою своихъ завоеваній въ странахъ, гдѣ господствовали исламъ и восточная церковь. Однако, сила сарацинъ, все-таки, была сокрушена крестовыми походами. Ихъ изгнали изъ Испаніи и Италіи и потому они уже перестали представлять для Запада какую-либо опасность.

Правда, на мѣсто арабовъ и сельджуковъ появился новый восточный могущественный народъ, *османы*, которые уничтожили византійскую имперію и начали угрожать даже Западу. Однако, на этотъ разъ опасность шла съ другой стороны—она надвигалась не съ *юга*, а съ *востока;* ударъ былъ направленъ не на Италію, а на *придунайскія* страны.

Въ періодъ нашествія сарацинъ самая возможность дальнѣйшаго существованія папства оказалась подъ сомнѣніемъ. Папство просто изъ чувства самосохраненія должно было собрать противъ невѣрныхъ силы всего христіанскаго міра. Напротивъ того, отъ турокъ папамъ нечего было бояться, пока венеціанцы и орденъ іоаннитовъ оказывалъ имъ сопротивленіе въ восточныхъ бассейнахъ Средиземнаго моря. Зато прежде всего почувствовали на себѣ ударъ турокъ *венгры;* на нихъ турки направились послѣ того, какъ смяли южныхъ славянъ; далѣе, послѣ нихъ, опасность должна была угрожать *южной Германіи* и *Польшѣ*. Борьба противъ турокъ не пред-

ставлялась общимъ дѣломъ всего христіанскаго міра—она имѣла скорѣе мѣстный интересъ для тѣхъ странъ, которыя служили оплотомъ восточныхъ окраинъ Имперіи. Подобно тому, какъ нѣкогда борьба противъ сарацинъ объединила весь христіанскій міръ въ одну папскую монархію, такъ теперь борьба противъ турокъ соединила въ одно государственное цѣлое, въ монархію Габсбурговъ, венгровъ, чеховъ и юго-восточныхъ нѣмцевъ. И если владѣтели этой монархіи долгое время носили императорскую корону, то это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что они оказывались естественными защитниками Германской имперіи противъ турокъ [1]).

Нѣкоторое время папство еще оставалось вѣрнымъ своимъ традиціямъ, хотя смыслъ этихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе утрачивался; папы даже дѣлали видъ, будто хотятъ выполнить свою историческую миссію, т. е. организовать сопротивленіе туркамъ.

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ попытки эти оказывались все менѣе и менѣе серьезными, а средства, которыя собирались папами со всего христіанскаго міра для борьбы съ невѣрными, стали уходить на частныя потребности папскаго двора. Вліяніе папства и вѣра въ его миссію, которыя до XII вѣка служили къ *спасенію* христіанскихъ народовъ, съ XIV вѣка обратились въ средство *эксплоатировать ихъ*.

Централизація церкви повела къ тому, что всѣ эти могущественныя средства были предоставлены въ распоряженіе папы. Оттого власть и сила его страшно возросли; однако, пока товаропроизводство было слабо и находилось на низкой ступени развитія,

---

[1]) Уже къ концу XIV вѣка начались набѣги турокъ на Венгрію, вслѣдствіе чего король Сигизмундъ долженъ былъ выступить противъ нихъ въ походъ. Онъ потерпѣлъ при Никополѣ, въ 1396 году, страшное пораженіе. Второе сильное пораженіе понесли поляки въ союзѣ съ венграми, подъ предводительствомъ Ладислава, при Варнѣ (1444). Въ 1453 году турки овладѣли Константинополемъ. Теперь уже опасность, которая грозила со стороны турокъ, стала прямо-таки жгучею. Съ 1438 года императорскій титулъ оставался за Габсбургами до тѣхъ самыхъ поръ, пока вообще онъ существовалъ (до 1806 г., когда императоръ германскій сложилъ съ себя этотъ санъ и принялъ титулъ императора австрійскаго). Опасность, угрожавшая со стороны турокъ, вѣроятно, много способствовала тому, что во время реформаціи Баварія и Польша остались вѣрными императору и папѣ, т. е. остались католическими.

до тѣхъ поръ богатства папы увеличивались лишь въ незначительной степени. Пока большая часть церковныхъ доходовъ поступала въ видѣ сырья, папы не могли получить съ нихъ большихъ барышей. Папы не могли требовать, чтобы епископы или князья посылали имъ въ Италію мясо, молоко и зерно черезъ Альпы. Между тѣмъ деньги, во всю эпоху крестовыхъ походовъ, представлялись еще очень рѣдкой вещью. Правда, папы, усиливъ свое могущество, добились права распоряжаться раздачею церковныхъ должностей за предѣлами Италіи (право симоніи и инвеституры). Такимъ образомъ, весь клиръ былъ поставленъ въ зависимость отъ папы. Однако, до тѣхъ поръ, пока съ этими должностями были связаны политическія или соціальныя функціи, а доходы по большей части поступали въ видѣ сырья, папамъ приходилось передавать эти должности людямъ трудолюбивымъ, знакомымъ съ мѣстными условіями и желавшимъ оставаться въ странѣ. Папа, такимъ образомъ, не могъ раздавать этихъ мѣстъ своимъ любимцамъ въ Италіи, не могъ онъ ихъ также и продавать.

Все это измѣнилось съ того времени, когда началось производство товаровъ. Церковь, князь, народъ—всѣ обзавелись теперь деньгами. Деньги легко можно перевозить, онѣ не теряютъ дорогою своей цѣны и ихъ съ тою же пользою можно израсходовать въ Италіи, какъ и въ Германіи. Вотъ тутъ-то папство и затѣяло эксплоатацію всего христіанскаго міра. Папство начало стремиться обратить въ свою пользу то обстоятельство, что въ немъ многіе еще нуждались; въ этомъ случаѣ оно поступало какъ всякій другой классъ, а классомъ его, все-таки, приходится признать; вѣдь, къ папству принадлежалъ не только одинъ папа, но еще и большая часть духовенства, особенно романскаго, которое чаяло отъ папы почестей и должностей и обладало тѣмъ бо́льшими доходами, чѣмъ больше были доходы самого папы. Потому-то, по мѣрѣ роста папскаго могущества, папы попробовали сдѣлать себѣ источникъ дохода изъ церковныхъ организацій и изъ денегъ свѣтскаго міра, а, вѣдь, для выполненія всѣхъ своихъ функцій папству денегъ требовалось не мало. Однако, спѣшимъ оговориться,—вначалѣ подати были еще очень невелики. Пропорціонально расширенію товарнаго производства увеличивалась жажда папъ къ деньгамъ; они сдѣлались настоящими эксплоататорами, между тѣмъ какъ функціи ихъ постепенно сводились къ нулю.

Папы XIV, XV и XVI вѣковъ были такъ же изобрѣтательны насчетъ добыванія денегъ, какъ и нынѣшніе финансовые геніи. *Прямыя* подати въ общемъ были невелики. *Лепта св. Петра*, наложенная на Польшу въ 1320 году, врядъ ли могла достигать большихъ размѣровъ. *Въ Англіи* она достигала уже бо́льшихъ суммъ, при чемъ ее отсылали отсюда въ Римъ, уже начиная съ VIII вѣка; сначала она была также незначительна и служила только для содержанія въ Римѣ англійской духовной школы, затѣмъ, въ XIV вѣкѣ, она настолько увеличилась, что оказалась выше доходовъ англійскаго короля.

Однако, подобно другимъ финансовымъ геніямъ, и папы тоже предпочитали косвенные налоги прямымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ грабежъ не такъ бросается въ глаза. Торговля служила тогда лучшимъ средствомъ надувать людей и быстро достигать значительнаго благосостоянія. Почему же папамъ не сдѣлаться было торговцами, не выступить на рынокъ съ тѣми товарами, которые имъ самимъ ничего не стоили? Такимъ образомъ началась торговля *церковными должностями* и *отпустительными грамотами* (индульгенціями).

Въ самомъ дѣлѣ, церковныя должности ко времени развитія товарнаго производства сдѣлались очень цѣннымъ товаромъ. Рядъ прежнихъ обязанностей церкви совсѣмъ исчезъ или потерялъ всякій смыслъ, они сдѣлались чистой формальностью. Между тѣмъ должности, которыя были созданы для исполненія такихъ обязанностей, оставались, а подчасъ число ихъ даже еще болѣе увеличивалось. Доходы, сопряженные съ такими должностями, увеличивались вмѣстѣ съ ростомъ и корыстолюбіемъ церкви и на долю денежныхъ сборовъ приходилось все болѣе и болѣе, а вѣдь такой доходъ можно было использовать гдѣ угодно, не только на томъ мѣстѣ, къ которому пріурочивалась должность. Рядъ церковныхъ должностей сдѣлался прямо источникомъ денегъ и, какъ таковыя, онѣ держались въ цѣнѣ. Папы отдавали ихъ своимъ любимцамъ или просто продавали ихъ, конечно, прежде всего лицамъ изъ окружающей свиты, итальянцамъ и французамъ, которые вовсе и не думали дѣйствительно вступать въ исправленіе обязанностей, связанныхъ съ должностью, въ особенности тогда, когда имъ для этого пришлось бы переѣзжать въ Германію. Они просто выписывали себѣ изъ-за Альпъ свое жалованье.

Однако, папская власть знала еще и другія средства, при помощи которыхъ умѣла извлекать выгоды изъ церковныхъ должностей; такъ, напр., она заставляла при каждомъ назначеніи на постъ епископа выплачивать себѣ особыя суммы, называвшіяся *анатами*.

Сюда же относится торгъ свидѣтельствами на отпущеніе грѣховъ, который становился постепенно совсѣмъ безстыднымъ. Индульгенціи слѣдовали быстро другъ за другомъ (незадолго до реформаціи ихъ было послѣдовательно выпущено пять изданій: въ 1500, 1501, 1504, 1509 и 1517 годахъ); наконецъ, право продажи индульгенцій стали отдавать на откупъ [1]).

---

[1]) Превосходный матеріалъ, гдѣ собраны и сопоставлены всѣ уловки, къ которымъ прибѣгали папы для эксплоатаціи населенія, можно найти въ «жалобахъ нѣмецкой націи (Gravamina nationis Germanicae)», которыя были поданы Базельскому собору (1431—1449), созванному для реформированія церкви. Тамъ мы читаемъ слѣдующее: «1) Папы нисколько не считаютъ себя связанными различными бумагами, договорами, выданными привилегіями и документами, которые были изданы ихъ предшественниками; по просьбѣ какого-нибудь негодяя они тотчасъ же издаютъ опроверженія (ревокаціи) и отказываютъ отъ постановленій предшественника (суспензія). 2) Папы не признаютъ никакихъ выборовъ (на церковныя должности), они раздаютъ епископіи, деканатства, пріоріи и аббатства по своему усмотрѣнію даже въ тѣхъ случаяхъ, *когда за это мѣсто имъ уже очень дорого заплачено* (что за наглое нарушеніе правъ товарной торговли!). 3) Лучшія нѣмецкія церковныя должности достаются всегда итальянскимъ кардиналамъ и протонотаріямъ. 4) Папская канцелярія столь беззастѣнчиво распродаетъ кандидатуры (экспектанціи) на должности или церковные доходы, что при этомъ, конечно, зря теряется много денегъ и неизбѣжно возникаетъ огромное количество тяжебъ. 5) Аннаты (см. выше) становятся все дороже и дороже, въ Майнцѣ они стоили сначала 10.000, затѣмъ 20.000 и, наконецъ, дошли до 25.000 дукатовъ. А что если вдругъ, за одинъ годъ, помретъ два епископа? 6) Церковныя должности замѣщаются итальянцами, которые не владѣютъ мѣстнымъ языкомъ и отличаются дурными нравами. 7) Старыя, давно оплаченныя индульгенціи объявляются недѣйствительными для того, чтобы имѣть возможность начать торговлю новыми. 8) Десятинный сборъ для борьбы съ турками взимается очень неисправно, а между тѣмъ деньги не идутъ ни на борьбу съ турками, ни на помощь грекамъ. 9) Всякаго рода тяжбы разбираются въ Римѣ, гдѣ за деньги сдѣлаютъ рѣшительно все, что угодно».

Гораздо менѣе дипломатично, чѣмъ эта жалоба, звучитъ то обвиненіе, которое Гуттенъ бросилъ въ лицо папству въ своемъ діалогѣ «Vadiscus», появившемся въ 1520 году; этотъ діалогъ принадлежитъ къ наиболѣе блестящимъ

У папства можно замѣтить, такъ же, какъ и у землевладѣльца, только еще гораздо скорѣе послѣдняго, общее явленіе: эксплоатація массъ идетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ польза отъ эксплоататора становится меньше, болѣе того, когда онъ становится даже вреднымъ. Ясно, что тутъ, наконецъ, долженъ наступить такой моментъ, когда терпѣніе народа лопается, и онъ выгонитъ своего кровопійцу вонъ.

твореніямъ агитаторской литературы новой исторіи. Развѣ можно придумать болѣе зажигательный конецъ, чѣмъ тотъ, который мы приводимъ ниже—вѣдь, онъ прекрасно показываетъ намъ, въ какомъ видѣ представлялось папство нѣмцамъ эпохи реформаціи. Вотъ этотъ конецъ: «Взгляните на великую житницу земного шара (Римъ), куда стаскивается все то, что награблено и отнято у другихъ земель; въ серединѣ ея сидитъ ненасытный хлѣбный червь, поглощающій несмѣтныя количества зерна; онъ окруженъ сонмомъ сотрапезниковъ, высосавшихъ сначала нашу кровь, затѣмъ обглодавшихъ наше мясо, добравшихся, наконецъ, до мозга нашихъ костей, которыя они для этого разбиваютъ, и перегрызаютъ и пережевываютъ все, что еще отъ насъ осталось. Развѣ нѣмцы не могутъ взяться за оружіе, развѣ не станутъ они защищаться огнемъ и мечомъ? Вотъ грабители нашего отечества, которые раньше обирали наиболѣе сильную націю только съ непомѣрной жадностью, а теперь дѣлаютъ это съ великимъ остервенѣніемъ и нахальствомъ; они утопаютъ въ нѣмецкомъ потѣ и въ германской крови, они заполняютъ свою утробу нашими кишками и ими упитываютъ свое чревоугодіе. Мы даемъ имъ деньги; на нихъ они держатъ себѣ лошадей, собакъ, муловъ, любовницъ и мальчиковъ. На наши деньги они удовлетворяютъ своей злобѣ, живутъ праздно и весело, одѣваются въ пурпуръ, обряжаютъ лошадей и муловъ въ золото, строятъ себѣ дворцы изъ чистаго мрамора. Являясь носителями благочестія, они не только не благочестивы, но прямо презираютъ добродѣтель, глумятся надъ ней и оскорбляютъ ее. Прежде они опутывали насъ мнимыми добродѣтелями, ложью, хитростями и обманомъ и добирались такимъ образомъ до нашего камелька; теперь они прибѣгаютъ къ угрозамъ, запугиванію и силѣ, чтобы ограбить насъ, какъ это дѣлаютъ голодные волки. А намъ еще приходится за ними ухаживать, мы не только не въ правѣ ощипать или заколоть ихъ, мы не смѣемъ даже слегка ихъ коснуться. Когда же мы, наконецъ, поумнѣемъ настолько, что примемся мстить имъ? Если прежде насъ удерживала отъ этого мнимая религія, то теперь насъ принуждаетъ къ тому необходимость». Мы нарочно отвели этимъ двумъ документамъ столько мѣста, чтобы ясно показать, что реформація, это возмущеніе противъ папства, въ существенныхъ чертахъ сводилась къ борьбѣ *эксплоатируемыхъ* съ *эксплоататорами*, а вовсе не была просто борьбою за догму о «монашествѣ» или другія пустыя слова, напр., борьба «авторитета» съ «индивидуализмомъ»; если не стать на такую точку зрѣнія, то постичь реформаціи невозможно.

Катастрофа ускорилась еще и отъ того, что само папское достоинство сдѣлалось совсѣмъ жалкимъ. Это ужъ судьба всякаго правящаго класса, переживающаго самого себя и созрѣвшаго для своего паденія. Пока накопляется его богатство, уничтожается функція—классу ничего не остается болѣе, какъ погрязать и утопать въ томъ, что онъ выжалъ изъ обездоленнаго имъ класса общества. Папство въ умственномъ, нравственномъ, а иногда и въ физическомъ отношеніяхъ вырождается. Въ томъ же масштабѣ, въ какомъ растетъ народное негодованіе, раздражаемое безмысленною роскошью, папство теряетъ силы и возможность удержать за собою власть. Такъ постепенно уничтожается всякій классъ, сдѣлавшійся для общества вреднымъ.

Папство со времени крестовыхъ походовъ служило для вѣрующихъ стимуломъ къ развитію какъ нравственному, такъ и умственному.

Какъ мы уже знаемъ, Италія, въ эпоху среднихъ вѣковъ, была самой богатой страной европейскаго Запада; она лучше всего сумѣла сохранить традиціонные способы римскаго производства товаровъ; она стала посредницей въ торговыхъ сношеніяхъ Запада съ Востокомъ, въ Италіи раньше всего явилось производство товаровъ и, какъ результатъ его, капитализмъ. На ряду съ этимъ тамъ прежде всего развилось новое феодально-церковное міровоззрѣніе, шедшее первому какъ разъ наперекоръ. Буржуазія съ бѣшенымъ, юношескимъ задоромъ накинулась на всѣ традиціонныя стѣсненія и разрушила ихъ; благочестіе, прежняя сдержанность и чистые нравы,—все это выкинули за бортъ и не остановились даже передъ глумленіемъ. Папы не сумѣли уберечься отъ вліянія окружавшей ихъ среды. Даже *свѣтскіе правители Италіи* шли во главѣ этого новаго революціоннаго настроенія умовъ. Такимъ образомъ они преслѣдовали ту же описанную уже нами выше политику, какъ и всѣ другіе князья ихъ времени: они поощряли буржуазію, товаропроизводство, торговлю и національное могущество. Въ качествѣ *князей церкви* имъ, съ другой стороны, приходилось быть космополитами и крѣпко держаться самой основы церковнаго могущества, т. е. феодальнаго строя производства. Какъ *свѣтскіе князья*, они являлись революціоннымъ элементомъ, какъ *князья церковные*, папы были настроены реакціонно. Поэтому папы XV и XVI вѣковъ предста-

вляютъ изъ себя странную смѣсь двухъ совершенно, на взглядъ, противоположныхъ элементовъ—юношескаго задора и старческой жадности. Чисто революціонное презрѣніе къ традиціи, присущее всякому развивающемуся классу, слилось здѣсь съ противоестественной жадностью къ наслажденіямъ, свойственнымъ классу эксплоататоровъ, близкому къ уничтоженію. Эта своеобразная смѣсь, которая вообще сказывается во всей умственной жизни итальянскаго возрожденія, будетъ еще предметомъ нашего обсужденія въ слѣдующей главѣ. Такимъ образомъ смѣсь революціоннаго элемента съ реакціоннымъ была одной изъ особенностей гуманизма и отразилась также на гуманистѣ *Томасѣ Морѣ*.

Какъ бы ни относиться къ этому явленію, признать ли его революціоннымъ или реакціоннымъ, результатомъ являлась, однако, жизнь, прямо противоположная всѣмъ прежнимъ воззрѣніямъ на обычаи и приличія. И эта свободная жизнь достигла полнаго своего развитія въ эпоху, когда Германія еще была скована цѣпями феодализма. Римъ игралъ тогда ту же роль, которая еще всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ исполнялась Парижемъ. Какъ послѣ реформаціи каждый почиталъ долгомъ совершить паломничество въ Парижъ, такъ до нея всякій, кто могъ, отправлялся на богомолье въ Римъ. Въ результатѣ многіе добрые нѣмцы подверглись той же участи, которая нѣсколько (3 или 4) столѣтій спустя приключилась съ ихъ потомками—они попробовали заразиться итальянскай «распущенностью нравовъ», однако, она не пришлась имъ по нутру, и точно съ хмельнымъ угаромъ, полные негодованія противъ Вавилона на Тибрѣ, они возвращались домой [1]).

Понятно, что портретъ «святого отца», который эти «богомольцы» рисовали своимъ слушателямъ у себя дома, мало соотвѣтствовалъ тому, что въ средніе вѣка понимали подъ словомъ «святость». Благочестивыя души болѣе всего возмущались, вѣроятно, *невѣріемъ*, которое господствовало въ Римѣ и едва ли могло быть скрыто папами [2]).

---

[1]) Три вещи, говоритъ Гуттенъ, приносятъ съ собою богомольцы съ береговъ Тибра: неспокойную совѣсть, разстроенный желудокъ и пустой кошелекъ. Если бы онъ не придерживался принципа тройственности, то могъ бы еще упомянуть и о сифилисѣ, какъ четвертомъ дарѣ Рима.

[2]) О Львѣ X, папѣ, при которомъ началась реформація, разсказываютъ, будто онъ допускалъ басню объ Іисусѣ Христѣ, такъ какъ она ему во мно-

Однако, папство считало *вѣру* основою своей власти, да такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было. Когда миновали матеріальныя условія, сдѣлавшія папу господиномъ христіанскаго міра, единственною опорою его власти явились воззрѣнія, бывшія результатомъ этой вѣры, однако, эти воззрѣнія съ каждымъ днемъ становились въ болѣе и болѣе сильныя противорѣчія съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ обществѣ. Папская власть только и могла еще держаться тѣмъ, что народъ обманывали, нарочно держали въ невѣжествѣ, ничего о вышесказанныхъ безобразіяхъ ему не говорили и вообще всячески задерживали его развитіе. Хотя этотъ мотивъ былъ ясенъ, быть можетъ, всего немногимъ изъ наиболѣе дальновидныхъ сыновъ церкви, однако, монахи всѣхъ орденовъ, становясь невѣрующими, тотчасъ же смекали, что народъ лучше всего держать во тьмѣ, чтобы выжать изъ него побольше денегъ. Лучше всего это было извѣстно, конечно, римскому духовенству. Начался мошенническій торгъ чудотворными иконами, мощами и т. п. Наглядным результатомъ свободной конкуренціи, развившейся вмѣстѣ съ товарнымъ производствомъ, явилось стремленіе различныхъ церквей и монастырей наперерывъ другъ передъ другомъ лгать о своихъ мощахъ и т. п., а также о великихъ чудесахъ, ими творимыхъ [1]).

гомъ помогала. Однако, это выраженіе приписывается уже Бонифацію VIII, жившему на два вѣка раньше. Вѣроятно, эта поговорка сдѣлалась постоянной присказкой при папскомъ дворѣ, либо передавалась, какъ характерный для папъ анекдотъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно одно, что Левъ X благословлялъ народъ съ усмѣшкой и строжайше наказалъ своимъ капелланамъ читать ему проповѣди не дольше четверти часа. Ясно, что папы также не очень строго относились къ своему обѣту безбрачія. Саннацаро (1458—1530) разсказываетъ съ усмѣшкой, что папа Иннокентій VIII сумѣлъ вновь заселить своими дѣтьми Римъ, обезлюдѣвшій отъ его же поборовъ [Людовикъ Гейгеръ, «Возрожденіе и гуманизмъ въ Италіи и Германіи». Берлинъ. 1881. Стр. 261. (Ludwig Geiger, «Renaissance u. Humanismus in Italien u. Deutschland. Berlin. 1881. S. 261)].

[1]) Вмѣстѣ съ конкуренціей распространилось господство измѣнчивой *моды*. Папы каждый день должны были выдумывать новыхъ святыхъ, репутація которыхъ не была еще расшатана, такъ что можно было привлечь къ нимъ народныя массы прелестью новизны (впрочемъ, дурни, попадавшіеся на удочку въ видѣ того или другого святого, не были, все-таки, глупѣе многочисленныхъ кліентовъ современныхъ шарлатановъ, изобрѣтающихъ универсальныя средства). Какъ мало старые святые могли выдерживать конкуренцію съ но-

Чѣмъ сильнѣе росло невѣріе къ папской средѣ, тѣмъ болѣе содѣйствовало папство распространенію суевѣрій. Такимъ образомъ оно возмущало благочестивыхъ людей первымъ, а вольнодумцевъ вторымъ.

Однако, врядъ ли распущенность, невѣріе и суевѣріе, вызывавшія нравственное возмущеніе, могли бы возымѣть такое дѣйствіе, если бы, какъ уже было сказано, папство не представляло изъ себя совершенно излишней машины для выжиманія денегъ изъ населенія. Еще въ то время, когда папство не успѣло достичь апогея своего могущества, оно находилось уже въ довольно плачевномъ состояніи нравственности. Вспомнимъ кровавый режимъ Марозіи и ея дочерей (въ X вѣкѣ), которыя замѣщали папскій престолъ своими сыновьями и любовниками. Экономическія и политическія причины, наступившія съ этихъ поръ, а вовсе не нравственныя заставляли цѣлые народы отпадать отъ папства.

Во многихъ странахъ, особенно въ *Германіи*, всѣ классы были заинтересованы въ томъ, чтобы порвать связь съ папствомъ; не

выки, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ кентерберійскомъ соборѣ въ Англіи были 3 часовни, къ которымъ ходили на богомолье; одна была посвящена Христу, другая Богоматери, третья Томасу Бекету. Послѣдній былъ объявленъ святымъ всего лишь въ 1172 году, мощи его помѣщены въ упомянутой часовнѣ въ 1221 году. Сколько выгодъ принесъ церкви этотъ новый святой, показываетъ Бёрнетъ въ своей History of the reformation (Исторія реформаціи). Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ года. По его таблицѣ, пожертвованія составляютъ:

	I. Христу.	Богоматери.	Св. Томасу.
За одинъ годъ	3 фун. 2 шил. 6 пен.	63 ф. 5 ш. 6 п.	832 ф. 12 ш. 3 п.
Въ слѣд. году	— — —	4 » 1 » 8 »	954 » 6 » 3 »

Отъ этихъ сборовъ въ пользу св. Томаса папа отрывалъ себѣ львиную долю. Мученическая смерть святого произошла зимою, т. е. въ такое время, когда богомолье крайне неудобно. Поэтому кентерберійскіе монахи обратились къ папѣ за разрѣшеніемъ перенести праздникъ святому на лѣто. «Святой отецъ» (Гонорій III) согласился на это только подъ такимъ условіемъ, чтобы ему была удѣлена приличная часть лишняго барыша, ожидавшагося отъ этого перемѣщенія. Возгорѣлся долгій споръ. Папа требовалъ половины валового дохода; монахи объявили, что при такихъ условіяхъ торгъ святымъ не выдержитъ, что они не вернутъ своихъ расходовъ. Въ концѣ концовъ папа уступилъ и удовлетворился половиною чистой прибыли. (S. E. Thorold Rogers «Six Centuries of Work and Wages. The History of English Labour», London. 1886 стр., 359).

только эксплоатируемый народъ, но и свои мѣстные «національные» эксплоататоры очень скорбѣли о громадномъ количествѣ денегъ, которыя уплывали за границу, между тѣмъ какъ имъ гораздо интереснѣе было набить ими свои карманы. Даже мѣстное духовенство ничего не имѣло противъ освобожденія церкви. Вѣдь, ему доставалась только роль сборщика податей для римскаго престола; отъ всего того, что мѣстное духовенство отнимало у народа, львиную долю приходилось отправлять въ Римъ, самыя хлѣбныя должности приходилось уступать папскимъ фаворитамъ изъ Рима, а самому довольствоваться плохо оплачивавшимися должностями въ приходскихъ церквахъ, гдѣ къ тому же приходилось еще сильно работать. Какъ разъ та именно часть духовенства, которой случалось играть въ жизни государства извѣстную роль, именно бѣлое духовенство, пользовавшееся еще въ народѣ извѣстнымъ уваженіемъ, именно ему-то необходимо было оказать римскому престолу нѣкоторую оппозицію.

Централизація церкви вовсе не далась папамъ легко; напротивъ того, каждой отдѣльной странѣ приходилось навязывать церковную организацію послѣ цѣлаго ряда войнъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для подчиненія бѣлаго духовенства оказалось монашество. Еще въ XI вѣкѣ папа и нѣмецкіе епископы относились другъ къ другу враждебно. Послѣдніе стали на сторону Генриха IV, между тѣмъ какъ высшее дворянство играло въ руку папѣ. Французская и англійская церкви точно также подчинились папской власти лишь послѣ продолжительной борьбы. Однако, вполнѣ борьба между Римомъ и различными національными церквами никогда не прекращалась и послѣ крестовыхъ походовъ она усилилась тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе увеличились поборы на папскій престолъ. Наконецъ, борьба эта закончилась полнымъ разрывомъ съ папою. Духовенство, особенно низшее, взяло на себя руководство этой борьбы съ Римомъ; всѣ реформаторы были духовными лицами—Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и т. п.; самъ клиръ далъ мысли то направленіе, по которому пошла борьба за реформацію.

Однако, къ эпоху реформаціи церковь представляла изъ себя нѣчто иное, нежели въ первые вѣка средневѣковья. Тогда она являлась организаціей, которою сдерживалось государство и общество, теперь она стала простымъ орудіемъ правительства; самыя основы государства измѣнились въ корнѣ. Съ отдѣленіемъ церкви отъ Рима порвалась послѣдняя нить, еще поддерживавшая до нѣкоторой

степени ея господство въ государствѣ—это была *традиціонная иллюзія*; потому духовныя лица реформированной церкви сдѣлались повсюду служителями правительства; тамъ, гдѣ правительство находилось въ рукахъ монарха, пасторы сдѣлались чиновниками самодержца. Теперь уже не церковь опредѣляла то, чему людямъ приходилось вѣрить и какъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступать, теперь вѣра и поступки людей, о которыхъ проповѣдывали въ церквахъ, опредѣлялись правительствомъ.

Не всѣ народы и не всѣ классы каждаго отдѣльнаго народа христіанскаго міра были, однако, заинтересованы въ томъ, чтобы отдѣлиться отъ папства. Прежде всего въ *Италіи* въ этомъ не былъ заинтересованъ рѣшительно никто. Чѣмъ болѣе развивалось товарное производство, тѣмъ болѣе упрочивалась національная идея и тѣмъ тѣснѣе Италія сливалась съ папствомъ. Господство папства соотвѣтствовало преобладанію Италіи надъ христіанскимъ міромъ, иными словами, давало Италіи возможность обирать его.

Владѣлецъ габсбургскихъ земель, *императоръ*, точно также не былъ заинтересованъ въ реформаціи. Его власть надъ Германіей была такъ жъ призрачна, какъ и власть папы; та и другая основывались отчасти на одинаковыхъ иллюзіяхъ и должны были прекратиться сейчасъ же послѣ того, какъ эти иллюзіи падутъ подъ ударами дѣйствительности. Требовать отъ императора отложенія отъ папы было равносильно требованію отъ него самоубійства. Какъ князь габсбургскихъ земель, представлявшихъ изъ себя самую пеструю смѣсь, онъ также не могъ содѣйствовать реформаціи. Страны эти только и сдерживались вмѣстѣ благодаря католицизму, и только отъ него можно было ожидать крестоваго похода противъ турокъ, который, конечно, сплотилъ бы прежде всего домъ Габсбурговъ. Вмѣстѣ съ реформаціей пропадала всякая надежда на проповѣдь такого крестоваго похода.

Не имѣли также причинъ отложиться отъ папства государи *Франціи* и *Испаніи*, такъ какъ въ этихъ странахъ королевская власть тогда не была ничѣмъ ограничена. Въ обѣихъ этихъ странахъ очень рано появились торговля и товарное производство. Раньше всего это произошло въ южной Франціи, гдѣ поэтому впервые и разразилось возстаніе противъ папской власти: это была «ересь» альбигойцевъ, которая была уничтожена въ XIII вѣкѣ послѣ

кровопролитной войны. Чего не могли достичь города-республики южной Франціи, того впослѣдствіи добились французскіе короли. Уже въ 1269 году Людовикъ «святой» издалъ «прагматическую санкцію», которая была возобновлена и расширена въ 1438 году Карломъ VI. По этому распоряженію, французское духовенство въ высокой степени освободилось отъ Рима и подчинялось королю, т. е. въ общихъ чертахъ король добился того, чего достигли, лишь 100 лѣтъ спустя, нѣмецкіе князья при помощи реформаціи. Королю принадлежало рѣшающее слово при замѣщеніи высшихъ духовныхъ должностей; сборы въ пользу папы, не получившіе разрѣшенія со стороны короля, были запрещены.

Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ Испаніи. Съ 1480 г. тамошняя инквизиція явилась полицейскимъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти, которая назначала инквизиторовъ и пользовалась ими для своихъ политическихъ цѣлей. Такъ же, какъ и во Франціи, и въ Испаніи папа не имѣлъ права взимать поборовъ безъ согласія короля[1]).

Короли и духовенство во Франціи и въ Испаніи добились, однако, большихъ преимуществъ, за которыя нѣмецкимъ князьямъ приходилось бороться еще за долго до реформаціи, вовсе не потому, что страны эти стояли выше въ своемъ экономическомъ развитіи. Они стали столь сильны, что рѣшили сдѣлать *самого папу своимъ орудіемъ* и воспользоваться его вліяніемъ и могуществомъ для своихъ личныхъ цѣлей. Такимъ образомъ имъ не только не интересно было освободиться отъ папы, а, напротивъ того, они старались поднять его власть надъ христіанскимъ міромъ, который, на самомъ-то дѣлѣ, принадлежалъ имъ самимъ.

Уже къ началу XIV вѣка французскіе короли стали столь сильны, что подчинили себѣ римскихъ папъ, заставивъ ихъ (съ 1308—1377 годъ) переселиться на французскую территорію, въ Авиньонъ.

---

[1]) За разрѣшеніе на торговлю индульгенціями, давшими поводъ къ началу реформаціи, Льву X во Франціи и въ Испаніи пришлось заплатить не дешево. Карлъ V получилъ безсрочный заемъ въ 150.000 червонцевъ; Франциск I французскій предпочелъ взять часть валового дохода. Изъ *нѣмецкихъ* князей только князь-архіепископъ Майнцскій, въ качествѣ свѣтскаго и духовнаго владыки, оказался достаточно сильнымъ для того, чтобы потребовать себѣ часть награбленной добычи; и онъ дѣйствительно получилъ ее. Другіе нѣмецкіе князья ничего не получили, на что они сильно обидѣлись и стали относиться къ реформаціи значительно благосклоннѣе.

Не вліянію церкви, а, напротивъ, усиленію Италіи и развитію итальянской національной и монархической идеи, явившейся, въ свою очередь, результатомъ экономическаго развитія, папы обязаны тѣмъ, что имъ, наконецъ, удалось вырваться изъ Франціи и вернуться въ Римъ. Однако тутъ-то французы и начали стремиться вновь подчинить себѣ всю Италію вмѣстѣ съ папою. Точно такую же попытку сдѣлала также Испанія, положеніе которой, къ началу реформаціи, было особенно благопріятно, такъ какъ Карлъ V соединялъ на себѣ германскую императорскую и испанскую королевскую короны.

Пока нѣмецкіе князья лишь осторожно и съ оглядкою пытались свергнуть съ себя папское иго, двѣ обширныя католическія страны вели изъ-за папской власти ожесточенную войну. Въ 1521 году папа Левъ X подчинился императору Карлу V и въ томъ же году этотъ послѣдній объявилъ Лютера внѣ закона. Адріанъ VI, преемникъ Льва X, былъ «твореніемъ его императорскаго величества». А когда затѣмъ пріемникъ Адріана, Климентъ VII, сдѣлалъ попытку освободиться отъ императора, тогда этотъ защитникъ католической вѣры послалъ къ «святому отцу» своихъ ландскнехтовъ, которые (въ 1527 году) взяли Римъ штурмомъ и страшно разграбили его.

Если Италія, Франція и Испанія остались католическими странами, то этого нельзя приписывать исключительно ихъ умственной отсталости, какъ то обыкновенно дѣлаютъ, а, напротивъ, ихъ значительно болѣе сильному экономическому развитію [1]). Эти страны были господами папы, при его посредствѣ онѣ грабили нѣмецкихъ христіанъ. Послѣдніе должны были отпасть отъ папы, чтобы избавиться отъ вѣчныхъ поборовъ, но это отпаденіе влекло за собой разрывъ съ самыми богатыми и развитыми странами Европы. Въ этомъ смыслѣ слова реформація была борьбою варваровъ противъ

---

[1]) Такъ какъ многіе историки мистически приписываютъ борьбу между протестантизмомъ и католицизмомъ столкновенію двухъ принциповъ—«авторитета» съ одной и «индивидуализма» съ другой стороны, то они выставляютъ благословенный Богомъ нѣмецкій народъ, какъ носителя индивидуальной свободы, между тѣмъ какъ романцы оказываются рабами авторитета. Стремленіе къ протестантизму яко бы присуще нѣмцамъ, а приверженность католицизму романцамъ. Чрезвычайно удобный способъ объяснять историческія явленія.

культуры. Нельзя считать случайностью то обстоятельство, что прежде всего борьба за реформацію началась въ двухъ наиболѣе отсталыхъ странахъ Европы—въ Швеціи и Шотландіи.

Мы этимъ вовсе не хотимъ осуждать реформаціи. Мы установили этотъ фактъ, такъ какъ онъ отлично объясняетъ намъ, почему именно наиболѣе свѣтлые умы Германіи и Англіи ничего не хотѣли и слышать о реформаціи. На первый взглядъ, если признать, что реформація имѣетъ чисто умственное происхожденіе,—это кажется страннымъ; вѣдь, обыкновенно принимаютъ какъ разъ обратное, именно, что реформація явилась результатомъ борьбы болѣе высокаго умственнаго развитія, протестантскаго, противъ болѣе низшаго—католическаго.

На самомъ дѣлѣ дѣло обстояло какъ разъ обратно. *Гуманизмъ* являлся прямою противоположностью реформаціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гуманизмъ.

1. Язычество и католицизмъ.

Новый способъ производства товаровъ вызвалъ къ жизни новыя формы мысли и далъ этимъ мыслямъ новое содержаніе. *Содержаніе* умственной жизни мѣнялось скорѣе, нежели ихъ *формы.* Послѣднія оставались еще долго церковными, т. е. соотвѣтствовали феодальному натуральному хозяйству, между тѣмъ въ содержаніе этихъ мыслей вторгалось новое товаропроизводство, сообщавшее имъ «свѣтскій» характеръ.

Между тѣмъ новому образу мышленія традиціонныя церковныя формы лишь недолго могли удовлетворять. Ему тѣмъ легче было отступить отъ этихъ формъ, что онъ нашелъ другое, готовое міросозерцаніе, которое ему пришлось только принять,—это міросозерцаніе разъ уже послужило выраженіемъ образа мыслей цѣлой эпохи и во многихъ частяхъ своихъ вполнѣ соотвѣтствовало новому направленію мыслей. Это было міросозерцаніе древняго языческаго античнаго искусства и науки. Товаропроизводство, вытѣснившее *феодальное* натуральное хозяйство феодальнаго періода, прежде

всего, какъ мы уже сказали, появилось въ Италіи, въ странѣ, гдѣ оставались еще безчисленные слѣды античнаго римскаго язычества и гдѣ традиціи этого языческаго міра до сихъ поръ еще не были уничтожены съ корнемъ. Развитіе торговыхъ сношеній съ Греціей заставило итальянцевъ познакомиться съ античной эллинской литературой, которая еще болѣе соотвѣтствовала новому міросозерцанію, чѣмъ римская. Итальянскія торговыя республики, которыя старались какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи стряхнуть съ себя иго феодализма, разразились взрывомъ восторга, когда имъ удалось въ литературѣ древней торговой республики—города *Аѳинъ*, найти міросозерцаніе, во многихъ отношеніяхъ совпадавшее съ ихъ собственнымъ міровоззрѣніемъ. Къ тому же тамъ это міросозерцаніе было выражено очень полно и форма изложенія его была по истинѣ восхитительна. То, чего новому развивающему способу производства приходилось добиваться съ огромными усиліями,—именно новое міровоззрѣніе, новыя науки и искусства, это было лишь скрыто подъ слоемъ мусора, нанесеннаго средними вѣками, и умственные вожди Италіи XIV вѣка могли ограничиться тѣмъ, что въ эпоху быстраго развитія товаропроизводства только разрывали этотъ мусоръ и доставали изъ-подъ него наслѣдіе античнаго міра.

Изученіе древняго міра началось съ того, что нужно было при посредствѣ античнаго наслѣдія получить понятіе о современномъ мірѣ и окончательно уничтожить слѣды недавняго прошлаго. Умственное движеніе, явившееся результатомъ такого знакомства съ древнимъ міромъ, получило названіе *ренессанса* (возрожденія, подразумѣвается древняго міра) и *гуманизма* (стремленія къ чисто человѣческому образованію, въ отличіе отъ схоластическаго богословія, занимавшагося исключительно божественными вещами). Первое выраженіе обозначаетъ новое направленіе въ *искусствѣ*, второе—въ *литературѣ*.

Если бы именно идеями создавались матеріальныя отношенія, а не наоборотъ, то возрожденіе античныхъ идей навѣрно должно было бы имѣть послѣдствіемъ и возрожденіе общества по древнимъ образцамъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, никогда еще какое либо міровоззрѣніе не было принято съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ то, съ какимъ гуманисты отнеслись къ античному міру. Тѣмъ не менѣе и они

также восприняли изъ этихъ идей только то, что дѣйствительно соотвѣтствовало настоящему положенію вещей. Они скорѣе готовы были допустить логическое противорѣчіе, чѣмъ противорѣчіе фактамъ. Конечно, дѣлалось это совершенно безсознательно, такъ какъ образъ мыслей, отвѣчающій дѣйствительности, легко можетъ быть воспринятъ даже безъ строгаго логическаго доказательства. Такимъ образомъ міросозерцаніе гуманизма во многихъ отношеніяхъ сдѣлалось крайне своеобразнымъ.

Въ древности, такъ же, какъ и въ эпоху среднихъ вѣковъ, въ въ городахъ-республикахъ появилось производство товаровъ и торговли. Однако то, что въ древности считалось высшимъ развитіемъ общества, къ концу средневѣковья сдѣлалось исходной точкою для развитія новаго общества. Мы выше уже видѣли, какъ начатки капиталистическаго строя поощрили развитіе самодержавной монархіи и національной идеи. Такимъ образомъ и гуманисты стали ревностными поборниками соединенія всей націи подъ властью государя, несмотря на мечтанія Демосѳена и Цицерона и даже на то, что многіе изъ гуманистовъ сами были родомъ изъ республикъ-городовъ. Даже отецъ гуманизма, флорентинецъ Данте, объявлялъ себя ревностнымъ монархистомъ и страстнымъ сторонникомъ единства Италіи, хотя для достиженія этого единства ему пришлось указывать на германскаго императора, такъ какъ папы представлялись ему ставленниками Франціи. Однако, послѣ возвращенія папъ изъ Авиньона, они начали представлять изъ себя ту силу, вокругъ которой стали группироваться итальянскіе гуманисты, чаявшіе отъ папъ единенія Италіи.

Большинство гуманистовъ придерживалось того мнѣнія, что развивающееся современное государство нуждается въ личной вершинѣ, главѣ [1]). Но именно по тому-то самому, что благо и горе въ госу-

---

[1]) Подобнаго рода взглядъ еще сравнительно недавно высказывался г. Стронинымъ, приравнивавшимъ государство, неизвѣстно по какимъ даннымъ, къ конусу, который только и можетъ стоять устойчиво, если покоится на широкомъ основаніи и оканчивается острой (непремѣнно острой!) вершиной. Я полагаю, что можно было бы съ равнымъ успѣхомъ пріуро чить общество и къ шару, и къ цилиндру, и къ призмѣ, и что вообще comparaison n'est pas raison, такъ какъ при методѣ сравненія фантазія можетъ разыграться и до нелѣпостей.

Прим. перев.

дарствѣ, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ усмотрѣнія государя (а, вѣдь, въ тѣ времена такой взглядъ соотвѣтствовалъ истинному положенію вещей), казалось далеко не безразличнымъ, какого рода человѣкомъ будетъ этотъ государь. По воззрѣнію гуманистовъ, для государства необходимъ былъ вождь съ сильною властью, но, съ другой стороны, они полагали, что имъ приходится руководить этимъ вождемъ, воспитывать и направлять его.

Толкованіе слѣдствій такой точки зрѣнія зависѣло отъ личности каждаго отдѣльнаго гуманиста. Государь представлялся имъ естественнымъ благомъ для народовъ, но, конечно, только добрый государь, т.-е. разсуждающій такъ, какъ дѣлаютъ это они—гуманисты. Сопротивляться плохому государю, стараться свергнуть и даже убить его, чтобы очистить мѣсто лучшему, это вовсе не противорѣчило принципамъ гуманистовъ, хотя, впрочемъ, только очень немногіе изъ нихъ имѣли смѣлость отъ словъ переходить къ дѣлу. Многіе изъ нихъ были безхарактерными льстецами. Однако, въ общемъ, они всѣ-таки исходили изъ того правила, что надъ княземъ надо умственно господствовать. Такимъ образомъ идеологи развивающейся буржуазіи только защищали ея точку зрѣнія, съ которою мы уже имѣли случай познакомиться.

Характернымъ слѣдствіемъ этой точки зрѣнія является безчисленное количество гуманистическихъ сочиненій, которыя имѣли назначеніемъ служить инструкціей для государей и давать имъ совѣты въ томъ, какъ устроить государство и править имъ. Самымъ извѣстнымъ изъ сочиненій этого рода является «Государь» (Il prin-cipe) Макіавелли.

Однако, гуманисты при этомъ вовсе не затѣвали борьбы съ вѣтряными мельницами. Они въ самомъ дѣлѣ представляли изъ себя силу, которая была нужна государямъ и которую имъ приходилось привлечь на свою сторону. Вѣдь, не только матеріальныя средства буржуазіи были нужны государямъ, они не могли также обойтись и безъ ея идеологовъ. «Общественное мнѣніе», т. е. воззрѣнія городского буржуазнаго населенія, представляло изъ себя и въ ту эпоху въ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣталъ гуманизмъ, силу, оно оказывало огромное вліяніе именно на это городское населеніе. Кромѣ того, государямъ нужны были ученые новаго направленія для управленія страною: Бюрократіи тогда еще не было; гуманисты,

наряду съ законовѣдами и высшимъ духовенствомъ, и даже лучше ихъ обоихъ, были въ состояніи править государствомъ и служить совѣтниками князю или представлять его, въ качествѣ пословъ, при иностранныхъ дворахъ.

Вѣдь, не спроста императоръ Максимиліанъ воскликнулъ, что «ученые по настоящему должны бы были править страною, а вовсе не быть подданными; имъ слѣдовало бы оказывать высшія почести, такъ какъ Богъ и природа предпочли другимъ людямъ именно ихъ». Каждый государь [1]) старался привлечь къ своему двору возможно больше гуманистовъ и знаменитому ученому воздавались почти царскія почести. Въ тѣ времена ученые играли при дворахъ другую роль, чѣмъ теперь: они являлись тамъ не послушной прислугой, присутствіе которой терпятъ, а друзьями государей, искавшихъ дружбы. Этимъ отчасти объясняется отношеніе Генриха VIII къ Мору.

Такія же логическія противорѣчія, какія мы отмѣтили въ политическихъ воззрѣніяхъ гуманистовъ, встрѣчаются и въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Если они съ одной стороны мечтали о древнихъ античныхъ республикахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывались ревностными монархистами, то съ другой стороны они становились все болѣе и болѣе язычниками и при томъ оставались вѣрными католиками. Какъ новый способъ производства товаровъ противорѣчилъ феодальному, такъ и все новое міровоззрѣніе являлось относительно феодальнаго противоположностью. Чѣмъ ниже падало прежнее натуральное хозяйство, тѣмъ смѣлѣе гуманисты возставали противъ всѣхъ традицій, глумились надъ семейнымъ бытомъ и формами брака среднихъ вѣковъ и не щадили также и религіи.

Въ средніе вѣка, при патріархальномъ семейномъ бытѣ, роль женщины въ общественной жизни сошла на нѣтъ, женщина стала служанкою супруга и всей семьи. И все ниже и ниже падала она по мѣрѣ того, какъ терялись слѣды первоначальнаго *коммунистическаго хозяйства*. Пока еще господствовала общность имущества, женщинѣ приходилось исполнять общественныя функціи, и община находилась въ такой же зависимости отъ ея дѣятельности, какъ и

---

[1]) За исключеніемъ нѣмецкихъ и спеціально сѣверо-германскихъ князей, которые въ виду своей экономической отсталости очень мало заботились о гуманизмѣ и очень скаредно обходились съ гуманистами.

отъ дѣятельности мужчинъ. Общность хозяйства заставляла женщинъ соединяться въ одну общую организацію. Поэтому въ тѣ времена женщина ни въ степени вліянія на общину, ни въ степени интереса, проявляемаго ею къ общественнымъ дѣламъ, не уступала мужчинѣ.

Въ отдѣльномъ хозяйствѣ женщина оказалась изолированной. Домоводство перестало быть общественнымъ дѣломъ, и потому женщина перестала интересоваться обществомъ и пользоваться вліяніемъ на него. Она утратила свою силу, и окружавшій ее прежде почетъ и кругъ ея дѣятельности сильно сузились.

Эмансипація женщины обозначаетъ ея освобожденіе (по крайней мѣрѣ до извѣстной степени) отъ одиночнаго, отдѣльнаго хозяйства. Эта эмансипація стала возможною тогда, когда наиболѣе тяжелыя домашнія работы вновь сдѣлались общественными. Впрочемъ, существуетъ еще и другой путь достиженія эмансипаціи, именно тотъ, что женщина сваливаетъ работы по своему хозяйству на *другихъ*. Конечно, такимъ образомъ, путемъ порабощенія другихъ женщинъ, можетъ освободиться только небольшая часть ихъ.

Первый способъ эмансипаціи женщинъ путемъ превращенія ея работы въ *общественную работу*, достающуюся на долю извѣстнымъ спеціалистамъ, въ существеннѣйшихъ чертахъ своихъ принадлежитъ еще будущему. Между тѣмъ второй уже нѣсколько разъ становился неоспоримымъ историческимъ фактомъ: хорошія условія для такой эмансипаціи появлялись каждый разъ въ томъ случаѣ, когда господствующій классъ доводилъ эксплоатацію рабочаго класса до того, что не только мужчины, но и женщины этого класса могли совершенно освободиться отъ необходимости работать.

Примѣромъ такой эмансипаціи женщинъ, обусловливаемой эксплоатаціей, является Римъ въ эпоху императоровъ; современная намъ *буржуазная эмансипація женщинъ* [1]) относится къ той же категоріи явленій, какъ и эмансипація женщинъ, провозглашенная гуманизмомъ.

Отдѣльное хозяйство и единобрачіе являлись для ремесленниковъ и крестьянъ въ высокой степени экономической необходимостью.

---

[1]) Потому-то женщины этой категоріи инстинктивно ненавидятъ соціализмъ и мечтаютъ о безграничной эксплоатаціи не только мужчинъ рабочаго класса, но и женщинъ.

Почти невозможно было поддерживать въ полномъ ходу крестьянское или ремесленное производство безъ правильнаго домашняго хозяйства, которое также должно было имѣть свою госпожу, какъ самое производство не могло обходиться безъ главы—хозяина.

Крестьянинъ не былъ бы въ состояніи держать батраковъ или служанокъ, а ремесленникъ — подмастерьевъ безъ жены-хозяйки; вѣдь, слуги и подмастерья принадлежали къ семьѣ, ѣли съ хозяевами за однимъ столомъ, жили въ ихъ домѣ.

Иначе обстояли дѣла у купца. Его занятія совершенно не приурочивались къ хозяйству; была ли у него жена или нѣтъ, это для хода его торговыхъ оборотовъ значенія не имѣло. Бракъ и семейная жизнь изъ экономической необходимости превратились въ предметъ роскоши. Если купецъ былъ бережливъ, то ему вовсе не стоило жениться, развѣ только жена входила въ его домъ не въ качествѣ хозяйки, а какъ богатая наслѣдница. А разъ семейное хозяйство сдѣлалось предметомъ роскоши, если оно имѣло значеніе развѣ въ смыслѣ сбереженія расходовъ купца, но никакъ не вліяло на его доходы, то, конечно, купецъ могъ поручить веденіе своего хозяйства и наемнымъ лицамъ, если только его дѣло могло выдержать такіе расходы. Разъ онъ женился на женщинѣ ради ея приданаго или наслѣдства, а не имѣлъ въ виду получить хозяйку въ домъ, то, само собою разумѣется, дѣло такъ на самомъ дѣлѣ и выходило.

Такимъ образомъ въ XV и XVI вѣкѣ, подъ вліяніемъ огромныхъ торговыхъ барышей, жена купца, а также городского юриста, врача, чиновника и т. п., если у нихъ было достаточно денегъ, освобождалась отъ работы по домашнему хозяйству и, вообще, отъ всякой работы. У нея оказалось время и желаніе заниматься вопросами, которые были очень далеки отъ ея прежняго круга дѣятельности, которые были не «женственными». Однако, на ряду съ этой эмансипаціей традиціонная форма брака въ купеческихъ и гуманистическихъ кругахъ дѣлалась все болѣе и болѣе предметомъ роскоши, между полами возникли вслѣдствіе этого болѣе свободныя отношенія и прежде всего это имѣло мѣсто въ Италіи, отечествѣ гуманизма; съ юношескимъ задоромъ революціонная богатая буржуазія вырвалась изъ тисковъ патріархальной семьи, одиночнаго брака; такъ какъ однако здѣсь, какъ и въ императорскомъ Римѣ, эмансипація женщинъ являлась слѣдствіемъ того, что она изъ необходимой работницы стала

безполезной эксплоататоршей, то къ новой половой жизни присоединилось много элементовъ сладострастной распущенности погибающаго класса.

Вотъ тѣ элементы, которые сообщили эмансипаціи женщинъ въ эпоху гуманизма ея своеобразный характеръ. Впрочемъ, въ тѣ времена эмансипація женщинъ охватывала значительно болѣе тѣсные круги, чѣмъ, напр., тѣ, на которые это движеніе распространилось нынѣ [1]).

Смѣлости гуманизма по отношенію къ половой жизни соотвѣтствовала также и свобода въ религіозномъ отношеніи. Сначала языческій атеизмъ выступалъ еще скрытымъ въ духовномъ облаченіи, затѣмъ онъ переставалъ понемногу стѣсняться и обратился бы въ полное и безусловное невѣріе (гуманистовъ, конечно, а не народныхъ массъ), если бы ему не преградила дороги реформація [2]).

---

[1]) Поборники современной женской эмансипаціи стараются обосновать необходимость этого общественнаго переворота *физіологическими* и *юридическими* причинами, какъ нѣчто отвѣчающее *природѣ* и *справедливости*, а вовсе не апеллируютъ къ особеннымъ историческимъ условіямъ. Такъ же точно и гуманисты прежде всего обращались къ религіи, несмотря на то, что первоначальное ученіе церкви и относилось къ равноправности женщинъ враждебно. Такъ, напр., Харитасъ, сестра нюрнбергца Пиркгеймера, бывшая игуменьей монастыря Св. Клары въ Нюрнбергѣ и дѣятельной гуманисткой, ссылалась на то, «что другой полъ имѣетъ того же Творца, Спасителя и Избавителя и что одна рука высшаго Создателя никакъ не должна быть признана короче и скупѣе другой. Вѣдь, у него хранится ключъ благоволенія и онъ надѣляетъ каждаго, по усмотрѣнію, не считаясь съ отдѣльною личностью».

Характернымъ для этого сплетенія новыхъ языческихъ воззрѣній со старой церковной традиціей можетъ, между прочимъ, служить поступокъ атеиста Сиджисмондо Малатеста, правителя Римини. Онъ въ 1445—1450 году построилъ св. Франциску великолѣпный храмъ и поставилъ въ немъ памятникъ своеобразной святой—своей любовницѣ Изортѣ, которую ему хотѣлось канонизировать. Среди лицъ, особенно усердно пользовавшихся господствовавшей въ тѣ времена свободою въ половыхъ сношеніяхъ, называютъ Франческо Поджіо (1380—1459) духовнаго и секретаря папы, который оставилъ не менѣе 18, признанныхъ имъ за своихъ, дѣтей, изъ нихъ 14 незаконныхъ.

[2]) Однимъ изъ наиболѣе свободомыслящихъ гуманистовъ былъ флорентинецъ Луиджи Пульчи (1432—1484). Въ комически-героической поэмѣ «Морганте», насмѣшкой надъ христолюбивымъ рыцарствомъ, онъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующую пародію на католическій символъ вѣры: «Вѣрую я теперь лишь въ синюю краску, а черной больше не довѣряю, зато вѣрую въ откор-

2. *Язычество и гуманизмъ.*

Робко ли, скрытно ли, однако, всѣ гуманисты самымъ опредѣленнымъ образомъ боролись, все-таки, съ неустройствами церкви, особенно съ монашествомъ, которое было любимою мишенью ихъ нападокъ и глумленія.

Но какъ бы сильны эти нападки ни были, они не шли дальше извѣстнаго предѣла. Логика дѣйствительности навязывала гуманистамъ нелогичность мышленія.

Мы видѣли уже въ предыдущей главѣ, что господствующіе, эксплоататорскіе классы романскихъ странъ, и преимущественно Италіи, были сильно заинтересованы въ сохраненіи престижа папской власти. Идеологи новыхъ общественныхъ силъ—власти государя и денегъ—должны были считаться съ этимъ обстоятельствомъ, сколь бы оно подчасъ ни противорѣчило ихъ системѣ. Въ дѣйствительности почти всѣ гуманисты и въ томъ числѣ и самые выдающіеся изъ нихъ, безъ исключенія, обрушивались не на *церковныя установленія*, а на личность священнослужителей и на тотъ *духъ*, который ихъ обуялъ. Прежнія формы церкви должны были, по ихъ мнѣнію, быть сохранены, только содержимое ихъ должно было перемѣниться. Церковь должна была остаться самымъ могущественнымъ и самодержавнымъ учрежденіемъ, однако, она должна была сдѣлаться церковью гуманистовъ, гуманисты должны были сдѣлаться ея слугами (т. е. обладателями теплыхъ доходныхъ мѣстъ), а папа представлялся имъ первымъ среди гуманистовъ [1]). Посредствомъ гумани-

---

мленныхъ куръ, во все вареное и жареное, иногда также въ масло, въ пиво а когда его нѣтъ, то даже въ сидръ, но лучше въ сухой, нежели сладкій, болѣе же всего я вѣрую въ доброе вино; уповаю я, что тотъ, кто вѣруетъ въ него—спасется. Я вѣрую въ пироги и печенья; первые мать, вторыя—сынъ; настоящимъ же «Отче нашъ» признаю жареную печенку—въ трехъ лицахъ она все-таки едина». Писалъ это высокопоставленный вельможа и другъ Лоренцо Медичи; онъ не подвергся за это ни судебному преслѣдованію, ни церковному отлученію.

[1]) Хорошимъ образчикомъ сказанному является, по нашему мнѣнію, идеальный монастырь телемитовъ, описанный Рабле. Въ своей «Гаргантюа» (глава 52—57) Рабле разсказываетъ о фантастическомъ аббатствѣ Телема, которое онъ устраиваетъ совершенно во вкусѣ гуманизма. Намъ кажется, что

стовъ папа долженъ былъ управлять государями и народами и пользоваться ими для цѣлей гуманизма.

Своеобразное положеніе Италіи, бывшей отечествомъ гуманизма, заставляло гуманизмъ остановиться на такомъ положеніи, противорѣчившемъ не только его теоретическимъ основамъ, но и потребностямъ всѣхъ общественныхъ силъ внѣ романскихъ странъ, выразителемъ которыхъ онъ явился. Благодаря этому противорѣчію, онъ и долженъ былъ погибнуть въ то время, когда Италія перестала занимать первенствующее положеніе.

Въ Италіи гуманизмъ отвѣчалъ реальнымъ интересамъ. Иначе обстояло дѣло въ германскихъ странахъ. Тамъ онъ всегда былъ и оставался заморскимъ растеніемъ, не имѣвшимъ силъ пустить глубокіе корни въ мѣстную почву. Потому-то нѣмецкій гуманизмъ такъ крѣпко и цѣплялся за Италію, откуда шла всякая наука и искусство. Только при непосредственной связи съ Италіей нѣмецкіе гуманисты могли разсчитывать покорить сѣверное, особенно нѣмецкое, варварство и привлечь на свою сторону правящіе классы. Отдѣленіе отъ Рима значило крушеніе ихъ намѣреній, было равносильно побѣдѣ варварства надъ цивилизаціей. Потому гуманисты такъ противились реформаціи и оставались католиками, что стояли на высшей ступени развитія, нежели протестанты, бывшіе тогда злостными противниками наукъ и искусствъ [1]).

описаніе этого монастыря основано на такой же серьезной тенденціи, какъ и «Утопія» Мора. Мы можемъ познакомиться въ этомъ сочиненіи съ тѣми мѣрами, при помощи которыхъ гуманизму желательно было реформировать церковь. Эксплоатація церковью народныхъ массъ могла продолжаться, аббатство Телема также безъ нея не можетъ обойтись—однако, мѣста монаховъ занимаютъ гуманисты, а прежній орденскій аскетизмъ замѣняется свободою наслажденій и научныхъ изслѣдованій. Указанное мѣсто «Гаргантюа» удивительно характерно для гуманизма вообще и для того способа, какимъ во времена Мора предлагались идеи о необходимыхъ реформахъ. (См. «Гаргантюа» пер. А. Энгельгардта. Спб. 18[0]9. Изд. Вѣстн. Пов. Иностр. литературы).

[1]) Сказанное касается не однихъ только сѣверныхъ реформаторовъ. Попытки реформаціи въ Италіи также исходили отъ полуобразованныхъ представителей низшаго духовенства. Возьмемъ, напр., Савонаролу. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ говоритъ: «Единственно хорошее, сдѣланное Платономъ и Аристотелемъ, сводится къ тому, что они дали много аргументовъ, которые нынѣ съ пользою могутъ быть направлены противъ еретиковъ. Тѣмъ не менѣе и они тоже, какъ и другіе философы, томятся въ аду. Старая баба знаетъ больше

Ученые идеологи Германіи и Англіи, становившіеся на сторону католицизма изъ желанія спасти цивилизацію, находившуюся въ опасности, забывали, однако, объ одномъ: эта католическая культура, высокое развитіе наукъ и искусствъ въ Италіи, величіе папской власти,—все это покоилось на невѣжествѣ и эксплоатаціи народныхъ массъ. Для того, чтобы поощрять науки и искусства въ Италіи, папство должно было держать Германію въ бѣдности и невѣжествѣ. Гуманисты забывали, что варварство, ниспровергшее путемъ реформаціи католическую культуру, было варварствомъ, искусственно поддерживавшимся папами. Гуманисты не замѣтили того, что историческое положеніе дѣлъ стало таково, что только побѣда нѣмецкаго варварства надъ итальянской культурою могла открыть Германіи путь къ освобожденію отъ варварства, что только при этой побѣдѣ дѣлалось возможнымъ ея дальнѣйшее экономическое и умственное развитіе.

Между тѣмъ, гуманисты обращали вниманіе только на тотъ ущербъ, который, несомнѣнно, должны были понести въ сѣверныхъ странахъ науки и искусства подъ вліяніемъ реформаціи. Къ этой причинѣ, заставлявшей ихъ оставаться вѣрными католичеству, при-

---

объ истинной вѣрѣ, нежели Платонъ. Для вѣры было бы полезно, если бы много книгъ, кажущихся на первый взглядъ хорошими, были сожжены. Когда еще не было столько книгъ и столько разумныхъ положеній и разныхъ диспутовъ, вѣра росла скорѣе, чѣмъ нынѣ, когда все это имѣется». Эта цитата очень напоминаетъ нападки Лютера на «блудницу-разумъ»! [1]) Благочестивый Савонарола велѣлъ сжечь сотни экземпляровъ «Декамерона» Боккаччіо, пока, наконецъ, церковь не прекратила его дѣятельности и не казнила его самого. Папы сжигали на кострахъ не атеистовъ, обращавшихся къ образованнымъ, а тѣхъ ревнителей вѣры, которые взывали къ массамъ и такимъ образомъ могли оказаться опасными для папскаго кармана. Напротивъ того, невѣрующіе, въ родѣ Рабле, изливавшаго самое задорное глумленіе надъ церковью и вѣрою, щадились, а нерѣдко даже поощрялись папами и епископами. Католическій фанатизмъ былъ, стало быть, не фанатизмомъ вѣры, а фанатизмомъ корыстолюбія, одѣвшагося въ церковныя облаченія.

Прим. автора.

[1]) Извѣстно, что Лютеръ былъ вообще противникомъ всякаго знанія и прогресса. Характерны его грубыя восклицанія по поводу «сумасшедшаго католическаго монаха, желающаго заставить землю, вопреки Писанію, вращаться вокругъ солнца». Не надо забывать, что Лютеръ и Коперникъ были современниками.

Прим. переводч.

соединялась еще и другая: реформаторы обращались къ народнымъ массамъ, ко всему населенію. Въ различныхъ протестантскихъ странахъ весь народъ, въ противоположность папству, образовалъ одинъ классъ—классъ эксплоатируемыхъ. Протестантскія страны (кромѣ Англіи, гдѣ реформація вообще прошла довольно своеобразно) были вмѣстѣ съ тѣмъ экономически наиболѣе отсталыми, гдѣ абсолютизмъ не такъ-то ужъ былъ силенъ, какъ въ романскихъ странахъ, и гдѣ крестьянинъ и рыцарь обладали еще большимъ запасомъ силы и самоувѣренности. Хотя въ концѣ концовъ преимущественно государи и капиталисты сумѣли извлечь наибольшую пользу изъ реформаціи, тѣмъ не менѣе началась она чисто народнымъ движеніемъ, съ единодушнаго сопротивленія всего населенія папскому лихоимству. Само собою разумѣется, что послѣ крушенія папской власти это движеніе не остановилось, а повело къ кровавымъ столкновеніямъ между отдѣльными классами, истощившимъ ихъ силу и подготовлявшимъ почву къ самодержавію правителей.

Всякое народное возстаніе казалось гуманистамъ чѣмъ-то ужаснымъ. Иное правленіе, кромѣ правленія государя, иное вліяніе на дѣла государства, кромѣ того, которое оказывается на него и черезъ него, казалось имъ совершенно противоестественнымъ. Нужды и требованія народа въ большинствѣ случаевъ были имъ совершенно непонятны и большинство гуманистовъ не проявляетъ къ нимъ никакого интереса. Съ отвращеніемъ взирали они поэтому на движеніе, которое могло окончиться всѣми ужасами междоусобной войны.

Поэтому понятно, что гуманисты въ большинствѣ германскихъ странъ взяли сторону католицизма и пошли наперекоръ всему народу, что реформаторы клеймили ихъ позорной кличкой отступниковъ; неудивительно также, что они потеряли всякое вліяніе и, наконецъ, исчезли, не оставивъ въ народѣ никакого слѣда. Однако, и въ самой Италіи реформація нанесла гуманизму смертельный ударъ. Въ то время уже былъ открытъ морской путь въ Индію вокругъ Африки, который оставался единственнымъ торговымъ путемъ, связывавшимъ Индію съ Европою до открытія Суэзскаго канала; съ береговъ Средиземнаго моря торговля направилась въ Атлантическій океанъ. Въ то же самое время нѣмецкія земли возстали противъ папства: безконечныя суммы, переливавшіяся каждый годъ черезъ Альпы въ Римъ, теперь оставались на родинѣ. Источники богатства Италіи

изсякли, и вмѣстѣ съ тѣмъ понизилось и умственное ея величіе. Матеріальными основами гуманизма были торговля и эксплоатація. Разъ они должны были прекратиться—кончился и гуманизмъ.

Однако, онъ исчезъ не безслѣдно. Его тенденціи воскресли въ *іезуитизмѣ*. Іезуитизмъ—это гуманизмъ, выродившійся въ умственномъ отношеніи, лишенный своей интеллектуальной самостоятельности, втиснутый въ тѣсныя рамки служенія церкви и потому хорошо организованный. Братство Іисуса такъ относится къ гуманизму, какъ христіанство временъ римскихъ императоровъ къ неоплатонизму. Именно въ этой формѣ католическая церковь усвоила гуманизмъ, сдѣлала его пригоднымъ для современныхъ надобностей и при посредствѣ его сумѣла отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ феодальныхъ устоевъ и стала на фундаментъ, на которомъ строилось общество въ эпоху съ XVI по XVIII вѣка. Іезуитизмъ сталъ ужаснѣйшимъ оружіемъ реформированной католической церкви потому, что онъ лучше всего подходилъ къ новымъ экономическимъ и политическимъ условіямъ[1]).

---

[1]) Іезуитизмъ дѣйствовалъ тѣмъ же самымъ оружіемъ, которымъ пользовались гуманисты: преимуществами классическаго образованія, вліяніемъ на государей, приспособленіемъ къ капитализму. Подобно гуманистамъ, и іезуиты поддерживали самодержавную власть, однако, лишь въ томъ случаѣ, если государь старался для нихъ. Подобно гуманистамъ они, несмотря на свое монархическое настроеніе, не задумывались устранять правителя, который почему-либо казался имъ неудобнымъ.

Что касается денегъ, то въ этомъ отношеніи члены братства Іисуса шли дальше гуманистовъ. Они не только повсюду представляли интересы новаго способа производства, но, напротивъ, пользовались его услугами. Іезуиты представляли изъ себя самую обширную торговую ассоціацію Европы—конторы ихъ были разсѣяны по всему міру, они первые поняли, какъ легко миссіонеру исполнять должность торговаго агента, они же впервые устроили въ заокеанскихъ странахъ настоящія капиталистическія предпріятія, напр. сахарные заводы. Вспомнимъ по этому случаю объ іезуитскомъ государствѣ—Парагваѣ, который антисоціалистическими хитроумцами съ любовью приводится какъ доводъ противъ соціалистической пропаганды. Еще недавно это произошло съ австрійскимъ государственнымъ дѣятелемъ, считающимся экономическимъ свѣтиломъ своей партіи. Говорятъ, что іезуитское государство Парагвай показываетъ намъ, куда приводитъ соціализмъ; на самомъ дѣлѣ это государство можетъ служить намъ примѣромъ того, что можетъ быть и у насъ, если капиталистическій способъ производства развивается безпрепятственно. Государство, въ которомъ средства производства принадлежатъ не

3. *Невѣріе и суевѣріе.*

Гуманизмъ имѣлъ своей конечной тенденціей полное отрицаніе средневѣкового міросозерцанія — онъ приводилъ къ полнѣйшему атеизму. Вмѣсто этого изъ него, къ концу его жизненнаго пути, развивается религіозный фанатизмъ, да еще такой сильный, какого средніе вѣка даже и не знали. Къ тому же этотъ фанатизмъ проявляется не только въ странахъ, въ которыхъ гуманизмъ никогда не пускалъ глубокихъ корней, но даже и у себя на родинѣ, въ Италіи.

Причиною такого явленія оказывалось не только экономическое паденіе страны, не только жестокая борьба между эксплоататорами-итальянцами и страдающимъ отъ нихъ населеніемъ, заставившая фанатизмъ корыстолюбія перейти въ фанатизмъ вѣры, такъ какъ вѣдь вѣра была тѣмъ девизомъ, на которомъ основывалось выжиманіе денегъ. Усиленіе пульса религіозной жизни къ концу эпохи гуманизма являлось результатомъ общихъ условій этого времени. Одинъ корень религіи въ періодъ гуманизма слегка подгнилъ, зато другой пустилъ пышные побѣги...

Интеллектуальные корни религіи, причины религіознаго *настроенія* и образа мыслей (религіозныхъ организацій мы въ этомъ случаѣ не касаемся) лежатъ въ сверхчеловѣческихъ и непостижимыхъ силахъ, противъ которыхъ человѣкъ не въ состояніи бороться, которыхъ онъ не можетъ ни направить, ни понять, которыя оказываютъ на его благосостояніе самое рѣшительное вліяніе, такъ что онъ считаетъ необходимымъ какъ-нибудь устроиться съ ними.

Эти силы оказываются не обыкновенными, *естественными* или *общественными*, а совсѣмъ иного порядка.

Въ первобытномъ коммунизмѣ первыя (естественныя и общественныя силы) не играютъ особой роли. Экономическія соотношенія опредѣляются тѣмъ людьми, поскольку они зависятъ отъ ихъ общаго сотрудничества. Тѣмъ значительнѣе зависимость чело-

---

рабочему, а классу лѣнтяевъ и, тѣмъ болѣе, еще—иностранцевъ-капиталистовъ, и гдѣ работа организуется не тѣми, кто работаетъ, а тѣми, кто ничего не дѣлаетъ,—представляетъ изъ себя во всякомъ случаѣ довольно своеобразный примѣръ соціализма!

вѣка, находящагося на такой низкой ступени развитія, отъ *природы.* Однако, онъ еще считаетъ себя одною изъ ея частей, подобно животному; онъ, такъ сказать, еще не перервалъ пуповины, связывающей его съ природою, и живетъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. О религіи тутъ еще не можетъ быть и рѣчи.

Только постепенно у человѣка, подъ вліяніемъ техническаго прогресса, является потребность подчинить природу своимъ требованіямъ; тогда онъ отрывается отъ нея, она становится объектомъ, находящимся внѣ его, и задачею человѣка является ея изученіе. Однако, первый опытъ въ этомъ направленіи приводитъ человѣка къ признанію его полнаго безсилія; необходимо огромное количество времени, требуется длинное историческое развитіе для того, чтобы человѣкъ могъ понять природу, изучить ея законы и направлять ея силы къ извѣстной полезной для него цѣли.

Религія становится потребностью человѣка съ той самой минуты, когда человѣкъ начинаетъ задумываться надъ окружающей природою, и кончается тамъ, гдѣ начинается правильное *естествознаніе.*

Религіи, явившіяся послѣдствіемъ этой потребности постичь окружающій міръ, могутъ быть названы *естественными религіями;* онѣ жизнерадостны, веселы и терпимы, какъ тѣ люди, въ головахъ которыхъ онѣ зародились; въ явленіяхъ природы здѣсь видятъ скорѣе величественное, божественное, нежели страшное, дьявольское.

Съ началомъ производства товаровъ появляются однако такія *общественныя* силы, которыми человѣкъ также не въ силахъ управлять, и это даетъ начало второму корню религіи. Въ маленькихъ общественныхъ группахъ древности и среднихъ вѣковъ проявленія этого стимула еще очень слабы; экономическія соотношенія тутъ не трудно охватить умомъ и счастье или несчастье кажутся обыкновенно слѣдствіемъ *личной* дѣятельности, не требуя для своего объясненія вмѣшательства сверхчеловѣческой силы. Соціальныя явленія должны были стать явленіями *массовыми,* прежде чѣмъ человѣкъ понялъ роль соціальныхъ силъ и свое ничтожество сравнительно съ этими силами; все это произошло еще гораздо раньше, чѣмъ соціальныя силы заполонили воображеніе и разсудокъ и начали вліять на характеръ религіи.

Естественныя природныя религіи носятъ чаще всего мѣстный характеръ, *общественныя религіи*, понемногу вытѣсняющія ихъ, становятся *религіями большихъ массъ*, дѣлаются *міровыми*.

Римская имперія создала хорошую почву для такой религіи. Общественныя явленія, вызвавшія ея появленіе, далеко не представляли изъ себя чего-либо веселаго. Массовыя бѣдствія вродѣ голода и повальныхъ болѣзней, на ряду съ этимъ корыстолюбіе и самодурство небольшого числа чрезмѣрно богатыхъ людей, уменьшеніе народонаселенія и вообще упадокъ всего государства,—вотъ при какихъ условіяхъ возникло христіанство. Горе и отчаяніе, ненависть и жажда крови овладѣли человѣчествомъ. Жизнерадостные боги языческаго міра сдѣлались отвратительными демонами; Творецъ и Судья міра сталъ грознымъ и неумолимымъ—онъ наказывалъ малѣйшій проступокъ вѣчными муками ада; самый міръ сталъ преддверіемъ ада, наполненнымъ дьяволами, жадно искавшими кого бы поглотить.

И вотъ напалъ первобытный народъ—германцы и наполнилъ христіанскій міръ своимъ веселымъ, жизнерадостнымъ духомъ. Хотя боги ихъ стали демонами и дьяволами, однако самъ дьяволъ утратилъ большую часть ужаса, который онъ раньше вселялъ; средневѣковый чортъ былъ добродушнымъ, остроумнымъ, безобиднымъ чортомъ, съ которымъ можно было подчасъ пошутить, подчасъ безнаказанно поглумиться—это былъ добрый, глупый чортъ. Распятый въ терновомъ вѣнцѣ отступилъ на задній планъ и его мѣсто занялъ благодѣтельный Спаситель; добрый пастырь сталъ излюбленной личностью церкви, которому она посвящала свое искусство; на ряду съ нимъ Св. Дѣва—идеалъ женщины, украшенный всей красотою и прелестями, которыя нѣмецъ привыкъ чтить въ женщинѣ.

Развитіе церковной *догмы* въ эту «мрачную эпоху», конечно, остановилось, зато съ огромнымъ энтузіазмомъ справлялись всякіе церковные праздники. Христіане первыхъ вѣковъ христіанства съ упоеніемъ обращали свою фантазію на сюжеты различныхъ мучительныхъ, кровавыхъ казней; теперь память о днѣ, въ которомъ нѣкогда проливалась кровь, стала днемъ радости и веселья, стала поводомъ къ пиршеству.

Наши либеральные историки признаютъ религію, если, конечно, сами они принадлежатъ къ свободомыслящимъ, за проявленіе не-

достатка въ «просвѣщенiи». О соцiальныхъ основанiяхъ религiи они ничего не хотятъ знать. Если бы взглядъ ихъ былъ правиленъ, тогда гуманизмъ долженъ былъ бы встрѣтить чрезвычайно благопрiятную почву и какъ разъ у нѣмцевъ и въ той мѣрѣ, какъ увеличивалось «просвѣщенiе» гуманизма, должно было бы возрастать и просвѣщенiе массъ. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ своеобразное явленiе, что чѣмъ болѣе свободомыслящимъ становится гуманизмъ, тѣмъ болѣе религiя теряетъ свой первоначальный характеръ и принимаетъ тотъ характеръ, который отличалъ ее въ эпоху римской имперiи. Это явленiе можно понять только въ томъ случаѣ, если принять въ соображенiе тотъ *экономическiй* переворотъ, который въ ту эпоху имѣлъ мѣсто.

Производство товаровъ и торговля содѣйствовали, конечно, успѣхамъ естествознанiя, которое, въ свою очередь, оказывало вліянiе и на нихъ. Сношенiя съ Востокомъ обогащали Западъ не только товарами, а также знанiями, исходившими изъ этой колыбели древняго культурнаго мiра. Однако, все это пока еще мало вліяло на религiю.

Гуманизмъ въ своемъ развитiи опирался, главнымъ образомъ, на классическую аѳинскую литературу; естествознанiе оттуда почти ничего не могло почерпнуть. Только весьма немногiе ученые-гуманисты обращались къ тѣмъ отраслямъ знанiя, съ которыми насъ прежде всего познакомили арабы, именно къ анатомiи, химiи и астрономiи. Они желали при этомъ *методически* установить законы природы и подготовили этимъ великiя открытiя XVI и XVII вѣковъ. Большинство изъ тѣхъ гуманистовъ, которые занимались естественными науками, имѣло въ виду получить практическую личную выгоду, какъ это и отвѣчало новому способу производства. А тамъ, гдѣ для этого не хватало средствъ, тамъ прибѣгали къ умозрѣнiямъ и гипотезамъ, которыхъ вовсе не нужно было подтверждать фактами, а достаточно было въ видѣ довода и доказательства привести мнѣнiя и тексты изъ старинныхъ писателей.

Тогда не теряли времени надъ изученiемъ организма человѣка и животныхъ, а только старались добиться какихъ-нибудь общихъ правилъ, съ помощью которыхъ можно было бы возвращать человѣку здоровье. Анатомiя двигалась впередъ медленно, зато съ чрезвычайной быстротой развивалось *медицинское шарлатанство*,

знахарство. Скопленіе большихъ количествъ народа въ городахъ, роскошь—съ одной и все болѣе развивающійся пролетаріатъ, съ другой стороны, торговля съ Востокомъ,—все это подготовляло почву для повальныхъ и всякихъ другихъ болѣзней. Капиталистическое производство распространило по Европѣ ядъ алкоголизма [1]), восточную чуму (съ XIV вѣка), сифилисъ (начиная съ XV вѣка) и, какъ слѣдствіе ихъ, торговлю всевозможными лѣчебными средствами.

Химія находила тогда не меньше работы, чѣмъ медицина. Вѣдь она знакома съ искусствомъ разлагать тѣла на составныя части и создавать ихъ вновь изъ элементовъ. Конечно, кому, какъ не этой наукѣ суждено было заняться фабрикаціей того металла, котораго тогда всѣ жаждали, именно—золота? Такимъ образомъ опошлилась, стало быть, и химія и обратилась къ погонѣ за изобрѣтеніемъ средства *дѣлать золото.*

Свѣдѣнія по астрономіи среди образованныхъ людей эпохи гуманизма и реформаціи распространялись очень широко. Астрономія имѣла огромное практическое примѣненіе въ мореходномъ дѣлѣ. Безъ нея невозможна была бы торговля съ заокеанскими странами и потому ее изучали очень старательно. Законы астрономіи, полученные отъ древнихъ, сначала были единственными законами природы, которые въ тѣ времена были извѣстны въ широкихъ кругахъ; однако, вскорѣ и имъ пришлось служить не просвѣщенію, а, напротивъ, суевѣрію и эксплоатаціи. Такъ какъ пути свѣтилъ оказалось возможнымъ до нѣкоторой степени вычислить и при этомъ полагали, что они несомнѣнно вліяютъ на судьбу людей, то начали пытаться предсказывать по нимъ будущее. Чѣмъ болѣе усложнялась человѣческая жизнь, тѣмъ болѣе человѣкъ стремился предсказать свою судьбу. Звѣзды были утѣшеніемъ людей въ это революціонное время, когда, казалось, не оставалось ничего незыблемаго, кромѣ неба. Но, наконецъ, и его коснулась всеобщая революція!

---

[1]) Водка давно уже была извѣстна арабамъ (алкоголь—слово арабское); во Франціи спиртъ употреблялся какъ лѣкарство съ XII вѣка, однако, уже въ 1493 году въ одной поэмѣ описываются несчастія, вызываемыя демономъ—водкою (A. Wachsmuth «Europäische Sittengeschichte», Leipzig, 1837. IV, 280=А. Ваксмутъ «Исторія европейскихъ нравовъ», 1837 г.).

Астрономія, алхимія, знахарство—вотъ тѣ формы, въ которыхъ естествознаніе сдѣлалось извѣстнымъ въ средніе вѣка сначала массамъ народа, а затѣмъ уже и многимъ образованнымъ. Такого рода «естествознаніе» не въ состояніи было устранить потребность въ религіи. Невѣріе гуманистовъ явилось, собственно говоря, лишь результатомъ протеста противъ существующей вѣры или плодомъ безразличія, а вовсе не слѣдствіемъ научнаго познанія закономѣрности явленій природы. Вмѣсто выродившейся вѣры большинство гуманистовъ установило другую, которая нерѣдко сводилась къ астрологіи или мистической кабалистикѣ.

Такимъ образомъ, если *естествознаніе* едва коснулось одного корня религіи, зато другой ея корень получилъ значительное подкрѣпленіе въ *экономическомъ развитіи.*

Учрежденія, на которыя опирались массы народа, постепенно исчезали. Прежде всего исчезло общинное владѣніе, которое помогало имъ противостоять въ эпоху средневѣковья всѣмъ бурямъ. Началась новая классовая борьба, гораздо болѣе ужасная, чѣмъ та, которая велась въ эпоху феодализма. Послѣдняя обыкновенно возникала лишь по поводу большаго или меньшаго числа правъ и обязанностей, теперь же между подымающими голову и падающими классами началась борьба на жизнь и на смерть. Эксплоатація и пролетаризація крестьянъ становились все сильнѣе и сильнѣе, вмѣстѣ съ ними увеличивалась бѣдность и росло число бродягъ. Попытки успокоить порабощенные классы и сдѣлать ихъ безопасными становились все жестокосерднѣе и стоили большихъ потоковъ крови. Но и сильнѣе дѣлались предсмертныя судороги казнимыхъ, старавшихся сбросить съ себя ярмо. Ненависть, ужасъ, отчаяніе были ежедневными гостями и въ хижинѣ и во дворцѣ; каждый съ трепетомъ ждалъ завтрашняго дня, плакалъ о вчерашнемъ и боролся за сегодняшній. Война стала профессіей, человѣкоубійство—ремесломъ, отставленный отъ должности солдатъ былъ вынуждаемъ силою обстоятельствъ слѣдовать въ мирное время своимъ военнымъ привычкамъ, а тѣ, кому онъ угрожалъ, поневолѣ относились къ нему какъ къ хищному звѣрю. А вмѣстѣ съ тѣмъ по Европѣ распространялись, точно разсѣваемые ангеломъ смерти, чума и сифилисъ. Повсюду господствовали неувѣренность въ своей безопасности, горе, отчаяніе, постоянный ужасъ передъ непреодолимыми соціальными

силами, передъ силами, которыя дѣйствовали уже не въ маломъ районѣ общины, а являлись бичами, угрожавшими цѣлому народу или даже всему міру.

Подъ дѣйствіемъ этихъ обстоятельствъ усиливались потребность въ религіи, жажда лучшаго міра, стремленіе къ всемогущему Богу, который, казалось, одинъ былъ въ состояніи положить конецъ общему несчастію. Но вмѣстѣ съ этимъ изъ религіи исчезла и жизнерадостная, веселая струна—религія развернула свои мрачныя, самыя грозныя стороны. Дьяволъ вновь всюду сталъ мерещиться людямъ, и фантазія того времени старалась изобразить его возможно жестокимъ. Со сладострастнымъ упоеніемъ придумывались для грѣшниковъ самыя ужасныя мученія въ аду, а пока на землѣ ихъ также приводили въ исполненіе надъ живущими на ней. На ряду съ законодательными мѣрами, кроваво преслѣдовавшими нищаго и бродягу, пошла мода на вѣдьмъ, которыхъ находили повсюду и сжигали безъ числа.

Эта перемѣна въ настроеніи массъ совершалась очень медленно; только реформація окончательно опредѣлила ее. Тутъ порвали не только со старыми традиціями народной религіи, которыя сидѣли въ массѣ еще очень крѣпко, тутъ ярко вспыхнуло пламя всѣхъ классовыхъ недоразумѣній, которыя до того времени тлѣли подъ густымъ покровомъ; наконецъ, освободились всѣ описанныя выше тенденціи этого вѣка, стремившагося къ пріобрѣтенію капитала. Суевѣріе и фанатизмъ, жестокость и жажда крови достигли прямо ужасающаго напряженія. Начиная съ крестьянской войны и до вестфальскаго мира (1525—1648 гг.) Европа уподоблялась дому умалишенныхъ, населеніе котораго выломало всѣ запоры и стало свободнымъ.

Въ этомъ вѣкѣ развилось то, что мы подразумѣваемъ теперь подъ именемъ религіи, а также различные протестантскіе толки, равно какъ и іезуитскій, тридентійскій католицизмъ. Старый католицизмъ феодальной эпохи, тотъ, который исповѣдывался народомъ, а не папскимъ дворомъ, пропалъ, только кое-гдѣ въ католической горной деревушкѣ можно бываетъ еще найти слабое воспоминаніе о жизнерадостности и бодрости германизированнаго христіанства.

Мужи эпохи просвѣщенія (энциклопедисты) XVIII вѣка нашли въ религіи своего опаснѣйшаго врага, свое главное препятствіе;

она стала барьеромъ между ними и народомъ съ одной и королевскою властью съ другой стороны. Въ борьбѣ съ нею энциклопедисты и окрѣпли. По образцу этой религіи историки, пошедшіе по стопамъ философовъ-энциклопедистовъ, стали понимать всѣ религіи вообще и христіанство всѣхъ эпохъ въ частности. Германско-католической народной религіи среднихъ вѣковъ они тѣмъ легче могли не отличить, что именно начала христіанства и христіанство эпохи реформаціи необыкновенно похожи другъ на друга, между тѣмъ какъ о народной религіи среднихъ вѣковъ, т. е. о наиболѣе жизнерадостномъ времени христіанства, связывавшемъ эти двѣ эпохи, осталось лишь скудное наслѣдіе.

Однако, если продолжать придерживаться того же неправильнаго взгляда, то можно получить совершенно превратное понятіе о среднихъ вѣкахъ. Въ частности такой взглядъ приводитъ къ совершенно неправильному представленію о личности *Томаса Мора* [1]), въ виду чего мы и постарались столь подробно развить его.

Моръ погибъ, какъ мученикъ католицизма. Чтобы постичь его, намъ надо хорошо знать тотъ католицизмъ, приверженцемъ котораго онъ являлся. Потому не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что феодальный, старый народный католицизмъ сильно разнился отъ современнаго іезуитскаго католицизма. Моръ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей перваго, поскольку онъ вообще былъ католикомъ—онъ не былъ ни ханжей, ни святошей, не закатывалъ глазъ къ небу и не извивался зміемъ—*онъ былъ мужемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.*

Мы въ общихъ чертахъ познакомились съ историческимъ положеніемъ вещей, среди которыхъ развивалась его личность. Познакомимся же теперь съ нею и съ тѣми особыми условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать.

---

[1]) Вольтеръ именно и сдѣлался жертвою такой ошибки. Моръ, столь упорно цѣплявшійся за католицизмъ, представлялся ему ограниченнымъ, фанатичнымъ варваромъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Низаръ (Nisard, «Renaissance et Réforme. Erasme, Thomas Morus, Melanchton». Paris. 1877, 3-е изд. II, стр. 106. Возрожденіе и реформація). Къ сожалѣнію, мы не видимъ въ этомъ легкомысленномъ и крайне поверхностномъ сочиненіи, гдѣ можно у Вольтера найти такую характеристику Томаса Мора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Біографы Томаса Мора.

1. Уилльямъ Роперъ.

Кто принимается за жизнеописаніе перваго соціалиста въ современномъ смыслѣ этого слова, тому, поистинѣ, не приходится жаловаться на недостатокъ матеріала. Онъ можетъ воспользоваться работою многочисленныхъ предшественниковъ. Однако, вскорѣ біографъ Мора приходитъ къ выводу, что почти ко всѣмъ прежнимъ біографамъ присталъ запахъ ѳиміама, причемъ иногда запаха этого оказывается даже слишкомъ много. Это не тотъ ладанъ, который благодарное потомство кадитъ мужамъ, подвинувшимъ, по его мнѣнію, человѣчество на пути къ прогрессу—нѣтъ, это ладанъ, жертвуемый католической церковью своему святому. Этотъ ладанъ нерѣдко кадится для того, чтобы его дымкою слегка заволокнулись чувства вѣрующихъ.

Въ рѣшительной борьбѣ, разыгравшейся во времена Мора между папствомъ и протестантизмомъ, Моръ высказался очень рѣшительно; онъ сталъ на сторону перваго и умеръ за свои убѣжденія. У католицизма со временъ реформаціи не насчитывается такого большого числа великихъ мыслителей, чтобы онъ не пожелалъ предъявить свои права на великаго гуманиста. Моръ сталъ мученикомъ католической церкви, сдѣлался ея святымъ [1]) и это для него, а еще болѣе для его біографа, очень невыгодно.

[1]) Правда, пока онъ только офиціозный святой. Однако, мы слышали, что Ватиканъ, кажется, собирается повысить его въ чинѣ и сдѣлать офиціальнымъ святымъ.

Прим. автора.

Моръ умеръ въ 1535 г. Первая его біографія была составлена двумя десятилѣтіями позже (вѣроятно, въ 1557 г.); авторомъ ея былъ его зять *Уилльямъ Роперъ*, католикъ; это было первое сочиненіе, изданное съ цѣлью реабилитировать Мора; составлено оно было въ правленіе «кровавой» Маріи, дочери Генриха VIII, въ эпоху сильной реакціи противъ раздѣленія церквей, совершеннаго этимъ государемъ. Поэтому при такихъ обстоятельствахъ трудно ожидать отъ біографа безпристрастія и смѣлости. Однако, насколько мы можемъ судить, Ропору удалось проявить ея, все-таки, столько, что онъ противостоялъ искушенію, которому благопріятствовали внѣшнія обстоятельства, и не выставилъ намъ Мора, какъ святого. Просто и скромно, трезво, даже сухо и совершенно правдиво передаетъ онъ факты, а не легенды; а, вѣдь, онъ былъ въ состояніи дать дѣйствительно достовѣрное изложеніе дѣла. Самъ онъ, во вступленіи къ своему сочиненію, говоритъ объ этомъ: «Я, Уилльямъ Роперъ, *зять* (и, конечно, очень недостойный) Мора, супругъ его старшей дочери [1]), не знаю никого, кто бы могъ знать о немъ и его поступкахъ болѣе, чѣмъ я самъ, болѣе *шестнадцати лѣтъ* прожившій безпрерывно въ его домѣ».

Что касается жизни Мора, то Роперъ является самымъ важнымъ и надежнымъ источникомъ. Однако, именно то обстоятельство, которое дѣлаетъ этотъ источникъ столь надежнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ является причиною того, что изъ него мы можемъ узнать о Морѣ лишь немногое. Сухость его характера мѣшала ему впадать въ мечтательный экстазъ и дѣлать изъ своего героя сверхчеловѣческое существо; это же качество помѣшало ему также понять все значеніе Мора и сообщить какъ разъ тѣ обстоятельства, которыя для этого были бы особенно характерны. Большинство изъ того, о чемъ разсказываетъ Роперъ, приходится признать вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ мы не могли найти у него ни одной

Это писано въ 1888 году. Съ тѣхъ поръ предсказанія К. Каутскаго сбылись, такъ какъ папа Левъ XIII объявилъ Мора святымъ.

Прим. переводчика.

[1]) Маргариты; онъ женился на ней въ 1528 г. и умеръ въ 1577 г. черезъ 33 года послѣ ея смерти.

существенной ошибки [1]), однако, онъ сообщаетъ намъ вовсе не то, что мы желали бы отъ него узнать. Если бы у насъ не имѣлось ничего, кромѣ біографіи Ропера, то мы, напр., не знали бы даже, что Моръ написалъ «Утопію». Зато судъ надъ Моромъ описанъ Роперомъ очень подробно [2]).

2. *Стэплтонъ.*

Слѣдующимъ біографомъ Мора былъ испанскій монахъ ордена св. Доминика, Людовикъ Пацей (Ludovicus Pacaeus), писавшій въ 1560—1570 гг., однако, онъ умеръ, не окончивъ своего сочиненія [3]). Должно быть, мы мало отъ этого потеряли. Что могъ, въ самомъ дѣлѣ, знать въ тѣ времена доминиканскій монахъ въ Испаніи объ англійскомъ гуманистѣ! Врядъ ли свѣдѣнія его были чѣмъ-либо иным, кромѣ благочестивыхъ сплетенъ.

Этотъ доминиканецъ открываетъ цѣлый рядъ католическихъ священниковъ, прославлявшихъ мученическую кончину святого Томаса Мора. Самымъ выдающимся и первымъ по времени (если не считать испанца) былъ *Томасъ Стэплтонъ*, родившійся въ 1535 году, въ томъ самомъ году и даже мѣсяцѣ, когда погибъ Моръ. Онъ сдѣлался католическимъ священникомъ, получилъ при

---

[1]) Впрочемъ, съ хронологіей и онъ, какъ вообще всѣ первые біографы Мора, совершенно не ладитъ. Разныя событія слѣдуютъ у него другъ за другомъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, безо всякихъ датъ. Онъ даже не сообщаетъ намъ года рожденія Томаса Мора.

[2]) Заглавіе этого сочиненія гласитъ: «The Life of Sir Thomas More, written by his son in law William Roper» (т. е. жизнь сира Томаса Мора, описанная его зятемъ Уильямомъ Роперомъ). Въ видѣ девиза стоитъ крестъ и подъ нимъ подпись: «In hoc singo vinces» (= «симъ знакомъ побѣдишь»; какъ извѣстно, передъ битвою, давшей Константину Великому побѣду надъ его конкурентомъ Максенціемъ, ему будто бы являлось видѣніе въ видѣ креста съ этою подписью—съ тѣхъ поръ христіанская религія стала въ Римской имперіи господствующей). Къ англійскому изданію «Утопіи», выпущенному въ Кэмбриджѣ въ 1885 г. («Pitt-Press Series»), приложена перепечатка этой біографіи по изданію Гирнса 1716 года. Ссылки на страницы сочиненія Ропера сдѣланы у насъ по этому изданію.

[3]) Указаніе на этого біографа мы нашли только у Rudhart, Thomas Morus, стр. 445.

кровавой Маріи мѣсто каноника въ Чайчестерѣ, бѣжалъ изъ Англіи, когда съ воцареніемъ Елизаветы тамъ начались преслѣдованія католиковъ, и сдѣлался профессоромъ богословія въ Дуэ, гдѣ въ 1588 году и умеръ. Въ томъ же году появилась въ Дуэ его біографія трехъ Томасовъ: апостола Ѳомы, святого Томаса Бекета (см. прим. на стр. 66) и Томаса Мора [1]). Біографія послѣдняго («Vita et illustre martyrium Thomae Mori» — жизнь и славное мученичество Т. Мора) занимаетъ двѣ трети книги; она написана «для вящшей славы Божіей и для умиленія читателя». Въ самомъ дѣлѣ, все въ этой книгѣ разсчитано на умиленіе, это вовсе не историческій трудъ, а скорѣе напоминаетъ по характеру Евангеліе. Какъ евангелисты, такъ же точно и Стэплтонъ (и Роперъ) тщательно избѣгаютъ всякихъ хронологическихъ датъ. Онъ замѣняетъ ихъ словами-заплатами вродѣ «въ это время», «послѣ этого», «затѣмъ» и т. д. Да и къ чему даты, когда авторъ не задается вовсе цѣлью дать историческое развитіе, а приводитъ пестрый калейдоскопъ анекдотовъ, легендъ и чудесъ (часть которыхъ даже не касается Мора, а другихъ «благочестивыхъ мужей»)!

Въ этомъ случаѣ можно ясно прослѣдить за развитіемъ легенды. Уже у Ропера встрѣчаются чудеса. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи они теряютъ свой чудесный характеръ и становятся очень прозаическими. Мы можемъ смѣло принять, что все сообщаемое имъ въ дѣйствительности и происходило [2]).

---

[1]) Авторъ пользовался кельнскимъ изданіемъ этого сочиненія 1612 года: «Tres Thomae, seu res gestae S. Thomae Apostoli, S. Thomae, Archiepiscopi Cantuarienses et Martyris, Thomae Mori, Angliae quondam cancellarii. Autore Thoma Stapletone. Coloniae Agrippinae», 1612, 382 стр. (посвящено аббату Герману Майеру). Эта біографія имѣется въ плохомъ французскомъ переводѣ, сдѣланномъ А. Мартёномъ, съ примѣчаніями и комментаріемъ Одёна (Audin); самыя лучшія мѣста списаны изъ «Morus'a» Рудгарта; заглавіе: «Histoire de Thomas More, par Stapleton. Paris», 1849.

[2]) Такъ, напр., онъ сообщаетъ намъ слѣдующее (стр. XVIII, XIX). Богъ проявилъ къ Мору, въ воздаяніе за его благочестіе и добродѣтель, свое особое благоволеніе посредствомъ *явнаго чуда*. Маргарита, жена Ропера, страдала англійской потовой лихорадкою (sweating sickness). Врачи отказались отъ нея. Они не знали болѣе средствъ, которыя могли бы помочь. Тогда Моръ отправился въ свою домовую часовню и обратился ко Всевышнему съ горячей мольбою. И вотъ Господь внялъ его молитвѣ и просвѣтилъ

Такія простыя чудеса казались профессору богословія недостаточными. На основаніи сплетенъ среди челяди и другихъ тому подобныхъ авторитетныхъ источниковъ онъ собралъ изрядное количество чудесъ, предзнаменованій, сновидѣній и т. п., которыми послѣ біографіи Ропера снабдили память о Морѣ. Въ виду тѣхъ источниковъ, какими пользовался Стэплтонъ, разсказы эти необычайно глупы и плоски, что имѣетъ по отношенію къ автору ту хорошую сторону, что его никакъ нельзя заподозрить въ произвольномъ ихъ сочинительствѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, изъ уваженія къ католическому богословію XVI вѣка должны признать, что самъ онъ выдумалъ бы ихъ поискуспѣе [1]).

Тѣмъ не менѣе Стэплтонъ послѣ Ропера является важнѣйшимъ источникомъ для біографа Т. Мора. Онъ дополняетъ Ропера, ближе касаясь литературной дѣятельности Мора, и особенно цѣненъ тѣмъ, что очень прилежно собираетъ богатый матеріалъ, особенно изъ писемъ Мора и его современниковъ, который сохраняетъ свое значеніе даже и въ томъ случаѣ, если вовсе не раздѣляешь точки зрѣнія автора.

3. *Пресакръ Моръ и другіе.*

На ряду съ Роперомъ и Стэплтономъ нерѣдко называютъ, какъ хорошій источникъ для біографическаго матеріала о Морѣ, его

его—ему пришло въ голову, что клистиръ можетъ помочь больной. Немедленно Моръ сообщаетъ объ этомъ врачамъ, и тѣ признаются, что если вообще еще возможно спасеніе, то только этимъ средствомъ, и удивляются, что оно имъ раньше не пришло въ голову. Его примѣнили и Маргарита поправилась.

[1]) Вотъ, напр., образецъ одного изъ этихъ глупыхъ «чудесъ»: по смерти Мора Маргарита раздала всѣ свои деньги бѣднымъ на поминъ души ея отца. Когда же ей пришлось хоронить его тѣло, у нея уже ничего не оставалось на саванъ. Какъ тутъ быть? Добрый совѣтъ въ такихъ случаяхъ дорогъ! Наконецъ, одна изъ ея служанокъ, г-жа Гаррисъ, рѣшилась пойти къ сосѣду лавочнику и попытаться получить матерію въ долгъ. Однако—какой восторгъ! Придя въ лавку, она находитъ при себѣ какъ разъ столько денегъ, сколько нужно для покупки ткани—ни однимъ пенсомъ больше или меньше. Авторитетомъ, на который ссылается Стэплтонъ, повѣствуя объ этомъ чудѣ, оказывается Доротеа Колли, служанка Маргариты. Автора при этомъ ничуть не смущаетъ то обстоятельство, что Роперъ ни единымъ словомъ не обмолвился объ этомъ происшествіи.

правнука и тезку, католическаго духовнаго, умершаго въ 1625 году въ Римѣ. Среди оставшихся послѣ него бумагъ нашли рукопись—жизнеописаніе его прадѣда, которая и была издана въ Лондонѣ въ 1627 году [1]).

Однако, въ виду сообщеній, которыя авторъ біографіи даетъ о себѣ самомъ, послѣдній издатель ея, Іосифъ Гентеръ, приходитъ къ убѣжденію, что не Томасъ былъ составителемъ этого сочиненія, а его младшій братъ *Кресакръ Моръ*. Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣ вышеназванныя указанія автора. Поэтому мы и признаемъ авторомъ Кресакра.

Впрочемъ, вопросъ этотъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, такъ какъ Кресакръ такой же фанатичный католикъ, какъ и братъ его Томасъ.

Послѣдней біографіей пользуются болѣе всего, и въ самомъ дѣлѣ можно было бы ожидать, что она самая лучшая, такъ какъ авторъ, на ряду съ устными сообщеніями тѣхъ, кто еще лично помнилъ его прадѣда, могъ пользоваться семейными архивами и результатами

---

[1]) Эта біографія стала очень популярна и вскорѣ сдѣлалась такой библіографической рѣдкостью, что неизвѣстное лицо переиздало ее въ 1726 г. подъ заглавіемъ: «The Life of sir Thomas More, Knight, Lord Chancellor of England under King Henry the Eight and His Majestys Embassadour to the courts of France and Germany. By his great Grandson Thomas More Esq.», London. 1726. XXXI+336 стр. (Жизнь сира Томаса Мора, рыцаря, лорда-канцлера Англіи при королѣ Генрихѣ VIII, посла его величества при дворахъ Франціи и Германіи. Составлена его правнукомъ Томасомъ Моромъ). Это изданіе очень полезно въ виду примѣчаній издателя, который кажется намъ толковѣе, добросовѣстнѣе и разумнѣе самого автора. Мы пользовались этимъ изданіемъ и еще послѣдующимъ, попавшимся намъ на глаза позже Іосифа Гентера: «The Life of Sir Tomas More, by his great Grandson Cresacre More, with a biographical preface, notes and other illustrations.», London. 1828. (Жизнь сира Томаса Мора, написанная его правнукомъ Кресакромъ Моромъ, съ біографическимъ введеніемъ, примѣчаніями и другими поясненіями). LXIV+376 стр. Въ предисловіи Гентеръ приводитъ свои соображенія относительно теоріи авторства Кресакра, о которой мы сейчасъ скажемъ. Между прочимъ, совершенно вѣрно его замѣчаніе, что каждый разъ, когда католики въ Англіи думали, что вернулась ихъ пора, появлялась и новая біографія Мора: Роперовская появилась при Маріи Кровавой, Стэплтона тогда, когда испанская армада угрожала Англіи (въ 1588 г.), Кресакрова при Карлѣ I, вскорѣ послѣ его женитьбы на католической принцессѣ, Генріеттѣ Маріи французской (стр. LXII).

историческаго изслѣдованія, продолжавшагося почти цѣлое столѣтіе. Онъ могъ соединить со знаніемъ фактической стороны дѣла широкіе горизонты историка, который окидываетъ событія взоромъ человѣка, стоящаго выше и дальше ихъ. Однако, въ дѣйствительности, объ этомъ нѣтъ и помину. Кресакръ Моръ писалъ, какъ онъ и обѣщаетъ во введеніи, для наставленія людей, такъ же, какъ это раньше дѣлалъ и Стэплтонъ; его менѣе интересовала строгая правдивость, сколько хотѣлось привести души въ умилительное настроеніе, и для достиженія этой цѣли ему вовсе не казалось нужнымъ слишкомъ то ужъ утруждать себя. Вся книга представляется беззастѣнчивымъ плагіатомъ изъ Стэплтона и Ропера. Онъ то списываетъ у одного, то у другого, да и списываетъ то недобросовѣстно, кое-какъ, дѣлая подчасъ грубые промахи, какъ это доказалъ издатель 1726 года, который взялъ на себя трудъ сравнить соотвѣтствующія мѣста у Стэплтона и Ропера.

Оригинальныя творенія Кресакра Мора ограничивались сообщеніемъ нѣсколькихъ исторіекъ, которыя возникли изъ католическихъ сплетенъ насчетъ чудесъ уже послѣ книги Стэплтона и потому не попали въ книгу профессора богословія. Эти добавленія, однако, еще пожалуй глупѣе, чѣмъ у Стэплтона [1]).

Книга Кресакра Мора не имѣетъ ни малѣйшей цѣнности. Несмотря на это она стала наиболѣе популярнымъ источникомъ свѣдѣній о Томасѣ Морѣ; въ самомъ дѣлѣ—это очень удобный конспектъ сочиненій Ропера и Стэплтона и, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ сочиненіе послѣдняго, выдержано въ стилѣ молитвенника.

Большое число послѣдующихъ католическихъ біографій Мора представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе плохой пересказъ книги Кресакра Мора; по крайней мѣрѣ, мы это можемъ смѣло сказать о тѣхъ, съ которыми намъ удалось познакомиться. Читатель,

---

[1]) Приведемъ только одинъ примѣръ: два брата владѣли однимъ зубомъ Мора—каждому хотѣлось получить эту драгоцѣнную реликвію въ собственность. Такъ зубъ и лежалъ на столѣ. Однако, покойный мученикъ самымъ простымъ образомъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія: къ вящшему удивленію обоихъ братьевъ зубъ вдругъ раздѣлился и на столѣ оказалось 2 зуба (l. c., стр. 304). Жалко, что раздѣлившаяся кость не принадлежала къ такимъ, какихъ въ тѣлѣ человѣка всего одна, какъ, напр., нижняя челюсть. Святой съ двумя нижними челюстями было бы еще большимъ чудомъ, нежели святой съ 33 зубами.

навѣрно, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы не переработали всей католической литературы, которая появилась о Морѣ, начиная съ XVII вѣка. Трудно было ожидать отъ нея какой-нибудь пользы для выясненія себѣ образа нашего соціалиста, а нѣсколькихъ примѣровъ, выхваченныхъ на удачу, намъ показалось болѣе чѣмъ достаточно.

Въ протестантской литературѣ тоже нельзя найти сколько-нибудь значительной біографіи Мора. Книга Кэйли не представляетъ собою въ біографическомъ отношеніи выдающагося сочиненія. Оно становится цѣннымъ отъ того, что дѣлаетъ лучшія литературныя творенія Мора достояніемъ большой публики [1]).

Кромѣ указанныхъ трехъ литературныхъ источниковъ намъ кажется необходимымъ упомянуть всего лишь о двухъ: о Рудгартѣ [2]) и Сибомѣ [3]), изъ коихъ первый былъ католикомъ, второй протестантомъ. Оба были достаточно религіозны для того, чтобы можно было замѣтить ихъ специфически вѣроисповѣдную точку зрѣнія, однако, оба настолько выше вѣроисповѣдной исключительности, что она не заволакивала ясности ихъ взглядовъ на дѣло.

Рудгартъ былъ южно-германскимъ ученымъ, никогда, повидимому, не посѣщавшимъ Англіи, который, однако, сумѣлъ хорошо воспользоваться значительнымъ матеріаломъ о Морѣ, собраннымъ въ Геттингенѣ. Онъ пытался представить Мора во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности и провѣрять показанія его біографовъ другимъ матеріаломъ современной Мору эпохи, которымъ онъ то дополнялъ свѣ-

---

[1]) *Arthur Cayley* the younger. «The Memoirs of Sir Thomas More», (=Артуръ Кэйли младшій. Воспоминаніе о Томасѣ Морѣ). 2 тома. Лондонъ. 1804.

[2]) Dr. Georg Thomas Rudhard. «Tomas Morus. Aus den Quellen bearbeitet (обработано по источникамъ)». Nürnberg, 1829, X, 458 стр.

[3]) Frederic Seebohm, «The Oxford Reformers of 1498. Being a history of the fellow work of John Colet, Erasmus and Thomas More», London. 1867, XII+434 стр.; 2-е изданіе. 1869, XIV+551 стр. (Фредерикъ Сибомъ. Оксфордскіе реформаторы 1498 года. Исторія юношескихъ твореній Джона Колета, Эразма и Томаса Мора). Только лишь успѣло появиться 1-е изданіе этой книги, какъ была найдена рукопись, по которой удалось установить годъ рожденія Т. Мора. Благодаря этому сдѣлались излишними вся хронологія и большая часть гипотезъ, высказанныхъ въ книгѣ. Тогда Сибомъ наскоро составилъ второе изданіе книги и остановилъ продажу остатковъ перваго. Наши выписки сдѣланы частью изъ перваго, частью изъ второго изданія, такъ какъ послѣднее позже попалось намъ на глаза.

дѣнія біографовъ, то исправлялъ ихъ. Конечно, всего значенія Мора онъ постичь не могъ; точка его зрѣнія мелочна и односторонняя. Однако, его работа, все-таки, представляетъ изъ себя добросовѣстный, прилежный и честный трудъ, трудъ нѣмецкаго ученаго первой половины XIX вѣка, когда нѣмецкая наука еще не была проникнута насквозь карьеризмомъ и не пала такъ низко, какъ мы это замѣчаемъ теперь. Рудгарту мы лично обязаны весьма полезными свѣдѣніями.

Сибомъ постарался подойти къ Мору съ такой стороны, съ какой его вообще мало изслѣдовали: онъ хотѣлъ представить Мора-гуманиста въ его сотрудничествѣ съ двумя другими гуманистами, *Колетомъ и Эразмомъ Роттердамскимъ*. Изложеніе доведено лишь до 1519 года, когда умеръ Колетъ. Въ это время, дѣйствительно, кончается гуманизмъ въ Англіи—его смѣняетъ реформація. Вопросъ о томъ, какъ могъ Т. Моръ всѣми силами отстаивать дѣло католицизма, въ книгѣ поэтому уже не разбирается. За то «Утопія» уже включена въ число объектовъ, изучаемыхъ Сибомомъ. Однако, онъ такъ же мало умѣетъ справиться съ этой книгой, какъ и Рудгартъ или вообще любой изъ прежнихъ біографовъ Мора. Рудгарту «Утопія» представляется шуткою, Сибомъ относится къ ней серьезно, однако, главное вниманіе онъ удѣляетъ христіанской философіи, изложенной въ этой книгѣ, и передаетъ ее въ столь ограниченно-протестантскомъ смыслѣ, какъ только можно было это сдѣлать. Коммунистическаго характера «Утопіи» онъ даже вовсе не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣчать, такъ какъ совершенно не знаетъ, какъ къ нему отнестись.

4. Эразмъ Роттердамскій.

Разъ мы имѣемъ дѣло съ такими біографами, то для того, чтобы понять соціалиста Мора, для насъ очень важнымъ и цѣннымъ является источникъ, изъ котораго Моръ легче всего узнать. Къ счастью, источникъ этотъ сохранился очень хорошо: *это его собственныя сочиненія и большая часть его переписки.*

Оригинальныя изданія его отдѣльныхъ сочиненій очень рѣдки; однако, полное собраніе его сочиненій можно найти даже въ нѣмец-

кихъ библіотекахъ. Англійскія сочиненія Мора были изданы въ 1557 г. въ Лондонѣ, по повелѣнію королевы Маріи [1]).

Латинскія сочиненія Мора были изданы три раза: первый разъ въ Базелѣ въ 1563 году, второй—въ Лувенѣ (Лёвенъ—въ Бельгіи) въ 1566 году и третій—во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ въ 1689 году. По мнѣнію Кэйли (l. c. стр. 274), послѣднее изданіе лучше другихъ и потому мы его и держались [2]).

Часть трактатовъ, сочиненій и т. п. Мора вошла въ упомянутыя уже выше «Воспоминанія о Томасѣ Морѣ» (Memoirs of sir Thomas More) А. Кэйли, изданныя въ началѣ XIX вѣка. Подобное же собраніе (частью изъ отрывковъ и извлеченій) нѣкоторыхъ сочиненій Мора издалъ (на англійскомъ языкѣ) добрый католикъ-американецъ В. Іос. Уальтеръ [3]).

Въ послѣднее время, кромѣ «Утопіи», о которой мы будемъ говорить подробнѣе ниже, былъ переизданъ только моровскій «Ричардъ III» [4]).

---

[1]) «The workes of sir Thomas More Knygth, sometime Lorde Chauncellor of England, written by him in the Englysh tongue», Printed at London, 1557. 1453 страницъ въ листовомъ форматѣ. (Сочиненія сира Т. Мора, рыцаря, бывшаго лорда канцлера Англіи, написанныя имъ на англійскомъ языкѣ).

[2]) «Thomae Mori Angliae quondam Cancellarii opera quotquot reperiri potuerunt ex Basileensi anni MDLXIII et Lovaniensi anni MDLXIII editionibus deprompta, diversa ab istis serie deposita emendatioraque edita, praefixae de vita et morte Thomae Mori Erasmi et Nucerini epistolae ut et doctorum virorum de eo eulogia», Francfortii ad Moenium et Lipsiae, sumptibus Christiani Genschii, anno MDCLXXXIX. (Всѣ сочиненія Т. Мора, бывшаго канцлера Англіи, которыя оказалось возможнымъ найти, извлеченныя изъ базельскаго изданія 1563 и лувенскаго 1566 года, съ отличающими его отъ прежнихъ изданій дополненіями, съ приложеніемъ писемъ Эразма и Нуцерина о жизни и смерти Мора и съ похвальнымъ словомъ о немъ ученыхъ мужей, Франкфуртъ на Майнѣ и Лейпцигъ, изданіе Христіана Генша 1589 года.

[3]) «Sir Thomas More. A selection from his vorks, as well in prose as in verse, forming a sequel to «Life and Times of Sir Thomas More» by W. Ios. Walter». Бальтиморъ, 1842, 364 страницы. (Сиръ Т. Моръ. Избранныя мѣста изъ его сочиненій, въ прозѣ и стихахъ; приложеніе къ «жизни и времени Т. Мора»; составл. В. Іос. Уальтеромъ.

[4]) «Mores History of King Richard III. Edited with Nothes, Glossary, Index of Names, by J. Rawson Lumby. Pitt Press Series. Cambridge. University Press». Лейпцигъ. Ф. А. Брокгаузъ. 1855. Цѣна $3^1/_2$ марки (Морова исторія короля Ричарда III. Издана съ примѣчаніями, словаремъ и указателемъ именъ И. Роосономъ Лемби и т. д.).

На ряду съ сочиненіями самого Мора важнѣйшими источниками для сужденія о немъ являются письма его друзей къ нему или о немъ. Особенный интересъ представляетъ одно изъ нихъ, въ виду того, что и адресатъ и авторъ, лицо, о которомъ въ письмѣ идетъ рѣчь, представляются замѣчательнѣйшими людьми. Письмо написано въ 1519 г., т. е. какъ разъ въ годъ начала реформаціи, *Эразмомъ Роттердамскимъ Ульриху ф.-Гуттену*. Оно содержитъ настоящее жизнеописаніе Мора до этого года, написанное его ближайшимъ другомъ, съ которымъ онъ долгіе годы вмѣстѣ жилъ и работалъ. Кто могъ бы лучше его познакомить насъ съ Моромъ? Намъ кажется, что, желая дать представленіе о Морѣ, нельзя дать лучшее введеніе къ нему, какъ привести это письмо. Поэтому мы тѣмъ охотнѣе приводимъ его цѣликомъ (выпуская только нѣсколько скучныхъ ничего не значащихъ выраженій вѣжливости, которыми всегда уснащался напыщенный стиль писемъ гуманистовъ), что сколько намъ извѣстно нѣмецкій переводъ этого письма до сихъ поръ еще никѣмъ не опубликованъ [1]). Письмо написано по-латыни и, по обычаямъ того времени, испещрено крохами греческихъ выраженій [2]).

«Судя по твоимъ словамъ, прекрасныя ученыя сочиненія Томаса Мора [3]) приводятъ тебя въ такой восторгъ, что ты любишь его до обожанія; но не ты одинъ, высокочтимый Гуттенъ, а и многіе раздѣляютъ твое восхищеніе. И оно взаимно, потому что Моръ такъ увлекается твоими произведеніями, что я готовъ тебѣ завидовать... Впрочемъ, если ты настаиваешь, я могу тебѣ набросать портретъ Мора; но я хотѣлъ бы имѣть для этого силы, не уступающія твоему страстному интересу, такъ какъ и самому мнѣ отрадно пре-

---

[1]) Письмо помѣщено въ полномъ собраніи латинскихъ сочиненій Мора, изданіе 1689 г.

[2]) Для нашего изданія мы пользуемся переводомъ этого письма, сдѣланнымъ Н. А. Макшеевой и помѣщеннымъ въ «Утопіи» Мора (перев. А. Генкеля при участіи Н. Макшеевой, СПБ. 1905 года. II изд. Цѣна 50 коп.).

Прим. Перев.

[3]) Въ подлинникѣ стоитъ «Morus». Окончаніе приставлено, чтобы латинизировать имя, какъ это вообще было принято въ вѣкъ гуманизма. Окончаніе *us* могъ приставлять себѣ всякій имѣвшій ученую степень. Въ Швеціи измѣненная такимъ образомъ фамилія передавалась даже по наслѣдству, отчего мы тамъ и нынѣ встрѣчаемся со многими такими фамиліями (Рульковіусъ, Гельсингіусъ, Гермоніусъ и т. п.).

даться порою воспоминанію о самомъ дорогомъ изъ моихъ друзей. Не всякій способенъ понять дарованія Мора, и я не знаю, удалось ли бы его изобразить и лучшему изъ художниковъ. Я думаю, нарисовать его не легче, чѣмъ Александра Великаго или Ахиллеса: и они не были достойнѣе его безсмертія. Здѣсь нужна рука Апеллеса, а я боюсь, что напоминаю скорѣе Фульвія Рутубу. Но я попытаюсь сдѣлать хотя бы набросокъ его фигуры во весь ростъ, какимъ онъ представляется мнѣ послѣ долгой совмѣстной жизни... Начнемъ съ описанія внѣшняго облика Мора, о которомъ ты менѣе всего имѣешь понятіе. Онъ средняго роста и такъ хорошо сложенъ, что не остается желать ничего лучшаго. Кожа у него бѣлая, но лицо не блѣдное и не слишкомъ румяное, а съ нѣжно-розовой краской. Волосы темные, съ чернымъ отливомъ (sufflavo nigrore), борода рѣдкая, глаза сѣровато-голубые съ отблескомъ, отражающіе высоко-одаренную душу и внушающіе полное довѣріе. Такіе глаза очень цѣнятся англичанами, тогда какъ у насъ болѣе нравятся черные; говорятъ, что такіе глаза лучше всего оберегаютъ отъ вреда. Его наружность соотвѣтствуетъ душѣ и выражаетъ привѣтливую и мягкую веселость, часто сопровождаемую улыбкой. Говоря откровенно, онъ гораздо болѣе склоненъ къ веселью, чѣмъ къ чопорности, хотя и далекъ отъ пустого балагурства. Его правое плечо кажется немного выше лѣваго,—особенно при ходьбѣ: у него это не отъ природы, а скорѣе отъ привычки, что часто случается наблюдать. Самое некрасивое въ его наружности—это слишкомъ грубыя по отношенію ко всей фигурѣ руки. Своею внѣшностью онъ не занимался съ малыхъ лѣтъ, не заботясь даже о томъ, что особенно лелѣять совѣтуетъ мужчинамъ Овидій. О его красотѣ въ юности можно судить уже потому, каковъ онъ теперь, а я познакомился съ нимъ, когда ему было не болѣе 23 лѣтъ; теперь ему 40. Онъ отличается здоровьемъ, хотя и не могучимъ, но силенъ настолько, что можетъ выполнять работы, какія подобаетъ почтенному гражданину, и не подверженъ почти никакимъ болѣзнямъ; будемъ надѣяться, что онъ унаслѣдовалъ свою выносливость отъ отца, еще очень крѣпкаго, несмотря на свои преклонные годы, старика. Я не знаю никого, менѣе прихотливаго въ пищѣ, чѣмъ Моръ. До юношескаго возраста онъ, подобно отцу, охотно пилъ воду. Чтобы не нарушать веселой компаніи, онъ отводилъ глаза товарищамъ, распивая изъ оловянной (stannео poculo)

кружки легкое пиво, а то (и простую воду. Такъ какъ англичане пьютъ вино изъ круговой чаши, то и онъ прихлебываетъ, чтобы не выказывать нежеланія и пріучать себя къ общепринятымъ обычаямъ (ut ipse communibus rebus assuesceret). Говядина, соленая рыба и простой кислый хлѣбъ для него лучше тонкихъ блюдъ, которыя онъ употребляетъ умѣренно, безъ вреда для здоровья. Молочное, фрукты, а въ особенности яйца, ѣстъ онъ очень охотно.

«Его голосъ не слишкомъ громкій и не тихій отличается гибкостью и звучностью безъ излишней мягкости. Къ пѣнію онъ не чувствуетъ наклонности, хотя и большой любитель музыки. Его рѣчь ясная, не торопливая и не медленная. Онъ любитъ простоту, не носитъ ни шелка, ни пурпура, ни золотыхъ цѣпей, развѣ по служебной необходимости. Поразительно, до чего онъ мало придаетъ значенія формамъ, принимаемымъ большинствомъ за вѣжливость и приличіе: онъ не требуетъ ихъ ни для себя, не соблюдаетъ строго и самъ ни на торжественныхъ собраніяхъ, ни въ веселой компаніи, и не отъ неумѣнья это происходитъ, а потому, что онъ считаетъ недостойнымъ мужчины тратить время на подобные пустяки. Отъ двора и общенія съ принцами онъ всегда держался въ сторонѣ, такъ какъ *тиранія ему особенно ненавистна, и ничего нѣтъ для него дороже равенства.* Ибо навряд ли ты найдешь дворъ, хоть бы самый скромный, гдѣ бы не было суеты и честолюбія (ambitio), лицемѣрія и блеска, и непричастный никакому насилію. Поэтому Моръ съ большимъ трудомъ былъ притянутъ ко двору Генриха VIII, хотя нельзя себѣ представить болѣе милаго и скромнаго государя. Моръ любитъ свободу и досугъ, но когда коснется дѣла, онъ никому не уступитъ своимъ усердіемъ и выносливостью въ трудѣ. Онъ кажется рожденнымъ для дружбы и поддерживаетъ ее съ вѣрностью и постоянствомъ, не боясь слишкомъ большого количества друзей (πολυφιλίαν), о которомъ такъ несочувственно говоритъ Гезіодъ. Очень отзывчивый при заключеніи дружбы, онъ не слишкомъ требователенъ при выборѣ друзей, снисходителенъ и постояненъ въ отношеніяхъ съ ними. Когда ему случается напасть на человѣка, неисправимаго въ своихъ недостаткахъ, онъ расходится съ нимъ постепенно, безъ насильственнаго разрыва. Общеніе же съ тѣми, кого онъ считаетъ надежными и себѣ по душѣ, доставляетъ ему величайшее удовольствіе, такъ какъ онъ терпѣть не можетъ всякихъ

игръ, которыми простонародье убиваетъ время: въ мячъ, карты и тому подобныя игры. Насколько онъ беззаботно относится къ своей выгодѣ, настолько бережно оберегаетъ интересы друзей. Чего же больше? Кто ищетъ образецъ истинной дружбы, не найдетъ лучшаго. Въ обществѣ онъ такъ оживленъ и пріятенъ, что развеселитъ самаго хмураго и разсѣетъ всякую скуку. Еще мальчикомъ онъ такъ изощрялся въ шуткѣ и весельи, словно это его призваніе, но никогда острота его не была ни насмѣшливой, ни обидной. Въ юности онъ писалъ и разыгрывалъ комедіи (comaediolas); онъ до того любилъ остроумныя шутки, что онѣ ему нравились и при своей искусственности. Уже юношей онъ складывалъ эпиграммы и увлекался Лукіаномъ. Даже меня онъ подбилъ написать «Похвалу глупости» (сатиру), а это все равно, что заставить плясать верблюда [1]). Мимо чего онъ ни пройдетъ, во всемъ отыщетъ веселую сторону, даже въ самыхъ серьезныхъ предметахъ. Имѣя дѣло съ учеными и мудрыми людьми, онъ радуется ихъ уму, общество же необразованныхъ и глупыхъ доставляетъ ему случай посмѣяться. Самый глупый человѣкъ ему не досаждаетъ, такъ какъ у него замѣчательное умѣнье входить въ настроеніе каждаго. Съ женщинами, даже съ женой, онъ обыкновенно шутитъ: ты принялъ бы его за второго Демокрита или скорѣе за пиѳагорейскаго философа, который на досугѣ беззаботно разгуливалъ по базару, наблюдая съ улыбкой толкотню купцовъ и покупателей. Никто не относился равнодушнѣе Мора къ мнѣнію толпы, а съ другой стороны никто такъ не общителенъ и доступенъ.

«Одно изъ его любимыхъ времяпрепровожденій—наблюдать за наружностью, жизнью и проявленіемъ чувствъ у животныхъ. Едва ли найдется порода птицъ, которую бы онъ не держалъ дома; иногда ему приходится увидать рѣдкое въ продажѣ животное, какъ, напр., обезьяну, лисицу, хорька или куницу, или что-нибудь экзотическое, и онъ старается сейчасъ же его пріобрѣсти. Весь его домъ наполненъ животными, и куда ни пойдешь, находишь что-

---

[1]) Переведена на русскій языкъ проф. Ардашевымъ. Изд. 1902 года. Цѣна 1 руб.

Прим. Перев.

нибудь замѣчательное, а Моръ радуется, какъ въ первый разъ, при видѣ удовольствія другихъ [1]).

«Въ юности онъ не былъ женоненавистникомъ, но и не давалъ повода къ дурной славѣ, и предпочиталъ женщинъ, которыя шли ему навстрѣчу, тѣмъ, которыхъ надо было покорять; чувственное наслажденіе не имѣло для него прелести, если не соединялось со взаимнымъ увлеченіемъ [2]).

«Съ раннихъ лѣтъ отдался онъ классической литературѣ. Еще юношей онъ изучалъ греческую словесность и философію, противъ

---

[1]) Изъ домашнихъ животныхъ Мора прославилась и даже увѣковѣчена на картинѣ обезьяна. Эта обезьяна сумѣла такъ искусно помѣшать хорьку попасть черезъ щель въ сарай къ кроликамъ, что удивленный Эразмъ разсказываетъ этотъ случай въ своихъ «разговорахъ» (Colloquia). Гансъ Гольбейнъ нѣсколькими годами позже писалъ портретъ всей семьи лорда-канцлера Мора и, конечно, не забылъ помѣстить на немъ и обезьяну (Сибомъ, l. c. 1-ое издан. стр. 420, 421).

[2]) Такъ какъ мы болѣе не будемъ имѣть случая вернуться къ этой темѣ, то замѣтимъ, что Моръ далеко не былъ пуританиномъ. Пикантная острота могла доставить ему большое удовольствіе и онъ этого вовсе не таилъ, какъ иные буржуа, проповѣдующіе нравственность. Если ему какая рискованная острота удавалась, то онъ готовъ былъ и напечатать ее. Между его латинскими эпиграммами мы находимъ цѣлый рядъ такихъ шалостей пера. Для характеристики Мора переводимъ одну изъ нихъ. Юноша застаетъ дѣвушку въ одиночествѣ. Онъ обнимаетъ ее и молитъ о любви. Напрасно она съ отчаяніемъ защищается руками и ногами. Тогда терпѣнію его наступаетъ конецъ:

Выхвативъ мечъ изъ ноженъ, онъ воскликнулъ: «Мечомъ я клянуся,
«Если не ляжешь ты смирно и тихо, я быстро, сейчасъ же,
«Съ этого мѣста уйду!»—Отъ страшной угрозы блѣднѣя
Дѣва упала и тихо юношѣ молвила: «что же,
«Силѣ должна уступить я, но помни, одной только силѣ»...

Соль анекдота заключается тутъ не въ томъ, что говорятъ, но и въ томъ также, какъ оно сказано. Въ переводѣ, конечно, утрачивается часть эффекта. Потому приводимъ четверостишіе и въ подлинникѣ:

«Per tibi ego hunc ensem juro, simul etulit ensem,
Commode ni jaceas, ac taceas, abeo
Illico succumbuit tam tristi territa verbo:
Atque age, sed quod agis, vi tamen, inquit, agis».

воли своего отца, прекраснаго и умнаго человѣка, который, однако, лишалъ его всякой поддержки и готовъ былъ порвать съ нимъ изъ-за того, что сынъ, повидимому, не хотѣлъ идти по стопамъ отца, ученаго законовѣда англійскаго права. Какъ ни чуждо это занятіе истинной наукѣ, но тотъ, кто добился на этомъ поприщѣ извѣстности, очень цѣнится и уважается въ Англіи, и навряд ли найдется тамъ дорога, болѣе выгодная для пріобрѣтенія славы и денегъ, чѣмъ изученіе права, а многимъ оно доставляетъ и дворянство. Но надо много лѣтъ попотѣть, прежде чѣмъ чего-либо добиться. Моръ, который родился для болѣе высокаго призванія и питалъ не безосновательное отвращеніе къ судебной дѣятельности, между тѣмъ такъ усовершенствовался въ ней за короткій срокъ, что кліенты охотнѣе всего шли къ нему, и никто изъ его товарищей, исключительно посвятившихъ себя этому занятію, не пріобрѣлъ большей извѣстности и доходовъ. Такъ велики были его способности и находчивость.

«Но кромѣ того онъ положилъ много труда на изученіе отцовъ церкви. Еще юношей онъ велъ публичныя бесѣды передъ многочисленными слушателями по поводу книги Августина «о царствіи Божіемъ» (de civitate Dei); священники, старики сходились къ свѣтскому молодому человѣку слушать разъясненія религіозныхъ догматовъ, и имъ не приходилось раскаиваться. При этомъ онъ отдался также всей душой дѣламъ благочестія и старался бдѣніемъ, постомъ, молитвой и тому подобными искусами подготовиться къ священному сану. Но онъ понялъ лучше тѣхъ, которые безъ размышленія стремятся къ такому трудному призванію, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ и самое опасное. Лишь одно препятствіе удержало его отъ рѣшительнаго шага: онъ не могъ преодолѣть своего стремленія къ браку и захотѣлъ лучше быть цѣломудреннымъ мужемъ, чѣмъ развратнымъ священникомъ. И онъ женился на дѣвушкѣ, почти еще ребенкѣ, благороднаго происхожденія, выросшей въ деревнѣ въ семейномъ кругу, еще безъ всякаго образованія, такъ что онъ могъ развить ее вполнѣ по своимъ наклонностямъ. Онъ обучилъ ее наукамъ, музыкѣ и подготовилъ изъ нея настоящую жену, съ которой могъ бы провести цѣлую жизнь, если бы преждевременная смерть не унесла ее въ могилу. Она оставила ему нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ живы три дочери: Маргарита, Алои-

зія [1]) и Цецилія и сынъ Джонъ. Моръ не долго вдовствовалъ, можетъ быть, послушавъ совѣта друзей; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти жены, онъ женился на вдовѣ, болѣе ради хозяйства, чѣмъ лично ради нея, потому что она не была ни молода, ни хороша, какъ самъ онъ шутливо отзывался, но оказалась дѣятельной и заботливой хозяйкой. И онъ живетъ съ ней такъ же хорошо, какъ если бы она была Богъ вѣсть какая красавица. Наврядъ ли другой мужъ добьется отъ семьи такого послушанія строгостью, какъ онъ добротой и шуткой. Въ чемъ можетъ ему отказать жена, если ему удалось обучить ее, женщину не первой молодости, не мягкаго характера и при томъ натуру прозаическую, игрѣ на струнныхъ инструментахъ [2]) и на флейтѣ, между тѣмъ она ежедневно исполняла заданныя упражненія въ угоду мужу? Такъ же кротко, какъ и съ женой, обращается онъ съ дѣтьми и прислугой: въ его домѣ не бываетъ ни ссоръ, ни споровъ, а если грозитъ что-нибудь подобное, то онъ умпротворяетъ или пресѣкаетъ ихъ въ самомъ началѣ. Никто не уходитъ отъ него врагомъ. Его домъ какъ будто предназначенъ доставлять благоденствіе, никто тамъ не бывалъ обиженнымъ.

«Рѣдко кто такъ сходится съ матерью, какъ онъ съ мачехой: его отецъ женился на второй женѣ, которая любила Мора, какъ сына. Недавно старикъ женился на третьей, и Моръ клянется и божится, что не видалъ лучшей женщины. Родителей, дѣтей, сестеръ онъ любилъ такъ, что и не надоѣдаетъ имъ любовью, и не упускаетъ своего долга по отношенію къ нимъ.

«У него нѣтъ стремленія къ наживѣ. Изъ своего дохода онъ часть откладываетъ для своихъ дѣтей, а остальное раздаетъ полными пригоршнями. Еще будучи адвокатомъ, онъ помогалъ всякому, кто только къ нему обращался за дружескимъ и дѣльнымъ совѣ-

---

[1]) Самъ Моръ называетъ своихъ дочерей: Маргарита, *Елизавета* и Цецилія (напр., въ одномъ риѳмованномъ письмѣ къ дѣтямъ, приложенномъ къ его эпиграммамъ). Вѣроятно Эразма спутало англійское произношеніе сокращеннаго имени.

[2]) Эразмъ называетъ ихъ три: cythara, testudo и monochordum. Предоставимъ свѣдущимъ въ исторіи музыки разобраться въ томъ, какіе именно инструменты онъ подразумѣваетъ подъ этими названіями, особенно подъ послѣднимъ.

томъ, заботясь болѣе о его выгодѣ, чѣмъ о своей собственной. Большею частью онъ совѣтовалъ войти въ соглашеніе съ противникомъ, такъ какъ это дешевле стоитъ; если этого сдѣлать не удавалось, онъ указывалъ своимъ кліентамъ путь, какъ повести процессъ самымъ дешевымъ способомъ. Другой же радуется частымъ и долгимъ процессамъ.

«Въ своемъ родномъ Лондонѣ онъ былъ нѣсколько лѣтъ судьей [1]) по гражданскимъ дѣламъ. Эта должность не сопряжена съ большими трудами, но очень почетная. Засѣданіе происходитъ только по четвергамъ и продолжается лишь до обѣда. Никто не разбиралъ такъ много жалобъ, никто не былъ безкорыстнѣе его: сколькимъ онъ простилъ полагающіяся ему самому судебныя пошлины! При веденіи процесса онъ установилъ, что истецъ и подсудимый должны внести всего по три шиллинга [2]), и никто не могъ съ нихъ требовать больше. Благодаря такому образу дѣйствій, онъ сталъ популярнѣйшимъ гражданиномъ въ своемъ родномъ городѣ. Его удовлетворяло это положеніе, почетное и не налагающее вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелыхъ обязанностей. Два раза ему пришлось быть посломъ, и такъ какъ онъ очень умно выполнилъ свою миссію, то славный король Генрихъ VIII не могъ успокоиться, пока не перетащилъ Мора ко двору. Я сказалъ «перетащилъ», потому что никто другой не употреблялъ такихъ стараній приблизиться ко двору, какъ Моръ—оставаться вдалекѣ отъ него. Но такъ какъ король задался цѣлью собрать вокругъ себя ученыхъ, почтенныхъ, мудрыхъ и безкорыстныхъ людей, то приблизилъ къ себѣ вмѣстѣ съ другими, но впереди всѣхъ—Мора, и такъ къ нему привязался, что совсѣмъ не отпускаетъ его отъ себя. Когда рѣчь идетъ о серьезныхъ предметахъ, то нѣтъ никого опытнѣе Мора; если же государь хочетъ освѣжиться легкой бесѣдой, Моръ является самымъ веселымъ собесѣдникомъ. Часто въ важныхъ вопросахъ требуется справедливый,

---

[1]) Моръ сдѣлался въ 1509 г. помощникомъ шерифа въ Лондонѣ.

[2]) Или пенса? Нашъ классически образованный Эразмъ пишетъ drachmas. Драхма была древне-греческой серебряной монетой, приблизительно равнявшейся латинскому динарію (denarius). Между тѣмъ, пфеннигъ въ средневѣковой латыни также именуется denarius.

Ново-греческая монета драхма равна франку или финской *маркѣ* (37½ коп.). *Прим. Перев.*

разумный совѣтникъ: Моръ такъ ихъ разрѣшаетъ, что обѣ стороны остаются удовлетворены. Но никому еще не удалось заставить его принять отъ себя подарокъ. Счастливы бы были государства, если бы помощниками царей являлись повсюду люди, подобные Мору!

«Ни тѣни высокомѣрія не коснулось его при дворѣ. Въ водоворотѣ дѣлъ, взваленныхъ на него, не забывалъ онъ ни старыхъ друзей, не забрасывалъ и любимыхъ занятій. Все могущество своего положенія, все вліяніе свое на короля употреблялъ онъ лишь на благо государства, на умиротвореніе людей. Издавна его живѣйшимъ стремленіемъ было приносить пользу людямъ, и его сердце было полно состраданія. Чѣмъ выше онъ поднимается, тѣмъ болѣе стремится дѣлать добро. Однимъ помогаетъ онъ деньгами, другихъ защищаетъ своимъ вліяніемъ, третьихъ выдвигаетъ своимъ ходатайствомъ, а кому не можетъ помочь ничѣмъ другимъ, того поддерживаетъ совѣтомъ. Никого онъ не отпускаетъ отъ себя съ печальнымъ лицомъ. Поистинѣ Моръ—высшій защитникъ бѣдныхъ въ государствѣ. Онъ радуется, словно выигрышу, если ему удается помочь ближнему, вывести несчастнаго изъ затрудненія, возвратить милость лишенному ея. Никто не благотворитъ охотнѣе его, не требуя взамѣнъ никакой благодарности. И какъ онъ ни богато одаренъ и ни знаменитъ, онъ чуждъ всякаго честолюбія, естественнаго въ такомъ случаѣ недостатка.

«Но я перехожу къ его занятіямъ, которыя такъ сблизили насъ съ Моромъ. Въ своей молодости онъ увлекался особенно поэзіей, но скоро замѣнилъ ее долгими и трудными работами надъ усовершенствованіемъ своего слога во всѣхъ родахъ прозы. Но зачѣмъ говорить все это подробно тебѣ, имѣющему подъ рукою его сочиненія? Особенно удаются ему рѣчи и доклады на непривычныя темы для собственнаго упражненія. Еще юношей онъ работалъ надъ діалогомъ, въ которомъ защищалъ *коммунизмъ Платона и даже проповѣдуемую имъ общность женъ*. Онъ писалъ по поводу «Tyrannicida» («убійца тирана») Лукіана и желалъ имѣть меня своимъ противникомъ на диспутѣ, чтобы точнѣе узнать изъ этого опыта, сдѣлалъ ли онъ успѣхи въ подобнаго рода произведеніяхъ. «*Утопію*» онъ написалъ съ цѣлью показать, почему государство находится въ плохомъ состояніи, въ особенности же имѣлъ въ виду Англію, которую основательно изучилъ. Вторая книга на-

писана имъ раньше первой, въ часы досуга; уже послѣ онъ присоединилъ къ ней первую часть, которую написалъ случайно, за одинъ присѣстъ. Такой навыкъ пріобрѣлъ этотъ богато одаренный человѣкъ въ искусствѣ устнаго и письменнаго выраженія своихъ мыслей.

«Его умъ находчивъ и стремителенъ, память у него очень развита: что онъ разъ усвоилъ, то передаетъ живо и безъ запинокъ, сообразно положенію дѣла. Въ спорахъ нѣтъ его искуснѣе, такъ что онъ приводитъ въ затрудненіе знаменитыхъ богослововъ, даже когда дѣло коснется ихъ области. Іоаннъ Колетъ, проницательный человѣкъ съ рѣдкимъ сужденіемъ, часто высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ, что Англія обладаетъ единственнымъ геніемъ, Моромъ, между тѣмъ какъ на этомъ островѣ процвѣтаютъ многіе выдающіеся умы.

«Онъ отличается истиннымъ благочестіемъ, потому и чужды ему всякіе предразсудки. У него есть опредѣленные часы, когда онъ приноситъ свою молитву Богу, не по привычкѣ только, но изъ глубины души. Съ друзьями онъ говоритъ о будущей жизни въ такомъ духѣ, что чувствуется горячее убѣжденіе и высшая надежда. Таковъ Моръ, стоящій при дворѣ».

Этимъ заканчивается эразмовское описаніе перваго коммуниста.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Моръ, какъ гуманистъ.

1. Юношескіе годы Мора.

Мы не поставили себѣ задачей дать подробную біографію Мора. Тогда мы далеко вышли бы изъ предоставленныхъ намъ рамокъ и ударились бы въ стороны, не имѣющія ничего общаго съ «Утопіей». Мы вѣдь интересуемся только *коммунистомъ* Моромъ и его умственнымъ развитіемъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ развивается соціальная жизнь. Поэтому насъ наиболѣе интересуетъ развитіе его экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ воззрѣній. Внѣшнія событія его жизни будутъ интересовать насъ лишь по-

столько, поскольку они имѣютъ вліяніе на выработку этихъ воззрѣній. Поэтому намъ достаточно будетъ ограничиться лишь небольшимъ числомъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что письмо Эразма уже сообщило намъ важнѣйшіе факты изъ жизни Мора до 1519 года.

Для перваго біографа Мора характерно то, что онъ не сообщаетъ намъ года его рожденія. До сихъ поръ обыкновенно принимали 1480 годъ, однако, Эразмъ пишетъ въ своемъ письмѣ къ Гуттену отъ 1519 г. (срв. стр. 105), что Мору немного болѣе 40 лѣтъ. Стало быть онъ долженъ былъ родиться въ 1479 году. В. Ольдисъ Райтъ недавно указалъ, на основаніи рукописи, хранящейся въ Trinity College Library въ Кэмбриджѣ, что Моръ родился 7 февраля 1478 года. Намъ не стоитъ ближе касаться этого вопроса, которому Сибомъ въ его сочиненіи «Реформаторы Оксфорда» посвятилъ много мѣста [1]).

Родиною Томаса Мора былъ Лондонъ, который тогда, правда, не считался еще столицею міра, тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Европы, гдѣ тенденціи новаго производства товаровъ проявлялись очень ясно и рѣзко. Онъ происходилъ изъ семьи почтенныхъ, но далеко не выдающихся горожанъ [2]). Отецъ его, Джонъ Моръ, былъ судьею въ высшемъ придворномъ судѣ (Kings Bench). Это былъ трезвый, строгій, почти сухой человѣкъ, который всячески старался возбудить у своего сына интересъ къ экономическимъ соотношеніямъ и познакомить его съ условіями матеріальной жизни.

По обычаю того времени, Томасъ долженъ былъ, прежде всего, изучить латинскій языкъ; для этой цѣли ему пришлось посѣщать школу Св. Антонія въ Лондонѣ, затѣмъ отецъ помѣстилъ его въ домъ архіепископа, позднѣе кардинала Мортона, извѣстнаго государственнаго дѣятеля, который игралъ важную роль въ англійской политикѣ, особенно въ эпоху войны Алой и Бѣлой Розы. (Въ 1478 онъ сдѣлался лордомъ-канцлеромъ Англіи и затѣмъ присоединился

---

[1]) 1-ое изданіе, гдѣ за годъ рожденія Мора принимается 1480. Срв. стр. 427 и далѣе. См. также 2-ое изд., стр. 521 и далѣе.

[2]) На его надгробномъ памятникѣ стоитъ надпись: «Thomas Morus urbe Londinensi, familia non celebri, sed honesta» (Т. Моръ, гражданинъ Лондона, изъ мало знаменитой, но почтенной семьи).

къ Генриху VII, противъ Ричарда III). Этотъ кардиналъ оказывалъ на Мора самое лучшее вліяніе [1]).

Если отецъ познакомилъ его съ матеріальной нуждою, которая въ то время давила весь міръ, то у архіепископа кентерберійскаго онъ узналъ тѣ силы, которыя тогда управляли судьбами вселенной или, по крайней мѣрѣ, собирались ими управлять. Такимъ образомъ въ немъ рано были пробуждены зародыши къ познанію современнаго ему міра, главнымъ образомъ его матеріальныхъ нуждъ, а этого въ общемъ недоставало большинству сѣверныхъ гуманистовъ, чисто кабинетныхъ ученыхъ.

Поэтому, несмотря на всю свою юность, онъ уже не былъ болѣе мальчикомъ, когда попалъ въ высшую школу въ Оксфордѣ (вѣроятно, въ 1492 или 1493 г.). Тамъ на ряду со старой схоластикой свили себѣ гнѣздо также и современныя гуманистическія знанія. Главными представителями ихъ были Линакръ, Гроцинъ и Колэтъ, а позже и Эразмъ Роттердамскій, который въ 1498 г. поступилъ въ Оксфордъ преподавателемъ греческаго языка. Моръ чувствовалъ къ гуманистамъ такое же влеченіе, какъ и они къ нему. Вскорѣ онъ совершенно предался дѣлу гуманизма.

Старикъ Моръ, кажется, немало посѣтовалъ, узнавъ, что сынъ его Томасъ предается занятіямъ древними классиками, отъ которыхъ нельзя было ждать никакого дохода. Поэтому онъ сразу, не безъ насилія, взялъ его изъ университета и помѣстилъ въ школу, гдѣ спеціально изучалось англійское право (New Inn). Это было, вѣроятно, въ 1494 или 1495 году. Здѣсь, а затѣмъ позже въ Линкольнъ-Иннѣ

---

[1]) Благодарный Моръ воздвигъ ему въ первой книгѣ своей «Утопіи» памятникъ. Между прочимъ, онъ тамъ говоритъ о Мортонѣ слѣдующее [стр. 41 перевода А. Генкеля (срв. стр. 105), который мы будемъ цитировать и дальше—*Перев.*]. «Его рѣчь была проста и энергична; его юридическія познанія глубоки, его рѣшенія—находчивы, его память—замѣчательна. Эти богатые дары природы онъ еще болѣе развилъ упражненіемъ и занятіями. Мнѣніе его уважалось королемъ, который въ мое время смотрѣлъ на него, какъ на одну изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ государства. Получивъ доступъ ко двору еще въ молодые годы, прямо со школьной скамьи, проведя жизнь свою среди важнѣйшихъ событій и постоянно качаясь на бурномъ морѣ житейскаго счастья, онъ выработалъ себѣ среди постоянныхъ затрудненій необыкновенную проницательность и глубокое знаніе современной ему эпохи, однимъ изъ представителей которой былъ онъ самъ».

Томасъ нѣсколько лѣтъ подрядъ изучалъ англійское право, а потомъ сдѣлался популярнымъ адвокатомъ.

2. *Моръ, какъ писатель-гуманистъ.*

Однако любовь къ наукѣ не замерла отъ такихъ усиленныхъ занятій. Онъ не только усовершенствовался въ древнихъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ, но вскорѣ началъ выступать въ качествѣ писателя. Нѣкоторыя указанія на это можно найти уже въ письмѣ Эразма.

Греческихъ авторовъ Моръ предпочиталъ латинскимъ и былъ совершенно правъ. Вѣдь, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя подражателей первыхъ и при томъ подражали-то они далеко не всегда удачно. Въ «Утопіи» о Рафаилѣ Гитлодеѣ, который передаетъ идеи автора, говорится слѣдующее (стр. 32): «Онъ дѣйствительно плавалъ по морямъ, но не какъ Палинуръ, а скорѣе игралъ роль Улисса или даже *Платона*. Этотъ Рафаилъ Гитлодей (второе—его фамилія) порядочно знаетъ по-латыни и въ совершенствѣ владѣетъ греческимъ языкомъ. Послѣднимъ онъ занимался гораздо прилежнѣе, чѣмъ латынью, такъ какъ онъ исключительно посвятилъ себя философіи. А въ этой области, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій Сенеки и Цицерона, въ латинской литературѣ не очень-то много найдешь».

Среди греческихъ писателей Моръ всѣмъ другимъ предпочиталъ *Платона*. «Изъ философовъ онъ охотнѣе всего читалъ и изучалъ Платона и платониковъ, пишетъ Стэплтонъ (стр. 167), такъ какъ изъ ихъ сочиненій можно много узнать объ управленіи, о совмѣстной жизни гражданъ и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» [1]).

Если сопоставить съ этими мѣстами важныя сообщенія изъ письма Эразма, изъ которыхъ видно, что Моръ уже юношей познакомился съ коммунистическими идеями Платона и такъ увлекся ими, что хотѣлъ печатно защищать ихъ (до общности женъ включи-

---

[1]) «Civilem conversationem» — вѣроятно, Стэплтонъ не хотѣлъ этимъ выразить «свѣтскіе разговоры», что, пожалуй, соотвѣтствовало бы буквальному переводу.

тельно), тогда мы поймемъ, какое сильное вліяніе на «Утопію» имѣла «Республика» Платона.

Что при созданіи «Утопіи» передъ Моромъ носился платоновскій идеалъ государства, явствуетъ изъ короткаго стихотворенія (приписываемаго имъ племяннику Гитлодея), которое онъ поставилъ на своей книгѣ эпиграфомъ:

Hexastichon anemolii poëtae laureati, Hythlodaei ex sorore nepotis in Utopiam insulam:

Utopia priscis dicta ob infrequentiam
Nunc civitatis aemula Platonicae
Fortasse victrix (nam quod illa litteris
Delineavit, hoc ego una praestiti)
Viris et opibus optimisque legibus
Eutopia merito sum vocanda nomine.

«Названная древними Утопіей вслѣдствіе пустыннаго мѣстоположенія, быть можетъ, болѣе благоустроенное государство, чѣмъ республика Платона [потому что то, что тамъ только намѣчено (словами), во мнѣ уже воплощено], я благодаря населенію своему, богатству и превосходнымъ законамъ болѣе заслуживаю названія Евтопіи»[1]).

И во многихъ другихъ частяхъ «Утопіи» сказывается вліяніе Платона. Приведемъ еще одинъ примѣръ: въ первой книгѣ (стр. 75) Гитлодей говоритъ: «когда я сравниваю учрежденія утопійцевъ съ тѣмъ, что мы видимъ у другихъ народовъ, я всегда принужденъ бываю отдать полную справедливость Платону и нисколько не удивляюсь, что онъ отказывался писать законы для такихъ народовъ, которые отвергали общность имущества».

Платонова «Республика» во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась первообразомъ «Утопіи» и въ этомъ отношеніи «Утопія» представляется въ полномъ смыслѣ слова гуманистическимъ произведеніемъ. Однако, мы рискуемъ зайти слишкомъ далеко, если станемъ утверждать, какъ это дѣлали весьма многіе, что «Утопія» (по крайней мѣрѣ ея вторая—положительная часть) представляетъ изъ себя чисто акаде-

[1]) Игра словъ: οὐ=по-гречески отрицаніе, τόπος мѣсто, стало быть Утопія—страна, не имѣющая на землѣ мѣста (самъ Моръ предложилъ латинскій переводъ для этого слова Nusquiana=nusquam—нигдѣ). Εὖ=ея значитъ по-гречески хорошо; евтопія=блаженная страна. Замѣтимъ кстати, что англичане произносятъ оба слова «Eutopia» и «Utopia» одинаково: «*ютопія*».

мическое твореніе, въ родѣ литературной бездѣлки, попытку представить въ новой формѣ платоновскую республику. Совершенно невѣрный взглядъ! Мы увидимъ, что «Утопія» явилась результатомъ всѣхъ условій, окружавшихъ Мора, что она носитъ вполнѣ современный характеръ и что сродство ея съ «Республикою» Платона ограничивается чисто внѣшнимъ сходствомъ, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ ея частяхъ.

«Утопія» вовсе не представляетъ изъ себя простого школьнаго опыта; она предназначалась къ тому, чтобы возымѣть на исторію народа практическое дѣйствіе. А съ другой стороны она опять-таки вполнѣ гуманистична, такъ какъ написана не на языкѣ всего народа, а на *латинскомъ* языкѣ, который понимала лишь небольшая часть народа.

Дѣло не въ томъ, что Моръ не умѣлъ писать иначе, какъ по-латыни, а въ томъ, что гуманизмъ, въ противоположность варварской монастырской латыни, вырабатывалъ вновь классическій языкъ языческаго міра; съ другой стороны, латинскій языкъ являлся первымъ литературнымъ выразителемъ національной мысли, національнаго языка. Гуманисты, начиная съ Данте, Петрарки и Боккаччіо, не только воскресили классическую латынь, но также создали и національную прозу, которая одинаково годилась для выраженія научныхъ и литературныхъ темъ.

Такъ и Моръ тоже не только считался однимъ изъ изящнѣйшихъ латинскихъ стилистовъ своего времени, но и «*отцомъ англійской прозы*»; такъ, по крайней мѣрѣ, называетъ его сэръ Джемсъ Макинтошъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ англійскихъ прозаиковъ, сильно повліявшихъ на развитіе англійскаго литературнаго языка. Еще ранѣе «Утопіи» Моръ писалъ по-англійски. Онъ перевелъ съ латинскаго на англійскій біографію итальянскаго гуманиста Пико делла Мирандола [1]) и составилъ въ 1513 г. свою знаменитую исто-

[1]) «The life of John Picus, Erle of Mirandula, a great Lord of Italy, an excellent connyng man in all sciences and vertuous of living; with divers epistles and other works of y said John Picus, full of great science, vertue and wisedom: whose life and workes bene worthy and digne to be read and often to be head in memory. Translated out of latin into English by maister Thomas More» (Жизнь Іоанна Пико, графа Мирандола, вельможи Италіи, знатока всѣхъ наукъ, человѣка добродѣтельной жизни; съ различными письмами и другими

рію Ричарда III [1]), къ сожалѣнію, оставшуюся неоконченной. Вѣроятно, онъ-то и былъ творцомъ того очень нелестнаго образа Ричарда III, который сдѣлался безсмертнымъ, благодаря драмѣ Шекспира.

Остальныя его англійскія сочиненія были написаны уже послѣ «Утопіи»: они относятся къ эпохѣ реформаціи и всѣ носятъ полемическій характеръ. Принявшись за эти трактаты и діалоги, Моръ точно также измѣнилъ гуманизму, какъ это сдѣлалъ и Гуттенъ въ своихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Національнымъ языкомъ они оба пользовались не для цѣлей науки и искусства, а для *политики*— они обращались къ народу, отъ котораго гуманисты съ высокомѣріемъ отворачивались.

3. Моръ о женскомъ образованіи.—Его педагогическіе пріемы.

Усовершенствованіе національнаго языка и пользованіе имъ для цѣлей пропаганды было общимъ у гуманистовъ и реформаторовъ, зато они одни отличались *уваженіемъ къ женщинѣ, къ естественнымъ наукамъ, къ изящнымъ искусствамъ.*

Что же касается Мора, то среди гуманистовъ онъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ въ первыхъ рядахъ.

Его отношеніе къ *женскому образованію* прекрасно выясняется изъ письма къ Гонеллю, воспитателю его дѣтей; это одинъ

твореніями названнаго I. Пико, полными высокихъ знаній, добродѣтели и премудрости; жизнь его и творенія очень цѣнны и слѣдуетъ ихъ читать почаще и вспоминать. Переведено съ латинскаго языка на англійскій магистромъ Т. Моромъ).

Джованни Пико делла Мирандола родился въ 1462 году; онъ славился замѣчательной памятью; онъ зналъ, напр., кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, еще еврейскій и арабскій. Стараясь примирить религію съ философіей, онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ ереси. Умеръ въ 1494 году во Флоренціи. Городъ Мирандола, близъ Модены, насчитываетъ теперь около 4.000 жителей (сравни стр. 127). *Прим. Перев.*

[1]) «The history of King Richard the Third (unfinisched) written by Master Thomas Morus, than one of the undersheriffis of London, about the year of the Lord 1513» [Исторія короля Ричарда III (оставшаяся неоконченной), составлена магистромъ Т. Моромъ, однимъ изъ подшерифовъ Лондона, въ годъ послѣ Р. Х. 1513]. См. стр. 35 полнаго собранія англійскихъ сочиненій Мора.

изъ отрывковъ его писемъ, сохраненіемъ которыхъ мы обязаны Стэплтону. Тамъ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Ученость въ соединеніи съ добродѣтелью заслуживаетъ, по моему мнѣнію, предпочтенія передъ всѣми сокровищами королей; однако, знаніе безъ добродѣтели позоритъ человѣка передъ всѣмъ міромъ и разглашаетъ о его безстыдствѣ. Особенно касается это учености женщинъ, у которыхъ, какъ извѣстно, всякое знаніе считается обыкновенно большою рѣдкостью и часто осуждается, причемъ мужчинѣ ставятъ въ упрекъ его лѣность. Въ томъ случаѣ, однако, когда существо женскаго пола соединяетъ знанія со многими похвальными добродѣтелями, тогда я ставлю его выше сокровищъ Креза и красоты Елены... Разница пола въ смыслѣ учености значенія не имѣетъ, такъ какъ, вѣдь, при хорошемъ урожаѣ не станешь освѣдомляться, были ли разсѣяны зерна рукою мужчины или женщины. Разумъ отличаетъ людей отъ животныхъ; у кого онъ имѣется, тотъ долженъ его развивать, т. е. бросать на свое поле сѣмена мудрости и ожидать отъ нихъ богатаго урожая. Если бы, какъ говорятъ нѣкоторые, у женскаго пола дѣйствительно почва неплодородна и легко заростаетъ плевелами, то, по моему крайнему разумѣнію, это должно было бы только служить лишнимъ поводомъ исправить эту ошибку природы усидчивымъ прилежаніемъ и изученіемъ наукъ».

Этимъ своимъ убѣжденіямъ Моръ остался вѣренъ и въ практической жизни, при воспитаніи трехъ своихъ собственныхъ дочерей и пріемной дочери, Маргариты Гиггсъ, которыхъ онъ и самъ и при помощи учителей познакомилъ съ гуманистическими науками. Его старшая дочь, Маргарита, болѣе всего походила на отца умомъ и юморомъ; она обладала столь обширными познаніями, что среди современнаго ученаго міра пользовалась огромнымъ уваженіемъ. Литературныя произведенія ея возбуждали къ себѣ вниманіе въ широкихъ кругахъ; Эразмъ пишетъ ей всегда съ глубокимъ уваженіемъ и разъ даже называетъ ее «украшеніемъ Британіи». Она бѣгло говорила по-латыни и по-гречески, перевела Евсевія съ греческаго на латинскій и даже, какъ увѣряетъ Іоаннъ Котерій, возстановила испорченное мѣсто у Ципріана—все это вещи, кажущіяся намъ нынѣ простыми школьными упражненіями, между тѣмъ, какъ въ XVI вѣкѣ имъ придавали огромное значеніе и повсюду относились съ живымъ интересомъ. Моръ сильно любилъ свою Маргариту.

Еще сохранилось письмо его къ ней, въ которомъ онъ ей, какъ супругѣ Ропера, его будущаго біографа, желаетъ счастья въ виду ожидаемыхъ родовъ: пусть родитъ она дочь, похожую на нее самое; такую дѣвочку онъ предпочтетъ тремъ мальчикамъ.

Она, къ сожалѣнію, умерла уже въ 1544 году, черезъ 9 лѣтъ послѣ казни отца, еще при жизни Генриха VIII, т. е. въ ту эпоху, когда къ памяти Мора еще предписывалось относиться съ презрѣніемъ. Если бы она успѣла дожить до времени католической реакціи, то, навѣрно, написала бы лучшую біографію Мора, чѣмъ могъ сдѣлать это ея супругъ.

Въ прекрасномъ воспитаніи своихъ дѣтей Моръ обнаруживаетъ талантъ, общій всѣмъ великимъ утопистамъ, безъ котораго они врядъ ли сумѣли бы ими сдѣлаться, именно *педагогическій*. Первые соціалисты главнымъ образомъ потому-то самому и были утопистами, что они находили тотъ матеріалъ, тѣхъ людей, изъ которыхъ нужно было создать общество, слишкомъ неразвитыми, стоящими слишкомъ низко, чтобы отъ нихъ самихъ они могли бы ждать достаточныхъ силъ для ихъ собственнаго освобожденія. Не классовая борьба, а воспитаніе народа, различные педагогическіе опыты надъ нимъ, вотъ что, главнымъ образомъ, требовалось отъ утопическаго соціализма. Не имѣя педагогическаго таланта, въ этой области ничего нельзя было и достичь. Какъ Робертъ Оуэнъ, такъ и Т. Моръ, какъ педагоги, стояли значительно выше своего вѣка. Одинъ въ своей фабрикѣ, другой въ семьѣ и среди слугъ, на практикѣ показали, какихъ прекрасныхъ результатовъ можно было достичь, примѣняя ихъ методъ. Средствами, которыми оба они добивались своихъ успѣховъ, были—любезность, кротость, послѣдовательность и умственное превосходство. Эразмъ показалъ намъ въ своемъ письмѣ, какъ отлично Моръ такимъ способомъ воспитывалъ дѣтей, челядь и, особенно, свою вторую жену, которая по всему, что мы про нее знаемъ, по существу своему представляла изъ себя настоящую Ксантиппу этого второго Сократа.

Нѣкоторые изъ педагогическихъ пріемовъ, употреблявшихся Моромъ, сохранились еще до нашихъ дней. Такъ, напр., мы читаемъ въ вышеуказанномъ письмѣ его къ Гоннелю: «Ты говоришь, что дѣтямъ слишкомъ трудно удерживаться отъ тщеславія, котораго не могли побѣдить даже мужи, отличавшіеся большою ученостью.

Однако, чѣмъ труднѣе вырывать сорную траву, тѣмъ раньше мы должны приступать къ полотью. Причину, отчего зло это сидитъ такъ крѣпко, надо видѣть въ томъ, что мамки, родители и учителя, начиная съ младенческаго возраста, развиваютъ и воспитываютъ его въ дѣтяхъ, такъ что какъ только ребенокъ сдѣлалъ какое-нибудь доброе дѣло, онъ сейчасъ же ждетъ себѣ похвалъ и ради этой похвалы старается заслужить себѣ одобреніе большинства окружающихъ, т. е. именно худшихъ изъ его среды».

Симпатичнѣе всего самъ Моръ описываетъ намъ свои отношенія къ дѣтямъ въ прелестномъ стихотвореніи «Къ своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ», которое мы, какъ умѣемъ, воспроизводимъ въ стихахъ:

«Много я вамъ надавалъ поцѣлуевъ, побоевъ же мало,
Если когда васъ побилъ я, то развѣ лишь перьевъ пучками.
Я постоянно и нѣжно любилъ васъ, мною рожденныхъ,
Мягко воспитывалъ съ кротостью, отчему свойственной сердцу,
Нынѣ жъ любовь моя такъ возгорѣлася съ новою силой,
Что иногда мнѣ сдается, что раньше я васъ ненавидѣлъ.
Вотъ почему къ вамъ, друзья мои, сердце мое такъ стремится,
Съ юностью вашихъ годовъ сочетается строгость стремленій,
Ваши умы, искушенны въ познаніяхъ, также въ искусствахъ,
Рѣчь ваша льется пріятно, журчанью ручья подражая,
И не одни только звуки, а смыслъ въ ней глубокій таится.
Вотъ почему я люблю васъ, что съ вами меня такъ сближаетъ,
Не потому лишь, что мной рождены вы, что вы мои дѣти».

И въ настоящее время еще кротость и нѣжность этихъ строкъ крайне привлекательны. Но какъ же намъ отнестись къ нимъ, если вспомнить, что онѣ написаны въ XVI вѣкѣ, въ самомъ жестокомъ и кровожадномъ вѣкѣ, какой исторія только помнитъ! Вѣдь, вѣкъ *гуманизма* далеко не былъ вѣкомъ *гуманности*.

Въ педагогическомъ отношеніи этотъ вѣкъ далъ начало эпохѣ *палочнаго воспитанія* и безсмысленнаго вызубриванія наизусть непонятныхъ словъ [1]).

---

[1]) Эразмъ сообщаетъ, что послѣ общей трапезы воспитатель всегда выбиралъ изъ среды школьниковъ одного и отдавалъ его на истязаніе грубому спеціалисту по части сѣченія; однажды послѣдній до тѣхъ поръ колотилъ слабаго мальчика, пока самъ не сталъ обливаться потомъ, между тѣмъ какъ мальчикъ былъ уже на половину мертвъ. Тогда педагогъ со спокойнымъ лицомъ обратился къ ученикамъ со слѣдующими словами: *«хотя онъ ничего не сдѣлалъ, но необходимо было наказать его, чтобы онъ впредь не зазнавался»*.

4. *Отношеніе Мора къ искусству и естествознанію.*

Моръ былъ болѣе гуманенъ, чѣмъ другіе гуманисты. Зато онъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ интересъ къ искусству. Мы уже узнали изъ письма Эразма о его пристрастіи къ музыкѣ. Однако, и пластическія искусства также живо интересуютъ его. Намъ въ этомъ смыслѣ кажется особенно интереснымъ его отношеніе къ *Гансу Гольбейну* младшему, великому нѣмецкому живописцу. Послѣдній пріѣхалъ въ Англію въ 1526 году съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Эразма съ тѣмъ, чтобы «наскрести себѣ нѣсколько англійскихъ таллеровъ, ибо въ Германіи искусства находятся въ оскудѣніи». Моръ принялъ художника съ распростертыми объятіями и три года подрядъ оказывалъ ему гостепріимство въ своемъ домѣ. Зато благодарный Гольбейнъ украсилъ стѣны этого дома картинами и изобразилъ Мора и его семейство (ср. стр. 108). Подъ вліяніемъ Мора, говорятъ, были написаны двѣ его знаменитыя картины въ Стильярдѣ, Лондонскомъ домѣ нѣмецкаго ганзейскаго союза. Одна изъ нихъ изображала «тріумфъ богатства», другая—бѣдности. Къ сожалѣнію, обѣ картины погибли при страшномъ пожарѣ въ 1666 г. [1]).

Впослѣдствіи, вѣроятно, въ 1528 году, Моръ представилъ Гольбейна ко двору и обратилъ на геніальнаго художника вниманіе Генриха VIII, который и принялъ его къ себѣ на службу.

На ряду съ любовью къ искусствамъ Моръ сильно увлекается также и естественными науками.

Къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которые къ началу XVI вѣка заинтересовались законами природы и предсказывали молодому въ тѣ времена естествовѣдѣнію широкую дорогу, принадлежалъ также и Томасъ Моръ. Онъ понялъ, что оно можетъ служить не только удовлетворенію минутныхъ потребностей. Это можно понять изъ той роли, которую онъ отводитъ естествознанію въ своей «Утопіи». Когда мы будемъ излагать содержаніе «Утопіи», то остановимся подробнѣе на соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы нѣсколькими крупными мазками набросать характерныя черты образа Мора, мы вспом-

---

[1]) Ср. Рудгартъ I. c., стр. 230, 231.

нимъ только о нѣкоторыхъ фактахъ, иллюстрирующихъ его отношеніе къ естествовѣдѣнію. Изъ письма Эразма мы уже узнали, съ какимъ удовольствіемъ онъ наблюдалъ за животными—черта, которая въ его время встрѣчалась далеко не часто.

Отъ біографовъ Мора мы узнаемъ, что онъ на ряду съ геометріей, изучалъ также и астрономію и въ послѣдней наукѣ онъ, навѣрно, достигъ высокаго совершенства, такъ какъ въ первый періодъ его пребыванія при дворѣ Генрихъ VIII смотрѣлъ на него болѣе, какъ на астронома, чѣмъ какъ на государственнаго дѣятеля. Что онъ при этомъ занимался одной лишь научной астрономіей и не извлекалъ изъ нея пользы въ смыслѣ гаданія по звѣздамъ, видно изъ его нападокъ противъ астрологовъ, которые, впрочемъ, не возмущаютъ его, а только вызываютъ въ немъ *насмѣшку*, его излюбленное оружіе. Цѣлый рядъ его латинскихъ эпиграммъ направленъ противъ астрологовъ; изъ нихъ мы считаемъ наиболѣе мѣткою одну, въ которой онъ упрекаетъ астрологовъ въ томъ, будто они все могутъ узнать по звѣздамъ, только никогда не узнаютъ, когда жена надставляетъ имъ рога.

Однако, не къ однимъ только астрологамъ Моръ относился съ усмѣшкою. Онъ вышучивалъ также легковѣріе святошъ и ихъ любовь къ страшнымъ сказаніямъ. На ряду съ Платономъ, его излюбленнымъ писателемъ былъ Лукіанъ Самосатскій, этотъ Гейне римской имперіи временъ упадка, который не имѣлъ «ничего святого» и съ такимъ же успѣхомъ изливалъ чашу своей насмѣшки на только что появившееся христіанство, какъ и на древне-языческія вѣрованія.

Онъ читалъ сочиненія этого атеиста, несмотря на увѣщанія своихъ друзей, которые опасались, что подобнаго рода чтеніе «испортитъ» его, и защищался отъ нихъ, какъ могъ. Въ одномъ изъ его писемъ (къ Ретголлю) онъ говоритъ о Лукіанѣ слѣдующее: «Не удивляйся, что невоспитанные умы черни оскорбляются этими сочиненіями; они полагаютъ, что творятъ нѣчто великое и навсегда завоевываютъ себѣ заступничество Христа, когда имъ удастся сочинить какую-нибудь сказку о святомъ мужѣ или что-нибудь страшное объ адѣ, по поводу чего умиленно захныкаетъ или отъ ужаса содрогнется развѣ старая баба. У насъ врядъ ли найдется хоть одинъ святой или благочестивая дѣва, о которой не сочиняли бы подобныхъ небылицъ, конечно, съ самыми лучшими намѣреніями; они, вѣдь,

думаютъ, что правдѣ не повѣрятъ и потому нужно ей хорошенько помочь ложью».

Моръ и не подозрѣвалъ, что черезъ сотню лѣтъ ему самому придется вступить въ число тѣхъ «святыхъ мужей», на счетъ которыхъ католическое духовенство старается заслужить расположеніе Христа».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Моръ и католицизмъ.

1. Религіозность Мора.

Моръ былъ насмѣшникомъ, обладалъ критическимъ складомъ ума; однако, онъ, подобно другимъ англійскимъ и нѣмецкимъ гуманистамъ, не дошелъ до невѣрія, распространеннаго среди гуманистовъ Италіи и Франціи. Экономическое развитіе нѣмецкихъ странъ въ общемъ значительно отставало отъ романскаго, и то же самое приходится сказать также и объ умственномъ развитіи. И какъ вообще гуманизмъ, такъ и высшая ступень его развитія, именно языческій атеизмъ, представлялъ изъ себя смѣсь противорѣчивыхъ элементовъ. Невѣріе гуманистовъ отчасти явилось революціоннымъ протестомъ противъ навязываемаго всѣмъ церковнаго образа мыслей, частью было проявленіемъ малокровнаго равнодушія вырождающагося класса, что глумится надъ всякимъ сильнымъ энтузіазмомъ, которымъ онъ самъ когда-то отличался въ молодости, однако, теперь давно уже утратилъ къ нему способность. При дворѣ папъ точно такъ же глумились надъ церковною вѣрою, какъ въ настоящее время «либералы, состоящіе на государственной службѣ» глумятся надъ демократическими увлеченіями своей юности: они съ тѣхъ поръ не стали умнѣе, а только утратили свою силу.

Атеизмъ такого низменнаго происхожденія, конечно, долженъ былъ вызывать у сѣверныхъ «варваровъ» гадливое отвращеніе; вѣдь, здѣсь старый способъ производства еще сохранилъ первобытную энергію и способность увлекаться.

Даже самые свободные умы сѣвера оставались вѣрующими и благочестивыми и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе наклонностей къ энтузіазму они имѣли. Это мы можемъ провѣрить на Гуттенѣ, Эразмѣ и Морѣ. Благодаря энергичному характеру послѣдняго, благочестіе его нерѣдко граничило съ фанатизмомъ и аскетизмомъ. Намеки на это мы уже видѣли въ письмѣ Эразма. Большое количество другихъ примѣровъ можно было бы извлечь изъ сочиненій его католическихъ біографовъ. Мы, однако, не станемъ этимъ заниматься, такъ какъ намъ вполнѣ достаточно свидѣтельства Эразма, да кромѣ того у этихъ біографовъ нерѣдко трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается вымыселъ.

Изъ итальянскихъ гуманистовъ наиболѣе сильное вліяніе на Мора оказалъ *Пико-делла Мирандола* (ср. стр. 119), біографію котораго, какъ мы уже знаемъ изъ прошлой главы, Моръ перевелъ съ латинскаго языка на англійскій. Пико, родившійся въ 1492 г. и умершій въ 1494 году (ср. стр. 120), былъ однимъ изъ немногихъ итальянскихъ гуманистовъ, старавшихся научнымъ путемъ очистить церковь и ея ученія и имѣлъ поэтому нѣкоторое сходство съ реформаторами, хотя знаніями и широтою взгляда послѣдніе совершенно не могли съ нимъ помѣряться.

Папамъ Пико врядъ ли казался менѣе опаснымъ, чѣмъ реформаторъ Савонарола. Вѣдь доходы ихъ страдали не отъ дѣятельности *невѣрующихъ гуманистовъ*, которыхъ народъ не понималъ, а отъ тѣхъ благочестивыхъ людей, которые серьезно относились къ церкви, образъ мыслей которыхъ былъ понятенъ народу и близокъ ему.

Пико сдѣлалъ попытку очистить христіанское ученіе, поднявъ его до уровня современныхъ ему знаній. Для этой цѣли онъ не только изучилъ языческій греческій міръ, но былъ однимъ изъ первыхъ христіанъ, изучившихъ научно *еврейскій* языкъ для того, чтобы подойти къ уразумѣнію тайнъ христіанства путемъ изученія мистической философіи кабалы. Результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ своихъ «900 тезисахъ», въ которыхъ онъ, между прочимъ, оспаривалъ вѣчность адскихъ мукъ, присутствіе Христа въ просфорѣ и т. п. Если бы Пико былъ настоящимъ реформаторомъ, т. е. агитаторомъ, то онъ, навѣрно, былъ бы сожженъ за эти тезисы на кострѣ. Такъ какъ онъ, однако, былъ только человѣкомъ науки, то папа Иннокентій VIII ограничился тѣмъ, что запретилъ его сочине-

нія. Это напоминаетъ блаженной памяти времена покойной цензуры 1848 года, когда обращали мало вниманія на писателей, сочиненія которыхъ толще 20 листовъ: чѣмъ тоньше книга, тѣмъ опаснѣе авторъ и тѣмъ строже цензоръ [1]).

Этотъ полу-еретикъ былъ идеаломъ Мора.

2. *Моръ—противникъ власти духовенства* [2]).

Уже отношеніе Мора къ Пико достаточно доказываетъ, что Моръ не былъ рабомъ священниковъ, какимъ его нерѣдко выставляютъ какъ католическія, такъ и протестантскія духовныя лица. Конечно, въ молодости онъ пошелъ въ монастырь картезіанцевъ и долгое время назидался тамъ въ благочестивыхъ искусахъ. Однако, то, чему онъ тамъ насмотрѣлся, повидимому, не способствовало вящшему усиленію его уваженія къ монахамъ. Даже монаху Стэплтону приходится сознаться, что Моръ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія постричься, такъ какъ «наши духовные въ его время утратили свое прежнее благочестіе и строгій образъ жизни». Моръ вовсе не старался скрывать своего отношенія къ духовенству. Онъ, подобно всякому другому гуманисту, умѣлъ глумиться надъ монахами.

Послушаемъ, для примѣра, слѣдующее мѣсто изъ первой книги «Утопіи». Рафаилъ Гитлодей описываетъ пиръ у кардинала Мор-

---

[1]) По дѣйствующему у насъ цензурному уставу, безъ предварительной цензуры можно печатать переводы не короче 20 и оригинальныя сочиненія не короче 10 печатныхъ листовъ опредѣленнаго размѣра. Однако, и такая книга можетъ быть выпущена изъ типографіи лишь съ разрѣшенія цензурнаго комитета, если же послѣдній не рѣшится выпустить книгу, тогда дѣло передается въ комитетъ министровъ, который постановляетъ—выпустить изданіе или уничтожить его. Въ этомъ отношеніи мы, стало быть, еще сильно отстали отъ Германіи 1848 г., надъ которой иронизируетъ Каутскій.

Прим. переводчика.

[2]) Каутскій нерѣдко, напр., и въ этомъ случаѣ, называетъ католическихъ духовныхъ нѣсколько пренебрежительнымъ прозвищемъ Pfaffen, что соотвѣтствуетъ русскому «попы». Такъ какъ, однако, этотъ терминъ къ католическому духовенству какъ-то не примѣнимъ, то мы и позволяемъ себѣ это выраженіе Каутскаго въ переводѣ не передавать, тѣмъ болѣе, что оно попадается лишь кое-гдѣ, а не повсюду.

Прим. переводчика.

тона, гдѣ, между прочимъ, присутствуетъ нѣкій хитроумецъ, замѣняющій придворнаго шута, и монахъ ордена нищенствующихъ. Рѣчь заходитъ о томъ, какъ поступить съ нищими, разслабленными отъ старости и другихъ причинъ, и неспособными къ труду. Шутникъ говоритъ (стр. 59): «я никогда не подаю милостыню, поэтому они, не желая терять времени, оставляютъ меня въ покоѣ. Они отлично знаютъ, что получатъ отъ меня не больше, чѣмъ отъ священника [1]). Потому я предлагаю: всѣхъ старыхъ и больныхъ нищихъ опредѣлить слѣдующимъ образомъ: мужчины поступаютъ послушниками (fieri laicos ut vocant monachos) въ монастыри бенедиктинцевъ, женщины становятся монахинями. Таково мое мнѣніе». Кардиналъ улыбнулся на эту выдумку и одобрилъ ее какъ шутку, всѣ же остальные присутствующіе отнеслись къ ней серьезно. Особенно одинъ изъ присутствующихъ духовныхъ пришелъ отъ нея въ добродушное настроеніе; на мрачномъ челѣ этого почтеннаго брата даже нѣсколько разгладились морщины, и онъ не безъ злорадства сталъ подтрунивать надъ издержками священниковъ.

«Нѣтъ, сказалъ онъ, вы не уничтожите бѣдствующей братіи до тѣхъ поръ, пока не придумаете средства обезпечить и насъ, нищенствующихъ монаховъ».

— «Господинъ кардиналъ, отвѣтилъ тотъ, и на это обратилъ свое высокопросвѣщенное вниманіе, указавъ, что бродягъ надо запирать и заставлять ихъ работать. А вѣдь *нищенствующіе монахи—первые бродяги въ мірѣ!*»... Монахъ страшно обижается на эту шутку. Между нимъ и шутникомъ возгорается споръ, причемъ Моръ заставляетъ монаха оказаться такимъ дуракомъ, что споръ прекращается, наконецъ, при общемъ смѣхѣ. Конечно, монахъ кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ угрожать шутнику гнѣвомъ Божіимъ (стр. 61): «Осмѣявшихъ пророка Елисея было много, и всѣ они были наказаны за то, что надругались надъ плѣшивымъ старцемъ. Какое же наказаніе должно пасть на голову человѣка, дерзающаго глумиться надъ такимъ множествомъ братьевъ, изъ которыхъ *многіе съ лысинами?* У насъ есть папская булла, по которой мы

---

[1]) Во многихъ старыхъ изданіяхъ «Утопіи» имѣется на поляхъ примѣчаніе: «распространенная пословица у нищихъ». Доказательство тому, какъ сильно церковь измѣнила своему первоначальному призванію—помогать бѣднымъ.

можемъ отлучить отъ церкви всякаго, кто осмѣлится глумиться надъ нами».

Тутъ кардиналъ перемѣняетъ разговоръ, чтобы положить конецъ издѣвательству надъ монахомъ. Этимъ инцидентъ исчерпывается послѣ того, что немногими словами была высмѣяна глупость, лѣность и скаредность монаховъ.

Такимъ же юморомъ отличается стихотвореніе, помѣщенное среди Моровскихъ эпиграммъ. Передасмъ его въ прозѣ.

«Поднялась буря, корабль вздрогнулъ, моряки стали дрожать за свою жизнь. Прости намъ, Боже, взмолились они: прегрѣшенія наши вызвали эту непогоду».

«На суднѣ случился монахъ; всѣ обступили его, исповѣдуясь ему во грѣхахъ; однако, корабль все еще бросаетъ какъ щепку— все еще опасность для жизни моряковъ не миновала.

Тогда одинъ, болѣе находчивый, воскликнулъ: корабль еще гнется подъ тяжестью нашихъ грѣховъ. Бросьте монаха, взявшаго ихъ на себя, въ море, и вы увидите, какъ легко корабль понесется по волнамъ».

«Сказано—сдѣлано: всѣ бросаются на него и выкидываютъ его за бортъ. И вотъ дѣйствительно судно, корпусъ котораго теперь облегченъ, легко носится парусами».

Мораль этой исторіи заключается въ томъ, чтобы показать, какой вѣсъ имѣютъ прегрѣшенія».

Что бы сказалъ благочестивый Кресакръ Моръ, если бы онъ вычиталъ изъ сочиненій своего «святаго» прадѣда, какъ этотъ святой глумился надъ таинствомъ исповѣди и отпущенія грѣховъ.

Насмѣшки нашего «мученика св. католической церкви» не ограничиваются однимъ только низшимъ духовенствомъ; епископамъ также здорово достается отъ него. Особенно одинъ, называемый имъ Постумомъ, дѣлается въ эпиграммахъ частою мишенью его насмѣшекъ. Въ одной изъ нихъ (In Posthumum Episcopum) Моръ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что названный Постумъ сдѣланъ епископомъ, такъ какъ вообще епископы назначаются зря, при назначеніи ихъ не принимаются во вниманіе, обыкновенно, ихъ способности, между тѣмъ какъ въ этомъ случаѣ выборъ былъ произведенъ, несомнѣнно, очень тщательно: вѣдь глупѣе и хуже нельзя было бы найти и среди тысячи епископовъ. Въ слѣдующей эпиграммѣ (In Episcopum illiteratum) о томъ же самомъ епископѣ говорится:

онъ часто повторяетъ пословицу: буква убиваетъ, а духъ оживляетъ; а между тѣмъ Постумъ слишкомъ невѣжественъ для того, чтобы его могли убить какія либо буквы, а если бы онѣ это сдѣлали, то все равно въ немъ не было бы того духа, что заставляетъ воскреснуть изъ мертвыхъ.

Даже самъ папа представляется Мору простымъ смертнымъ. Въ 1510 году Эразмъ пишетъ въ домѣ Мора и по его просьбѣ «Похвалу глупости» (ср. стр. 108), которою Моръ очень восхищался и въ которой, быть можетъ, сотрудничалъ; рукопись тайно была похищена однимъ изъ друзей Эразма, быть можетъ, самимъ Моромъ, и отправлена въ Парижъ, гдѣ она въ 1511 году была напечатана и за нѣсколько мѣсяцевъ разошлась въ семи изданіяхъ.

Это была удивительно смѣлая и задорная сатира на все тогдашнее общество, особенно же на монашество и на папство (см. стр. 108).

Однако, намъ не требуется даже такихъ непосредственныхъ доказательствъ для того, чтобы выяснить отношеніе Мора къ папству. У насъ имѣются въ распоряженіи нѣкоторыя изъ его выраженій уже изъ эпохи реформаціи, которая заставила Мора значительно тѣснѣе примкнуть къ папству. Несмотря на это, онъ пишетъ, напр., въ своемъ «Возраженіи на отвѣтъ Тиндолля» (1532 г.), что вселенскій соборъ стоитъ *выше* папы, что онъ въ правѣ увѣщевать папу и наказывать его и, наконецъ, если папа окажется неисправимымъ, можетъ его даже и *смѣстить* (стр. 621).

Столь же характеренъ слѣдующій эпизодъ.

Когда началась реформація, Генрихъ VIII англійскій выступилъ ея энергичнымъ противникомъ и заступился за папу. Онъ даже опубликовалъ книгу противъ Лютера, въ которой защищалъ таинства [1]). Она появилась подъ его именемъ, однако, говорятъ, была написана другими, что въ ту пору случалось не рѣдко. Между прочимъ, авторомъ называли также и Мора, однако, врядъ ли онъ принималъ въ ней большое участіе. Зато когда Генрихъ VIII порвалъ съ папствомъ, то книга эта, конечно, сдѣлалась для него

[1]) Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum edita ab invictissimo Angliae et Franciae rege et dominae Hibernae Henrico ejus nominis octavo. Londini. 1521. (Защита семи таинствъ противъ Мартина Лютера, изданная непобѣдимымъ королемъ Англіи и Франціи, повелителемъ Иберійскимъ, Генрихомъ VIII. Лондонъ. 1521 г.).

крайне стѣснительной и авторъ его сочиненія сталъ чуть ли не предателемъ.

Среди другихъ обвиненій противъ Мора, которыя были высказаны по сложеніи съ него сана лорда-канцлера (1532), одно, между прочимъ, гласитъ, будто онъ «отвратительными кознями совершенно противоестественно довелъ короля до того, что тотъ издалъ книгу въ защиту семи таинствъ и папства. Такимъ образомъ онъ измѣническимъ образомъ вручилъ папѣ оружіе противъ короля».

Комическимъ въ этомъ нравственномъ возмущеніи бѣднаго обманутаго короля оказывается то, что послѣдній въ продолженіе десяти лѣтъ выдавалъ себя за автора и принималъ на свой счетъ всѣ похвалы, расточаемыя книгѣ. Папа далъ за нее Генриху титулъ «Защитника вѣры» (defensor fidei) и обѣщалъ всѣмъ, прочитавшимъ ее, отпущеніе грѣховъ.

Теперь книга эта оказалась позорнымъ твореніемъ и Мору пришлось за нее отдуваться. Онъ (по Роперу) отвѣтилъ на обвиненіе слѣдующимъ образомъ: «Милорды, такими угрозами можно испугать дѣтей, но не меня. Однако, въ отвѣтъ на ваше главное обвиненіе, я скажу, что врядъ ли его королевское величество будетъ поддерживать его. Никто не можетъ лучше защитить меня отъ этого пункта обвинительнаго акта, какъ само его величество, которое отлично знаетъ, что при составленіи этой книги со мною вовсе даже и не совѣтовались и что мнѣ только пришлось, по повелѣнію его величества и съ согласія автора, её проредактировать (only a sorter out and placer of the principall matter therein contayned), когда она была уже совершенно готова. И такъ какъ я нашелъ, что авторитетъ папы былъ слишкомъ подчеркнутъ и очень горячо отстаивался, то я сказалъ его величеству: «мнѣ приходится напомнить вашему величеству, что папа, какъ его величеству доподлинно извѣстно, представляетъ изъ себя *такого же государя, какъ и вы*, и заключаетъ союзы съ другими государями. Поэтому легко можетъ случиться, что ваше величество и онъ можете по разнымъ частностямъ вашего союзнаго договора *быть въ разногласіи и даже объявить другъ другу войну. Поэтому я полагаю, что было бы правильнѣе измѣнить соотвѣтствующія мѣста и не такъ уже рѣшительно настаивать на авторитетѣ папы*». «Нѣтъ,— возразило его величество, этого не будетъ. Мы столь многимъ обя-

заны римскому престолу, что не можемъ даже достаточно почтить его». Тогда я напомнилъ ему о статутѣ Praemunire, по которому добрая часть пастырскихъ обязанностей папы въ Англіи устраняется. На это его величество отвѣтило: «что бы намъ ни возражали, мы, все-таки, будемъ возможно высоко ставить его авторитетъ, такъ какъ отъ него мы получили нашу королевскую корону». Я объ этомъ раньше никогда не слыхалъ».

Обвиненіе такимъ образомъ вышло въ пустую. Ни самъ Генрихъ, ни кто-либо другой никогда не оспаривали правильности показанія Мора. Поэтому, надо полагать, Моръ въ этомъ отношеніи былъ правъ. Однако, изъ него можно ясно усмотрѣть, такъ же впрочемъ, какъ изъ указаннаго выше мѣста полемики съ Тиндоллемъ, что Моръ далеко не представлялъ изъ себя безотвѣтнаго раба—поклонника папскаго престола. Онъ видѣлъ въ папствѣ, какъ это мы постараемся еще выяснить въ слѣдующей главѣ, интернаціональное связующее начало, безъ котораго христіанскій міръ распался бы на хаосъ враждебныхъ другъ другу націй. Однако, онъ защищалъ права отдѣльныхъ націй, а равно и всей церкви, противъ папы, который въ его глазахъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ только отвѣтственнымъ и даже, въ случаѣ надобности, устранимымъ, смѣщаемымъ президентомъ христіанскаго міра.

3. *Религіозная терпимость Мора.*

Какъ свободно Моръ относился къ религіознымъ вопросамъ, явствуетъ лучше всего изъ той идеальной религіи, которую онъ приписываетъ своимъ утопійцамъ. Мы познакомимся съ нею въ третьемъ отдѣлѣ нашей книги. Пока напомнимъ лишь о той характерной особенности, которою Моръ поднимался на цѣлую голову выше тогдашняго католицизма и протестантизма и которая вообще совершенно не была свойственна его современникамъ: *мы говоримъ о его религіозной терпимости.* Онъ не только провозгласилъ ее въ своей «Утопіи» еще до реформаціи, но настаивалъ на ней даже въ эпоху жесточайшей борьбы между протестантами и католиками, когда повсемѣстно дымились костры, складывавшіеся для «еретиковъ». И онъ не только *высказывался* въ пользу терпимости, но и *доказывалъ* ее на дѣлѣ.

Стэплтонъ (стр. 215) высказываетъ крайнее удивленіе по поводу того, что католическій «святой» могъ пріютить въ своемъ домѣ лютеранина.

Симонъ Гринеей, ученикъ и послѣдователь Меланхтона, прибылъ въ Англію, чтобы собрать тамъ матеріалы для перевода греческаго философа—неоплатоника Прокла. При этомъ онъ пользовался столь сильнымъ содѣйствіемъ Мора, который былъ въ это время лордомъ-канцлеромъ, что онъ даже посвятилъ свой переводъ Іоанну, сыну Т. Мора, такъ какъ ко времени окончанія этого труда Моръ успѣлъ уже погибнуть мученикомъ католической церкви. Это посвященіе воспроизведено у Стэплтона. Для характеристики Мора оно кажется намъ не лишеннымъ значенія. Мы читаемъ тамъ: «Твой славный отецъ, который въ то время, какъ по должности, такъ и по своимъ отличнымъ качествамъ, былъ первымъ въ государствѣ, оказалъ мнѣ, никому неизвѣстному частному лицу, массу благодѣяній. Онъ доставилъ мнѣ доступъ во многія общественныя и частныя учрежденія, онъ, носившій королевскій скипетръ, оказалъ гостепріимство и самъ представилъ меня ко двору. Но болѣе того: кротко и добродушно замѣтилъ онъ, что мои религіозныя убѣжденія во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ исповѣдуемаго имъ, что, впрочемъ, онъ могъ ожидать заранѣе. Однако, несмотря на это, онъ не измѣнилъ ко мнѣ своего заботливаго отношенія и даже устроилъ такъ, что всѣ мои расходы покрывались изъ его кармана. Кромѣ того, онъ далъ мнѣ на дорогу въ провожатые ученаго молодого человѣка, Іоанна Гарриса, и рекомендательное письмо къ предсѣдателю ученой школы въ Оксфордѣ, которое подѣйствовало магическимъ образомъ и открыло предо мною не только всѣ библіотеки, но также и сердца. Всѣ библіотеки, а ихъ въ этой школѣ около двадцати (и всѣ онѣ богаты старыми книгами), могъ я перерыть и, съ разрѣшенія начальника, взялъ съ собою не малое число такихъ, какія имѣютъ отношеніе къ Проклу. Я думалъ, что въ годъ или два мнѣ удастся ихъ разобрать. Я оставилъ Англію въ полномъ восторгѣ отъ этого сокровища, богато одаренный и вообще всячески имъ обласканный».

И все это произошло болѣе чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ того, какъ Лютеръ объявилъ войну Риму.

Тѣмъ не менѣе протестантскіе писатели старались выставить Мора послѣдователемъ еретиковъ [1]). Доказательствомъ этихъ недоказанныхъ утвержденій протестантскихъ сплетниковъ служитъ якобы составленная имъ самому себѣ эпитафія, которая гласитъ: «furibus, homicidis, haereticis, molestus», т. е. отъ него сильно доставалось ворамъ, убійцамъ и еретикамъ. Правда, сопоставленіе для еретиковъ не особенно лестно, однако, molestus (тягостный) вовсе еще не указываетъ на какое-либо другое оружіе, кромѣ ума. Положимъ, этого оружія у Мора было достаточно. Терпимость Моръ понималъ такъ: не убивать противника «поразительными» доводами такъ, чтобы онъ навѣки лишался языка и, конечно, уже не могъ больше спорить. Однако, Мору, конечно, не могло бы придти въ голову считать нетерпимостью желаніе всей силою своего интеллекта отстаивать свое мнѣніе и сокрушать мнѣніе противника. Онъ былъ слишкомъ энергичной, боевой натурою для того, чтобы въ этомъ отношеніи требовать пощады со стороны противника, но и самъ не считалъ нужнымъ нарочно тупить свое оружіе. Его удары были сильны и мѣтки. Пусть старыя бабы, полныя нравственнаго возмущенія, негодуютъ надъ «легкомысленностью» и «грубыми выраженіями» Мора. Конечно въ нашъ малокровный и ханжеской вѣкъ многіе изъ полемическихъ пріемовъ, какіе тогда допускались на диспутахъ, могутъ показаться грубыми, и рѣшительныя выраженія, которыя тогда, въ

---

[1]) Самый молодой изъ нихъ Джемсъ Антони Фроудъ, составившій сочиненіе «History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanisch Armada». London. 1870 (Исторія Англіи, начиная съ паденія Уольсея до уничтоженія испанской армады). Здѣсь онъ всячески старается обкромсать исторію англійской реформаціи, чтобы втиснуть ее въ рамки своего узко-буржуазнаго, протестантскаго міровоззрѣнія. Этотъ самый джентльменъ, столь сильно возмущающійся мнимыми «гоненіями еретиковъ со стороны Мора», считаетъ своей задачей *объяснить и оправдать* казнь Мора по поводу крошечнаго подозрѣнія въ его «опасныхъ для общества взглядахъ» (opin ons subversive of society). Онъ полагаетъ, что подобная мѣра можетъ пригодиться Англіи еще и въ XIX вѣкѣ. Въ 1848 г. Англія якобы была недалека отъ такой необходимости. Она несомнѣнно наступила бы, еслибы англійскіе чартисты соединились съ парижскими «убійцами» и «мятежниками». Какой бы вой поднялъ мистеръ Фроудъ, если бы парижскіе «мятежники» 1848 г. послѣдовали бы, *для своей пользы*, его совѣту? На войнѣ очень весело стрѣлять въ сторону противника, къ сожалѣнію, однако, послѣдній тоже иногда не остается въ долгу!

пылу спора, срывались у противниковъ, быть можетъ, въ настоящее время, покажутся черезчуръ крѣпкими даже уху снисходительнаго человѣка. Однако, способъ рѣчи, *самъ по себѣ*, далеко еще не свидѣтельствуетъ о *нетерпимости*.

О томъ, какъ Моръ *преслѣдовалъ* еретиковъ, онъ самъ разсказываетъ намъ въ своей «апологіи», написанной имъ въ 1533 году, послѣ того, какъ онъ сложилъ съ себя санъ лорда-канцлера. Его объясненія производятъ впечатлѣніе чрезвычайной правдивости, ихъ подтверждаютъ всѣ факты, насколько можно пользоваться ими съ противной стороны, и заслуживаютъ довѣрія хотя бы потому, что Мору не было никакого разсчета искажать истину и завѣдомая ложь вообще какъ-то совсѣмъ ужъ не идетъ къ нему. Вѣдь, два года спустя, послѣ окончанія своей «апологіи», онъ пошелъ на казнь именно потому, что не согласился солгать!

Въ упомянутомъ сочиненіи онъ, между прочимъ, говоритъ: «небезызвѣстно, какого рода сочувствіемъ пользовался отъ меня клиръ, когда я засѣдалъ въ совѣтѣ короля, когда я былъ канцлеромъ герцогства Ланкестерскаго и особенно тогда, когда сдѣлался лордомъ-канцлеромъ. Если я хвалилъ и уважалъ хорошихъ, то зато не останавливался передъ наказаніемъ негодныхъ, поступки которыхъ соблазняли добрыхъ людей и роняли достоинство всего сословія. Тѣ, кто шли противъ заповѣдей религіи и *сдѣлались ворами и убійцами*, находили во мнѣ столь отъявленнаго врага, что врядъ ли кого боялись они болѣе, чѣмъ меня». Выяснивши такимъ образомъ свое отношеніе къ тогдашнему католическому клиру и воздавши ему попутно должную оцѣнку, онъ переходитъ къ тому пункту обвиненія, по которому онъ якобы преслѣдовалъ еретиковъ: «Многіе изъ нихъ (лютеранъ) заявляли, что я, будучи канцлеромъ, «съ пристрастіемъ» допрашивалъ многихъ лицъ, причемъ заставлялъ привязывать ихъ къ деревьямъ своего сада и нещадно колотить. Объ этой баснѣ многіе изъ этихъ милыхъ братьевъ столь усердно сплетничали, что одинъ мой добрый пріятель, наконецъ, тоже услышалъ про нее. Чего только не наскажутъ еще про меня эти милые господа, если у нихъ хватаетъ безстыдства утверждать подобныя вещи? Конечно, мнѣ иногда приходилось при посредствѣ чиновника или вообще власти засаживать кого-нибудь въ темницу, если дѣло шло о крупномъ грабежѣ, отвратительномъ убійствѣ или святотат-

ствѣ, похищеніи св. даровъ или мощей... Но такъ я поступалъ съ ворами, убійцами и святотатцами, *но никогда въ жизни я ничѣмъ не обидѣлъ за ихъ вѣру еретиковъ*, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ случаевъ». Затѣмъ Моръ подробно описываетъ эти два случая. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что одинъ мальчикъ изъ прислуги Мора хотѣлъ научить другого осквернить дары на алтарѣ. За это Моръ велѣлъ слугѣ поступить съ нимъ «какъ вообще поступаютъ съ мальчиками», т. е. нѣсколько разъ вытянуть его пониже спины, въ присутствіи всѣхъ домочадцевъ. Другой случай «преслѣдованія еретиковъ» касался сумасшедшаго, уже сидѣвшаго раньше въ домѣ умалишенныхъ въ Бедламѣ. Этотъ субъектъ находилъ особое удовольствіе въ томъ, что ходилъ къ обѣднѣ и во время «священнодѣйствія» подымалъ громкій крикъ и вообще затѣвалъ скандалъ. Когда онъ однажды проходилъ мимо его дома, Моръ велѣлъ полицейскому схватить его, привязать къ дереву, стоявшему среди улицы, и наказать розгами.

Эти два наказанія побоями были, конечно, очень невинны въ такую эпоху, когда вообще всѣ очень легко рѣшались сжигать еретиковъ и вѣдьмъ и долго надъ этимъ не задумывались.

Моръ продолжаетъ: «Изъ всѣхъ тѣхъ, кого приводили ко мнѣ по обвиненію въ ереси, рѣшительно ни одинъ человѣкъ, клянусь Господомъ, не получилъ отъ меня ни пощечины, ни удара, ни даже щелчка въ носъ. Все, что требовалъ отъ меня служебный долгъ, сводилось къ тому, чтобы держать ихъ подъ запоромъ, хотя послѣдній былъ не такъ ужъ крѣпокъ, чтобы помѣшать Георгу Константину удрать». Лютеране утверждаютъ, что бѣгство этого человѣка привело Мора въ бѣшенство. Однако, на самомъ дѣлѣ, онъ никого за это даже не выбранилъ; привратнику, напр., онъ сказалъ слѣдующее: «Джонъ, присмотри за тѣмъ, чтобы рѣшетки скорѣе были исправлены и заперты, а то удравшій узникъ, пожалуй, вновь прокрадется къ намъ назадъ. То, что сдѣлалъ Константинъ (т. е. его бѣгство), онъ сдѣлалъ не безъ основанія. Никогда я не буду столь неразуменъ, чтобы сердиться на человѣка, пожелавшаго перемѣнить положеніе потому, что ему надоѣло долгое сидѣніе».

Всѣ другія росказни о его жестокости къ еретикамъ и т. п. Моръ объявляетъ вымысломъ: «что касается еретиковъ, то я просилъ бы не понимать меня превратно. Я ненавижу ихъ *заблу-*

жденія, но не *личность*; мнѣ хотѣлось бы уничтожить первыя и сохранить вторыя».

Позволимъ себѣ привести еще строфу изъ этого сочиненія, характерную въ томъ отношеніи, что изъ нея видно, какъ Моръ относится къ дѣламъ религіи: «Перейдемъ теперь къ послѣдней ошибкѣ, за которую сѣтуютъ на меня братья: говорятъ, что я въ самыя важныя дѣла вплетаю каламбуры, остроты и анекдоты. Горацій пишетъ: ridentem dicere verum (quid vetat)—почему не говорить правды, смѣясь? Мірянину, подобно мнѣ, болѣе пристало высказывать свои сужденія въ шутливой формѣ, нежели серьезно и торжественно проповѣдывать».

Моръ въ этомъ случаѣ совершенно правъ—проповѣдникомъ въ смыслѣ новѣйшаго католицизма онъ не былъ. Сколь онъ ни старается сохранить въ своихъ религіозныхъ полемическихъ сочиненіяхъ серьезный тонъ, въ немъ, все-таки, нѣтъ-нѣтъ да и прорвется юморъ. Нельзя придумать болѣе веселаго чтенія, чѣмъ нѣкоторыя мѣста его Supplication of Souls (Мольба за бѣдныя души) 1529 года, полемическій отвѣтъ на памфлетъ: Supplication of beggar (Мольба нищихъ). Памфлетъ этотъ былъ розданъ при одной процессіи и относился къ Генриху VIII, которому предлагали въ немъ уничтожить богоугодныя заведенія и помочь пролетаріату, остающемуся безъ работы. Между прочимъ Файфъ, авторъ памфлета, предлагалъ выгнать духовенство изъ монастырей, плетьми заставить ихъ приняться за работу и всѣхъ переженить: такимъ образомъ и производительность страны и ея народонаселеніе увеличатся. Мора это предложеніе привело въ неистовый восторгъ. «Подумайте только—человѣкъ предлагаетъ королю ограбить, заключить въ окопы, выдрать и, наконецъ, женить духовенство! Какъ авторъ относится къ женитьбѣ, видно изъ того, что онъ предлагаетъ его въ видѣ послѣдняго и, конечно, самаго сильнаго наказанія; и въ самомъ дѣлѣ, если бы авторъ считалъ женитьбу хорошимъ дѣломъ, то, разумѣется, не пожелалъ бы его духовенству».

Затѣмъ Моръ соболѣзнуетъ несчастнымъ душамъ, сидящимъ въ чистилищѣ уже совершенно безнадежно, такъ какъ, вѣдь, не останется никого, кто сталъ бы за нихъ молиться. А, вѣдь, какія муки испытываютъ тамъ эти бѣдныя души! Подумайте только, вѣдь онѣ присуждены къ тому, чтобы любоваться на весь тотъ вздоръ, что

совершается на землѣ. А, вѣдь, какъ скоро забываютъ объ умершемъ! И вотъ мужъ, сидящій въ чистилищѣ, долженъ наслаждаться зрѣлищемъ того, какъ жена его быстро выходитъ за другого, а дѣти веселятся и никто уже не вспомнитъ объ отцѣ, о которомъ забыли такъ же скоро, какъ о сношенномъ башмакѣ. Только тогда жена иногда вспомнитъ о немъ, когда поссорится со вторымъ мужемъ.

Въ своей «Confutation of Tyndols Answer» (Возраженіе на отвѣтъ Тиндоля) онъ описываетъ споръ протестантскаго проповѣдника Борнса, въ присутствіи всего прихода, съ двумя женщинами; одна изъ нихъ жена купца, другая—цѣловальница изъ Ботольфсъ Харфа. Дѣло касается признаковъ, по которымъ можно отличить истиннаго пастыря Христова. Борнсъ говоритъ, что таковымъ признакомъ онъ считаетъ истинное толкованіе Св. Писанія и жизнь согласно этому Писанію. Тогда содержательница трактира восклицаетъ: «Клянусь св. зябликомъ (malkin)! Отецъ Борнсъ, всѣ эти признаки, о которыхъ ты толкуешь, не выдерживаютъ сравненія съ вывѣскою на моемъ трактирѣ или на мелочной лавочкѣ. Если я увижу такую вывѣску, то знаю, что получу тамъ горячихъ булокъ или горшокъ съ горчицею. А твои оба признака не даютъ мнѣ въ этомъ никакой увѣренности, т. е. ровно ни на грошъ!»

Вотъ въ какомъ тонѣ выдержаны моровскіе богословскіе трактаты. Вѣрно, что къ концу его жизни они становятся уже менѣе веселыми, нерѣдко проникаются экстазомъ или фанатизмомъ; нерѣдко также приходится вычитывать въ нихъ вещи, идущія въ разрѣзъ съ его прежними воззрѣніями, напр., тѣми, которыя онъ высказывалъ въ «Утопіи». Изслѣдованіе того, какимъ образомъ могла произойти такая перемѣна, относится скорѣе къ области *психологіи*, нежели къ *исторіи;* что такой пылкій умъ, какъ моровскій, въ пылу битвы можетъ хватить черезъ край и высказывать мнѣнія, противорѣчащія его прежнимъ воззрѣніямъ, врядъ ли кому-нибудь покажется страннымъ. Намъ думается, что развѣ какой-нибудь пасторъ изъ противоположнаго лагеря оскорбится тѣмъ, что Моръ постепенно какъ бы въѣдается во вражду къ своимъ противникамъ и нерѣдко оказывается фанатикомъ и что, наконецъ, сочиненія его, написанныя въ тюрьмѣ, въ ожиданіи смерти, проникнуты религіознымъ экстазомъ. Предоставимъ католическимъ и лютеранскимъ пастырямъ черпать изъ сочиненій Мора доводы въ пользу и противъ

него. Для насъ, считающихъ Мора только *соціалистомъ*, *мыслителемъ*, эти сочиненія могутъ представить развѣ только *патологическій* интересъ. Богословскія сочиненія Мора объясняются сами собою, разъ мы поймемъ тѣ причины, которыя заставили Мора примкнуть къ *католикамъ*, *а не къ протестантамъ*. Разъ онъ остановился на одной партіи, то все послѣдующее является естественнымъ результатомъ этого шага. Между тѣмъ *причины*, заставившія его противиться протестантизму, были не *догматико-богословскія*, а *политико-экономическія*; это были отчасти тѣ же самыя причины, которыя заставляли всѣхъ вообще гуманистовъ становиться на сторону католицизма, а объ этихъ причинахъ у насъ уже шла рѣчь въ первомъ отдѣлѣ. Однако, въ силу мѣстныхъ и личныхъ условій, причины эти у Мора повели къ совершенно своеобразнымъ результатамъ. Объ этомъ мы подробнѣе узнаемъ ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Моръ, какъ политикъ.

1. Политическое положеніе Англіи въ началѣ XVI вѣка.

Въ первомъ отдѣлѣ нашей книги мы постарались уже выяснить политическое положеніе Европы въ XV и XVI вѣкахъ. Достаточно будетъ нѣсколько словъ, чтобы охарактеризовать спеціальное положеніе дѣлъ въ Англіи.

Изъ всѣхъ средневѣковыхъ сословій къ концу XV вѣка королевской власти почти вполнѣ было подчинено два сословія: *дворянство* и *духовенство*. Мы уже показали, что оба эти сословія исторически ослабѣвали. Это обстоятельство имѣло въ Англіи нѣсколько спеціальныхъ причинъ, ускорявшихъ его. Междоусобная война алой и бѣлой розы (1452—1485) нанесла страшный ударъ феодальному дворянству. Англійскіе бароны, такіе же корыстолюбивые, какъ и ихъ предки, сначала сдѣлали попытку овладѣть «святыми мѣстами», затѣмъ точили зубы на добычу землею и людьми во Франціи. Когда эти источники дохода оказались уже болѣе недѣйствительными, когда

святыя мѣста были утрачены всѣмъ христіанскимъ міромъ, а Франція навсегда была потеряна для Англіи, тогда англійскимъ баронамъ ничего не оставалось болѣе, какъ наброситься на послѣдній объектъ, еще остававшійся подъ руками: они начали грабить землю и людей въ самой Англіи.

Въ 1453 году отъ всей Франціи въ рукахъ англичанъ оставался одинъ только городъ Калэ. Вся масса англійскихъ дворянъ-грабителей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще получавшихъ богатую добычу съ завоеванныхъ земель, теперь должна была скучиться въ тѣсномъ районѣ «дорогого отечества». Началось «перенаселеніе» грабителей. Доходы, какіе они могли выжать изъ земли, были для нихъ слишкомъ ничтожны, особенно потому, что имъ хотѣлось продолжать свой расточительный образъ жизни, къ которому они привыкли за столько лѣтъ систематическаго разграбленія Франціи. Естественнымъ послѣдствіемъ такого «перенаселенія» сдѣлалась «борьба за существованіе», раздѣленіе англійскаго дворянства на два враждебныхъ лагеря; подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно защищать права на корону ланкестерскаго или іоркскаго дома, дворяне убивали и грабили другъ друга. Война алой и бѣлой розы, приверженцевъ іоркскаго или ланкестерскаго домовъ, на первый взглядъ вызванная «войной за право», т. е. за право на престолъ, на самомъ дѣлѣ была настолько же идейна, сколь была она впослѣдствіи, когда «за права бѣднаго человѣка» спорили протекціонисты съ фритредерами (= сторонниками свободной торговли). На самомъ же дѣлѣ, это была война двухъ лагерей грабителей изъ за добычи, и потому-то она велась съ огромнымъ ожесточеніемъ и жестокостью. Обѣ партіи поставили себѣ за правило не щадить ни одного дворянина; тѣ, кто спасался невредимымъ съ поля сраженія, падали подъ мечомъ палачей той партіи, которая временно находилась въ силѣ. Въ этомъ страшномъ побоищѣ, длившемся цѣлое поколѣніе подъ рядъ (съ 1452 г., когда англичане потеряли послѣднія владѣнія во Франціи, по 1485 г.), погибло почти все англійское дворянство, помѣстья его отошли къ королю, и послѣдній создалъ себѣ самъ новое дворянство, которое, конечно, не обладало уже ни силою, ни аппетитами феодальныхъ бароновъ. Со временемъ крупные землевладѣльцы, конечно, вновь должны были сдѣлаться силою, которая могла бороться съ королевскою властью, но во времена Мора, родившагося черезъ семь лѣтъ по окончаніи

междоусобной распри, этого, само собою разумѣется, еще не было. Высшіе дворяне, современники Мора, были почти всѣ ставленниками короля, владѣли своими имѣніями благодаря милости его или же его отца и потому были ему совершенно подчинены.

Подобно дворянству и духовенство также пало до роли покорнаго слуги монарха. Быть можетъ, раньше ни одна монархія Европы не находилась въ такой зависимости отъ папы, какъ именно Англія. Вѣдь Іоаннъ (Безземельный) въ 1213 году долженъ былъ принять ее въ ленное владѣніе отъ папы за ежегодную плату въ 1.000 марокъ (марка = $^2/_3$ фунта серебра). Норманнская феодальная монархія въ Англіи имѣла полное основаніе содѣйствовать величію и могуществу папы, пока англійскіе дворяне могли надѣяться, что крестовые походы гарантируютъ ему свободный грабежъ на Востокѣ. Когда же, къ концу XIII вѣка, виды на это становились все болѣе и болѣе призрачными, тогда англійскіе рыцари и дворяне поставили себѣ ближайшею цѣлью разграбленіе Франціи; англійскіе купцы того времени также были заинтересованы въ томъ, чтобы Англія пріобрѣла во Франціи владѣнія, съ которыми можно было бы начать выгодный торгъ, не стѣсняемый таможнями и другими препятствіями [1]).

Между тѣмъ при борьбѣ съ Франціей папа не только не оказывался союзникомъ, а являлся рѣшительнымъ противникомъ англичанъ; вѣдь, Франція въ XIV вѣкѣ сдѣлала папу своимъ слѣпымъ оружіемъ! Въ виду этого въ Англіи настроеніе, враждебное папѣ, проявилось гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ не романскихъ странахъ. Такимъ образомъ получили особое подкрѣпленіе тѣ общія условія, которыя, начиная съ XIV вѣка, заставляли всѣ страны, угнетенныя поборами папы, все сильнѣе жаждать независимости отъ Рима. Какъ впослѣдствіи въ Германіи, такъ еще раньше въ Англіи общее соперничество съ папою получило, смотря по сословіямъ, два враждебныхъ другъ другу характера: съ одной стороны стояла *демократическая* часть населенія, крестьяне, ремесленники,

[1]) Особенно важна была Англіи Гіенн (съ древней столицею Бордо), такъ какъ она получала оттуда соль и вино. Когда французскій король въ 1450 году завоевалъ эту провинцію, онъ тотчасъ же назначилъ на оба эти товара вывозную пошлину, отлично понимая, какъ сильно нуждаются въ нихъ англичане. Thorold Rogers. Six Centuries of Works and Wages, стр. 96.

подчасъ и мелкіе дворяне. На другой сторонѣ сгруппировались *монархисты*, приверженцы престола, его ставленники и торговцы, наживавшіеся на его счетъ. Первая партія руководилась ученіемъ Виклиффа (1324—1384) и образовала секту *лоллардовъ*. Монархическая Франція ограничилась тѣмъ, что, не трогая церковную догму, значительно уменьшила, почти свела на нѣтъ вымогательство и силу папства рядомъ парламентскихъ постановленій. Уже въ 1360 году парламентъ издалъ рѣшенія, имѣвшія въ виду эту цѣль. Въ 1390 году англичанину подъ страхомъ лишенія имущества и жизни было запрещено принимать отъ иностранца церковную должность, замѣщать ее для иностранца или посылать за нее за границу деньги. А когда папы начали игнорировать это постановленіе, тогда оно было подтверждено особымъ статутомъ (Praemunire, ср. стр. 201 рукописи), который сталъ основою англійской конституціи. Примѣнять ли этотъ статутъ и до какой степени его примѣнять, это было предоставлено королю. Такимъ образомъ англійскіе короли совершенно освободились отъ власти папъ, на которыхъ они всегда могли произвести угрозу обѣщаніемъ прибѣгнуть къ статуту Praemunire. Между тѣмъ давно уже прошли тѣ дни, когда клиръ, независимый отъ папы, могъ бы произвести на короля какое-либо давленіе. Онъ не могъ освободиться отъ папы безъ того, чтобы не подпасть подъ власть короля. По мѣрѣ того, какъ въ Англіи падали значеніе и сила папы, клиръ все болѣе и болѣе отдавался въ распоряженіе короля.

Опасность со стороны турокъ тоже не могла поднять въ Англіи престижа папскаго престола. Вѣдь, эта страна болѣе чѣмъ всякое другое европейское государство чувствовала себя въ полной безопасности отъ этого врага.

Такимъ-то образомъ во времена Мора дворянство и духовенство сдѣлались покорными слугами короля и создали ему такую неограниченную власть, какой въ то время не могъ похвалиться ни одинъ изъ государей Европы.

Однако, на ряду съ королевскою властью возвысилось также значеніе *горожанъ* и *крестьянъ*. Мы уже показали въ первомъ отдѣлѣ, что положеніе сельскаго населенія къ концу XIII и началу XIV вѣка въ Европѣ значительно улучшилось. Крѣпостное право почти исчезло, личная барщина кое-гдѣ уже совсѣмъ уничтожилась или была замѣнена оброкомъ, причемъ и землевладѣлецъ ничего не

терялъ отъ такой замѣны. Мѣста безплатныхъ дворовыхъ изъ крѣпостныхъ заняли наемные слуги или батраки. Однако, число людей, вынужденныхъ въ то время продавать свой трудъ, было еще ничтожно [1]). Заработная плата была поэтому высока. Достаточно было ничтожныхъ причинъ, чтобы еще болѣе повысить ее. Такъ, напр., въ Англіи, во второй половинѣ XIV вѣка, плата рабочихъ повысилась въ общемъ на 50%, а временами подымалась еще гораздо выше, благодаря цѣлому ряду причинъ: въ 1348 году впервые, именно въ Англіи, появился «черный моръ» (чума), производившій страшныя опустошенія; затѣмъ возникъ цѣлый рядъ новыхъ отраслей промышленности, привлекавшихъ много рабочихъ силъ въ города (напр., шерстопрядильное дѣло въ XIV вѣкѣ въ Норвичѣ) или заставлявшихъ ихъ дома заниматься кустарнымъ промысломъ, чѣмъ отвлекалось отъ рынка труда предложеніе рабочихъ рукъ; наконецъ, не мало рукъ уходило въ наемныя войска.

Землевладѣльцы пришли прямо въ отчаяніе. Они сдѣлали попытку заставить людей работать и понизить заработную плату путемъ парламентскихъ актовъ. Первый такой «рабочій статутъ» (Statut of Labourers) относится къ 1439 году. Однако, этими законами аграріи не ограничились. Они пытались непосредственно вновь прикрѣпить людей къ землѣ. Наконецъ, ихъ притѣсненій нельзя уже было долѣе терпѣть. Рабочіе и поселяне поднялись, въ 1381 году, подъ предводительствомъ Тайлора. Прямыхъ послѣдствій это возстаніе не имѣло. Вожди его сдѣлались жертвою измѣны, мятежники разбѣжались, руководители были казнены, а организація дѣла, секта лоллардовъ, подверглась кровавымъ преслѣдованіямъ: однако, возстаніе внушило землевладѣльцамъ благодѣтельный ужасъ; они перестали дѣлать по-

---

[1]) Сельскіе наемные рабочіе набирались частью изъ крестьянъ, продававшихъ свое свободное время крупнымъ землевладѣльцамъ, частью изъ особыхъ свободныхъ батраковъ, составлявшихъ весьма немногочисленный классъ. Послѣдніе, кромѣ того, фактически становились самостоятельно хозяйничающими поселенцами, такъ какъ, кромѣ заработной платы, они получали кусокъ земли въ три и болѣе акра съ необходимыми постройками. Кромѣ того, они на ряду съ настоящими крестьянами пользовались общими угодьями, выгономъ, дровянымъ и строевымъ лѣсомъ, торфомъ и т. д. Ср. Марксъ. «Капиталъ». I томъ.

пытки къ порабощенію крестьянъ и рабочихъ. Междоусобныя войны XV вѣка окончательно сломили феодализмъ.

Благодаря этому въ Англіи появилось сословіе упрямыхъ, самонадѣянныхъ, сильныхъ *поселянъ*.

Именно они-то и способствовали тому, что англійскія войска XIV—XVII вѣковъ были такъ грозны, именно объ ихъ сопротивленіе сокрушился натискъ французскихъ рыцарей, а впослѣдствіи и кавалеровъ стюартскаго дома.

Они образовали матеріалъ, который могъ бы сдѣлаться опаснымъ королевскому могуществу, если бы нашелся классъ, который сумѣлъ бы воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Одни, безъ союза съ другимъ сословіемъ, крестьяне не представляли опасности; у нихъ не было политическихъ или національныхъ стремленій, ихъ интересы не выходили за предѣлы прихода и развѣ округа (County). Достаточно было предоставить имъ поле дѣйствія въ этомъ районѣ, и они были этимъ совершенно довольны.

Сколь бы англійскій крестьянинъ временъ Генриховъ VII и VIII (т. е. во времена Мора) и не чувствовалъ себя свободнымъ, онъ не могъ мѣшать королевскому абсолютизму (самодержавію). Онъ относился къ нему безразлично, даже скорѣе дружественно, такъ какъ видѣлъ въ немъ оплотъ противъ аппетитовъ землевладѣльца, которые ко времени Мора уже начинали, какъ мы увидимъ ниже, разыгрываться.

Быстрое усиленіе могущества *горожанъ* такъ же мало мѣшало королевской власти, какъ и возвышеніе сельскаго класса. Правда, часть этого городского населенія, ремесленники, представляла тогда изъ себя безпокойный элементъ, который отличался упрямствомъ, сознаніемъ своей силы и не боялся борьбы. На ряду съ крестьянами ремесленники поставляли лоллардамъ больше всего рекрутовъ. Однако, подобно поселянину, и ремесленникъ, по крайней мѣрѣ городской, тоже дѣйствовалъ больше въ сферѣ своего прихода и какъ бы рѣшительно и упрямо онъ ни отстаивалъ этихъ своихъ узкихъ интересовъ, общегосударственныя дѣла рѣдко оказывали на него сильное вліяніе. Кромѣ того, въ эпоху Мора, во многихъ небольшихъ городахъ цеховое устройство уже начинало падать и такъ быстро клониться къ упадку, что при преемникѣ Генриха VIII, Эдуардѣ VI, опекуны его могли уже отважиться ограбить цехи и принять въ

казну ихъ имущество такъ же точно, какъ при Генрихѣ VIII было принято въ казну имущество церкви. Это была эпоха, когда складывался фундаментъ того храма святой собственности, который стоитъ незыблемо и понынѣ.

Конфискація цехового имущества, правда, была произведена лишь въ провинціальныхъ городахъ, не въ Лондонѣ. Лондонскіе горожане представляли, во времена Мора, такую силу, къ которой короли чувствовали болѣе почтенія, нежели къ церкви, дворянству, поселянамъ и провинціальнымъ городамъ. Тенденція торговли къ объединенію, о которой шла рѣчь въ первомъ отдѣлѣ нашей книги, нигдѣ не проявилась въ Европѣ столь рано и столь сильно, какъ именно во Франціи и въ Англіи, двухъ государствахъ, прежде другихъ сдѣлавшихся національными единицами. Парижъ и Лондонъ сумѣли подчинить себѣ экономическую жизнь окружавшихъ ихъ странъ, они стали фактически надъ ними господствовать.

Рожерсъ очень справедливо замѣчаетъ: «безъ сомнѣнія, Лондонъ съ давнихъ поръ сильно отличался отъ всѣхъ другихъ англійскихъ городовъ, какъ величиною и богатствомъ, такъ и особыми качествами, военною силою и той энергіей, съ которою онъ старался освободиться отъ силы господствующихъ классовъ (magnates)... Въ безчисленныхъ политическихъ распряхъ среднихъ вѣковъ въ концѣ концовъ побѣждала, и очень быстро, та сторона, къ которой присоединялся Лондонъ [1]).

Между тѣмъ наибольшую силу въ Лондонѣ представляли *купцы*.

Лондонъ прежде всего былъ торговымъ городомъ. Въ немъ сосредоточивалась торговля Англіи, которая въ эпоху Мора была уже очень значительна. Въ XIII вѣкѣ большая часть англійской торговли шла еще черезъ руки ганзейцевъ, въ Лондонѣ была устроена одна изъ ихъ наиболѣе цвѣтущихъ факторій «стальной дворъ» (Steelyard). Однако торговый флотъ Англіи развился чрезвычайно быстро; въ XV вѣкѣ англійскіе корабли ходили во Францію и Нидерланды, въ Португалію и въ Марокко. Они проникли въ Балтійское море и составили тамъ сильную конкуренцію ганзейцамъ; особенно отличалась въ этомъ отношеніи одна фирма, по имени Merchant adventurers (купцы-авантюристы, т. е. торгующіе съ замор-

[1]) Th. Rogers. l. c. (ср. стр. 66) стр. 106, 108, 109.

скими странами). Развитіе рыболовства также содѣйствовало усиленію торговаго флота. Англійскіе моряки становились все смѣлѣе и предпріимчивѣе, они отваживались все дальше и дальше въ негостепріимныя моря. Торговля и китовый бой завели ихъ въ Исландію, въ вѣкъ открытій они выбрали себѣ сѣверныя моря, которыя хотя и не обѣщали столько выгодъ, сколько давали тропическія моря испанцамъ и португальцамъ, но требовали не меньше смѣлости и знаній. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Мора англичане открыли путь къ Архангельску, тогда единственному приморскому городу «Московіи», и еще въ 1494 году Джонъ Кабатъ, выйдя изъ Бристоля съ англійской флотиліей, достигъ Лабрадора лишь четырнадцатью мѣсяцами послѣ того, какъ Колумбъ добрался до материка Америки [1]).

Сколь бы ни важны были впослѣдствіи эти открытія и тотъ предпріимчивый духъ, который вызвалъ ихъ къ жизни, сколь они ни содѣйствовали торговому величію Англіи, во времена Мора, ихъ значеніе было пока только *симптоматическое*. Главная англійская торговля велась тогда лишь съ сосѣдними странами; самою важною отраслью была *торговля шерстью съ Нидерландами*. Шерстопрядильное и ткацкое дѣло въ Нидерландахъ развилось рано, начиная съ X вѣка, и сильно обогатило эту страну. Между тѣмъ до XVII вѣка только два государства Европы вывозили шерсть: *Англія* и *Испанія*; при томъ англійская шерсть была гораздо лучше испанской и голландцамъ было легче ее доставать. Такимъ образомъ у Англіи была фактически монополія торговли шерстью съ Нидерландами, подобно тому, какъ до 60-хъ годовъ XIX вѣка южно-американскіе штаты монополизировали вывозъ въ Англію хлопка, необходимаго сырья для ткацкой и прядильной промышленности. Поэтому обогащенію Нидерландовъ соотвѣтствовало также обогащеніе Англіи или, вѣрнѣе, обогащались крупные землевладѣльцы, добывавшіе шерсть, купцы и короли Англіи. Увеличеніе благосостоянія этихъ классовъ до временъ Мора, однако, было задержано междоусобными войнами, сопровождавшимися опустошеніемъ и конфискаціей имущества, да кромѣ того мѣшало обогащенію ихъ отсутствіе пролетаріата, безработныхъ, которые могли бы сбить цѣны.

---

[1]) Г. Банкрофтъ. Исторія Сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ (по-нѣмецки). Лейпцигъ. 1845, I, стр. 9.

Только при жизни Мора, наконецъ, спохватились и начали стараться, къ вящшему благу народа, устранять это прискорбное отсутствіе въ немъ нищеты. Только при Морѣ уже крупные землевладѣльцы начали получать большіе доходы со своей монополіи на шерсть. До того времени львиная доля добычи доставалась купцамъ и монарху: вывозная пошлина на шерсть была тогда однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ королевскихъ доходовъ, она составляла прочную опору абсолютизма. Чѣмъ больше развивалась торговля, тѣмъ болѣе усиливалась и власть короля; однако, соотвѣтственно этому ему приходилось считаться и съ интересами торговли. Тюдоры, династія которыхъ началась при Генрихѣ VII и кончилась вмѣстѣ съ Елизаветою, отлично поняли, что ихъ интересы совпадаютъ съ интересами торговли, и потому они всякими мѣрами, какъ могли, поощряли ее. Какъ бы деспотично они ни правили, лондонскіе горожане, наиболѣе сильная организація въ странѣ, на ряду съ королевской властью, охотно переносили ихъ режимъ: вѣдь, городское населеніе Лондона цѣликомъ жило торговлею, одни прямо, непосредственно, другіе косвеннымъ образомъ. Пока, стало быть, процвѣтала торговля, у нихъ не было причинъ быть недовольными.

Такимъ образомъ, господство Тюдоровъ съ этой стороны не встрѣчало противодѣйствія, и ни одна династія въ Англіи не пользовалась такою неограниченною властью.

Однако, не слѣдуетъ думать, что лондонскіе горожане были объяты духомъ раболѣпнаго подчиненія. Они отлично сознавали свою силу и не стѣснялись противиться королевской власти, когда она съ своей стороны упускала изъ виду ихъ интересы. И, несомнѣнно, неограниченное правленіе Тюдоровъ не продолжалось бы свыше столѣтія (1485—1613), если бы почти всѣ они отлично не сознавали, до какихъ предѣловъ можно идти. Если же имъ случалось переходить черезъ извѣстныя границы, тогда народъ очень быстро заставлялъ ихъ поворачиваться вспять.

Сила сопротивляемости и свободолюбивое классовое самосознаніе народа, особенно лондонскаго, только и сдерживали деспотизмъ Тюдоровъ. *Парламентъ* былъ при нихъ безсиленъ. На ряду съ представителями отъ дворянства и духовенства съ XIII вѣка въ парламентъ стали созываться также и депутаты отъ городовъ, конечно, лишь съ тою цѣлью, чтобы они соглашались на денежные

поборы. Однако, по мѣрѣ того, какъ росла сила городовъ, увеличивалось и вліяніе ихъ представителей на законодательство. Своеобразной особенностью англійскаго парламента оказывается то обстоятельство, что въ XIV вѣкѣ представители низшаго дворянства отдѣлились отъ знати, которая съ тѣхъ поръ, совмѣстно съ высшими церковными іерархами, образовала верхнюю палату (палату лордовъ), между тѣмъ какъ представители низшаго дворянства и городовъ соединились въ палату общинъ. Конечно, вліяніе и сила парламента находились въ зависимости отъ силы отдѣльныхъ сословій, стоявшихъ за спиною парламента, и отъ ихъ солидарности. Тамъ, гдѣ двѣ враждебныя другъ другу партіи все время одна другую уравновѣшивали, королямъ, конечно, легко было вести свою игру. Тѣмъ не менѣе, до самаго XVII столѣтія, власть парламента по отношенію къ правительству была слабѣе, чѣмъ тѣхъ классовъ, представителями которыхъ онъ являлся, такъ какъ онъ не былъ независимъ отъ воздѣйствія на отдѣльныхъ его представителей. Буржуазію цѣликомъ нельзя было ни подкупить, ни испугать, зато это легко было сдѣлать съ ея отдѣльными представителями: вѣдь могъ же король, если это казалось ему удобнымъ, казнить какъ государственныхъ измѣнниковъ, тѣхъ членовъ парламента, которые ему не нравились! Если король и подчинялся парламенту, то вовсе не потому, что признавалъ его права, а только изъ боязни силы того класса, интересы котораго парламентъ представлялъ.

Когда Тюдоры чувствовали, что могутъ управиться съ народомъ, тогда они не обращали на парламентъ никакого вниманія.

Безсильные, снѣдаемые личными вліяніями, составленные по большей части изъ духовныхъ и свѣтскихъ ставленниковъ короля, парламенты эпохи Тюдоровъ могутъ считаться наиболѣе раболѣпными изъ всѣхъ, какіе знаетъ англійская исторія. Они совершенно отказались отъ законодательной власти въ пользу короля и съ удовольствіемъ исполняли роль палача, когда онъ того требовалъ. Только въ *одномъ* пунктѣ они иногда оказывались очень стойкими и заставляли короля сдаваться, такъ какъ онъ чувствовалъ, что за нимъ стояли народныя массы—это тогда, когда дѣло шло о *денежныхъ ассигнованіяхъ*.

Всѣ указанныя соотношенія имѣли слѣдствіемъ странное, на первый взглядъ, противорѣчіе: нигдѣ въ Европѣ, во времена Мора,

самодержавная власть короля не была столь прочна, какъ именно въ Англіи, и между тѣмъ именно тамъ свободолюбіе и классовое самосознаніе горожанъ и крестьянъ было развито болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

2. *Моръ—монархистъ и ненавистникъ тираніи.*

Моръ былъ сыномъ своего вѣка и тѣхъ условій, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Поэтому противорѣчіе въ заглавіи нашей главы и отражается въ его сочиненіяхъ. Вслѣдствіе своего темперамента, склоннаго къ энтузіазму, тѣ противорѣчія, о которыхъ мы выше говорили, быть можетъ, ни у кого другого не выступаютъ столь рельефно. Онъ жадно воспринялъ ученіе гуманистовъ, по которому государь хотя и признается необходимымъ, но ставится въ подчиненіе философамъ. Онъ расширилъ это понятіе: по его мнѣнію, государи должны быть слугами народа. И то, что для другихъ было литературною фразою, то для Мора было глубокимъ, незыблемымъ убѣжденіемъ. Онъ ненавидѣлъ тиранію, какъ только могъ ее ненавидѣть англичанинъ, а между тѣмъ былъ убѣжденъ, что, все-таки, королевская власть необходима. Онъ считалъ народъ въ правѣ смѣнять королей, разъ они не заботятся о благѣ народовъ, но лишь при томъ условіи, чтобы онъ тотчасъ же замѣнилъ его другимъ, лучшимъ.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, его политическая точка зрѣнія. Лучше всякихъ объясненій она выяснится, если привести краткій очеркъ политическихъ воззрѣній и образа дѣйствій Мора.

Впервые онъ высказывается о политикѣ въ своихъ *эпиграммахъ*. Изъ нихъ для насъ могутъ имѣть значеніе только тѣ, въ которыхъ говорится о государяхъ; нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, характерныя, мы здѣсь и приведемъ. Одна озаглавлена «хорошій и плохой государь»:

«Что значитъ добрымъ быть царемъ?—Онъ пастырь, песъ онъ вѣрный.
«Волкамъ опасный; злой же князь
Скорѣе волку самъ подобенъ».

Другая названа: «Разница между тираномъ и государемъ»:

... Чѣмъ отличить
«Законнаго царя отъ гнуснаго тирана?
Тиранъ согражданъ какъ рабовъ терзаетъ
А добрый князь ихъ за дѣтей считаетъ».

Эта разница напоминаетъ намъ мечтанія конституціоналистовъ, которымъ хотѣлось бы, чтобы государь царствовалъ, но не управлялъ. Однако, даже между теоретиками-конституціоналистами, напр., приверженцами іюльской монархіи (Людовика Филиппа во Франціи) и Моромъ существуетъ большая разница. Тѣ прибѣгали къ фикціямъ, чтобы скрыть противорѣчія, такъ какъ единственнымъ слѣдствіемъ ихъ теоретическихъ взглядовъ могла быть республика, между тѣмъ, какъ обстоятельства даннаго времени заставляли ихъ прибѣгнуть къ извѣстному лицу и сдѣлать его королемъ [1]). Мору понадобились эти фикціи для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе свое теоретическое убѣжденіе въ необходимости монархіи съ ненавистью, какую онъ питалъ противъ тиранін королей, напр., Генриха VII, въ правленіе котораго написана эта эпиграмма. Взгляды конституціоналистовъ имѣли послѣдствіемъ трусливый оппортунизмъ; убѣжденія Мора имѣли результатомъ упрямую оппозицію съ его стороны. Сколь мало Моръ считался съ террористическимъ режимомъ современныхъ ему деспотовъ (которые, конечно, могли въ любой моментъ позволить себѣ все и заставляли автора подвергать свои сочиненія строгой собственной цензурѣ), можно понять, напр., изъ эпиграммы: «воля народа даетъ короны и отнимаетъ ихъ»:

«Кто во главѣ многолюднаго общества мѣсто имѣетъ,
Пусть не забудетъ того, что имъ онъ самимъ и поставленъ;
Долженъ на этомъ посту оставаться, конечно, не дольше,
Чѣмъ пожелаетъ народъ, его пригласившій на царство.
Что же такъ сильно подчасъ вѣнценосцы кичатся предъ нами?
Слабы, вѣдь, въ общемъ они и престолъ до поры (precario) имъ положенъ».

Настолько же смѣла и задорна другая эпиграмма о «жаждѣ власти»:

«Рѣдко среди королей одного ты разыщешь, который
Царствомъ своимъ, имъ въ наслѣдство полученнымъ, будетъ доволенъ.
Рѣдко среди королей одного ты разыщешь, который
Править своимъ государствомъ умѣлъ...»

---

[1]) То же самое было и въ Сербіи послѣ переворота 29 мая 1903 г. Заговорщики и ихъ единомышленники, конечно, мечтали о республикѣ, но отлично понимали, что «концертъ» державъ ее никогда не признаетъ.
Прим. перев.

Что за мысли роились у Мора въ головѣ, видно изъ того, что онъ перевелъ одинъ изъ діалоговъ Лукіана «убійца тирана», съ греческаго на латинскій и написалъ на него отвѣтъ [1]). Содержаніе «убійцы тирана» заключается въ слѣдующемъ: нѣкто имѣетъ намѣреніе убить стараго тирана и прокрадывается для этого въ его хоромы. Вмѣсто отца онъ столкнулся съ сыномъ и убилъ его, оставивъ въ трупѣ мечъ. Тиранъ является, находитъ трупъ сына, приходитъ въ отчаяніе и лишаетъ себя жизни мечемъ убійцы. Затѣмъ убійца требуетъ вознагражденія, полагающагося за освобожденіе родины отъ тирана. Въ своемъ отвѣтѣ Моръ отстаиваетъ мнѣніе, что убійца не имѣетъ права на вознагражденіе, такъ какъ не онъ убилъ тирана. «Если я настаиваю на томъ, говоритъ онъ, чтобы тебѣ, мнимому убійцѣ тирана, не выплачивали вознагражденія, то я вовсе этимъ не хочу сказать, что оплакиваю смерть этого деспота. Если бы ты въ самомъ дѣлѣ убилъ его, то я не поднималъ бы такого вопроса, напротивъ того—я хвалилъ бы тебя, удивлялся бы тебѣ и всячески стоялъ бы за то, чтобы тебя вознаградили. Я какъ разъ потому то и выступаю твоимъ противникомъ и отказываю тебѣ въ наградѣ, *что ты не убивалъ тирана*».

Духовные біографы Мора, конечно, стараются показать, что Моръ, занимаясь такой темою, проявлялъ къ ней чисто грамматическій интересъ. Католикъ Одѣнъ (Audin), написавшій въ 1843 г. комментарій къ французскому переводу біографіи Мора Стэплтона, считаетъ себя, однако, вынужденнымъ замѣтить: «Убійца тирана—это политическій символъ вѣры. Моръ ненавидитъ деспотизмъ; онъ не вѣритъ въ божественное происхожденіе права на власть; онъ готовъ оправдывать всякаго, кто подымется противъ дурного государя». И намъ тоже кажется, что занятіе «убійцей тирана» вовсе не является стилистическимъ упражненіемъ, оно служитъ ему поводомъ высказать нѣсколько мыслей, которыя въ иной формѣ неудобно было бы сдѣлать общимъ достояніемъ.

---

[1]) Thomae Mori Dialogi Lucianei e Graeco in Latinum sermonem conversi adjecta declamatione, qua Luciani Tyrannicidae respondetur (Переводъ діалога Лукіанова съ греческаго на латинскій языкъ, сдѣланный Т. Моромъ, съ прибавленіемъ разсужденія въ отвѣтъ на «убійцу тирана» Лукіана.).

3. *Моръ—представитель лондонскихъ горожанъ.*

Вскорѣ Мору представилась возможность доказать, что его «мужественная гордость передъ престоломъ» не была одной только декламаторской фразой. Двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ попалъ въ парламентъ, созванный Генрихомъ VII для того, чтобы получить законный предлогъ заняться грабежемъ народа. Предыдущій парламентъ 1496—1497 года безъ затрудненія ассигновалъ королю двѣ *пятнадцатыя,* благодаря тому, что въ воздухѣ носилась опасность войны съ Шотландіей. *Пятнадцатыя*—это особый налогъ на имущество, опредѣленнаго размѣра, который платили графства (Counties), города и мѣстечки, а также и клиръ. Въ 1500 году венеціанскій посланникъ въ Англіи опредѣлилъ размѣры одной пятнадцатой въ 39.930 фунтовъ стерлинговъ.

По мѣрѣ уступчивости парламента росла и жадность короля. Отъ парламента 1504—1505 года, въ которомъ засѣдалъ и Моръ, онъ потребовалъ *трехъ пятнадцатыхъ* [1]), подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно дать приданое дочери Маргаритѣ, выданной замужъ за шотландскаго короля, а также и ему самому по поводу производства въ рыцари его сына Артура. Чтобы по достоинству оцѣнить все нахальство этого требованія, надо знать, что обязательство платить королю деньги по поводу производства сына въ рыцари было пережиткомъ феодальныхъ временъ и давно уже не практиковалось; въ послѣдній разъ оно имѣло мѣсто въ серединѣ XIV столѣтія, когда былъ произведенъ въ рыцари сынъ Эдуарда III, такъ называемый Черный принцъ. Кромѣ того, этотъ же Артуръ успѣлъ уже въ 1502 году, въ очень нѣжномъ возрастѣ, скончаться!

Тѣмъ не менѣе, парламентъ какъ будто ничего не имѣлъ противъ принятія этихъ нескромныхъ требованій. Билль прошелъ уже два чтенія, и вдругъ при послѣднихъ преніяхъ Моръ привелъ такіе аргументы противъ его принятія, что требованіе короля было отклонено. Одинъ изъ тайныхъ совѣтниковъ короля, нѣкій Тайлеръ,

---

[1]) По Роперу. Очень легко можетъ быть, что онъ въ этомъ случаѣ ошибается. Другіе писатели говорятъ о болѣе низкихъ требованіяхъ. Сибомъ опредѣляетъ одну пятнадцатую въ 37.000 фунтовъ стерлинговъ (Оксфордскіе реформаты, I. с. (ср. стр. 101], стр. 145).

присутствовавшій при этомъ, прибѣжалъ къ королю прямо изъ парламента и сообщилъ, что безусый юноша свелъ на нѣтъ всѣ его требованія. Такъ разсказываетъ намъ Роперъ. Къ сожалѣнію, этотъ инцидентъ до сихъ поръ не вполнѣ еще выясненъ. Достовѣрно одно, что требованіе Генриха VII было не совершенно отклонено, а лишь сильно урѣзано, и что онъ долженъ былъ удовлетвориться 30.000 фунтами «изъ чрезвычайной милости и нѣжной любви къ своимъ дворянамъ и подданнымъ».

Само собою разумѣется, что Генрихъ VII рвалъ и металъ отъ негодованія на юнаго оппозиціонера. Прежде всего онъ обрушился на его отца, такъ какъ сынъ не имѣлъ такого имущества, которое можно было бы конфисковать. Онъ заперъ старика Мора въ Тоуеръ и выжалъ изъ него выкупъ въ 100 фун. стерлинговъ. Однако, месть этимъ не ограничилась. Юный политикъ долженъ былъ удалиться въ частную жизнь и не показываться на глаза, чтобы спастись отъ гнѣва тирана. Вѣроятно, къ этому времени и относится его удаленіе въ монастырь, съ намѣреніемъ сдѣлаться монахомъ. Кромѣ того, Т. Моръ въ это время носился съ мыслью эмигрировать.

Черезъ нѣкоторое время король забылъ о «безбородомъ мальчикѣ». Однако, Мору приходилось держать ухо востро, чтобы вновь не обратить на себя «милостиваго» вниманія короля, и потому онъ не показывался въ парламентѣ. Тѣмъ не менѣе онъ за это время не оставался, очевидно, въ бездѣйствіи, иначе онъ не попалъ бы тотчасъ послѣ смерти Генриха VII, въ 1509 году, на должность помощника шерифа (судьи) въ Лондонѣ. Это назначеніе показываетъ, что онъ успѣлъ составить себѣ репутацію толковаго юриста. На этой должности онъ вскорѣ завоевалъ себѣ симпатіи и довѣріе своихъ согражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ также массу свѣдѣній объ *экономическомъ положеніи своей родины*. Послѣднее видно изъ того, что вскорѣ *лондонское купечество довѣряетъ ему важныя миссіи*. Роперъ пишетъ: «за его ученость, мудрость, знанія и опытность его цѣнили столь высоко, что еще ранѣе его поступленія на службу къ Генриху VIII, онъ, на основаніи настойчивыхъ просьбъ англійскихъ купцовъ, дважды получалъ отъ короля полномочія въ качествѣ посланника, для улаженія важныхъ недоразумѣній между купцами англійскими и «стального двора»

(т. е. ганзейцами, какъ мы знаемъ, ср. стр. 146)». Конецъ этой фразы Ропера основанъ на ошибкѣ. Недоразумѣнія съ ганзейцами Мору пришлось улаживать уже впослѣдствіи. Вѣрнымъ, однако, остается его утвержденіе, что именно англійскіе купцы добивались его назначенія посланникомъ. Первое такое посольство было отправлено въ 1515 году. Моръ самъ разсказываетъ о немъ въ началѣ первой книги своей «Утопіи» (стр. 30): «Генрихъ VIII, непобѣдимый король Англіи, правитель рѣдкаго и сильнаго ума, недавно имѣлъ значительное столкновеніе съ его величествомъ Карломъ, принцемъ Кастильскимъ. На мою долю выпала тогда миссія уладить это недоразумѣніе, и я былъ отправленъ въ качествѣ посла во Фландрію. Въ товарищи мнѣ былъ данъ несравненный Кетбертъ Тенстоль» и т. д.

Этотъ принцъ Карлъ, впослѣдствіи императоръ Карлъ V, наслѣдникъ Максимиліана, императора германскаго, и Фердинанда, короля Испаніи, еще въ 1503 году, будучи трехлѣтнимъ мальчикомъ, обрученъ былъ съ двухлѣтней французской принцессой—Клавдіей. Затѣмъ произошла перемѣна въ политикѣ, которая повела къ расторженію этого сговора и къ обрученію Карла въ 1506 г. съ Маріею, сестрою Генриха (впослѣдствіи короля Генриха VIII) англійскаго; однако, въ 1514 г. Максимиліанъ нашелъ болѣе выгоднымъ, въ подтвержденіе союза съ Франціей, вновь обручить Карла съ принцессой, младшей сестрой его первой невѣсты. Между тѣмъ отецъ первой и третьей невѣсты Карла, Людовикъ XII, женился на второй «покинутой» 14-лѣтнимъ Карломъ невѣстѣ, Маріи.

Этотъ рядъ обрученій очень характеренъ для абсолютизма временъ Мора. Это была какъ разъ та эпоха, когда мелкія государства сколачивались въ крупныя путемъ брачныхъ союзовъ [1]) и ловкій «государственный человѣкъ» обязательно долженъ былъ отлично умѣть устраивать браки.

Понятно, что Генрихъ VIII сильно негодовалъ на вѣроломство Максимиліана, вѣрнѣе Карла. Въ 1515 году послѣднему досталось

---

[1]) Въ то время цѣлыя области и государства переходили въ качествѣ приданаго изъ рукъ въ руки и потому среднимъ вѣкамъ принадлежитъ типичная поговорка: «Пусть другіе ведутъ войну, ты же, счастливая Австрія, вступай въ браки» (Bellum gerant alii tu felix Austria nube).

Прим. перев.

управленіе Нидерландами, и Генрихъ поспѣшилъ сдѣлать ему, вѣрнѣе, нидерландцамъ, каверзу, заставивъ парламентъ запретить вывозъ шерсти въ Нидерланды. Впрочемъ, Генрихъ вскорѣ примирился съ Карломъ, да кромѣ того запрещеніе торговать съ Нидерландами шерстью было столь же стѣснительно для англійскихъ купцовъ, сколь и для голландцевъ. Вотъ почему и нужно было послать Мора для возстановленія торговыхъ сношеній. Миссія эта была выполнена имъ съ блестящимъ успѣхомъ и потому его вскорѣ отправили съ подобнымъ же порученіемъ въ Калэ, гдѣ нужно было разобраться въ недоразумѣніяхъ между англійскими и французскими купцами.

Моръ оказался для такихъ порученій столь пригоднымъ и значеніе его въ Лондонѣ, этомъ сильномъ городѣ, было столь велико, что Генрихъ имѣлъ много причинъ приблизить его къ своему двору. Однако, Моръ всячески уклонялся отъ этого. Даже ежегодная пенсія, предложенная ему королемъ, не была имъ принята; онъ, сообщаетъ Эразмъ, боялся потерять благодаря этому довѣріе своихъ согражданъ: «если бы между горожанами и его величествомъ возникли какія-либо недоразумѣнія относительно ихъ правъ, какъ это нерѣдко случается, они могли бы отнестись ко мнѣ съ недовѣріемъ, разъ я обязанъ королю благодарностью за его ежегодную пенсію». Однимъ словомъ, онъ твердо рѣшился въ случаѣ конфликта между лондонскими горожанами и королемъ отстаивать свободу первыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у него не было никакихъ причинъ быть довольнымъ Генрихомъ VIII. Генрихъ VII былъ отвратительный, неотесанный скряга, который жадно пріобщалъ золото къ золоту, гдѣ и когда только оказывалось возможнымъ это сдѣлать. Сынъ его былъ любезенъ и щедръ; благодаря роскоши, заведенной имъ при дворѣ, онъ оказался покровителемъ торговли и искусствъ, другомъ новыхъ наукъ и гуманизма; однимъ словомъ, это былъ либеральный государь, вполнѣ соотвѣтствовавшій идеалу своего времени.

При вступленіи его на престолъ его привѣтствовали восторженными криками. И Моръ тоже полагалъ, что теперь онъ дождался царя, который будетъ руководиться совѣтами философовъ, будетъ отцомъ своего народа и не пожелаетъ управлять рабами. Моръ сочинилъ къ коронаціи Генриха хвалебную поэму, въ которой, правда,

было болѣе сатиры по адресу прежняго короля, чѣмъ хвалы новому. Эта поэма кончается словами:

«Привѣтъ Тебѣ, великій государь,
И, что всего важнѣй, любимецъ края!»

Первые акты правленія Генриха VIII были, дѣйствительно, таковы, что онъ скоро сталъ популяренъ. Прежде всего онъ казнилъ двухъ министровъ своего отца, Эмпсона и Дедлея, которые были вѣрнымъ орудіемъ Генриха VII въ его стремленіяхъ высасывать кровь и всѣ соки изъ народа. Правда, они съ полнымъ основаніемъ ссылались на то, что всѣ ихъ поступки являлись лишь исполненіемъ приказаній ихъ царственнаго господина.

Однако, вскорѣ политика Генриха VIII обнаружила менѣе симпатичныя стороны. Онъ присоединился къ такъ называемой священной лигѣ противъ Франціи (1512 г.) и ввязался съ нею въ войну, которая продолжалась до 1514 года, стоила Англіи массу денегъ и принесла ей очень мало славы и ровно никакихъ выгодъ. Генрихъ попался впросакъ—другіе заставили его таскать для нихъ каштаны изъ печки и главнымъ изъ нихъ былъ Фердинандъ Католическій (Аррагонскій), который въ «священной войнѣ» за «святого отца» сумѣлъ себѣ изрядно набить карманы.

Кромѣ расходовъ на военныя надобности, деньги уходили еще на головокружительную роскошь двора и на неудержимую строительную горячку, обуявшую короля. Генрихъ VIII построилъ пятьдесятъ дворцовъ и былъ при этомъ такъ нетерпѣливъ, что нерѣдко заставлялъ вести работы непрерывно. Ему, повидимому, принадлежитъ та честь, что онъ впервые познакомилъ англичанъ съ ночными и праздничными работами, по крайней мѣрѣ, онъ ввелъ ихъ въ широкомъ масштабѣ.

Если отецъ разорялъ народъ для того, чтобы накапливать богатства, то сынъ дѣлалъ это въ виду вѣчныхъ денежныхъ затрудненій, и жажда къ золоту расточителя оказалась еще ужаснѣе, чѣмъ скряги. Подати превысили всякую мѣру, даже послѣдній поденщикъ обязанъ былъ вносить что-нибудь: по новому уставу обложенія, рабочій, получавшій въ годъ два фунта, долженъ былъ отдавать изъ нихъ шиллингъ, при заработкѣ отъ одного до двухъ фунтовъ—шесть пенсовъ, и при болѣе низкой заработной платѣ причиталось

четыре пенса пошлины. Кромѣ того, существовала еще подушная подать по шиллингу съ головы!

Наконецъ, не было забыто также излюбленное средство порчи и даже поддѣлки монеты, которое, конечно, могло дать лишь временный выходъ изъ финансоваго затрудненія, однако, оказывалось превосходнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось платить долги. Уже въ первомъ году своего управленія Генрихъ сумѣлъ свести содержаніе серебра въ шиллингѣ съ 142 на 118 грановъ.

4. Политическая критика въ «Утопіи».

Государь вродѣ Генриха VIII былъ не «заботливой овчаркой, защищающей стадо отъ волковъ (ср. стр. 150)», онъ самъ былъ волкомъ. Въ этомъ смыслѣ Моръ, сильно разочаровавшійся въ немъ, и написалъ свою «Утопію» [1]). Во второй части ея онъ показываетъ, какъ счастливо *могло бы быть* государство, если бы оно было организовано и управлялось какъ слѣдуетъ. Въ первой книгѣ своего труда онъ показалъ, напротивъ того, какъ плохо оно управляется въ дѣйствительности, и какими недостатками отличается, прежде всего, режимъ самого Генриха. Эта книга представляетъ изъ себя важный документъ для освѣщенія экономическаго и политическаго состоянія Англіи въ началѣ XVI вѣка и важна, такъ какъ представляетъ намъ Мора, какъ политика. Поэтому намъ необходимо заняться этимъ предметомъ подробнѣе.

При обсужденіи книги нельзя придавать слишкомъ большого значенія тѣмъ почтительнымъ титуламъ, которыми подчасъ надѣляется король; это, въ общемъ, напоминаетъ уваженіе, которое на словахъ воздавали при случаѣ матеріалисты XVIII вѣка религіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ искусство оппозиціонной критики сво-

---

[1]) Домъ, въ которомъ, вѣроятно, была написана «Утопія», стоитъ еще и нынѣ и представляетъ изъ себя трактиръ,—одну изъ достопримѣчательностей Лондона (Crosby Hall) на Епископовской улицѣ (Bishopsgate Street); построенъ въ 1466 году. Немного лѣтъ послѣ своей первой женитьбы (въ 1505 году), Моръ купилъ этотъ домъ, а въ 1523 продалъ его Антонію Понвизи, купцу изъ Лукки, съ которымъ онъ былъ связанъ личной дружбой. Годъ, въ которомъ онъ купилъ этотъ домъ, въ точности не извѣстенъ. Вѣроятно, это было въ 1515 году. Ср. Чарльзъ Найтъ. Лондонъ.

дится къ тому, чтобы заставить читателя между строкъ прочесть какъ разъ обратное написанному.

Такъ же точно и Моръ предоставилъ въ «Утопіи» свою точку зрѣнія словамъ другого, Рафаила Гитлодея, причемъ онъ самъ отъ времени до времени не соглашается со своимъ яко бы противникомъ. Однако, важно не то, что говорилъ Моръ, а то, о чемъ сообщаетъ Гитлодей. Моръ разсказываетъ, какъ онъ случайно встрѣтился съ Гитлодеемъ, когда ѣздилъ посланникомъ во Фландрію. Онъ и другъ его, Петръ Эгидій (по-англійски Джайльсъ—Giles), убѣждаютъ Рафаила поступить на службу какого-либо короля, тотъ отклоняетъ это предложеніе и приводитъ своему отказу вѣскія причины: соотвѣтствующія мѣста книги такъ характерны, что ихъ слѣдуетъ привести въ подлинникѣ (стр. 38).

«Петръ не могъ сдержать своего удивленія: въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, мнѣ кажется очень страннымъ, дорогой Рафаилъ, что ты не поищешь себѣ службы у какого-нибудь правителя. Я твердо убѣжденъ, что ты былъ бы тамъ желаннымъ и полезнымъ человѣкомъ. Его часы досуга ты могъ бы очень пріятно разнообразить своими универсальными свѣдѣніями по географіи и антропологіи, а масса разительныхъ примѣровъ, которые ты можешь привести, дали бы ему основательную подготовку и незамѣнимые совѣты. Въ то же самое время ты могъ бы устроить блестящее положеніе себѣ и своему семейству.

«О судьбѣ моихъ родственниковъ, отвѣтилъ Гитлодей, я мало безпокоюсь. Мнѣ кажется, что по отношенію къ нимъ я вполнѣ добросовѣстно выполнилъ всѣ свои обязанности. Другіе только тогда отдаютъ свои сокровища, когда они одной ногой уже стоятъ въ гробу, а другую туда заносятъ, и даже тогда еще очень неохотно выпускаютъ то, чего ихъ обезсиленная рука не въ состояніи больше держать. Я же, напротивъ того, во цвѣтѣ силъ и молодости роздалъ все имущество своимъ родственникамъ и друзьямъ. Я думаю, что они не могутъ пожаловаться на мой эгоизмъ и не потребуютъ, чтобы я продавался въ рабство королю для наполненія ихъ кармановъ [1]).

---

[1]) Цитируемъ по второму изданію перевода А. Генкеля (при участіи Н. Макшеевой) Спб. 1905 г.

— Пойми же меня, сказалъ Петръ, я предлагаю тебѣ не прислуживать королямъ, а служить имъ.

— Разница тутъ только въ одномъ слогѣ, отвѣтилъ Рафаилъ.

— Называй это дѣло, какъ хочешь, возразилъ Петръ, но я, по крайней мѣрѣ, вижу въ этомъ лучшее для тебя средство не только принести пользу государству и отдѣльнымъ лицамъ, но и обезпечить себѣ счастливое положеніе.

— Счастливое, говоришь ты! А какъ можетъ сдѣлать меня счастливымъ то, что идетъ въ разрѣзъ съ моими чувствами, моимъ складомъ мыслей, моимъ характеромъ, наконецъ? При томъ образѣ жизни, который я веду теперь, я свободенъ, я дѣлаю, что хочу, и сильно сомнѣваюсь, чтобы люди, носящіе порфиру, могли сказать про себя то же самое. Такихъ честолюбцевъ, которые домогаются расположенія свыше, и безъ меня болѣе, чѣмъ достаточно; короли врядъ ли замѣтятъ въ толпѣ придворныхъ отсутствіе мое или двухъ-трехъ моихъ единомышленниковъ...

Тутъ и я (самъ Моръ) заговорилъ:—очевидно, Рафаилъ, ты не стремишься ни къ богатству, ни къ власти, и, съ своей стороны, я отношусь къ тебѣ отъ этого не съ меньшимъ уваженіемъ и удивленіемъ, чѣмъ если бы ты стоялъ во главѣ государства. Однако, мнѣ кажется, что такому благородному и мыслящему уму, какъ твой, стоило бы обратить всѣ свои таланты на служеніе общественному дѣлу, хотя бы ты при этомъ и вовсе не имѣлъ въ виду своего собственнаго благополучія. А безспорно лучшимъ средствомъ для служенія обществу будетъ поступить въ совѣтъ какого-нибудь государя: вѣдь я убѣжденъ, что твой голосъ раздавался бы только для того, чтобы вѣщать истину и справедливость, *тебѣ извѣстно, что государь есть источникъ, изъ котораго на народъ изливается потокомъ и добро, и зло.* У тебя же столько знаній и талантовъ, что, если бы и не хватало опытности въ веденіи государственныхъ дѣлъ, ты все-таки явился бы превосходнымъ министромъ при невѣжественномъ королѣ.

— Ты дѣлаешь двойную ошибку, мой дорогой Моръ! отвѣтилъ Рафаилъ. Ты ошибаешься не только въ оцѣнкѣ положенія вещей, но и моей личности. У меня далеко нѣтъ тѣхъ способностей, которыя ты мнѣ приписываешь; но будь ихъ даже во сто разъ больше, цѣною своего спокойствія я не принесъ бы пользы обществу. Во-

первыхъ, государи ближе всего къ сердцу принимаютъ войну, а какъ разъ военное искусство и есть тотъ предметъ, котораго я совершенно не знаю, да и вовсе не желаю изучать. Между тѣмъ благословенныя искусства мира находятся у королей въ пренебреженіи. Когда дѣло идетъ о расширеніи границъ, каждое средство имъ кажется дозволеннымъ. Гораздо менѣе заботятся они о томъ, чтобы хорошо управлять государствами, подчиненными ихъ власти.— Во-вторыхъ, что касается королевскихъ совѣтниковъ, то характеристика ихъ приблизительно такова: одни молчатъ, имѣя на это основаніе, такъ какъ не худо было бы другой разъ имъ самимъ выслушивать совѣты. Другіе обладаютъ извѣстными способностями и понимаютъ это; однако. они постоянно придерживаются мнѣнія того, кто въ данный моментъ находится въ силѣ; съ восторгомъ привѣтствуютъ они даже самыя нелѣпыя его разсужденія. Они знаютъ лишь одну единственную цѣль: заслужить расположеніе перваго временщика путемъ низкой и преступной лести. Третьи являются рабами своего самолюбія и прислушиваются только къ собственному мнѣнію. Это и не удивительно. Природа заставляетъ каждаго человѣка считать прекрасными дѣтища своего ума, такъ воронъ ласкаетъ свой выводокъ и обезьяна своего дѣтеныша. Что же дѣлается въ такихъ совѣтахъ, гдѣ исключительно царитъ зависть, честолюбіе и стремленіе къ собственной пользѣ? Старается ли кто-нибудь обосновать разумное мнѣніе на исторіи или обычаяхъ другихъ странъ? О, тогда всѣ другіе возмутились бы; ихъ самолюбіе было бы слишкомъ оскорблено, если бы посягнули на ихъ мудрость, и они прослыли бы глупцами. И вотъ они мудрствуютъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ какого-нибудь противорѣчія, и, если память или логика приведетъ ихъ къ ложному пути, они прикрываются избитой фразой: наши отцы думали и поступали такъ; дай Богъ, намъ быть не умнѣе своихъ отцовъ!—Затѣмъ они усаживаются и важничаютъ, точно произнесли изреченіе оракула. По ихъ мнѣнію, неминуемо должно погибнуть общество, въ которомъ найдется кто-нибудь умнѣе своихъ предковъ. Хотя добрыя учрежденія, унаслѣдованныя нами отъ праотцевъ, вовсе не пользуются нашимъ особымъ расположеніемъ, однако, лишь только зайдетъ рѣчь о какомъ-нибудь полезномъ новшествѣ, мы цѣпляемся за старыя, чтобы помѣшать движенію впередъ».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ эпизодѣ въ домѣ архіепископа Мортона, о которомъ мы говорили уже выше (см. стр. 127). Наконецъ, разговоръ возвращается къ прежнему предмету, причемъ Моръ вновь восклицаетъ (стр. 62): «Тѣмъ не менѣе по отношенію къ тебѣ я остаюсь при своемъ мнѣніи: я убѣжденъ, что совѣты твои принесли бы громадную пользу обществу, если бы ты побѣдилъ свое нерасположеніе къ королямъ и придворнымъ. Вѣдь долгъ всякаго хорошаго гражданина, значитъ также и твой, состоитъ въ томъ, чтобы подчинять свои собственные интересы общественнымъ. Платонъ сказалъ: «Человѣчество только тогда будетъ счастливо, когда философы будутъ царями или цари философами». Ахъ какъ далекъ отъ насъ этотъ идеалъ счастья, особенно, когда философы считаютъ ниже своего достоинства помогать царямъ совѣтами!»

— Наши мыслители, отвѣтилъ Рафаилъ, не настолько эгоистичны, чтобы скрывать истину; многіе изложили ее въ своихъ сочиненіяхъ; и если бы владыки міра склонны были къ просвѣщенію, они могли бы все видѣть и понимать. Платонъ отлично зналъ это, онъ зналъ также и то, что цари никогда не станутъ слѣдовать совѣтамъ философовъ, разъ они сами не философы. Онъ сдѣлалъ это печальное наблюденіе при дворѣ тирана Діонисія.

«Допустимъ для примѣра, что я въ данное время состою министромъ при какомъ-нибудь королѣ. Я предлагаю ему самые цѣлесообразные законы; я всѣми силами стараюсь вырвать съ корнемъ зло изъ его сердца и изо всего государства.

«Неужели, думаете вы, онъ не прогонитъ меня или не выдастъ на поруганіе своимъ придворнымъ? Допустимъ, напримѣръ, что я состою министромъ у короля Франціи. Я засѣдаю въ тайномъ совѣтѣ, и самъ монархъ предсѣдательствуетъ въ собраніи выдающихся политиковъ своей державы. Эти знатные и сильные господа ломаютъ себѣ головы надъ вопросомъ, при помощи какихъ уловокъ и интригъ могъ бы король, ихъ повелитель, удержать за собою Миланъ, вернуть вновь отпавшее отъ него королевство Неаполитанское, уничтожить Венеціанскую республику и подчинить всю Италію; какъ, наконецъ, заставить слиться съ его короною Фландрію, Брабантъ, Бургундію и прочія сосѣднія государства, которыя его честолюбіе давно уже мысленно завоевало и присоединило къ своимъ владѣніямъ. Одинъ изъ членовъ собранія предлагаетъ заключить

союзъ съ венеціанцами, который долженъ длиться только до той поры, пока расторженіе его не представитъ безспорныхъ выгодъ. Чтобы вполнѣ избѣжать всякихъ съ ихъ стороны подозрѣній, добавляетъ онъ, мы могли бы сообщить имъ начальныя буквы нашей политики; мы предоставили бы имъ даже право на часть нашей военной контрибуціи, нашихъ завоеваній, твердо уповая, что при первой же возможности мы легко отнимемъ у нихъ все это назадъ. Другой совѣтуетъ нанять нѣмецкихъ ландскнехтовъ, третій—подкупить деньгами швейцарцевъ. Этотъ стоитъ за то, что надо расположить въ свою пользу германскаго императора и принести ему денежную жертву; тотъ считаетъ болѣе удобнымъ вступить въ соглашеніе съ королемъ Аррагонскимъ и дать ему въ видѣ «залога мира» королевство Наваррское, хотя оно Франціи и не принадлежитъ; другой хочетъ подать принцу Кастильскому надежду на сближеніе, а самимъ поддерживать при его дворѣ тайныя сношенія путемъ подкупа нѣсколькихъ наиболѣе вліятельныхъ сановниковъ за большія деньги. Затѣмъ касаются того важнаго вопроса, разрѣшить который никто не въ состояніи и который является «гордіевымъ узломъ» политики. Рѣчь идетъ объ Англіи. Чтобы оградить себя въ отношеніи ея отъ всѣхъ непредвидѣнныхъ случайностей, принимаютъ такое рѣшеніе. Мы станемъ вести съ этой державой переговоры о мирѣ и потуже натянемъ узы колеблющагося единенія; офиціально она будетъ считаться лучшей подругой Франціи, а въ тайной политикѣ нашей мы должны относиться къ ней, какъ къ нашему злѣйшему врагу. Шотландцевъ, которые такъ чутки къ малѣйшему шуму, надо держать всегда настороже, подобно часовымъ аванпоста, дабы при первомъ движеніи они могли вступить въ Англію въ видѣ передовыхъ отрядовъ нашей арміи. Втайнѣ (такъ какъ договоры не допускаютъ явнаго покровительства) надо гдѣ-нибудь поддерживать важнаго изгнанника, возбуждать въ немъ притязанія на англійскій престолъ, и, такимъ образомъ, держать въ страхѣ правящаго государя, коль скоро онъ дастъ поводъ къ опасеніямъ.

«Ну, что сказали бы въ этомъ царственномъ собраніи, гдѣ возбуждаются столь важныя государственныя дѣла въ присутствіи столь тонкихъ политиковъ, стоящихъ всегда за войну, если бы я, человѣкъ безъ всякаго значенія, внезапно возвысилъ свой голосъ,

чтобы опровергнуть всѣ ихъ разсчеты, комбинаціи, и если бы я сказалъ: «Оставимъ въ покоѣ Италію и будемъ довольствоваться нашей Франціей. Франція и такъ уже слишкомъ велика, чтобы хорошо управляться волею одного человѣка, и королю не слѣдуетъ и думать о расширеніи границъ! Послушайте, что случилось при подобныхъ же условіяхъ съ ахорійцами [1]) и на какомъ рѣшеніи они остановились при такихъ же обстоятельствахъ. Эта нація населяетъ берега Эвронота, на юго-востокъ отъ острова Утопіи. Однажды она рѣшила объявить войну, такъ какъ король ея, на основаніи древнихъ родственныхъ узъ, считалъ себя въ правѣ завладѣть однимъ сосѣднимъ королевствомъ. Послѣднее было покорено: однако, вскорѣ оказалось, что удержать завоеванное подчасъ бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ завоевать самому. Каждое мгновеніе приходилось подавлять возстаніе внутри страны или посылать войска въ завоеванную область; постоянно надо было отстаивать покоренную страну или же усмирять новыхъ подданныхъ. Такимъ образомъ, войско все время стояло подъ оружіемъ, горожане стонали подъ тяжестью налоговъ. Деньги шли за границу, кровь текла потоками, чтобы удовлетворить честолюбіе одного только человѣка. Короткіе моменты перемирія были не менѣе разорительны, чѣмъ самая война. Необузданность походныхъ нравовъ пагубно подѣйствовала на нравственность; солдаты приносили къ своему домашнему очагу любовь къ грабежу и храбрость убійцъ, воспитанную на человѣческихъ бойняхъ. Эти запутанныя отношенія, это общее презрѣніе къ законамъ произошли оттого, что правитель, дѣля свое вниманіе и заботы между двумя государствами, не заботился достаточнымъ образомъ ни объ одномъ изъ нихъ. Ахорійцы захотѣли положить предѣлъ этимъ бѣдствіямъ. Устроивъ народное собраніе, они вѣжливо предложили монарху сдѣлать выборъ между двумя государствами, причемъ объяснили, что въ будущемъ онъ уже не можетъ носить двѣ короны заразъ, такъ какъ народу нельзя имѣть полкороля, ибо даже погонщикамъ ословъ отказываютъ отъ мѣста, когда они служатъ въ одно и то же время двумъ хозяе-

---

[1]) Слово это составлено изъ греческихъ χώρα (chora)—страна и отрицательной частицы ἀ; Achoria, стало быть, синонимъ Utopia—страна, не имѣющая на землѣ мѣста.

вамъ [1]). Добрый царь быстро рѣшился: онъ уступилъ новое королевство одному изъ своихъ друзей (котораго, впрочемъ, вскорѣ затѣмъ изгнали), а самъ удовольствовался прежнимъ своимъ владѣніемъ».

Я возвращаюсь къ своему предположенію. Если бы я пошелъ еще дальше, если бы я, обратясь къ самому монарху, далъ ему понять, что его страсть къ войнѣ, губящая по его волѣ страну, разоряющая народъ, можетъ навлечь на Францію самыя пагубныя послѣдствія, если бы я сказалъ ему: «Пользуйся миромъ, который обезпечитъ за тобой счастливое будущее: старайся во всѣхъ отношеніяхъ развивать государство, полученное тобою отъ отцовъ твоихъ, дай расцвѣсть счастью, богатству, силѣ; люби своихъ подданныхъ и дорожи ихъ любовью; живи среди нихъ, какъ отецъ, а не царствуй какъ деспотъ; не обращай вниманія на другія государства: того, что получилъ ты въ наслѣдіе, вполнѣ достаточно для тебя»! Скажи мнѣ, дорогой Моръ, какъ была бы принята подобная рѣчь?

— Думаю, что очень плохо,—отвѣтилъ я.

— Но это еще не все, продолжалъ Рафаилъ, до сихъ поръ мы освѣтили только внѣшнюю политику французскихъ министровъ; дѣло касалось только славы правителя, а теперь вопросъ переходитъ къ деньгамъ. Остановимся нѣсколько на тѣхъ принципахъ, которыми руководствуются правительства для ихъ добыванія. Одинъ предлагаетъ увеличить стоимость монетъ, когда приходится получать по займу, и, наоборотъ, сильно понижать ее, когда наступаетъ пора расплачиваться. Этой двойной мѣрой государь освобождается отъ необычайныхъ долговъ и всегда обезпечиваетъ за собой денежныя недоразумѣнія [2]).

---

[1]) Сказанное сильно напоминаетъ отношенія между Швеціей и Норвегіей, кончившіяся низложеніемъ, 9 іюня 1905 года, общаго обоимъ государствамъ короля Оскара II съ норвежскаго престола. Однако, стортингъ предложилъ ему назначить вмѣсто себя другого, изъ своихъ сыновей, такъ какъ «пол-короля» норвежцы имѣть не могутъ.

Прим. перев.

[2]) До самаго гнуснаго финансоваго мошенничества Генриха VIII Моръ не дожилъ. Генрихъ началъ свое управленіе съ того, что уменьшилъ цѣнность монетъ (ср. стр. 158). Подѣлку монеты онъ началъ уже послѣ смерти Мора. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ,

«Другой предлагаетъ распустить слухъ о близкой войнѣ. Этотъ поводъ оправдываетъ новый налогъ. Когда же монархъ соберетъ что ему нужно, онъ внезапно заключаетъ миръ и приказываетъ праздновать это счастливое событіе благодарственными молебнами. Нація этимъ ослѣплена и повергаетъ къ стопамъ государя общественную благодарность за то, что онъ такъ бережетъ ея кровь и такъ человѣколюбивъ [1]).

«Третій напоминаетъ королю о старыхъ источенныхъ червями и давно отжившихъ законахъ. Такъ какъ законы эти никому неизвѣстны, то ихъ, конечно, часто будутъ нарушать. И вотъ остается лишь возобновить штрафы за нарушеніе законовъ и создать не только богатый, но и очень честный источникъ доходовъ... Вѣдь тутъ дѣйствуютъ только именемъ правосудія!—Опять таки другой

насколько Моръ повліялъ на временное прекращеніе порчи монеты королемъ. Зато достовѣрно извѣстно, что послѣ него она стала сильно прогрессировать. Содержаніе серебра въ шиллингѣ при вступленіи Генриха на престолъ равнялось, какъ мы уже выше (стр. 165) сказали, 142 гранамъ. Послѣдовательно оно падало въ такой прогрессіи.

1509 г.	118	гранъ.
1543 »	100	»
1545 »	60	»
1546 »	50	»

«Наконецъ, монета сдѣлалась безцѣннымъ сплавомъ», восклицаетъ Андерсонъ, приводя послѣднія двѣ цифры (Anderson, Origin of commerce, I, стр. LXX;=происхожденіе торговли).

[1]) Описывая эту плутню, Моръ не пророчилъ о будущемъ, а разсказалъ о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Къ этой хитрости прибѣгъ Генрихъ VII—онъ велѣлъ распустить слухъ, что Франція готовится къ войнѣ съ Англіей; начались обширныя приготовленія и былъ созванъ парламентъ, который долженъ былъ согласиться съ новымъ налогомъ, получившимъ пріятную кличку Benevolence (даръ любви). Своими приготовленіями онъ такъ напугалъ Францію, что та купила у него миръ, котораго Генрихъ вовсе не имѣлъ въ виду, въ сущности говоря, нарушать. Такимъ образомъ этотъ великій «политикъ» сумѣлъ настоящимъ образомъ обойти и враговъ и друзей. Одинъ только Лондонъ заплатилъ въ видѣ «дани любви» 9.000 фун. стерлинговъ. Отъ Франціи Генрихъ получилъ единовременно 745.000 дукатовъ и обязательство ежегодно выплачивать 25.000 кронъ (Cobbett, Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. Лондонъ 1806 I, стр. 462 и далѣе;—Коббетъ; исторія парламента въ Англіи, начиная съ завоеванія ея норманнами въ 1066 году до 1803 г.).

считаетъ еще болѣе цѣлесообразнымъ издать цѣлый рядъ запрещеній, всѣ большею частью на пользу народу, и карать всякое ихъ нарушеніе денежными штрафами. За большія суммы денегъ король будетъ, однако, продавать право не считаться съ этими запрещеніями тѣмъ лицамъ, чьи частные интересы отъ того пострадаютъ. Такимъ образомъ народъ будетъ благословлять его, и онъ сдѣлаетъ двойной сборъ, такъ какъ ему будутъ платить и нарушитель закона и привилегированный. Дѣло кажется тѣмъ цѣлесообразнѣе, что его величество будетъ выигрывать въ уваженіи и почитаніи подданныхъ въ той мѣрѣ, чѣмъ выше будетъ назначена пеня за нарушеніе постановленій. Видите, скажутъ, какъ неохотно этотъ человѣколюбивый государь поступается своимъ добрымъ сердцемъ, разъ онъ такъ дорого продаетъ право вредить своему народу [1])!

«Наконецъ, еще одинъ совѣтуетъ монарху назначить судей, которые при всякомъ случаѣ готовы были бы защищать права короны. «Ваше величество, прибавляетъ онъ, призывали бы ихъ къ своему двору и заставляли бы изслѣдовать дѣла въ вашемъ же присутствіи. Какъ бы ни было скверно дѣло, всегда найдется судья, который будетъ убѣжденъ въ противномъ, будь то изъ жажды къ спорамъ; изъ любви къ новизнѣ, или, наконецъ, прямо для того, чтобы понравиться государю. Начинается споръ, масса разнообразныхъ мнѣній запутываетъ ясное само по себѣ дѣло, и истина начинаетъ подвергаться сомнѣніямъ. Ваше величество пользуется выгоднымъ моментомъ устранить всякія затрудненія, причемъ толкуетъ право въ свою пользу. Противники, изъ стыда или боязни, присоединяются къ вашему мнѣнію, затѣмъ слѣдуетъ обнародованіе

[1]) Повидимому, Моръ имѣлъ при этомъ въ виду законы въ пользу крестьянъ, противъ землевладѣльцевъ, которые тогда начали издаваться. Дѣло касалось запрещенія изгонять крестьянъ съ земли и забирать ее себѣ. Начиная со временъ Генриха VII, былъ выпущенъ рядъ строгихъ законовъ противъ экспропріаціи крестьянъ, которые сдѣлали короля очень популярнымъ и заставили помѣщиковъ платить королю или его фаворитамъ большія суммы за нарушеніе этихъ законовъ. Однимъ словомъ, за право грабить у другихъ землю надо было прежде всего обѣщать часть добычи «отцу народа». Говорятъ, что такимъ образомъ составилось колоссальное состояніе Уольсея. Незадолго до выхода «Утопіи» (1514 г.) былъ изданъ актъ, запрещавшій превращеніе полей въ пастбища.

закона по всѣмъ подобающимъ правиламъ. Развѣ разсудительные люди станутъ возражать судьѣ, который высказывается въ пользу правителя? Развѣ онъ не имѣетъ за своей спиной текста закона, свободы толкованія и, что самое главное, пользу короля, которую всякій добросовѣстный и вѣрный судья долженъ почитать выше всѣхъ законовъ?

«Всѣ совѣтники сходятся на томъ мнѣніи, высказанномъ еще Крассомъ, что государь, прокармливающій армію, никогда не можетъ имѣть слишкомъ много денегъ. Король никогда не можетъ поступать несправедливо, даже если бы онъ этого хотѣлъ. Онъ неограниченный господинъ имущества и личности всѣхъ своихъ подданныхъ; послѣдніе пользуются своимъ имуществомъ только до тѣхъ поръ, пока ему это угодно. Бѣдность народа—оплотъ монархіи. Богатство и свобода ведутъ къ неповиновенію и презрѣнію властей; свободный и богатый человѣкъ нетерпѣливо переноситъ несправедливое и деспотическое правительство. Нужда и нищета лишаютъ бодрости даже самаго храбраго, притупляютъ умъ, пріучаютъ переносить рабство и, подъ постояннымъ давленіемъ своимъ, отнимаютъ у него ту энергію, которая необходима для того, чтобы стряхнуть съ себя ярмо».

«Какой бы успѣхъ могъ имѣть я, со своими взглядами, на такомъ совѣтѣ короля»? спрашиваетъ Рафаилъ.....

Приведенное нами мѣсто — ѣдкая сатира на королевское управленіе, какимъ оно было въ ту эпоху. Она является политическимъ profession de foi Мора и объясняетъ въ достаточной степени, почему онъ старался держаться отъ двора подальше...

5. Моръ, ненавистникъ тирановъ, поступаетъ на службу къ королю.

Черезъ два года послѣ того, какъ Моръ написалъ «Утопію», мы встрѣчаемъ его при дворѣ, гдѣ онъ менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ получилъ высшую должность послѣ короля, мѣсто лорда-канцлера (Lord Chancellor). Что стряслось за эти два года и повліяло на такую перемѣну во взглядахъ Мора? Тутъ мы можемъ только теряться въ догадкахъ. По нашему мнѣнію, ключъ къ такому превращенію Мора надо искать въ успѣхѣ «Утопіи».

Успѣхъ этотъ не только въ мірѣ ученыхъ, но и политиковъ, былъ, дѣйствительно, огроменъ. Объ этомъ намъ предстоитъ еще побесѣдовать въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Мы во всякомъ случаѣ можемъ смѣло признать, что «Утопія» увеличила вліяніе Мора въ самомъ Лондонѣ, хотя прямыхъ доказательствъ этому и не имѣемъ. Его коммунистическія идеи никого не испугали, такъ какъ тогда коммунистической партіи еще не существовало: его критика самодержавія, его требованіе, чтобы король больше думалъ о благѣ своихъ подданныхъ, нежели о войнѣ — эти требованія смѣло и открыто выражали то, къ чему стремились горожане, въ которыхъ пробудилось классовое самосознаніе, и гуманисты. Въ эпоху феодализма король представлялъ изъ себя прежде всего вождя войскъ, въ экономическую жизнь ему не приходилось вмѣшиваться, такъ какъ она, безъ всякаго его содѣйствія, регулировалась общинами. Современный король, король горожанъ, буржуазіи, долженъ былъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы эта буржуазія обогащалась. Онъ долженъ былъ не то, чтобы противиться каждой войнѣ по существу, а такой, которая не преслѣдовала бы интересовъ торговли. А между тѣмъ Генрихъ VIII ввязался въ такія войны изъ простого тщеславія, подъ вліяніемъ феодальныхъ традицій. Вотъ почему воззрѣнія Мора должны были сдѣлаться среди городского сословія чрезвычайно популярными.

Коммунизмъ Мора представлялся гуманистамъ и буржуазіи очаровательнымъ мечтаніемъ; зато его *критика господствующаго политическаго режима* шла какъ бы изъ подъ самаго ихъ сердца.

Вотъ чѣмъ объясняется огромное вліяніе «Утопіи» на современниковъ, вліяніе, которому не могъ не подпасть и самъ Генрихъ VIII. Моръ набросалъ въ своей «Утопіи» политическую программу, завоевавшую себѣ общія симпатіи, сталъ, благодаря ей, въ первые ряды англійскихъ политиковъ. Теперь, какъ бы ему этого ни хотѣлось, нельзя уже было дольше держаться отъ двора въ сторонѣ, именно по тому самому, что онъ явился такимъ смѣлымъ критикомъ существующаго самодержавія. Написавъ «Утопію», Моръ пересталъ быть частнымъ лицомъ; онъ, любимецъ Лондона, города, господствовавшаго надъ Англіей, любимецъ гуманистовъ, представлявшихъ изъ себя въ то время общественное мнѣніе, сдѣлался теперь такой

политической величиной, которую надо было либо перетянуть на свою сторону, либо уничтожить. Уже и раньше Генрихъ дѣлалъ попытки переманить къ себѣ Мора; теперь онъ готовъ былъ на всѣ жертвы, чтобы залучить его къ себѣ на службу. Отказаться отъ такого предложенія, разъ оно было сдѣлано въ рѣшительной формѣ, значило тогда объявлять войну всемогущему королю, т. е. было равносильно государственной измѣнѣ и легко могло кончиться плахою. Абсолютизмъ также мало былъ склоненъ терпѣть оппозицію частнаго лица, какъ и общественную, и руководился однимъ правиломъ: кто не за меня, тотъ противъ меня.

Если, съ одной стороны, послѣ выхода въ свѣтъ «Утопіи», давленіе, производившееся на Мора въ смыслѣ привлеченія его ко двору, усилилось, то, съ другой стороны, самъ онъ сталъ менѣе рѣшительно настаивать на отказѣ. Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что впечатлѣніе, произведенное «Утопіей», заставило Генриха пойти на уступки народу и нѣсколько ослабить давленіе власти. Достовѣрно извѣстно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ «Утопіи» Генрихъ VIII отказался отъ политики завоеваній и вернулъ часть захваченныхъ во Франціи земель. Въ февралѣ 1518 года Франціи былъ возвращенъ Турней и состоялось обрученіе французскаго дофина (наслѣдника престола) съ дочерью Генриха, Маріей. Этимъ закончилась аггресивная политика Англіи во Франціи, этотъ старинный пережитокъ феодализма.

Еще въ 1516 кардиналъ Уольсей, благорасположенный къ гуманистамъ, былъ назначенъ лордомъ-канцлеромъ. Сибомъ заключаетъ на основаніи различныхъ соображеній, что самъ Уольсей допускалъ большое вліяніе идей «Утопіи» на уменьшеніе годовыхъ расходовъ.

Миролюбивой политики, бережливости, склонности къ гуманизму,—вотъ чего можно было ожидать тогда отъ двора Генриха VIII. Хотя этимъ надеждамъ не пришлось сбыться, однако у многихъ онѣ были. Какъ смѣлъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, Моръ настаивать на своемъ отказѣ, который легко могъ стоить ему головы? Не лучше ли было бы сдѣлать попытку перейти къ практической дѣятельности, несмотря на всѣ теоретическія соображенія? Гдѣ, по его понятіямъ, могло бы открыться ему еще такое поле дѣятельности, какъ не при дворѣ государя? Можетъ быть, Генрихъ VIII все-таки и окажется доступнымъ разумнымъ увѣщаніямъ? Не лучше

ли было бы сдѣлать такую попытку, нежели спрятать кулакъ въ карманъ и только писать «Утопіи»? По нашему мнѣнію, только такими соображеніями и дѣйствіемъ «Утопіи» и можно объяснить поворотъ въ направленіи Мора, который иначе представлялся бы намъ загадкою, тѣмъ болѣе, что онъ всегда крѣпко держался за свои убѣжденія и никогда не добивался ни почестей, ни денегъ. Мы, въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не нашли даже и попытки дать другое объясненіе. Для такихъ людей, которые смотрѣли на «Утопію» какъ на упражненіе въ латинской стилистикѣ, а таковыми оказываются почти всѣ біографы Мора, вообще никакого объясненія этому факту и не требовалось.

Одинъ только Сибомъ обратилъ вниманіе на это кажущееся противорѣчіе между политическими взглядами и дѣйствіями Мора съ 1516 по 1518 годъ (1 изданіе, стр. 353 и далѣе, ср. стр. 94 и 153); онъ объясняетъ его литературнымъ успѣхомъ «Утопіи», заставившимъ, съ одной стороны, Генриха приблизить къ себѣ Мора, а послѣдняго возымѣть надежду, что совѣты его будутъ приняты во вниманіе. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію Сибома, съ тою лишь оговоркою, что одного вліянія Мора, какъ писателя, намъ не кажется еще достаточнымъ для того, чтобы объяснить, почему именно Генрихъ VIII такъ ужъ настойчиво добивался поступленія Мора къ нему на службу и затѣмъ долгіе годы не отпускалъ его отъ себя. По нашему мнѣнію, до сихъ поръ слишкомъ мало обращаютъ вниманія на то, что Моръ являлся довѣреннымъ лицомъ и представителемъ самаго могущественнаго и при томъ все усиливающагося класса Англіи. Только если принять въ соображеніе значеніе Мора въ Лондонѣ, а Лондона въ Англіи, тогда можно постичь и сильное дѣйствіе «Утопіи» и вліяніе ея автора на англійскій дворъ.

6. Борьба Мора съ лютеранствомъ.

Къ тому времени, когда Моръ появился при дворѣ Генриха VIII, въ Англіи уже началось движеніе въ пользу реформаціи, которая годомъ раньше, въ 1517 году, началась въ Германіи. Моръ, конечно, долженъ былъ въ этомъ отношеніи какъ-нибудь высказаться: подобно большинству гуманистовъ, онъ рѣшительно сталъ противъ этого

движенія, разъ стало ясно, что отпаденіе отдѣльныхъ частей отъ папства равносильно распаденію христіанскаго міра на куски.

Въ первомъ отдѣлѣ мы попытались уже выяснить тѣ мотивы, которые приводились гуманистами, какъ доводы противъ реформаціи. На Морѣ эти доводы сказывались особенно рѣзко. Въ предыдущей главѣ мы уже выяснили, что они не носили *церковнаго* характера. Моръ отлично понималъ всѣ неустройства церкви и не задумывался открыто признавать ихъ. Если ужъ католическая церковь непремѣнно хочетъ включить его въ число своихъ святыхъ за то лишь, что онъ ругалъ Лютера, то, по крайней мѣрѣ, она можетъ окружить его тамъ хорошимъ обществомъ. Она можетъ, напр., дать ему въ компаньоны *Рабле* (ср. стр. 184), который также и слышать не хотѣлъ о реформаціи и изливалъ чашу своего глумленія на *Кальвина* [1]).

Мотивы, дѣлавшіе изъ Мора противника реформаціи, должны быть отнесены къ области *политической* и *экономической*. Въ этой главѣ мы коснемся только первыхъ.

Когда авторъ настоящей работы принимался за изученіе сочиненій Мора, онъ придерживался того мнѣнія, что Моръ противился реформаціи изъ политическихъ причинъ, какъ вообще врагъ абсолютизма. Этотъ взглядъ кажется намъ теперь не выдерживающимъ болѣе критики. Мы видѣли выше, что Моръ не былъ противникомъ монархической власти, напротивъ того, онъ, подобно большинству гуманистовъ, считалъ ее безусловною необходимостью. Врядъ ли другой какой-либо классъ въ XVI вѣкѣ былъ болѣе заинтересованъ въ удержаніи монархической власти, чѣмъ именно купцы: между тѣмъ Моръ *на практикѣ* являлся именно представителемъ этого

---

[1]) Въ предисловіи ко второй книгѣ своего романа «Гаргантюа и Пантагрюель» Кальвинъ, проповѣдывавшій ученіе о предопредѣленіи, получаетъ кличку: «prédestinateur, imposteur et séducteur (предвозвѣстникъ, мошенникъ и совратитель)». Въ четвертой книгѣ, въ главахъ 5—9, фанатическій Кальвинъ, любившій, чтобы его называли пастыремъ (пастухомъ), выставляется въ смѣхотворномъ образѣ Дёндено (dindon—индѣйскій пѣтухъ), торгующаго овцами. Его длинные переговоры по поводу продажи барана представляютъ изъ себя насмѣшку надъ протестантскими диспутами о причастіи. Въ 32-ой главѣ этой книги нападки на кальвинизмъ дѣлаются уже непосредственно. Тамъ сказано: противоестественность (antiphyse) родила среди другихъ отвратительныхъ и несообразныхъ веществъ также и олуховъ, ханжей, сумасшедшихъ кальвиновъ, женевскихъ мошенниковъ (des dominacles calvins, imposteur de Genève).

класса, хотя его *теоретическіе* взгляды выходятъ далеко за предѣлы ихъ ограниченнаго кругозора. Капиталъ прежде всего взывалъ о «порядкѣ» и лишь изрѣдка требовалъ «свободы». Во всякомъ случаѣ «порядокъ» былъ его жизненнымъ нервомъ; Моръ, ставшій великимъ въ смыслѣ воззрѣній лондонской буржуазіи, являлся представителемъ идеи «порядка» и ничего такъ не боялся, какъ самостоятельнаго проявленія дѣйствія со стороны народа. Дѣлай все для народа, гласилъ его девизъ, но ничего не добивайся посредствомъ народа.

Между тѣмъ нѣмецкая реформація была вначалѣ чисто *народнымъ движеніемъ*. Общимъ притѣснителемъ всѣхъ классовъ нѣмецкаго народа считался папа; разъ одинъ изъ классовъ возставалъ противъ него, другіе, естественнымъ образомъ, слѣдовали за нимъ. Города, рыцари, крестьяне, все поднялось противъ Рима съ такимъ остервенѣніемъ, что государи почти испугались его. Только впослѣдствіи, при развитіи этого движенія, борьба противъ притѣсненія со стороны Рима приняла формы сопротивленія противъ притѣсненія вообще. Изъ національнаго возстанія Германіи противъ Рима получилась междоусобная крестьянская война. И только послѣ того, какъ въ борьбѣ этой силы низшихъ классовъ были сломлены, реформація въ Германіи стала все болѣе и болѣе приспособляться къ династическимъ интересамъ.

Вначалѣ сами лютеране обратились ко всѣмъ классамъ населенія; только тогда, когда они замѣтили, что противорѣчіе интересовъ отдѣльныхъ классовъ не можетъ быть устранено и имъ непремѣнно приходится высказаться въ пользу одного какого-либо класса, они стали на сторону государей.

Только послѣ большого крестьянскаго возстанія, въ 1525 году, подобное измѣненіе въ лютеранствѣ стало для всѣхъ очевидно. Потому и понятно, что Моръ нападалъ на ученіе Лютера именно съ той точки зрѣнія, будто оно подрываетъ авторитетъ государей. Онъ высказалъ свои взгляды въ 1523 году, въ латинскомъ сочиненіи: «Отвѣтъ Т. Мора на глумленія, которыми Мартинъ Лютеръ осыпаетъ короля Генриха VIII Англійскаго» [1]).

---

[1]) Thomae Mori ad convitia Martini Lutheri congesta in Henricum Regem Angliae ejus nominis Octavum.

Уже само заглавіе говоритъ намъ многое о содержаніи этой полемической статьи. Въ прошлой главѣ мы упоминали уже о книгѣ Генриха VIII противъ Лютера въ защиту «семи таинствъ». На это сочиненіе, вышедшее въ 1521 году, Лютеръ, въ слѣдующемъ году ответилъ статьей далеко не черезчуръ вѣжливой по формѣ [1]). Онъ называетъ въ ней Генриха «грубой, глупой ослиной башкой, безсмысленнымъ шутомъ, не понимающимъ что значитъ вѣра», и, между прочимъ, говоритъ: «если королю Англіи удалось изрыгнуть свою наглую ложь, то я вновь сунулъ ее ему въ глотку, такъ какъ онъ оскорбляетъ ею все мое христіанское ученіе и грязнитъ своимъ каломъ вѣнецъ славы Господа моего Христа, ученіе коего я проповѣдую; да не удивится же онъ, что я калъ этотъ съ вѣнца Господа моего возвращаю на его царскую корону и взываю ко всему міру, что король Англіи лжецъ и невѣжда».

Рекомендуемъ всѣмъ добрымъ протестантамъ, столь сильно страдающимъ отъ «грубости» прессы рабочей партіи, закалить себя противъ нея усиленнымъ чтеніемъ своего Мартина Лютера.

Въ своемъ латинскомъ ответѣ на эту статью Моръ также ничуть не стѣсняется въ выраженіяхъ. Эттербери полагаетъ, что среди всѣхъ своихъ современниковъ Моръ, по части ругани на хорошемъ латинскомъ языкѣ, не имѣлъ себѣ равныхъ. Большая часть его «ответа» наполнена личными нападками противъ Лютера, выставляемаго пьяницей и невѣждой. Тутъ же мы замѣчаемъ попутную защиту папства и указаніе на то, сколь опасно новое ученіе для *государства* Тамъ говорится, между прочимъ: «Во всѣ времена враги христіанской вѣры являлись также противниками священнаго престола. Однако, если ошибки людей взваливаются на извѣстную должность, а лютеране именно страшнымъ образомъ глумятся надъ папскимъ престоломъ, то имъ на этомъ остановиться нельзя, за папой пойдетъ *королевскій престолъ*, затѣмъ вообще всякое правительство и народъ окажется въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни порядка, ни закона. *А между тѣмъ для общества, конечно, лучше имѣть плохихъ руководителей, чѣмъ ровно никакихъ.* Потому лучше произвести реформы въ папствѣ, чѣмъ упразднять его совершенно».

---

[1]) Ответъ Д-ра Мартина Лютера на книгу Генриха, короля Англіи (полатыни.)

Черезъ пять лѣтъ послѣ этого Моръ опубликовалъ свой «Діалогъ о ересяхъ и религіозныхъ недоразумѣніяхъ» [1]). Въ немъ онъ уже болѣе пускается въ богословскія пренія. Однако и здѣсь первое мѣсто занимаютъ разсужденія чисто свѣтскаго характера. Особенно типичнымъ для уясненія себѣ политической точки зрѣнія Мора на реформацію кажется намъ слѣдующая его мысль: «Весь свой ядъ Лютеръ подсластилъ особымъ средствомъ—*свободою*, которую онъ выхваливалъ народу, утверждая, что, кромѣ вѣры, тому рѣшительно ничего не нужно. Постъ, молитву и т. п. онъ считаетъ лишними церемоніями; онъ учитъ людей, что разъ они христіане, то Христу они приходятся чѣмъ то въ родѣ двоюродныхъ братьевъ; поэтому кромѣ Евангелія они совершенно отъ всего свободны и имъ не приходится считаться ни съ государями, ни съ обычаями и законами, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Хотя онъ и говоритъ, что терпѣливо сноситъ власть папы, князей и другихъ правителей, которыхъ онъ называетъ тиранами, и представляетъ изъ себя добродѣтель, но онъ тѣмъ не менѣе считаетъ свой вѣрующій народъ настолько свободнымъ, что повиноваться власти народу этому нужно ровно въ такой же степени, какъ вообще нужно сносить всякую несправедливость. То же самое проповѣдуетъ такъ же и Тиндолль. Простому народу это ученіе такъ сильно пришлось по вкусу, что онъ забылъ обо всемъ другомъ, о чемъ еще учитъ Лютеръ, и совершенно не считается съ послѣдствіями такого ученія. Свѣтскимъ правителямъ было пріятно слышать его проповѣди, простой народъ радовался, слыша нападки на духовенство и правителей и вообще на всякую власть въ городахъ и общинахъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что движеніе перешло къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Конечно, расправа началась первоначально съ наименѣе сильныхъ. Прежде всего толпа безбожныхъ еретиковъ подстрекнула сектантовъ, чтобы они возмутились противъ аббата, затѣмъ противъ епископа, чему свѣтскіе князья не мало радовались; они замяли это дѣло, такъ какъ сами точили зубы на церковное имущество. Однако, съ ними вышло такъ, какъ съ собакою въ баснѣ Эзопа. Она хотѣла схватить тѣнь отъ сыра, а самый-то сыръ и упустила. Дѣло въ томъ, что лютеранскіе крестьяне вскорѣ набра-

[1]) A dialogue concernyng heresicy and matters of religion. 1528.

лись такой смѣлости, что поднялись противъ своихъ свѣтскихъ государей. И если бы тѣ во-время не хватились, то они, оглядываясь на имущество другого, сами могли бы легко потерять свое. Однако, они спаслись тѣмъ, что за одно лѣто уничтожили 70.000 лютеранъ, а остатки ихъ поработили, но все это было сдѣлано уже позже того, какъ тѣ успѣли причинить много зла. И все-таки, несмотря на все это, во многихъ городахъ Германіи и Швейцаріи эта безбожная секта, благодаря бездѣйствію властей, такъ окрѣпла, что, наконецъ, народъ принудилъ правительство также принять ее; а между тѣмъ, будь они въ свое время внимательнѣе, они легко могли бы остаться вождями и руководителями народовъ».

Мы видимъ, что здѣсь однимъ изъ современниковъ реформаціи ясно указывается на ту классовую борьбу, которая лежала въ ея основѣ. Конечно, Моръ не замѣтилъ, что борьба съ папствомъ была борьбою противъ эксплоататоровъ. Въ этомъ виноваты особыя условія англійской жизни, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Здѣсь мы хотимъ только подчеркнуть то обстоятельство, что *политическимъ* доводомъ Мора противъ реформаціи являлся ея народный характеръ, ея проявленіе въ видѣ *національнаго народнаго движенія*. Однако, ея національный характеръ претилъ Мору еще и по другой причинѣ. Моръ, какъ и большинство гуманистовъ, соединялъ въ своемъ лицѣ космополита и націоналиста. Въ Италіи, на родинѣ гуманизма, это на первый взглядъ странное сочетаніе оправдывалось экономическими причинами, какъ мы это выше уже показали: соединеніе всего христіанскаго міра подъ властью папы соотвѣтствовало національнымъ интересамъ Италіи или, точнѣе говоря, матеріальнымъ интересамъ класса, господствовавшаго въ Италіи. Внѣ Италіи и особенно въ не-романскихъ странахъ такое космополитическое настроеніе не имѣло подъ собою матеріальной основы, оно являлось чисто идеологическимъ мечтаніемъ, не производившимъ никакого впечатлѣнія на массы. Конечно, космополитическое настроеніе Мора объясняется какъ будто положеніемъ вещей: Моръ былъ, какъ извѣстно, противникомъ династическихъ войнъ и въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, боролся за матеріальные интересы. А эти, въ свою очередь, требовали единенія всего христіанства и мира въ его средѣ; однако, мы должны признать идеологической иллюзіей вѣру въ то, что католицизмъ могъ еще служить въ каче-

ствѣ такой сплачивающей силы. Вѣдь и самъ папа сталъ свѣтскимъ государемъ, соперничавшимъ со своими коллегами въ дипломатическихъ интригахъ и династическихъ войнахъ.

7. Столкновеніе Мора съ королевскою властью.

Общее обоимъ несочувствіе лютеранству должно было сблизить Генриха VIII и Мора. Кромѣ того, опытность и значеніе послѣдняго все увеличивались. Неудивительно поэтому, что онъ дѣлалъ быструю карьеру. Черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія въ королевскій совѣтъ и занявъ тамъ должность докладчика прошеній (Master of Requests), онъ уже производится въ рыцари (Knight), такъ что съ этихъ поръ къ его имени прибавляется титулъ серъ (Sir) [1]), что, впрочемъ, врядъ ли произвело на Мора большое впечатлѣніе. Вскорѣ послѣдовало награжденіе чиномъ тайнаго совѣтника (Privy Councellor). Черезъ нѣсколько лѣтъ Генрихъ назначилъ его управляющимъ своей сокровищницы (Treasurer of the Exchequer), нѣчто въ родѣ министра финансовъ и вскорѣ послѣ этого канцлеромъ герцогства Ланкестерскаго; въ послѣдней должности Моръ оставался до 1529 года.

Всѣми этими почетными должностями Мора такъ же трудно было подкупить, какъ и заставить его, хотя и не сочувствующаго народнымъ движеніямъ, сдѣлаться безусловно покорнымъ королю. Онъ имѣлъ достаточно случаевъ доказать, что не подчинится ему безусловно, что ни служба при дворѣ, ни реформація не могутъ сбить его съ принципіальной точки зрѣнія; онъ постоянно говорилъ, что считаетъ короля пастыремъ народа, но подчиненіе народа тирану, притѣснителю, всегда будетъ порицать. Все это онъ имѣлъ случай высказать публично, когда въ 1523 году Уольсей заставилъ избрать его спикеромъ парламента.

Этому парламенту приходилось прежде всего ассигновать деньги, для чего, вообще говоря, парламентъ въ тѣ времена только и сзывался. Задача Мора была далеко не изъ пріятныхъ; спикеръ пред-

---

[1]) Серъ Томасъ Моръ или серъ Томасъ, но только не серъ Моръ, иными словами, слово серъ можетъ соединяться только съ именемъ, причемъ фамиліи можно не говорить.

ставлялъ тогда изъ себя не только предсѣдателя нижней палаты и руководителя преніями, какъ это бываетъ нынѣ, онъ долженъ былъ, кромѣ того, составлять бюджетъ (смѣту) и докладывать ее палатѣ, т. е. исполнять роль современнаго министра финансовъ [1]). Конечно, Генрихъ предполагалъ, что Моръ почтетъ своимъ долгомъ какъ можно энергичнѣе защищать его интересы передъ «сволочью», да оно и нужно было, такъ какъ нижняя палата, повидимому, безусловно не была расположена соглашаться съ новыми пошлинами. Въ досадѣ на это кардиналъ и лордъ-канцлеръ Уольсей самъ отправился въ парламентъ, чтобы запугать его. Онъ разсчитывалъ, конечно, на сильную поддержку Мора. Однако, къ досадѣ своей, ему пришлось убѣдиться, что человѣкъ, котораго онъ избралъ своимъ оружіемъ, отстаивалъ противъ всемогущаго министра права нижней палаты. Внѣ себя отъ бѣшенства онъ выбѣжалъ изъ парламента. Въ концѣ концовъ Генрихъ, путемъ запугиваній и угрозъ по адресу парламента, все-таки добился своей цѣли.

Что онъ самъ и Уольсей не были очарованы безпристрастіемъ Мора, это, конечно, доказательствъ не требуетъ. Правда, Роперъ сообщаетъ, что только одинъ Уольсей носился съ планами мести, между тѣмъ, какъ Генрихъ будто бы не измѣнился къ Мору. Но не будемъ упускать изъ виду, что Роперъ писалъ въ царствованіе дочери Генриха VIII и имѣлъ цѣлью доказать своею книгою, что Моръ не былъ измѣнникомъ, а оставался до конца вѣрнымъ слугою своего господина. Несмотря на всю честность Ропера, воспоминанія его, при такихъ обстоятельствахъ, легко могли принять опредѣленную окраску.

Какъ бы тамъ ни было, былъ ли Генрихъ дѣйствительно только невольнымъ оружіемъ Уольсея въ этомъ дѣлѣ [2]) или, что гораздо вѣроятнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ характеру Генриха, онъ вполнѣ раздѣлялъ гнѣвъ Уольсея, во всякомъ случаѣ достовѣрно одно—отъ этого неудобнаго господина надо было избавиться. Однако, взяться за него прямо они не посмѣли—вліяніе Мора среди горо-

---

[1]) Тор. Роджерсъ (ср. стр. 66, 118 и 152), стр. 308.

[2]) У конституціоналистовъ существуетъ извѣстное заблужденіе, будто министръ является козломъ отпущенія государя, когда послѣдній дѣлаетъ ошибки; на самомъ дѣлѣ часто бываетъ и наоборотъ.

жанъ скорѣе усилилось благодаря его мужественному заступничеству за права нижней палаты, нежели уменьшилось. Поэтому его, подъ предлогомъ повышенія въ должности, пожелали удалить изъ страны и предложили ему мѣсто посланника въ Испаніи. Однако, Моръ во-время замѣтилъ ловушку и отклонилъ почетную должность, предлагаемую ему Генрихомъ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья.

Несмотря на это, дѣло вскорѣ дошло до болѣе серьезнаго столкновенія съ королемъ, которое кончилось для Мора повышеніемъ совершенно иного рода.

Генрихъ VIII былъ женатъ на вдовѣ своего брата Артура, умершаго еще ребенкомъ [1]). Однако, чѣмъ старше становилась эта дама, тѣмъ болѣе она дѣлалась ему противною, и, когда онъ познакомился съ Анною Болейнъ, фрейлиной его жены, красивой и бойкой дѣвушкой, выучившейся при французскомъ дворѣ тонкостямъ кокетства, онъ воспламенился къ ней такою страстною любовью, что въ головѣ его гвоздемъ засѣла мысль развестись съ Екатериной и жениться на Аннѣ. Такъ какъ папа не давалъ развода, то Генрихъ порвалъ связь съ католической церковью и устроилъ въ Англіи реформацію.

Вотъ тѣ факты, которые обыкновенно передаются въ учебникахъ. По нимъ можно было бы придти къ выводу, что міровая исторія дѣлается, какъ пишетъ Цшокке въ одномъ изъ своихъ милыхъ разсказовъ, капризами фрейлинъ и придворныхъ камеристокъ.

На самомъ дѣлѣ не только причины, но даже и поводъ къ раздѣленію церквей были гораздо глубже и вовсе не сводились къ простой любовной страстишкѣ. У многихъ католическихъ государей были некрасивыя жены, что не мѣшало имъ имѣть прелестныхъ любовницъ; это дѣлалось и до Генриха VIII, и въ его время, и послѣ него, и, не смотря на это, никакого раздѣленія церквей не происходило; и нерѣдко папы до и послѣ Генриха VIII давали разводъ, разъ они находили это удобнымъ. Спрашивается, стало быть, почему же именно разводъ Генриха долженъ былъ послужить поводомъ къ такимъ глубокимъ переворотамъ?

---

[1]) Ср. стр. 162 и 187. Браки дѣтей, заключавшіеся изъ дипломатическихъ цѣлей, въ тѣ времена не были рѣдкостью.

Прим. перев.

Браки самодержавныхъ монарховъ, особенно въ XVIII вѣкѣ, носили своеобразный характеръ. Области, принадлежавшія абсолютнымъ государямъ, представляли изъ себя ихъ частныя владѣнія, которыми они могли располагать по усмотрѣнію и которыя они старались по возможности увеличить. Въ тѣ времена государства не получили еще той законченности и устойчивости современныхъ національныхъ государствъ и постоянно мѣняли свою форму: тутъ отъ нихъ отрывался кусокъ, тамъ онъ пристраивался; здѣсь двѣ области соединялись, благодаря брачному союзу, тамъ округлялась провинція маленькимъ сосѣднимъ владѣніемъ, полученнымъ по завѣщанію. Какъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и у государей свирѣпствовала жажда достать земли, отчего возникали вѣчныя войны, дипломатическія интриги, союзы, которые такъ же быстро нарушались, какъ и заключались, и т. д. Крѣпче всего дипломатическіе переговоры могли быть скрѣплены бракомъ: этимъ путемъ «другу» навязывали шпіона и дипломатическаго агента. Конечно, и браку нельзя было уже слишкомъ довѣрять, однако онъ представлялся, все-таки, болѣе надежной гарантіей, чѣмъ просто кусокъ пергамента. А вѣдь приданое и завѣщанія, спутники брака, подчасъ могли оказаться очень полезными.

Можно себѣ представить, какая роль выпадала при этомъ на долю «святости брака». Нерѣдко такими узами соединялись дѣти, старухи выходили за мальчиковъ или старики женились на подросткахъ.

То же самое произошло и въ Англіи, при Генрихѣ VII (см. стр.), тогда бракомъ сына Генриха VII съ Екатериною Арагонскою хотѣли скрѣпить союзный договоръ. Артуру ко времени обрученія исполнилось *шесть* лѣтъ. На *одиннадцатомъ* году его женили и годъ спустя онъ умеръ. Черезъ семь лѣтъ младшій братъ Артура Генрихъ женился на его вдовѣ. Дѣло затянулось такъ долго потому, что Генрихъ VIII что-то не очень довѣрялъ своему тестю, который все не хотѣлъ раскошеливаться и медлилъ съ уплатою приданаго.

Между тѣмъ, за время царствованія Генриха VIII отношенія Англіи къ Испаніи перемѣнились. Карлъ V, соединившій подъ своею властью Испанію, Нидерланды и Германскую имперію, сдѣлался столь могущественнымъ, что Франція, противъ которой нѣкогда и

былъ заключенъ испано-англійскій союзъ, совершенно не могла бы съ нимъ помѣряться силами. Поэтому дружба между Испаніей и Англіей начинала колебаться и послѣдняя нерѣдко заключала договоры съ Франціей. Послѣ этого бракъ съ Екатериною не имѣлъ болѣе никакого смысла. Не только самъ Генрихъ настаивалъ на его расторженіи, но и его министръ, кардиналъ Уольсей. Конечно, послѣднему желательно было бы замѣнить Екатерину не Анною Болейнъ, а какой-нибудь французскою принцессою.

Тѣ же самыя причины, которыя заставляли Генриха и Уольсея добиваться развода, вынуждали папу противиться ему. Какъ разъ въ то время, когда вопросъ о расторженіи брака вступилъ въ самый острый періодъ, именно съ 1527—1533 гг., папа находился въ полной зависимости отъ Карла V, которому Екатерина приходилась теткою. Климентъ VII всѣми силами старался угодить Генриху; онъ бы далъ ему и разводъ, и плохъ бы онъ былъ, если бы не сумѣлъ выискать ему законной канонической причины, однако Карлъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Такимъ образомъ, вопросъ былъ поставленъ такъ: будетъ ли папа отнынѣ оружіемъ Англіи или Испаніи [1]).

Ослѣпленный маніей величія, Генрихъ VIII рѣшилъ, что онъ можетъ выдержать конкуренцію съ тѣми двумя державами, которыя соперничали тогда въ господствѣ надъ папой и извлеченіи доходовъ изъ его престола: это были Францискъ I французскій и король испанскій Карлъ изъ нѣмецкаго дома Габсбурговъ. Послѣдній добивался также и императорской короны. Когда умеръ папа Левъ X, Уольсей выступилъ конкурентомъ на тіару, равно сдѣлалъ это и въ 1523 году, когда умеръ его наслѣдникъ. Оба раза Генриху пришлось пережить уничиженіе: вмѣсто его ставленника, выбирались кандидаты Карла: въ первый разъ Адріанъ VI (1522—1523 г.г.) и затѣмъ Климентъ VII. Дѣло о разводѣ брака вполнѣ убѣдило Генриха, что ему нечего и думать о томъ, чтобы овладѣть папою.

---

[1]) Лютеране объявили, что они не могутъ сочувствовать разводу, однако посовѣтовали Генриху VIII взять себѣ, по примѣру Авраама и Іакова, *двѣ* жены. Вѣдь для королей и патріарховъ Богъ далъ особыя брачныя установленія. Лютеръ разрѣшилъ двоеженство также и ландграфу гессенскому: «ибо ландграфиня пьяница и очень безобразна». Однако, Генрихъ вовсе не нуждался въ позволеніи Лютера и съ презрѣніемъ отвергъ его.

Поэтому, если ему неугодно было подчиняться папѣ, если онъ хотѣлъ оставаться въ своей странѣ хозяиномъ и быть повелителемъ церкви, то ему оставался одинъ путь—*отдѣлиться отъ папства.*

Къ политическимъ причинамъ присоединилась еще и экономическая: большія сокровища, накопленныя скареднымъ Генрихомъ VII, давно уже ушли на войну и придворную роскошь. Между тѣмъ парламентъ 1523 г. показалъ, что, при всемъ своемъ безволіи, онъ не очень-то щедро будетъ давать деньги и что на него въ этомъ смыслѣ трудно разсчитывать. При такихъ обстоятельствахъ естественно было прибѣгнуть къ тому средству, которое къ тому времени съ успѣхомъ успѣли уже примѣнить двоюродные братья—нѣмецкіе князья: разъ не хватаетъ собственныхъ средствъ, принимайся за церковныя. Впрочемъ, уничтоженіе монастырей началось лишь послѣ смерти Мора, однако, объ этой мѣрѣ тогда уже говорили, ею угрожали духовенству и заставляли его покупать у себя благоволеніе деспота за большія суммы денегъ. Только тогда, когда изъ духовенства нельзя было болѣе уже ничего выжать, тогда принялись за его недвижимое имущество.

Нигдѣ реформація не выставляла себя такимъ наглымъ открытымъ проявленіемъ корыстолюбія, сознанія своей силы и сластолюбія абсолютнаго монарха, какъ именно въ Англіи. Въ догмахъ, въ обрядахъ рѣшительно ничего не измѣнили: просто на мѣсто папы сталъ король; между тѣмъ лютеранство было такъ же преслѣдуемо, какъ и папизмъ.

Ясно, что Моръ такъ же мало могъ сочувствовать такого рода реформаціи, какъ и первымъ проявленіямъ лютеранства. Съ космополитической точки зрѣнія онъ долженъ былъ противиться всякой національной церкви. Однако, такъ же несочувственно относился онъ и къ усиленію королевскаго могущества. Напротивъ того, онъ всячески старался ограничить эту власть, только не *снизу*, а *сверху*. Онъ чувствовалъ, что ограничить ее необходимо, что самодержавію надо положить предѣлъ; однако, онъ полагалъ, что въ народѣ не имѣется нужныхъ для этого силъ, и потому ему пришлось прибѣгнуть къ одной изъ теоретическихъ иллюзій, которою, какъ мы выше, въ 1-мъ отдѣлѣ, уже видѣли, часто увлекались гуманисты:: по его мнѣнію, государи должны быть руководимы папою, самъ же

папа долженъ подчиняться собору, преисполненному духомъ гуманизма. Старые мѣхи должны были оставаться, но вино въ нихъ слѣдовало налить новое. И вотъ явилась королевская власть и сдѣлала церковь, которая должна была бы руководить ею, своимъ оружіемъ! Этому Моръ содѣйствовать не могъ.

Долго онъ скрывалъ свои доводы противъ генриховской «реформаціи». Только лишь послѣ того, какъ судъ вынесъ ему обвинительный приговоръ, онъ нарушилъ молчаніе и объявилъ, что Англія, представляющая изъ себя лишь небольшую часть всего христіанскаго міра, точно такъ же не можетъ издавать законовъ, противорѣчащихъ всеобщимъ церковнымъ установленіямъ, какъ Лондонское Сити не можетъ издавать постановленій, идущихъ въ разрѣзъ съ парламентскими актами. Далѣе онъ говоритъ: «Если не въ этомъ королевствѣ, то вообще во всемъ христіанскомъ мірѣ епископы, университеты и ученые, по крайней мѣрѣ бо́льшая ихъ часть, на моей сторонѣ... поэтому я не обязанъ подчинять свое религіозное убѣжденіе совѣту одного королевства и при этомъ идти противъ собора (council) всего христіанства».

Кажется, что даже и для того времени выраженія Мора достаточно ясны и опредѣленны.

Точка зрѣнія Мора была очень смѣла, но рѣшительно не имѣла никакихъ основаній. Мы указали уже въ первомъ отдѣлѣ на безпочвенность нѣмецкихъ и англійскихъ гуманистовъ и объяснили такимъ образомъ быстрое исчезновеніе гуманизма въ этихъ странахъ. Однако, громадное большинство гуманистовъ представляло изъ себя теоретиковъ, профессоровъ и литераторовъ, которые притихли и удалились отъ общественной жизни, лишь только разразилась гроза реформаціи. Между тѣмъ человѣкъ съ такимъ пламеннымъ духомъ, каковъ былъ Моръ, этого, конечно, не сдѣлалъ. Если бы онъ даже и захотѣлъ поступить, какъ прочіе гуманисты, то у него ничего бы изъ этого не вышло. Политическое вліяніе его было слишкомъ велико для того, чтобы онъ могъ незамѣтно исчезнуть, ему пришлось либо быть съ королемъ, либо идти ему наперекоръ, и погибнуть. Въ виду такого его характера, другого выбора судьбы ему не представлялось.

Тѣмъ не менѣе паденіе его приближалось не сразу, а постепенно, шагъ за шагомъ; оно подготовлялось еще тогда, когда Моръ подни-

мался по лѣстницѣ должностей, благодаря королю, выше и выше. Правда, онъ сначала противился разводу Генриха и отказался защищать его. Однако, Генрихъ до послѣдней минуты надѣялся перетянуть его на свою сторону и тѣмъ сильнѣе старался это сдѣлать, что къ тому времени популярность Мора, пожалуй, еще болѣе увеличилась. Въ 1529 году онъ былъ отправленъ съ Кетбертомъ Тенстоллемъ и Джономъ Гэклетомъ въ Камбре, чтобы явиться представителемъ Англіи при заключеніи мирнаго договора между Испаніей, съ одной, и Англіей съ Франціей, съ другой стороны. Этотъ миръ былъ особенно важенъ англійскимъ купцамъ, такъ какъ отъ войны сильно пострадала торговля съ Нидерландами. Моръ и его коллеги вели переговоры съ большимъ искусствомъ [1]) и достигли такого соглашенія, какого даже и не ожидали, такъ что англичане, особенно

[1]) Рабле въ своемъ сочиненіи (ср. стр. 179) «Гаргантюа и Пантагрюель», II книга, главы 18—20, выводитъ великаго англійскаго канцлера Томаста (un grand clerc d'Angleterre), который отыскиваетъ его въ Парижѣ и ведетъ съ нимъ, одними жестами, комическій разговоръ. Подъ этимъ Томастомъ подразумѣвается, какъ говорятъ, Т. Моръ, а языкъ жестовъ, непонятный непосвященному, долженъ якобы изображать дипломатическія крючкотворства, коими сопровождался договоръ въ Камбре. Намъ, конечно, трудно сказать, насколько все это правильно. Зато мы не сомнѣваемся теперь, послѣ детальныхъ изслѣдованій Эмангара (Oeuvres de Rabelais, édition verifiée, augmentée... d'un nouveau commentaire historique et philologique par Esmangard et Eloi Iohanneau. Paris 1823 III, стр. 437—444. Сочиненія Рабле, изданіе съ варіантами, дополненное новымъ историческимъ и филологическимъ комментаріемъ Эсмангаромъ и Иліей Іоанно), что подъ именемъ Томаста подразумѣвается именно Моръ. Многіе французскіе гуманисты, повидимому, не очень высокаго мнѣнія о Морѣ, особенно послѣ его спора съ Жерменъ де Бріе (Germanus Brixius), современникомъ и другомъ Рабле. Бріе написалъ въ 1513 году поэму Hervetus sive Chordigerae navis conflagitio, въ которой воспѣвалъ морскую битву между французскимъ и англійскимъ кораблемъ, причемъ англичане были выставлены въ не очень симпатичномъ свѣтѣ. Моръ, разсердившись на это, написалъ ѣдкую эпиграмму: «In Brixium Germanum false scribentem etc... (на Германа Бриксія, пишущаго вздоръ и т. д.), на которую тотъ опять отвѣтилъ полемической поэмою въ 400 стиховъ, подъ заглавіемъ «Antimorus». Впечатлѣніе, произведенное этой полемикой, было, въ виду вліянія, которое Моръ имѣлъ среди гуманистовъ, столь велико, что «Antimorus» разошелся въ трехъ изданіяхъ. У насъ въ рукахъ было парижское изданіе 1519 г. О двухъ другихъ мы узнаемъ изъ Эсмангара. Эразмъ постарался прекратить этотъ споръ и уговорилъ Мора воздержаться отъ новаго отвѣта Бриксію.

англійскіе купцы, были имъ чрезвычайно довольны. Конечно, такого полезнаго и всѣми любимаго человѣка королю надо было расположить въ свою пользу.

Когда Уольсей палъ отъ интригъ Анны Болейнъ, Моръ былъ назначенъ лордомъ-канцлеромъ Англіи (1529 г.); это былъ первый мірянинъ, да къ тому же еще не знатнаго происхожденія, который попалъ на эту должность. Онъ принялъ ее противъ воли, но выбора ему не оставалось. О его настроеніи въ это время мы можемъ судить по рѣчи, сказанной имъ при вступленіи въ должность. Герцоги Норфолькскій и Сёффолькскій провожали его въ торжественномъ шествіи въ Вестминстерскій дворецъ, гдѣ Моръ принялъ санъ при огромномъ стеченіи народа. Герцогъ Норфолькскій произнесъ лестную рѣчь, въ которой восхвалялъ заслуги новаго канцлера. На это Моръ отвѣтилъ, что не такъ сильно радуется этому назначенію, какъ могутъ думать люди, такъ какъ онъ вспоминаетъ о своемъ мудромъ и могущественномъ предшественникѣ и о его паденіи. «Я считаю это кресло мѣстомъ, полнымъ опасностей и трудовъ и далеко не слишкомъ почетнымъ. Чѣмъ выше мѣсто, тѣмъ сильнѣе паденіе съ него, какъ это видно по моему предшественнику. Если бы не милость короля, то я считалъ бы свое мѣсто столь же пріятнымъ, сколь Дамоклу нравился мечъ, висѣвшій надъ его головою».

Его мрачнымъ предчувствіямъ суждено было сбыться, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро. Онъ старался быть нейтральнымъ, но изъ этого ничего не выходило. Съ него скоро потребовали скрѣпы своимъ именемъ такихъ поступковъ, которые глубоко возмущали его. Генрихъ заставилъ его прочитать въ палатѣ общинъ отзывы университетовъ Парижа, Орлеана, Аньже, Буржъ, Тулузы, Болоньи и Падуи, за которые были заплачены большія деньги, а также силою вынужденные отзывы Оксфорда и Кэмбриджа: всѣ они сходились на томъ, что разводъ короля канонически дѣйствителенъ. Тогда Моръ понялъ, что дальнѣйшее пребываніе его на своемъ посту не вяжется съ его убѣжденіями, и сложилъ свой санъ (въ 1532 г.).

8. *Гибель Мора.*

Отставка Мора рѣшила его судьбу. Онъ высказался противъ тирана какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда тому нужны были

всѣ его слуги, тогда, когда онъ предпринималъ борьбу противъ одного класса (горожанъ) своихъ собственныхъ подданныхъ. Уходить при такихъ обстоятельствахъ значило въ глазахъ короля становиться на сторону мятежа и измѣны. Тѣ историки, которые заслуживаютъ прозвища адвокатовъ минувшихъ временъ, не замедлили при обсужденіи вопроса о казни Мора признать, что комедія, называвшаяся судомъ, осудила его справедливо, такъ какъ онъ дѣйствительно представлялъ изъ себя мятежника и измѣнника [1]). Если бы онъ дѣйствительно и былъ измѣнникомъ, то мы вовсе не пришли бы отъ этого въ ужасъ.

---

[1]) Вотъ что говоритъ Фроудъ, о которомъ мы какъ-то (стр.) уже упоминали: Главною осью, вокругъ которой вертѣлась борьба, являлся вопросъ о томъ, можетъ ли король быть главою церкви, или нѣтъ. Утвержденіе, что онъ не могъ быть главою церкви, было равносильно признанію папскаго отлученія, т. е. другими словами, равнялось *отказу признавать далѣе Генриха королемъ* (!). Такимъ образомъ отказъ отъ признанія Генриха главою церкви было *измѣной королю* (Froude, History of England. II, 220, 221). Сознательная лживость этой подтасованной логики явствуетъ изъ того, что отлученіе отъ церкви въ дѣйствительности явилось не *причиною*, а послѣдствіемъ казни Мора и другихъ «мучениковъ». Булла объ отлученіи была составлена уже послѣ казни и опубликована лишь въ 1538 году, т. е. черезъ 3 года послѣ смерти Мора.

Одинъ изъ выдающихся знатоковъ эпохи Генриха VIII, Ф. І. Ферниволь, такъ отзывается о Фроудѣ, модномъ историкѣ современной англійской буржуазіи: англійскія народныя пѣсни «вносятъ очень полезную поправку въ ту преувеличенную картину, которою г. Фроудъ изображаетъ состояніе Англіи ко времени начала царствованія Генриха VIII—картину, вообще говоря *представляющую совершенно ложное и одностороннее изображеніе дѣйствительнаго положенія дѣлъ*». (Предисловіе къ «Ballads from Manuscripts. I. Ballads on the condition of England in Henry VIII-s and Edward VI-s reigns. Edited by Frederik Furnnivall. London. 1868—72 = Баллады съ рукописей. I. Баллада о состояніи Англіи въ царствованіе Генриха VIII и Эдуарда VI. Изданіе Фредерика Ферниволя. Лондонъ и т. д.). Дѣйствительно, народныя пѣсни того времени могутъ пролить много свѣта на порядки той эпохи. Вѣдь писанные источники по большей части представляютъ изъ себя мнѣніе *правящаго класса*; пѣсня же выясняетъ намъ точку зрѣнія управляемыхъ. Пѣсни же временъ Генриха VIII и его ближайшихъ преемниковъ особенно важны для насъ потому, что мы можемъ видѣть изъ нихъ, какъ мало нравилась народу генриховская реформація и какъ глубоко пустила корни «Утопія». Въ балладахъ она упоминается нѣсколько разъ; особенно сильное впечатлѣніе произвело, видимо, то мѣсто, гдѣ говорится объ овцахъ, пожирающихъ людей (ср. стр. 75, перевода А. Генкеля и слѣдующій отдѣлъ, стр. 208); это выраженіе, видимо, стало очень популярнымъ въ народѣ.

И потому разъ мы такъ настойчиво опровергаемъ этотъ слухъ, то вовсе не для того, чтобы «очистить» память Мора отъ «ужаснаго» обвиненія, а единственно лишь изъ желанія возстановить историческую истину. Передергиванія г. Фроуда и К° не только совершенно невѣрно освѣщаютъ деспотизмъ Генриха VIII, но даютъ намъ превратное представленіе о характерѣ Мора.

Моръ совершенно ушелъ въ частную жизнь, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что его ожидаетъ. Между тѣмъ ударъ произошелъ гораздо позже, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Вліяніе Мора и уваженіе къ нему были слишкомъ велики—Генриху во что бы ни стало хотѣлось расположить его къ себѣ и онъ рѣшился уничтожить его лишь тогда, когда никакой надежды на примиреніе уже не оставалось. Ни награды, ни почетныя должности не соблазняли Мора. Потому нужно было запугать его, перетянуть на свою сторону силою.

Началась система интригъ и терзаній. Имѣнія Мора, и безъ того не очень значительныя, были конфискованы королемъ. Наличныхъ денегъ у Мора было немного и онъ, покидая службу при дворѣ, былъ бѣднѣе, чѣмъ когда начиналъ ее. И вотъ онъ поселился въ Чельси, близъ Лондона, и зажилъ очень скромно.

Въ 1533 году было возбуждено обвиненіе въ измѣнѣ королю противъ кентерберійской монахини Елизаветы Бартонъ, названной св. Дѣвою изъ Кента; это была шарлатанка, разсказывавшая о своихъ видѣніяхъ и т. п. Она прорицала, что королю и мѣсяца не удастся прожить послѣ своей женитьбы на Аннѣ Болейнъ. Моръ былъ впутанъ въ этотъ процессъ, потому что какъ-то случайно встрѣтился съ этой монахиней, хотя и относился къ ней очень сдержанно и сразу призналъ ее обманщицей. Обвиненіе Мора было столь мало обосновано и уваженіе къ нему еще столь велико, что лорды отказались принять билль (законопредложеніе) по обвиненію въ измѣнѣ кентской монахини и ея сообщниковъ, если изъ числа ихъ не будетъ вычеркнуто имя Мора. Генрихъ долженъ былъ, на этотъ разъ, уступить. Монахиню и шестерыхъ ея сообщниковъ казнили, а Моръ остался на свободѣ. Когда дочь его Маргарита высказывала ему, по этому поводу, свою радость, онъ замѣтилъ: «отложить дѣло еще не значитъ отмѣнить его».

Герцогъ Норфолькскій уговаривалъ его смириться передъ королемъ: «опасно воевать съ государями и я желалъ бы, чтобы вы

уступили желанію короля. Вѣдь, ей богу, гнѣвъ короля равносиленъ смерти», сказалъ ему однажды онъ. «И это все, милордъ?— возразилъ Моръ,—тогда вѣдь между мною и вами лишь та разница, что я умру сегодня, а вы—завтра».

Въ ноябрѣ 1533 года парламентъ принялъ предложеніе признать короля главою англійской церкви. Кромѣ того, онъ призналъ первый бракъ короля недѣйствительнымъ, а второй—законнымъ; дочь Екатерины, Марія, была лишена престолонаслѣдія, а дочь Анны, Елизавета, объявлена законной наслѣдницей Генриха. Была выработана формула присяги съ подтвержденіемъ всѣхъ этихъ положеній и предложена всѣмъ священникамъ Лондона и Вестминстера, и, между прочимъ, Мору. Онъ отказалъ принести присягу по полному ея тексту, хотя и высказалъ готовность признать тотъ пунктъ его, гдѣ говорится о престолонаслѣдіи. За этотъ отказъ его арестовали и посадили узникомъ въ Тоуэръ. Болѣе года провелъ онъ тамъ, при очень плохихъ условіяхъ; наконецъ, его лишили даже книгъ. Но все было напрасно. Физическія силы оставляли его, но не нравственныя, и онъ все такъ же настойчиво отказывался дать присягу.

Тогда, наконецъ, началось судебное разбирательство дѣла Мора. Парламентомъ не были предусмотрѣны случаи отказа отъ присяги и наказаній за него. Чтобы исправить эту ошибку, онъ, уже послѣ, постановилъ, что признаетъ государственною измѣною, если кто «злонамѣренно (maliciosly) пожелаетъ лишить персону короля, королевы или ихъ наслѣдниковъ, на словахъ или въ сочиненіяхъ, ихъ званій и титуловъ».

Моръ упорно отказывался привести причины своего уклоненія отъ присяги. Однако, молчаніе еще не есть измѣна. Въ виду такихъ обстоятельствъ пришлось воспользоваться услугами наемнаго свидѣтеля, по имени Рича, который согласился показать, будто Моръ говорилъ ему, что парламентъ не имѣетъ права объявлять короля главою церкви.

Напрасно Моръ указывалъ на то, сколько глупо бы было ему пускаться въ откровенности съ человѣкомъ, котораго онъ давно уже знаетъ, какъ подлеца, между тѣмъ какъ другимъ, честнымъ людямъ, онъ не говорилъ ничего. Напрасно онъ ссылался на другихъ свидѣтелей, которые присутствовали при разговорѣ съ Ричемъ въ Тоуэрѣ, но ничего такого не слыхали. Присяжные оказались достой-

ными свидѣтеля. Они безъ дальнѣйшихъ околичностей признали Мора виновнымъ, даже еще не познакомившись съ обвинительнымъ актомъ. Приговоръ гласилъ: «Вернуть его, при содѣйствіи шерифа Уильяма Бингстона, въ Тоуэръ, оттуда влачить по землѣ черезъ все Лондонское Сити въ Тибернъ, тамъ повѣсить его такъ, чтобы онъ замучился до полусмерти, снять съ петли, пока онъ еще не помретъ, отрѣзать половые органы, вспороть животъ, выдернуть и сжечь внутренности. Затѣмъ четвертовать его и прибить по одной четверти его тѣла надъ всѣми четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонскомъ мосту».

Король помиловалъ его къ простому отсѣченію головы. Когда Моръ услышалъ объ этомъ, онъ воскликнулъ: «Избави, Боже, моихъ друзей отъ такой милости».

Вообще юморъ не покидалъ Мора до самаго конца. Послѣднія слова Мора были шуткою.

6-го іюля 1535 года его казнили въ Тоуэрѣ. Эшафотъ былъ сколоченъ небрежно и зашатался, когда Моръ вступилъ на него. Тогда онъ вѣжливо обратился къ провожавшему его тюремному офицеру: «пожалуйста, помогите мнѣ взойти. Внизъ я ужъ какъ-нибудь самъ сойду». Онъ пытался обратиться съ рѣчью къ народу, но ему помѣшали; тогда онъ, помолившись, говоритъ Роперъ, весело обратился къ палачу и сказалъ: «только смѣло, не страшись своей работы. Шея моя коротка, цѣлься хорошенько, чтобы не осрамиться».

Такъ погибъ первый коммунистъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„УТОПІЯ“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Моръ какъ экономистъ и соціалистъ.

1. Корни моровскаго соціализма.

Какъ *гуманистъ*, какъ *политикъ*, Моръ стоялъ въ первыхъ рядахъ своихъ современниковъ,—какъ *соціалистъ*, онъ ушелъ отъ нихъ далеко впередъ. Его политическія, религіозныя и гуманистическія сочиненія читаются въ настоящее время развѣ немногими историками. Если бы онъ не написалъ своей «Утопіи», то имя его въ настоящее время врядъ ли было бы извѣстнѣе имени его друга и товарища по несчастію, Фишера, епископа Ротчестерскаго. Безсмертнымъ сдѣлалъ его соціализмъ.

Откуда же взялся этотъ соціализмъ?

Мы не вѣримъ, подобно историкамъ идеалистической школы, въ какого-то святого духа, просвѣщающаго умы и вселяющаго въ нихъ геніальныя идеи, къ которымъ политическая и экономическая эволюція должна приспособляться. Напротивъ того, мы исходимъ изъ того положенія, что противорѣчія и антагонизмъ, вызываемыя въ обществѣ его техническимъ и экономическимъ развитіемъ, вліяютъ на способныхъ и обезпеченныхъ людей въ томъ смыслѣ, что они стараются проникнуть умомъ въ совершающуюся на ихъ глазахъ эволюцію и по возможности устранять страданія—ея результаты. Такимъ образомъ возникаютъ политическія и соціальныя идеи, которыя тѣмъ сильнѣе вліяютъ на современниковъ или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые ихъ классы, чѣмъ больше онѣ соотвѣтствуютъ фактическому положенію дѣлъ, чѣмъ ближе лежатъ онѣ къ интересамъ поднимающаго голову класса. чѣмъ вообще онѣ вѣрнѣе. Та-

кимъ-то образомъ объясняется, почему извѣстныя идеи могутъ развиваться только при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, почему идеи, нѣкогда встрѣчавшія равнодушіе и даже насмѣшку, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя вызываютъ восторгъ и принимаются за истины даже безъ надлежащей провѣрки. Идеалистическіе историки не въ состояніи объяснить такого явленія. Какъ и всѣ философы-идеалисты, они должны въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ тайнѣ, къ чуду: «духъ времени», говорятъ они, опредѣляетъ, можетъ ли идея встрѣтить въ обществѣ сочувствіе, или нѣтъ. Этотъ-то духъ времени, хотя бы его даже приняли и всѣ свободомыслящіе атеисты, все-таки, представляетъ изъ себя не что иное, какъ новое изданіе того же самаго святого духа.

Только матеріалистическое пониманіе исторіи въ состояніи объяснить временное дѣйствіе опредѣленныхъ идей. Никому не придетъ въ голову отрицать, что каждой эпохѣ соотвѣтствуютъ извѣстныя идеи, ее направляющія, что эти идеи являются какъ бы двигателями общественной эволюціи. Однако, оно не останавливается на этомъ, напротивъ того, оно изслѣдуетъ ту силу, которая приводитъ все это въ движеніе и находитъ ее въ экономическихъ отношеніяхъ.

Само собой разумѣется, что идеи формируются нѣсколько раньше, чѣмъ начинаютъ оказывать вліяніе на народныя массы. Обыкновенно народъ упрекаютъ въ томъ, что онъ слишкомъ жадно бросается на нововведенія. Напротивъ того, онъ слишкомъ упорно стоитъ за старину. Противоположность новыхъ экономическихъ соотношеній къ старымъ и соотвѣтствующія этому идеи обыкновенно становятся уже очень рѣзкими, когда народная масса начинаетъ только о ней замѣчать. Тамъ, гдѣ проницательный взглядъ мыслителя уже замѣтилъ непроходимую пропасть, тамъ средній человѣкъ говоритъ о личныхъ недоразумѣніяхъ; гдѣ мыслитель констатируетъ соціальное зло, устранимое только путемъ общественнаго переворота, тамъ средній человѣкъ утѣшаетъ себя надеждой, что это зло мимолетное и скоро наступятъ лучшія времена. Мы въ этомъ случаѣ вовсе не говоримъ о представителяхъ отживающаго свой вѣкъ класса, которые въ большинствѣ случаевъ *не хотятъ* видѣть, напротивъ того—мы имѣемъ въ виду людей буду-

щаго, которымъ выгодно было бы понимать, но они *не въ состояніи* постичь, пока ихъ не тянетъ носомъ на новыя общественныя соотношенія.

Такимъ-то образомъ нерѣдко случается, что выдающіеся мыслители часто уходятъ впередъ отъ своего времени, вѣрнѣе—отъ современниковъ. Причина не въ томъ, что они высказали идеи прежде, чѣмъ появлялись соотвѣтствующія имъ матеріальныя условія; напротивъ того, ихъ идеи обусловливались возникающими новыми экономическими соотношеніями, но послѣднія не были еще столь рѣзко выражены, чтобы обратить на себя вниманіе соотвѣтствующихъ классовъ.

Однако, опираясь на экономическія соотношенія, мыслитель можетъ опередить свой вѣкъ не только въ томъ случаѣ, когда онъ подозрѣваетъ новый нарождающійся способъ производства и его соціальныя послѣдствія, но также и въ томъ случаѣ, когда доходитъ діалектическимъ мышленіемъ до представленія о такомъ способѣ производства, который долженъ развиться изъ нынѣ существующихъ соотношеній.

Томасъ Моръ былъ однимъ изъ немногихъ, кому удался этотъ смѣлый скачекъ мысли: въ эпоху, когда капиталистическій способъ производства находился еще въ зародышевомъ состояніи, ему удалось такъ глубоко проникнуть въ его сущность, что онъ уже набросалъ въ своей головѣ планъ для устраненія его вредныхъ послѣдствій, и планъ этотъ содержитъ въ себѣ въ общихъ чертахъ всю программу современнаго соціализма. Современники, конечно, не поняли глубокаго смысла его выводовъ, да и самъ онъ, пожалуй, не вполнѣ постигалъ ихъ. Только въ настоящее время мы можемъ дать имъ правильную оцѣнку: несмотря на колоссальные экономическіе и техническіе перевороты послѣднихъ трехъ столѣтій, мы находимъ въ «Утопіи» рядъ тенденцій, характеризующихъ и понынѣ соціалистическое движеніе.

Какъ сказано, мы не принадлежимъ къ числу историковъ, производящихъ идеи отъ святого духа, и потому первымъ вопросомъ, напрашивающимся намъ въ этомъ случаѣ, будетъ вопросъ *о причинахъ*. Если мы не захотимъ прибѣгать къ спиритизму и ясновидѣнію, то намъ придется признать цѣлый рядъ своеобразныхъ стеченій обстоятельствъ, приведшихъ одного Мора къ его соціали

стическимъ теоріямъ; соціализмъ Мюнцера былъ совсѣмъ другого рода и потому его здѣсь нельзя принимать въ разсчетъ.

Несмотря на то, что ни одинъ изъ біографовъ Мора до сихъ поръ, по весьма понятнымъ причинамъ, не занимался этимъ вопросомъ, да и самъ Моръ не даетъ намъ на это отвѣта, намъ кажется, что мы до нѣкоторой степени постигли эти причины. Онѣ частью личнаго, частью мѣстнаго характера и находятся въ связи съ общей совокупностью данныхъ, изложенныхъ нами въ первомъ отдѣлѣ этой книги; намъ кажется понятнымъ, почему соціализмъ раньше своего родителя,—капитализма, получилъ теоретическое обоснованіе.

Причины эти, выражаясь кратко, кроются въ личномъ характерѣ Мора, въ его философскомъ воспитаніи, экономической дѣятельности и въ экономическомъ положеніи всей Англіи.

Личный характеръ Мора до высокой степени объясняетъ причину его соціализма. Мы уже слышали отъ Эразма, какъ любезенъ, услужливъ и милосердъ былъ Моръ: онъ называлъ его ангеломъ хранителемъ всѣхъ бѣдныхъ.

Только въ сѣверныхъ странахъ западной Европы въ XIV вѣкѣ матеріальныя соотношенія могли создать такой альтруистическій характеръ. Чѣмъ ближе къ Италіи, тѣмъ неблагопріятнѣе становились эти условія, тѣмъ болѣе преобладалъ въ городахъ эгоистическій и завистливый духъ купечества. Въ торговыхъ республикахъ Италіи, равно какъ и при дворахъ романскихъ государей, *эгоизмъ* царилъ безраздѣльно, являясь характерной особенностью новаго способа производства.

Онъ царилъ тогда еще открыто, смѣло, полный самодовольнаго революціоннаго высокомѣрія. Это былъ величественный эгоизмъ, вовсе не похожій на своего трусливаго, лживаго и подлаго собрата нынѣшнихъ временъ, который самъ себѣ кажется гадкимъ и прячется подъ личиной условнаго ханжества.

Совсѣмъ другія экономическія соотношенія, чѣмъ тѣ, съ которыми намъ приходится встрѣчаться въ Италіи и, въ болѣе слабой степени, во Франціи и Испаніи, царили въ то время въ Германіи и Англіи. Тамъ еще во многихъ мѣстахъ основы городского способа производства покоились на земледѣліи и, слѣдовательно, на общинѣ, однимъ словомъ, на патріархальномъ коммунизмѣ; отдѣленіе города отъ деревни нигдѣ не совершилось еще въ такой опредѣленной

формѣ [1]). Въ началѣ XVI стол. въ Англіи еще существовало старинное общинное землевладѣніе, которое сохранилось подъ покровомъ феодализма и только лишь въ ту пору начинало уступать мѣсто новому способу эксплоатаціи земли. Въ тѣ времена сохранялись еще, преимущественно у простого народа, особенности характера, соотвѣтствовавшія патріархальному коммунизму; и у Мора тоже мы встрѣчаемся съ ними цѣликомъ, онѣ только нѣсколько прикрыты лоскомъ современнаго гуманиста и придворнаго и требованіями самонаблюденія, которыя налагались на Мора внѣшними обстоятельствами. Въ его юморѣ, выносливости, непоколебимости, безкорыстіи и услужливости мы видимъ ясное проявленіе всѣхъ характерныхъ особенностей коммунистической «merry old England» (доброй старой Англіи).

Однако, одного состраданія къ бѣднымъ для соціалиста еще недостаточно. Конечно, безъ интереса къ пролетарію соціалистомъ не сдѣлаешься, въ особенности, если самъ по себѣ не пролетарій. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы изъ этого интереса могли развиться соціалистическія идеи и міросозерцаніе, для этого требуется спеціальное стеченіе экономическихъ причинъ, наличность *рабочаго пролетаріата*, появляющагося массами, а съ другой стороны глубокое *пониманіе экономическихъ соотношеній*.

Пролетаріатъ нищихъ (Lumpenproletariat) создаетъ *благотворительность*, но ни въ какомъ случаѣ не современный соціализмъ. Безъ пониманія экономическихъ соотношеній можно добраться только до сантиментальныхъ фразъ и соціальныхъ прибаутокъ, но никакъ не до соціализма.

Во времена Мора Англія находилась, въ смыслѣ экономическаго развитія, въ крайне благопріятныхъ условіяхъ, гораздо лучшихъ, чѣмъ, напр., *Германія*. Въ смыслѣ же стеченія обстоятельствъ, *облегчающихъ ея пониманіе*, положеніе Мора въ сѣверныхъ странахъ было прямо таки исключительнымъ. Единственными людьми, которые въ ту пору умѣли научно и методи-

[1]) Еще въ 1589 году герцогъ баварскій признается въ томъ, что мюнхенскіе горожане не могутъ обойтись безъ общаго выгона, слѣдовательно, землевѣліе являлось главнымъ источникомъ пропитанія для горожанъ (Т. Л. Ф.-Мауреръ. Исторія городовыхъ положеній; Томъ I стр. 273. T. L. v. Maurer. Geschichte der Städteverfassung. I, стр. 273).

чески мыслить и обобщать, которые, слѣдовательно, могли положить начало теоретическому соціализму, были гуманисты. Между тѣмъ гуманизмъ въ сѣверной Европѣ являлся экзотическимъ растеніемъ, къ которому ни одинъ классъ не чувствовалъ особаго интереса. Въ Италіи гуманисты участвовали въ практической жизни и выражали поэтому экономическія и политическія тенденціи своего вѣка. Нѣмецкіе гуманисты, напротивъ того, являлись въ большинствѣ случаевъ просто академиками (учителями), которые не имѣли понятія о практической жизни, не черпали изъ опыта прошедшихъ временъ силъ для борьбы съ настоящимъ, но робко уходили отъ этой борьбы въ свои кабинеты и жили тамъ интересами минувшихъ вѣковъ.

Эволюція Германіи вовсе не способствовала тому, чтобы перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую науку отъ жизни. Напротивъ того, Германія XVI вѣка все болѣе и болѣе впадала въ варварство, грубость и омужичиваніе, отъ которыхъ стала поправляться лишь къ концу XVIII вѣка; поэтому наука въ Германіи могла существовать только подъ условіемъ полнаго изолированія отъ практической жизни.

Основная причина этого паденія Германіи заключалась въ томъ, что къ исходу XV вѣка произошло измѣненіе торговыхъ путей, которое не только задержало развитіе, но вызвало, на нѣкоторое время, даже экономическій регрессъ.

Открытія португальцевъ во второй половинѣ VII вѣка проложили морской путь въ Индію. Вмѣстѣ съ тѣмъ порвалась старая связь съ Востокомъ, заросъ путь черезъ Малую Азію и Египетъ, благодаря завоеванію турокъ; караванный путь черезъ центральную Азію закрылся еще раньше, благодаря перегруппировкѣ народныхъ массъ. Въ силу этого пострадала не только торговля средиземноморскихъ странъ, но поплатились частью также и города, лежавшіе по великимъ нѣмецкимъ воднымъ путямъ; города эти вѣдь не только являлись посредниками между Италіей и сѣверомъ, они пользовались для торговли съ востокомъ еще и другими путями: черезъ Черное море и Трапезундъ, а также сухопутьемъ черезъ Россію. Такимъ образомъ, у нѣмецкихъ городовъ—ганзейскихъ по Балтійскому морю и южно-германскихъ, какъ-то Нюренберга, Аугсбурга и другихъ, былъ пересѣченъ главный жизненный первъ. Менѣе пострадали города по Рейну, а также лежавшіе при устьяхъ рѣкъ, впадаю-

щихъ въ Нѣмецкое море; однако, они вели незначительную торговлю, да и направленіе ея перемѣнилось. Товары шли теперь не съ востока на западъ и не съ юга на сѣверъ, но обратно. Въ XII вѣкѣ *Антверпенъ* сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ *Константинополь* въ XIV и чѣмъ надлежало сдѣлаться *Лондону* въ XVIII вѣкѣ: центромъ міровой торговли, складочнымъ мѣстомъ товаровъ всего востока, къ которымъ присоединились еще и американскіе, откуда они разливались потомъ по всей Европѣ.

Близость Антверпена должна была возбуждающимъ образомъ дѣйствовать на *Англію* и, главнымъ образомъ, на Лондонъ. Уже во времена Мора, Англія дѣлала попытки, сначала, впрочемъ, безуспѣшныя, пріобрѣтать за моремъ колоніи. Въ той самой мѣрѣ, въ какой падала торговля Германіи, она росла въ Англіи.

И вотъ въ это-то время, на ряду съ торговымъ капиталомъ, начинаетъ развиваться и капиталъ промышленный: въ Англіи начинали основываться шерстяныя мануфактуры по фламандскому образцу и уже во времена Генриха VIII слышатся жалобы на упадокъ ремесла мелкихъ ткачей [1]).

Однако, гораздо больше этихъ зародышей производительнаго капитала въ Англіи временъ Мора зачатки капиталистическаго способа производства сказывались въ сельскомъ хозяйствѣ. Вообще, для Англіи является характернымъ то обстоятельство, что капитализмъ въ ней проявился раньше въ сельскомъ хозяйствѣ, нежели въ промышленности.

О причинахъ этого явленія мы уже говорили: онѣ кроются въ спеціальной добротности англійской *шерсти*, которая стала желаннымъ сырьемъ для шерстяной мануфактуры всѣхъ окрестныхъ

---

[1]) Итальянскіе купцы появились въ Англіи уже со временъ Ричарда III. Уже въ его царствованіе парламентскій актъ (an act touching the merchants of Italy) обвинялъ итальянскихъ купцовъ въ томъ, что они скупаютъ громадныя массы шерсти и раздаютъ ее на выработку мѣстнымъ ткачамъ. По этому поводу маленькое замѣчаніе: господинъ профессоръ Филлипсонъ въ своей «Исторіи западной Европы въ эпоху Филиппа II и Елизаветы и Генриха IV» (Берлинъ. 1882 г., стр. 49) разсказываетъ намъ, что при Генрихѣ VIII «мелкіе ремесленники были эксплоатируемы и даже уничтожены крупной промышленностью», о таковой въ тѣ времена, конечно, не могло быть даже и рѣчи, развѣ ужъ, если считать крупной промышленностью рѣшительно всякую, даже и кустарную, лишь бы ее эксплоатировалъ капиталистъ.

странъ [1]). Спросъ на нее возрасталъ по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны усиливалось мануфактурное производство, а съ другой— улучшались способы перевозки. Англійская шерсть нашла сбытъ прежде всего въ Нидерландахъ; къ концу же XV вѣка она распространилась до Италіи съ одной стороны и до Швеціи съ другой [2]).

Въ виду расширенія рынковъ, у англійскихъ купцовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ явилась потребность увеличить *выработку шерсти*. Для этого проще всего было присвоить себѣ общественные выгоны, право пользованія которыми доселѣ принадлежало крестьянамъ. При этомъ крестьянинъ совершенно лишался возможности держать скотъ, онъ терялъ необходимый ему навозъ, все хозяйство приходило въ упадокъ и крестьяне совершенно разорялись. Однако, жадность крупнаго землевладѣльца росла скорѣе, чѣмъ происходило это «освобожденіе» крестьянъ отъ земли. Всѣми возможными средствами этотъ процессъ старались ускорить. Не только отдѣльныхъ крестьянъ прогоняли съ земли, нѣтъ, подчасъ даже изгонялось населеніе цѣлыхъ деревень и мѣстечекъ, чтобы очистить мѣсто производителю болѣе цѣннаго товара—овцѣ.

Пока крупные землевладѣльцы сами управляли своими имѣніями или, что продолжалось недолгое время, сдавали его въ аренду (причемъ арендаторъ получалъ отъ нихъ нужный инвентарь, какъ-то: сельскохозяйственное орудіе, скотъ и такъ далѣе), расширенію ихъ усадебъ былъ положенъ естественный предѣлъ, такъ какъ у землевладѣльца этого инвентаря было ограниченное количество. Дальнѣйшее расширеніе усадьбы являлось безцѣльнымъ, потому что у помѣщика не хватало средствъ увеличивать въ соотвѣтствующей мѣрѣ орудія производства. Теперь же этотъ предѣлъ былъ уничтоженъ и земельная горячка помѣщика сдѣлалась прямо ненасытной, когда возникло сословіе *капиталистическихъ арендаторовъ*, которые пользовались землею, нанимая рабочихъ на *собственный капиталъ*. Этотъ классъ нарождается въ Англіи въ послѣдней трети

[1]) На ряду съ шерстью важными сырыми продуктами Англіи являлись *лѣсъ* и *дрова* (вѣроятно, въ виду роста городовъ), а также *ячмень*, вывозившійся на фламандскія пивоварни.

[2]) Въ этомъ можно наглядно убѣдиться на основаніи двухъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Генрихомъ VII въ 1490 году съ Даніей и Флоренціей. Ср. I. Craik, The history of british commerce. I. S. 203, 204.

XV вѣка. Въ XVI вѣкѣ онъ быстро развивается подъ вліяніемъ тѣхъ невѣроятныхъ барышей, которые ему доставались на долю, въ силу чего не только увеличивалось скопленіе капитала въ однѣхъ рукахъ, но и призывались капиталисты изъ городовъ.

Этотъ ростъ барышей надо приписать главнымъ образомъ крайнему паденію цѣны на золото и серебро, явившемуся слѣдствіемъ массоваго ввоза драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки въ Европу, преимущественно въ Испанію; практиковавшаяся государями поддѣлка монеты, вѣроятно, также способствовала этому обезцѣниванію [1]).

Въ виду потери цѣны благородными металлами, цѣны на продукты сельскаго хозяйства въ XVI вѣкѣ поднялись въ $2^1/_2$—3 раза. Между тѣмъ часто, въ продолженіе долгаго времени, земельная рента нисколько не повышалась, такъ какъ аренда заключалась на долгій срокъ, во всякомъ случаѣ она не росла въ той мѣрѣ, какъ увеличивалась цѣнность сельскихъ продуктовъ; такимъ образомъ, если не номинально, то фактически рента падала и вотъ на этомъ-то и наживался арендаторъ. Не только число арендаторовъ увеличилось и выросли ихъ капиталы, но и крупные помѣщики стремились расширить свои владѣнія, чтобы хоть такимъ образомъ покрыть свои убытки.

Слѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій явилась быстрая пролетаризація (обезземеленіе) крестьянъ. Къ этому присоединилось еще уничтоженіе феодальныхъ дворовыхъ, о которомъ мы можемъ здѣсь не распространяться, такъ какъ мы говорили о нихъ еще въ первой главѣ нашей книги и при томъ въ Англіи они не отличались никакими спеціальными особенностями. Дворовые являлись постоянной обузой для рабочаго класса: тамъ, гдѣ они еще сохранились, они ложились бременемъ на крѣпостного крестьянина, обязаннаго кормить ихъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были уволены, они становились въ ряды безработныхъ и увеличивали такимъ образомъ число пролетаріата.

XIV и XV столѣтія явились золотымъ вѣкомъ для англійскаго крестьянина и наемнаго рабочаго (ср. стр. 18). Къ концу этой эпохи и тотъ и другой внезапно и неожиданно впали въ глубокую нищету.

---

[1]) Роджерсъ (Six Centuries etc., стр. 345) приписываетъ этой поддѣлкѣ монетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ большое значеніе.

Число остававшихся безъ работы сдѣлалось невѣроятно большимъ. Самыя ужасныя казни, конечно, не были въ состояніи ни уменьшить ихъ числа, ни удержать ихъ отъ преступленій: кто рѣшился на преступленіе, для того смерть была вѣроятна, для воздерживавшагося отъ него она была неминуема—онъ помиралъ съ голода.

Немного лучше было положеніе безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, образовавшихъ къ тому времени уже многочисленный классъ. То, чего парламентскіе законы въ продолженіе двухъ столѣтій добились только отчасти, было достигнуто въ XVI вѣкѣ безъ всякаго труда, благодаря одной лишь гнетущей массѣ запасной арміи безработныхъ. Заработная плата уменьшилась, рабочее время увеличилось. Цѣны на съѣстные припасы возросли на 300%, заработная плата всего лишь на 150%. Во времена Мора началось то непрерывное паденіе англійскаго городского и сельскаго рабочаго, положеніе котораго достигло глубочайшаго упадка въ послѣдней четверти XVIII и первой четверти XIX вѣка; затѣмъ оно стало постепенно улучшаться, благодаря прочной организаціи рабочихъ и уступкамъ, которыхъ они добивались у господствующихъ классовъ. Однако, англійскій рабочій никогда уже не могъ добиться такого благопріятнаго положенія, въ которомъ находились его предки въ XIV и XV вѣкѣ. При капиталистическомъ способѣ производства благосостояніе ихъ никогда не могло подняться выше опредѣленной нормы.

Заработная плата понижалась на ряду съ земельной рентой, прибыль увеличивалась и вмѣстѣ съ нею возросталъ капитализмъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда капитализмъ забираетъ въ лапы сначала промышленность, а потомъ только земледѣліе, тогда послѣдствія его кажутся сначала даже благодѣтельными. Ему приходится удовлетворять постоянному расширенію рынковъ и производительности, между тѣмъ какъ число рабочихъ рукъ прибываетъ лишь очень постепенно. Подобнаго рода промышленности постоянно приходится жаловаться на недостатокъ рабочихъ рукъ. Капиталисту удавалось переманивать подмастерьевъ и батраковъ у крестьянъ и ремесленниковъ, и потому заработная плата возрастала.

Такимъ образомъ капитализмъ развивался во многихъ странахъ и былъ встрѣчаемъ въ нихъ благословеніями. Иначе обстояло дѣло въ Англіи, гдѣ онъ набросился прежде всего на сельское хозяйство и революціонировалъ его, чтобы распространить его самую крайнюю

форму—именно пастбищное скотоводство. На ряду съ этимъ усовершенствовались методы обработки и соотвѣтственно этому уменьшалось число необходимыхъ рабочихъ. Да и вообще капитализмъ въ земледѣліи постоянно выражается въ непосредственномъ освобожденіи рабочихъ отъ земли. Въ Англіи это освобожденіе приняло самыя рѣзкія формы и къ тому же совершилось въ такое время, когда промышленность была еще слабо развита и занимала весьма мало рабочихъ рукъ; неопытные сельскіе батраки для нея даже совершенно не годились и вотъ рука объ руку съ освобожденіемъ сельскаго рабочаго отъ его прежняго занятія,—земледѣлія, совершалась быстрая концентрація земли въ немногихъ рукахъ.

Поэтому нигдѣ въ Европѣ тяжелыя послѣдствія капиталистическаго способа производства не бросились такъ ярко въ глаза, какъ именно въ Англіи; вотъ почему въ этой-то странѣ и раздался первый крикъ о помощи.

Само собой понятно, что подобнаго рода экономическое положеніе обратило на себя вниманіе человѣка съ характеромъ Мора и заставило его изыскивать средства измѣнить такое невыносимое положеніе дѣлъ. Да и не одинъ только Моръ изыскивалъ и предлагалъ такія средства. Изъ многочисленныхъ сочиненій того времени, а также изъ парламентскихъ актовъ можно усмотрѣть, какое глубокое впечатлѣніе производила эта экономическая революція и какъ осуждали тогда повсемѣстно гнусный образъ дѣйствій лэндлордовъ и ихъ арендаторовъ.

Однако, никто изъ этихъ реформаторовъ не имѣлъ такого широкаго кругозора, какъ именно Томасъ Моръ; никто изъ нихъ не пришелъ къ тому выводу, что бремя новаго способа производства можетъ кончиться только съ переходомъ къ другому, высшему способу производства, никто, однимъ словомъ, изъ нихъ, кромѣ Мора, не былъ соціалистомъ.

Теоретическій соціализмъ, какъ мы сказали, могъ развиться только на почвѣ гуманизма. Будучи гуманистомъ, Моръ научился методически думать и обобщать—онъ могъ выйти изъ рамокъ своего времени и своего отечества, онъ познакомился съ сочиненіями классической древности и узналъ изъ нихъ объ устройствѣ общества, совершенно отличномъ отъ того, въ которомъ жилъ самъ. Платоновскій идеалъ аристократически-коммунистической республики заста-

вилъ его начертать себѣ планъ общественныхъ соотношеній, которыя, въ отличіе отъ современныхъ, исключали какую бы то ни было нищету. Авторитетъ Платона придалъ ему смѣлости считать такого рода устройство общества болѣе, чѣмъ праздной фантазіей—онъ заставилъ его рекомендовать его людямъ, какъ конечную цѣль ихъ стремленій.

Въ этомъ отношеніи гуманизмъ благопріятствовалъ Мору. Однако, положеніе науки въ Англіи напоминало тогда то, что было и въ Германіи: и въ Англіи тоже гуманизмъ являлся экзотическимъ, заморскимъ растеніемъ, не пускавшимъ корней въ народную жизнь; онъ ограничился кругомъ академиковъ и, если бы Моръ былъ только гуманистомъ, то до соціализма онъ бы, навѣрное, не доработался. Однако, мы знаемъ, что, къ великому огорченію Эразма и другихъ его друзей-гуманистовъ, отецъ Мора вскорѣ оторвалъ его отъ научныхъ занятій—сначала его посадили на скамью юридической коллегіи, а затѣмъ *вытолкнули прямо на практическую жизнь*. Мы знаемъ, что сношенія Мора съ торговымъ міромъ Лондона были самыя тѣсныя: онъ былъ его довѣреннымъ лицомъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ его отправляли для защиты интересовъ торговаго сословія. Большинство должностей, занимаемыхъ Моромъ, заставляли его интересоваться экономическими вопросами; а разъ ему поручили такія должности, то значитъ считали его свѣдущимъ въ вопросахъ народнаго хозяйства.

Мы знаемъ, что Моръ былъ извѣстнымъ адвокатомъ, популярность котораго доставила ему въ 1509 году мѣсто помощника шерифа; въ этой должности онъ имѣлъ довольно случаевъ выработать въ себѣ правильный взглядъ на экономическую жизнь народа. Мы упоминали уже о томъ, что Мора нерѣдко отправляли посломъ для заключенія торговыхъ договоровъ. Въ первый разъ такое назначеніе выпало ему на долю въ 1515 году. Его прикомандировали къ посольству, отправлявшемуся въ Брюгге. Въ томъ самомъ году его назначили комиссаромъ (commissioner of sewers); въ этомъ назначеніи можно видѣть признаніе за нимъ практической смѣтки, какъ говоритъ Сибомъ («Oxford Reformes», 2 Aufl. Стр. 337). Во второй разъ посольство въ 1517 году отправилось въ Кале, чтобы уладить недоразумѣніе, возникшее между французскими и англійскими купцами. Въ 1520 г. мы его видимъ посломъ въ Брюгге, улаживающимъ раз-

молвки между англійскими и ганзейскими торговцами. Затѣмъ онъ становится канцлеромъ казначейства, въ 1523 году спикеромъ нижней палаты, т. е. мы видимъ его на должностяхъ, требующихъ твердаго знанія финансовой науки; вслѣдъ затѣмъ его назначаютъ канцлеромъ герцогства Ланкестерскаго, управляющимъ королевскими удѣлами: положительно, если кому было легко изучить экономическую жизнь своего времени, то именно Мору, и въ дѣйствительности онъ изучилъ ее, стоя на самой современной точкѣ зрѣнія, на точкѣ зрѣнія англійскаго купца, передъ которымъ тогда открывалась міровая торговля. На эту связь Мора съ торговымъ капиталомъ, по нашему мнѣнію, надо обратить особенное вниманіе, ей-то мы и приписываемъ образъ мыслей Мора, благодаря ей онъ сталъ соціалистомъ въ современномъ значеніи этого слова.

Вышеприведенными разсужденіями намъ, повидимому, удалось выяснить главнѣйшія основы моровскаго соціализма; перечислимъ ихъ: его любезный нравъ, соотвѣтствовавшій патріархальному коммунизму, экономическое положеніе Англіи, особенно рѣзко выдвигавшее тяжелыя послѣдствія капитализма для рабочаго класса,— наконецъ, счастливое сочетаніе знанія классической философіи съ дѣятельностью на поприщѣ народнаго хозяйства. Всѣ эти обстоятельства должны были вызвать у такого смѣлаго, правдиваго ума, каковъ былъ моровскій, такой идеалъ, въ которомъ мы не можемъ не признать зачатковъ современнаго соціализма.

2. *Экономическая критика «Утопіи».*

Моръ не установилъ никакихъ экономическихъ теорій; для этого еще не наступило время. Однако, въ своей «Утопіи» онъ ясно показалъ, какъ представлялись ему экономическія условія своего времени и какъ отчетливо выяснилась ему великая истина, что человѣкъ является продуктомъ окружающихъ его матеріальныхъ соотношеній и что извѣстный классъ общества можетъ быть поднятъ только путемъ соотвѣтствующаго измѣненія экономическихъ соотношеній; критическая часть «Утопіи» еще и въ настоящее время вовсе не утратила прелести новизны.

Намъ трудно было бы лучше охарактеризовать экономическую дальновидность Мора, его смѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ веселый нравъ, чѣмъ самъ онъ дѣлаетъ это въ своемъ сочиненіи.

Мы приведемъ мѣсто изъ первой книги «Утопіи», которая представляетъ живую картину экономическаго положенія Англіи. Мы выбираемъ тотъ эпизодъ изъ сцены у кардинала Мортона, о которой уже упоминали въ 3 главѣ перваго отдѣла (см. стр. 127), когда передавали нѣкоторыя фразы, характерныя для отношенія Мора къ *церковнымъ* вопросамъ.

Въ этой сценѣ Рафаилъ Гитлодей разсказываетъ, что случилось съ нимъ, когда онъ въ Англіи попалъ къ кардиналу Мортону (стр. 41 перевода Генкеля).

«Однажды я обѣдалъ у этого прелата. Случай свелъ меня тамъ съ мірянином, который, однако, пользовался репутаціей знатока законовъ вашей страны.

«Не знаю, съ какой цѣлью, но этотъ человѣкъ сталъ восхвалять строгія мѣры правосудія противъ воровъ. Съ большимъ чувствомъ удовлетворенія разсказывалъ онъ, какъ то здѣсь, то тамъ вѣшаютъ ихъ по два десятка на *одну и ту же* висѣлицу. «И все-таки,—прибавляетъ онъ,—какое возмутительное явленіе! Изо всѣхъ этихъ негодяевъ развѣ двое-трое избѣгаютъ петли, а между тѣмъ Англія поставляетъ все новыхъ со всѣхъ сторонъ».

«Чувствуя себя въ домѣ кардинала своимъ человѣкомъ, я возразилъ:

— «Не удивляйтесь этому. Смертная казнь настолько же несправедливое, какъ и безполезное наказаніе. Оно слишкомъ жестоко для того, чтобы *карать* за воровство, и слишкомъ слабо, чтобы *уничтожать* его. Обыкновенное воровство не заслуживаетъ висѣлицы, и даже самое страшное наказаніе не удержитъ отъ кражи того, кому не представляется другого средства избѣжать голодной смерти. Въ этомъ случаѣ правосудіе Англіи и многихъ другихъ странъ напоминаетъ плохого учителя, который охотнѣе бьетъ ученика, чѣмъ учитъ его. Воровъ подвергаютъ самымъ ужаснымъ пыткамъ. Не лучше ли было бы обезпечить всѣмъ членамъ общества возможность существованія, чтобы никто не былъ поставленъ въ необходимость сначала красть, а потомъ быть лишеннымъ жизни?»

— «Общество объ этомъ позаботилось, возразилъ правовѣдъ. — Развѣ у насъ нѣтъ промышленности и земледѣлія, предоставляющихъ народу много средствъ къ пропитанію; однако, существуютъ твари, предпочитающія преступленіе работѣ».

— «Вотъ это-то я и хотѣлъ слышать!—возразилъ я.—Я вовсе не хочу говорить про тѣхъ, кто возвращается домой послѣ внѣшнихъ или внутреннихъ войнъ, покрытый ранами, хотя я имѣлъ бы на это достаточно основаній... Вѣдь сколько солдатъ сдѣлалось калѣками въ сраженіи при Корнуэльсѣ [1]) или въ походѣ противъ Франціи, сражаясь за короля и отечество! Эти несчастные стали слишкомъ слабыми, чтобы продолжать свое ремесло, и слишкомъ старыми, чтобы выучиться новому. Но оставимъ этотъ вопросъ—мы не всегда живемъ въ военное время. Обратимъ вниманіе на то, что ежедневно происходитъ вокругъ насъ.

«Самая существенная причина общественной бѣдности заключается въ неизмѣримомъ количествѣ «благородныхъ», которые, подобно праднымъ трутнямъ, питаются работой и потомъ своихъ крестьянъ (colonis), предоставляя имъ обрабатывать свои поля и высасывая изъ арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы; другого способа они не знаютъ. Но если дѣло коснется собственнаго удовольствія, тогда они становятся расточительными до безумія, хотя бы это довело ихъ до нищенской сумы. Не менѣе достойно сожалѣнія и то еще, что они тянутъ за собою цѣлыя толпы праздныхъ слугъ (stiparum), которые не знаютъ ничего, что могло бы обезпечить ихъ существованіе. Если кто изъ челяди заболѣваетъ, или же господинъ ихъ умираетъ, имъ даютъ отставку, потому что всякій скорѣе предпочтетъ содержать лѣнтяя, чѣмъ больного; а наслѣдникъ подчасъ не въ состояніи бываетъ поддерживать весь штатъ прислуги. И вотъ этимъ-то людямъ и приходится погибать, если у нихъ не хватаетъ духа украсть. Въ самомъ дѣлѣ, что имъ остается дѣлать? Пока они отыскиваютъ пристанище, у нихъ изнашиваются и платье и здоровье; и вотъ, когда они приходятъ съ блѣднымъ отъ болѣзни лицомъ, въ рубищѣ, одна мысль принять такихъ людей къ себѣ на службу заставляетъ прійти въ ужасъ.

---

[1]) Въ 1497 г. жители Корнуэльса возстали противъ Генриха VII и пошли походомъ на Лондонъ, однако, потерпѣли пораженіе въ битвѣ при Блэкхетѣ.

Даже крестьяне не могутъ на это рѣшиться: они отлично знаютъ, какъ мало подходитъ лопата и тачка человѣку, съ дѣтства проводившему жизнь въ праздности и удовольствіяхъ, привыкшему только къ мечу и щиту и презирающему все вокругъ себя, да и весь міръ заодно. Такой человѣкъ врядъ ли станетъ усерднымъ помощникомъ бѣднаго крестьянина за скудную пищу и скромный заработокъ».

— «Вотъ именно, возразилъ мой противникъ, этотъ-то классъ и долженъ служить предметомъ особаго попеченія и заботъ государства: въ нихъ найдешь больше храбраго сердца [1]) и умственнаго развитія, чѣмъ у ремесленника и земледѣльца. Они и выше, и сильнѣе, и разъ только находятся въ войскахъ, то отъ нихъ можно ожидать наибольшаго успѣха.

— Другими словами, отвѣтилъ я, чтобы обезпечить оружіемъ успѣхъ и славу, надо увеличивать число воровъ? Вѣдь именно для воровъ-то лучшей школой и являются эти праздношатающіеся. И если разсматривать дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, то негодяи не всегда бываютъ самыми послѣдними солдатами, и солдаты самыми трусливыми негодяями; между этими двумя профессіями не мало сходства... Къ сожалѣнію, не только Англія страдаетъ отъ этой общественной язвы, — она присуща всѣмъ націямъ. Еще гораздо болѣе опасная болѣзнь подтачиваетъ внутреннюю жизнь Франціи: каждая пядь земли сплошь усѣяна тамъ войсками, которыя распредѣляются и оплачиваются государствомъ... И это происходитъ въ мирное время, если можно такъ назвать промежутокъ, когда война лишь переводитъ духъ. Эту печальную систему оправдываютъ той же самой причиной, по которой тебѣ кажется необходимымъ содержать міріады праздной прислуги. Нѣкоторые трусливые и темные (morosophi) политики держатся того мнѣнія, что безопасность государства

---

[1]) Въ англійскомъ переводѣ вмѣсто «сердца» поставлено «желудка», состоянію котораго реалистичный англичанинъ охотно приписываетъ проявленія души и темперамента. Подобно тому, какъ здѣсь говорится о «stowter stomackes» и нѣсколько ниже о «bolde stomackes», такъ и въ англійскомъ переводѣ 101 псалма, стихъ 5 значится «whoso hath a proud look and high stomach» — лютеровскій переводъ этого мѣста гласитъ: «гордыя тѣлодвиженія и отважный духъ».

Въ русской псалтири см. это мѣсто въ псалмѣ 100-мъ, стихъ 5: «гордаго очами и надменнаго сердцемъ не потерплю». *Прим. перев.*

требуетъ постояннаго присутствія многочисленной, сильно вооруженной арміи ветерановъ. Новобранцамъ они не рѣшаются довѣрять... Можно думать, что они только для того и затѣваютъ войну, чтобы дать солдатамъ случай упражняться или, какъ говоритъ Саллюстій, посредствомъ этой ужасной человѣческой бойни будить отъ сна сердце и руку. Франція на своей собственной шкурѣ узнаетъ опасность прокармливанія подобнаго рода плотоядныхъ животныхъ. Пусть бы она обратила свои взоры на римлянъ, карѳагенянъ, сирійцевъ и другіе народы древняго міра. Что получилось отъ огромныхъ и всегда готовыхъ къ бою ордъ? Опустошеніе своей же родины, разрушенные города и гибель государства. Да, если бы Франціи послужило на пользу хоть то обстоятельство, что она впитываетъ въ своихъ солдатъ дисциплину вмѣстѣ съ молокомъ матери; но французскіе ветераны имѣли дѣло съ англійскими новобранцами, и не знаю, могли ли они похвастаться частыми успѣхами. Но этотъ вопросъ я обойду молчаніемъ, иначе можетъ показаться, что я намѣренъ льстить своимъ слушателямъ. Однако, вернемся къ воинственнымъ слугамъ. По твоимъ словамъ, они храбрѣе и толковѣе, чѣмъ ремесленники и крестьяне. Я съ своей стороны не думаю, чтобы слуга могъ нагнать на людей много страха, исключая, конечно, тѣхъ, чья тѣлесная слабость дѣйствуетъ и на душевное ихъ состояніе и чья энергія надломлена нищетой. Слуги, говоришь ты далѣе, самые крупные и сильные изъ простонародья. Но вѣдь согласись, жалко видѣть, какъ красивые и сильные люди (а вѣдь благородные господа тщательно выбираютъ жертвы своихъ испорченныхъ нравовъ) утопаютъ въ праздности и изнѣживаются отъ бабьихъ занятій. Между тѣмъ, они бы могли быть трудолюбивыми и полезными членами общества, стоило бы только указать имъ честный трудъ и пріучить ихъ жить плодами рукъ своихъ. Съ какой стороны ни подойдешь къ этому вопросу, но такое безчисленное множество людей кажется мнѣ безполезнымъ, даже въ случаѣ войны, а вѣдь войны всегда можно избѣжать. Въ мирное время они становятся для страны настоящимъ бичомъ, а между тѣмъ миръ заслуживаетъ того, чтобы имъ занимались по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ войной. Однако, сословія господъ и слугъ не являются единственными причинами воровства, отъ котораго вы страдаете. Есть еще одна чисто мѣстная причина, свойственная исключительно вашему острову.

— «А въ чемъ заключается она?—спросилъ кардиналъ.

— «Въ безчисленномъ количествѣ овечьихъ стадъ, которыя теперь покрываютъ всю Англію. Эти повсюду смирныя и нетребовательныя животныя у васъ оказываются до того жестокими и прожорливыми, что бросаются на людей и прогоняютъ ихъ съ земли, съ насиженныхъ мѣстъ, домовъ и деревень... Дѣйствительно, ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ собирается нѣжная и драгоцѣнная овечья шерсть, спѣшатъ благородные богачи и даже достопочтенные аббаты, чтобы оттягать себѣ участки земли. Ни привилегіи, ни доходы съ помѣстій, ничто не удовлетворяетъ этихъ жалкихъ людей, имъ мало того, что они проводятъ жизнь свою въ праздности и удовольствіяхъ, въ тягость обществу и безъ пользы государству. На протяженіи многихъ миль въ окружности они лишаютъ почву всякой обработки и превращаютъ ее въ пастбища, они сравниваютъ съ землею дома и цѣлыя деревни, оставляя только церкви — да и то съ тѣмъ, чтобы устраивать въ нихъ хлѣва для барановъ; самыя населенныя и прекрасно обработанныя земли превращаются, благодаря имъ, въ пустыни. Безъ сомнѣнія, они опасаются, что будетъ слишкомъ много садовъ и лѣсу, и такимъ образомъ звѣри останутся безъ пастбищъ.

«И вотъ такой жадный владѣлецъ окружаетъ стѣной [1]) пространство въ нѣсколько тысячъ акровъ (jugum) земли; честныхъ крестьянъ выгоняютъ изъ домовъ: однихъ обманомъ, другихъ силою въ лучшемъ случаѣ длиннымъ рядомъ притѣсненій и судебныхъ волокитъ, такъ что въ концѣ концовъ они принуждены бываютъ продать свою собственность. И вотъ эти-то семейства, болѣе богатыя численностью, чѣмъ средствами (такъ какъ земледѣліе требуетъ многихъ рукъ), кочуютъ по полямъ и дорогамъ: мужчины, женщины вдовы и сироты, отцы и матери съ малыми ребятами. Съ плачемъ покидаютъ эти несчастные ту кровлю, подъ которой они родились землю, которая ихъ кормила, и не знаютъ, гдѣ искать себѣ пристанища. За безцѣнокъ сбываютъ они затѣмъ скарбъ, какой только могли захватить съ собой, всѣ вещи, имѣющія сами по себѣ малую цѣнность. Да и то еще ладно! Вѣдь покупатель и это могъ отнять у нихъ. Когда и такой слабый источникъ исчерпывается, что, конечно, не заставляетъ себя долго ждать, что же имъ остается дальше

[1]) Это мѣсто приведено въ I томѣ «Капитала» Маркса.

Воровство, а вслѣдъ затѣмъ висѣлица. Можетъ быть, имъ было бы лучше влачить свою горькую судьбу въ качествѣ нищихъ. Но тогда вѣдь никто не задумался бы бросить ихъ въ тюрьму, какъ бродягъ и бездомныхъ людей. А въ чемъ же состоитъ ихъ преступленіе? Да только въ томъ, что они не могутъ найти себѣ никакой работы, которой они только и добиваются изо всѣхъ своихъ силъ! Да и кто бы могъ дать имъ эту работу? Они вѣдь только и умѣютъ, что обрабатывать поля; значитъ тамъ, гдѣ больше не думаютъ о посѣвѣ и урожаяхъ, дѣла для нихъ нѣтъ. Одного пастуха теперь достаточно, чтобы пасти стадо на такомъ пространствѣ, которое прежде требовало обработки сотнею рукъ.

«Какой же получается результатъ? Повсемѣстное сильное вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ. Но это еще далеко не все. Послѣ увеличенія пастбищъ повальныя болѣзни вродѣ чумы уничтожили безчисленное количество овецъ. Право, можно подумать, что само небо караетъ посредствомъ этого страшнаго мора ненасытную жадность хозяевъ, хотя въ такомъ случаѣ было бы справедливѣе обратить эту болѣзнь на нихъ самихъ. Самая цѣна шерсти такъ возросла, что бѣдняки, производившіе изъ нея въ прежнее время сукно, теперь уже не въ состояніи ее покупать. И вотъ новая причина большого количества праздныхъ людей. Нельзя отрицать, что число овецъ растетъ съ каждымъ днемъ въ значительномъ количествѣ, однако, несмотря на это, цѣна на нихъ нисколько не понизилась, такъ какъ, хотя торговля шерстью официально и не составляетъ монополіи, фактически же, однако, находится въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ скупщиковъ [1]), которые могутъ выжидать и продаютъ ее только съ большими выгодами для себя.

«Другіе виды домашняго скота точно также вздорожали и по этой и по другой еще болѣе вѣской причинѣ. Дѣло въ томъ, что разведеніе этихъ животныхъ еще болѣе сократилось вслѣдствіе уменьшенія числа фермъ и упадка земледѣлія. О крупномъ скотѣ владѣльцы заботятся гораздо менѣе, нежели объ овцахъ. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ они за безцѣнокъ покупаютъ тощихъ животныхъ, откармливаютъ ихъ на своихъ лугахъ, затѣмъ продаютъ по

---

[1]) Въ подлинникѣ «олигополія» въ противоположность «монополіи»; ὀλίγος—по-гречески немногій, πολέω=я продаю, μόνος—единственный.

высокимъ цѣнамъ. Я боюсь, что Англія еще не поняла всѣхъ послѣдствій этихъ печальныхъ злоупотребленій. До сихъ поръ скотоводы производили вздорожаніе продуктовъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ селились сами; если же они будутъ скупать и уводить скотъ изъ другихъ мѣстъ, не давая ему времени размножаться, то число его будетъ постепенно уменьшаться, и страну постигнетъ въ концѣ концовъ полное разореніе.

«Такимъ образомъ горсть недостойныхъ обратитъ въ источники страданія то, что должно было бы составлять богатство вашего острова. Общій кризисъ заставляетъ каждаго сокращать свои расходы и число своихъ слугъ. А что же станутъ дѣлать лишившіеся мѣста? Они должны или просить милостыню, или красть, если у нихъ хватитъ на это смѣлости.

«Къ этимъ причинамъ бѣдствій присоединяется еще и роскошь съ ея безразсудными тратами. Слуги, работники, крестьяне — всѣ слои общества проявляютъ необычайное мотовство; это выражается какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ. Приходится ли мнѣ говорить о мѣстахъ распутства, о притонахъ пьянства и разврата, гдѣ процвѣтаютъ карты, кости, мячъ, дискъ и прочія игры, которыя поглощаютъ деньги своихъ жрецовъ и прямо заставляютъ ихъ во избѣжаніе гибели пускаться на воровство.

«Исцѣлите ваше отечество отъ этихъ болѣзней; заставьте закономъ вашихъ могущественныхъ разрушителей снова выстроить деревни и фермы, ими разоренныя, или по крайней мѣрѣ уступить землю такимъ людямъ, которые захотятъ возстановить развалины. Обуздайте корыстолюбивый эгоизмъ богача; отнимите у него возможность накоплять богатства и присваивать себѣ доходы. Изгоните праздность. Дайте земледѣлію широкое поле дѣятельности, создайте фабрики для обработки шерсти и другихъ отраслей промышленности, чтобы дать полезное занятіе той массѣ людей, несчастная судьба которыхъ дѣлаетъ изъ нихъ бродягъ и воровъ, или, что то же самое, лакеевъ. Пока вы не положите предѣла означенному злу, не хвастайтесь передо мною своимъ хваленымъ правосудіемъ: это было бы вздорнымъ и глупымъ тщеславіемъ. Вы предаете толпы дѣтей пагубному вліянію лживаго и безнравственнаго воспитанія; соблазны заставляютъ на вашихъ глазахъ увядать эти молодыя растенія, которыя могли бы стать расцвѣтомъ добродѣтели; а когда эти не-

счастные взрослыми совершаютъ преступленія, зародышъ которыхъ коренился въ нихъ съ дѣтства, то вы наказываете ихъ смертью. Вы создали воровъ для того, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ ихъ повѣшенія».

Заставивъ устами своего героя Рафаила Гитлодея обрушиться съ рѣзкою критикой на экономическія неурядицы своего времени, Моръ переходитъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, какая же система наказанія можетъ лучше всего достигнуть цѣли. Въ противоположность отвратительнымъ кровавымъ законамъ своего времени онъ предлагаетъ наказывать за воровство не висѣлицей, даже не заключеніемъ, а *принудительною работою*. Это кротость, неслыханная въ его время.

Затѣмъ слѣдуетъ критика политическаго состоянія страны, значительную часть которой мы уже привели въ послѣдней главѣ второго отдѣла.

Какъ же помочь всему этому горю и несчастію? Рафаилъ продолжаетъ (стр. 74):

«Теперь, дорогой Моръ, я хочу раскрыть передъ тобою всѣ тайники своей души и сообщить тебѣ свои сокровеннѣйшія мысли. Вездѣ, гдѣ существуетъ право собственности, гдѣ все измѣряется на деньги, о справедливости и общественномъ благополучіи не можетъ быть и рѣчи: можешь ли ты допустить, что самыя драгоцѣнныя сокровища находятся въ рукахъ недостойныхъ, и можно ли назвать вполнѣ счастливымъ такое государство, гдѣ общественное достояніе служитъ добычей въ рукахъ горсти людей, ненасытныхъ въ наслажденіяхъ, между тѣмъ какъ масса гибнетъ отъ нищеты?

«И вотъ, когда я сравниваю утопическія учрежденія съ другими странами, то не могу достаточно надивиться мудрости и человѣчности однихъ и неразумію и варварству другихъ. Въ Утопіи число законовъ не велико; правительство распространяетъ свое благое вліяніе на всѣ классы общества. Заслуга тамъ вознаграждается, и вмѣстѣ съ тѣмъ общественное имущество распредѣляется такимъ образомъ, что каждый пользуется всѣми удобствами жизни. Во всѣхъ странахъ принципъ «мое и твое» поддерживается организаціей, механизмъ которой настолько же сложенъ, какъ и ошибоченъ. Мы насчитываемъ уже тысячи законовъ, хотя число ихъ все еще слиш-

комъ мало для того, чтобы каждый человѣкъ могъ добыть собственность, сохранить ее за собою и оградить отъ собственности другого лица. Примѣромъ могутъ служить сотни судебныхъ дѣлъ, которыя появляются съ каждымъ годомъ и никогда не заканчиваются. Когда я предаюсь этимъ размышленіямъ, я всегда принужденъ бываю отдать полную справедливость Платону и нисколько не удивляюсь, что онъ не хотѣлъ писать законовъ для такихъ народовъ, которые отвергали общность имущества. Этотъ великій умъ ясно предвидѣлъ, что единственное средство обосновать общественное счастье заключается въ примѣненіи принципа равенства. Однако, я полагаю, что равенство немыслимо въ государствѣ, гдѣ имущество остается принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ; при этомъ каждый старается, всякими правдами и неправдами, присвоить себѣ столько, сколько можетъ, и общественное богатство рано или поздно попадаетъ въ руки нѣсколькихъ единицъ, между тѣмъ какъ прочимъ достается на долю нищета и бѣдность. Часто жребій богатаго долженъ былъ бы выпадать на долю бѣднаго. Развѣ нѣтъ скупыхъ, безнравственныхъ, ни къ чему не годныхъ богачей? Развѣ мало скромныхъ, непритязательныхъ бѣдняковъ, дѣятельность и усердіе которыхъ приносить пользу государству, не давая имъ взамѣнъ этого ничего?

«Вотъ это-то и убѣждаетъ меня самымъ неоспоримымъ образомъ, что единственное средство раздѣлить имущество равномѣрно и справедливо и положить начало всеобщему благополучію заключается въ томъ, чтобы уничтожить право собственности. Пока она будетъ служить фундаментомъ общественной постройки, самымъ многочисленнымъ и производительнымъ классамъ остается на долю только бѣдность, горе и отчаяніе. Я знаю, что существуютъ средства *смягчить* это зло; но *прекратить* его совсѣмъ они не въ состояніи. Напримѣръ: установить максимумъ денегъ и земли, которыя могутъ составлять полную собственность. Обезпечить себя посредствомъ суровыхъ законовъ отъ деспотизма и анархіи. Клеймить и наказывать честолюбіе и интригу какъ короля, такъ и народа. Не продавать правительственныхъ мѣстъ. Отмѣнить официальное представительство высшихъ должностныхъ лицъ: тогда чиновникъ не будетъ прибѣгать къ обману и вымогательству, чтобы достать средства, необходимыя для его положенія, и не надо уже будетъ давать высшія должности богатымъ, а можно будетъ ставить на нихъ наиболѣе

способныхъ. Эти мѣры, повторяю я, превосходно соотвѣтствуютъ тому, чтобы смягчить боль и исцѣлить раны общественнаго организма; но не надѣйтесь вернуть ему силы и здоровье до тѣхъ поръ, пока каждый будетъ только и исключительно владѣть своимъ достояніемъ. Вы удалите одну язву, а всѣ другія разомъ начнутъ болѣть еще сильнѣе; вы излѣчите больного и умертвите совершенно здороваго, ибо то, что будете отнимать у одного, вы станете отдавать другому.

«На это я (т. е. Моръ, не дѣйствительный, который говоритъ устами Гитлодея, я тотъ Моръ—какимъ выставляетъ себя авторъ читателямъ «Утопіи») отвѣтилъ Рафаилу:

— «Я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять твои убѣжденія, напротивъ, я держусь того мнѣнія, что страна, гдѣ будетъ заведена общность имущества, будетъ несчастнѣйшею въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она не будетъ испытывать самой крайней нужды? Каждый будетъ уклоняться отъ труда и переносить заботы о своемъ пропитаніи на голову другихъ. Допустимъ даже, что нужда будетъ подгонять лѣнтяя, но вѣдь такъ какъ законъ ни за кѣмъ не признаетъ права исключительнаго пользованія, то ропоту и недовольству не будетъ конца, и убійство за убійствомъ будетъ обагрять вашу республику. Какія узы наложите вы на анархію? Власти вѣдь пользуются у васъ авторитетомъ только по имени; они лишены того, что внушаетъ страхъ и уваженіе. Мнѣ вообще кажется, что никакая власть немыслима въ такой странѣ равныхъ людей которые отрицаютъ какое бы то ни было превосходство надъ собой».

«Твои взгляды не удивляютъ меня, отвѣтилъ Рафаилъ, ты совершенно не можешь себѣ составить представленія о подобной республикѣ или дѣлаешь это далеко несовершенно. Если бы ты былъ въ Утопіи, если бы ты видѣлъ, подобно мнѣ, учрежденія этой страны (а вѣдь я провелъ въ ней пять лѣтъ и едва могъ рѣшиться оставить ее для того, чтобы обратить взоры стараго міра на этотъ новый), ты призналъ бы, что нигдѣ нѣтъ болѣе совершенно организованнаго общества».

Послѣднее восклицаніе даетъ автору поводъ перейти къ описанію идеальнаго общеизвѣстнаго устройства, какимъ оно представляется Мору.

3. Экономическія тенденціи англійской реформаціи.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за нашимъ коммунистомъ въ его Утопію, намъ придется разобраться въ вопросѣ, безъ рѣшенія котораго все наше теперешнее изслѣдованіе оказалось бы неполнымъ: *Какимъ образомъ могъ Моръ чувствовать, съ одной стороны, отвращеніе ко всякому вымогательству, а съ другой— защищать католицизмъ, высасывавшій деньги изъ населенія при посредствѣ папы и монастырей?*

Отвѣтъ не труденъ: во времена Мора въ Англіи католицизмъ выжималъ изъ народа сравнительно мало; гораздо рѣзче выступала другая его сторона—онъ *препятствовалъ пролетаризаціи* народныхъ массъ и вотъ именно, какъ противникъ этой пролетаризаціи, Моръ долженъ былъ выступить защитникомъ католицизма, помимо даже высказанныхъ уже нами *политическихъ и гуманистическихъ* мотивовъ, которые также заставляли его заступаться за римскую церковь.

Англія относится къ числу странъ, которыя прежде и сильнѣе всего испытывали на себѣ бремя папскаго вымогательства. Однако, уже въ XIV вѣкѣ, зависимость Англіи отъ папства, какъ мы уже говорили въ IV главѣ второго отдѣла, начала постепенно ослабѣвать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно уменьшилась эксплоатація Англіи римскимъ престоломъ. Денежная лента вполнѣ зависѣла отъ благорасположенія короля. Только тогда папы могли надѣяться что-нибудь выудить изъ Англіи, если дѣлились добычею съ королями. «Святой отецъ» и «защитникъ истинной вѣры» торговались другъ съ другомъ, какъ польскіе евреи изъ-за права на участіе въ пошлинѣ, налагавшейся папами на человѣческую глупость. Когда вопросъ коснулся продажи индульгенцій, которая будто бы послужила поводомъ къ реформаціи, папа предложилъ Генриху VIII четверть полученныхъ отъ этой продажи денегъ, если послѣдній разрѣшитъ ее въ своемъ государствѣ. Однако, Генрихъ объявилъ, что менѣе нежели одной третью онъ удовлетвориться не можетъ. Индульгенціи явились такимъ образомъ источникомъ дохода для короля, новымъ видомъ податей, которыя папы за извѣстную плату взыскивали за нихъ съ народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимали на себя и всю ненависть этого народа. Въ Англіи папы сдѣлались королевскими сборщиками податей.

Да и не одна свѣтская власть, и духовная тоже сумѣла сдѣлаться почти совершенно независимой отъ папства и нерѣдко отказывала Риму въ уплатѣ церковныхъ податей, когда послѣднія не нравились ему или же королевской власти. То самое духовное сословіе, которое платило Генриху VIII шесть десятыхъ своихъ доходовъ въ 1515 году (за годъ до появленія «Утопіи»), отказало папѣ въ уплатѣ всего лишь *одной десятой* (десятины). И даже тогда, когда послѣдній выражалъ готовность примириться на половинѣ, ему и въ этомъ было отказано.

Такимъ образомъ въ Англіи освобожденіе отъ папства не являлось, подобно тому, какъ мы это видѣли въ Германіи, единственнымъ средствомъ, положившимъ конецъ высасыванію народныхъ соковъ ненасытнымъ Римомъ. Отношеніе Мора къ нѣмецкой реформаціи намъ нужно, стало быть, оцѣнивать *не съ нѣмецкой, а съ англійской* точки зрѣнія. Моръ заранѣе предвидѣлъ, что реформація не останется на чисто нѣмецкой почвѣ и, дѣйствительно, лютеранство вскорѣ стало замѣтно въ Англіи. Однако англійскіе лютеране не столько проповѣдывали въ своихъ летучихъ листкахъ *отдѣленіе отъ папства*, сколько *конфискацію монастырей и богоугодныхъ учрежденій*. Эта-то конфискація впослѣдствіи стала самымъ могущественнымъ экономическимъ мотивомъ генриховской церковной реформаціи. Генриха привели къ реформаціи двѣ причины. Одна *политическая:* его пораженіе въ борьбѣ съ Испаніей изъ-за папы, а другая *экономическая:* все возраставшая *нужда въ деньгахъ*, заставившая его потянуться за церковными имѣніями, когда стало уже опаснымъ и даже невозможнымъ увеличивать бремя налоговъ. Окружающіе всячески поощряли его къ рѣшительному шагу, помѣщики и перекупщики съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда церковныя земли будутъ предоставлены «свободной конкуренціи», вѣрнѣе грабежу.

Земельная собственность церкви была въ Англіи очень значительна. Цѣлый рядъ указаній говоритъ въ пользу того, что въ Англіи, подобно Германіи и Франціи (ср. первый отдѣлъ, стр. 45) *одна треть* всей земли принадлежала церкви [1]).

---

[1]) Самую высокую оцѣнку церковнаго имущества мы встрѣтили у Уэда (Wade, History of the middle and working classes. London. 1835 стр. 38. Уэдъ,

На этой колоссальной площади старый способъ производства сохранился дольше, чѣмъ въ прочихъ помѣстьяхъ Англіи. Феодализмъ являлся той экономической основой, на которой зиждились власть и могущество монастырей. Они цѣплялись за него до тѣхъ поръ, пока это было возможно. Конечно, при этомъ монастырямъ приходилось дѣлать уступки возникающему способу производства, но они дѣлали эти уступки неохотно. Въ этихъ прочныхъ корпораціяхъ гораздо лучше охранялись традиціи феодализма, чѣмъ въ новоиспеченномъ дворянствѣ, явившемся на мѣсто прежняго, поглощеннаго войнами алой и бѣлой розы. Въ то время, какъ молодое дворянство очертя голову бросилось въ капиталистическое теченіе своего времени и считало барышъ высшей цѣлью своего существованія, монастыри продолжали искать источника своего могущества не только *въ землѣ*, но и *въ людяхъ*. Они продолжали, какъ и въ прежніе вѣка, сами обрабатывать часть своего надѣла многочисленными полукрѣпостными рабочими. Они старались привязать себѣ людей хорошимъ обращеніемъ и если не могли окончательно помѣшать превращенію ихъ въ арендаторовъ, то, все-таки, старались прикрѣпить ихъ къ себѣ большими сроками договоровъ. Поэтому-то монастыри мало способствовали пролетаризаціи сельскаго обывателя, и ихъ надѣлы были густо заселены крестьянами.

Легко себѣ представить, что должно было произойти, когда всѣ эти земли разомъ достались въ удѣлъ капиталистическому способу производства. Не только многочисленные обитатели монастырей стали пролетаріями, но также и большинство ихъ арендаторовъ и фермеровъ. Число безработныхъ пролетаріевъ должно было разомъ сильно возрасти. При томъ вмѣстѣ съ монастырями пала также громадная средневѣковая организація благотворительности; въ первомъ отдѣлѣ нашей книги мы уже разобрали эту сторону дѣятельности католической церкви (см. стр. 45). Англія въ этомъ отношеніи не представляла никакихъ особенностей и потому мы не будемъ дольше останавливаться на этомъ вопросѣ. Довольно того, что

Исторія средняго класса и рабочихъ), который полагаетъ, что церковное имущество Англіи составляло 0,7 всей свободной земли. Къ сожалѣнію, мы не находимъ достаточныхъ основаній для принятія такой чудовищной оцѣнки. Мы не знаемъ, откуда Уэдъ выкопалъ свои данныя. Можетъ быть, они являются результатомъ недоразумѣнія.

уничтоженіе монастырей было равносильно увеличенію числа бѣдныхъ и устраненію ихъ послѣдней поддержки.

Моръ видѣлъ, что въ Германіи первые шаги реформаціи привели къ присвоенію церковныхъ земель князьями и дворянами; онъ замѣчалъ, что и въ Англіи лютеране требовали беззастѣнчивой конфискаціи церковнаго имущества: именно, будучи *противникомъ* подобнаго грабежа, онъ, въ виду своеобразнаго экономическаго положенія Англіи, выступилъ *противъ реформаціи*.

Однако, лютеране не ограничивались требованіемъ церковныхъ земель. Они старались овладѣть также и *гильдейскимъ* (цеховымъ) имуществомъ, которое состояло въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, училищахъ, больницахъ и богадѣльняхъ для поддержанія цеховыхъ ремесленниковъ, для выдачи приданаго, пособія вдовамъ и сиротамъ и т. д. Легко понять, какъ сильно эти учрежденія должны были мѣшать пролетаризаціи ремесленниковъ. Они носили, соотвѣтственно духу времени, отчасти церковный характеръ; обыкновенно они возникали на средства, отпускаемыя на заупокойныя обѣдни, на поддержаніе часовенъ и т. д. Вотъ къ этимъ-то завѣщаніямъ католическаго характера и придирались лютеране, желавшіе поживиться насчетъ гильдейскихъ денегъ и въ то же время прикрывавшіеся религіозной стороной дѣла. Они требовали конфискаціи во имя уничтоженія суевѣрныхъ обычаевъ, съ которыми были связаны названные капиталы. Въ виду того, что защитники конфискаціи церковнаго и гильдейскаго имущества болѣе напирали на религіозную, нежели на экономическую сторону дѣла, и противники ихъ также должны были становиться на эту точку зрѣнія. И Моръ въ своемъ опроверженіи и защитѣ церковныхъ земель и богоугодныхъ заведеній прибѣгаетъ къ признанію необходимости заупокойныхъ обѣденъ (въ своей Supplication of souls, 1529. Срв. стр. 144).

Борьба за церковное имущество особенно обострилась лишь тогда, когда самый энергичный и способный защитникъ его палъ на эшафотѣ. Черезъ годъ послѣ казни Мора были конфискованы имущества небольшихъ монастырей, а въ 1540 году за ними послѣдовали также и крупные монастыри и аббатства. Такъ какъ эти конфискаціи, благодаря безпорядочному образу жизни Генриха VIII и безстыдному воровству его приближенныхъ, нисколько не поправили государ-

ственнаго казначейства и не устранили отчаянной поддѣлки монетъ, то правительство вынуждено было, наконецъ, приступить къ рискованному шагу уничтоженія гильдій и присвоенію ихъ капиталовъ.

Въ предпослѣднемъ году царствованія Генриха VIII соотвѣтствующій законъ дѣйствительно и былъ изданъ, однако, въ силу онъ вошелъ лишь при его сынѣ, Эдуардѣ VI. Да и то законодатель не осмѣлился приняться за могучія гильдіи *Лондона;* онѣ остались въ цѣлости [1]).

При Генрихѣ VIII реформація являлась самымъ нахальнымъ средствомъ къ эксплоатаціи народа и къ обогащенію нѣкоторыхъ приближенныхъ короля. Поэтому она и не пустила корней въ народѣ, а, напротивъ того, возбуждала къ себѣ отвращеніе, которое все болѣе и болѣе возростало, и вотъ, когда тѣ предположенія Мора, противъ которыхъ онъ боролся, сдѣлались совершившимся фактомъ, когда народъ почуялъ всю тяжесть совершавшагося грабежа, тогда лишь стали распространяться идеи, за которыя погибъ Моръ: народъ возсталъ противъ протестантской камарильи [2]) и посадилъ на престолъ католичку Марію, дочь Екатерины Испанской.

Такимъ образомъ, выступая противникомъ реформаціи, Моръ нисколько не пренебрегалъ интересами народныхъ массъ. Роковой для него сдѣлалась его прозорливость, благодаря которой онъ сумѣлъ предусмотрѣть послѣдствія реформаціи въ то время, какъ народъ лишь много позднѣе догадался о тяжелыхъ результатахъ новыхъ вѣяній. Моръ былъ принужденъ пожертвовать жизнью за такія истины, которымъ суждено было сдѣлаться достояніемъ народа лишь впослѣдствіи.

Реформація Генриха VIII не являлась борьбою съ вымогательствомъ, она не шла навстрѣчу потребностямъ народа. Только лишь при Маріи Кровавой, наслѣдовавшей Эдуарду VI, ясно опредѣлилась экономическая противоположность между католицизмомъ и англійскимъ народомъ, тогда лишь реформація абсолютизма получила экономическій смыслъ въ глазахъ народныхъ массъ, тогда лишь распро-

[1]) Ср. Thorold Rogers, Six Centuries; стр. 110, 346.

[2]) Камарильей въ Испаніи и итальянскихъ государствахъ назывался кружокъ лицъ, стоявшихъ близко къ правителю и управлявшихъ всѣми дѣлами страны.

Прим. переводчика.

странился тотъ протестантизмъ, благодаря покровительству котораго Елизавета сдѣлалась популярной. Англійская реформація завоевала себѣ симпатіи народа борьбою не *съ Римомъ*, а *съ Испаніей*. Мы уже знаемъ, что еще до реформаціи Генриха эксплоатація Англіи со стороны папы была сравнительно слаба. Потому-то папа въ Англіи и не возбуждалъ къ себѣ такой сильной ненависти, какъ въ Германіи. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Англія становилась торговой державой, интересы ея начинали сталкиваться съ интересами Испаніи, величайшей торговой державы XVI вѣка, которая царила надъ западной половиной Средиземнаго моря и стремилась къ единовластію на всѣхъ океанахъ. Почти повсемѣстно, куда старалась проникнуть англійская торговля, ей перегораживала дорогу и мѣшала проникнуть испанская. Въ постоянной борьбѣ съ Испаніей англійская торговля окрѣпла: даже въ мирное время она вела постоянно войну гверильясовъ, она окрѣпла при помощи систематическаго *морского разбоя*. Отъ береговъ Пиринейскаго полуострова и вплоть до Нѣмецкаго моря повсюду шатались англійскіе корсары, подкарауливавшіе испанскія суда, нагруженныя золотомъ или товарами, доставлявшія сокровища Индіи въ Лиссабонъ или Антверпенъ. Наряду съ торговлей невольниками, это корсарство было одной изъ причинъ процвѣтанія англійской торговли. Государство официально покровительствовало тому и другому. Елизавета сама снаряжала невольничьи корабли, суда ея флота принимали участіе въ грабежахъ, а торговцы невольниками и морскіе разбойники пользовались ея покровительствомъ; вспомнимъ, напримѣръ, объ извѣстномъ Францискѣ Дрэкѣ, совершившемъ кругосвѣтное путешествіе. Напрасно инквизиція, которой подчинялась полиція портовыхъ городовъ, старалась устрашить корсаровъ, сжигая тѣхъ изъ нихъ, которыхъ ей удавалось изловить. Англичане отвѣчали на это подобными же жестокостями. Наконецъ, у Филиппа II лопнуло терпѣніе, и онъ снарядилъ великую армаду, чтобы уничтожить гнѣздо морского разбоя; однако, какъ извѣстно, она погибла самымъ жалкимъ образомъ, что дало поводъ либеральнымъ историкамъ высказывать «свободолюбивыя идеи» противъ испанскаго фанатизма и въ пользу буржуазнаго пиратства.

Результатомъ постоянной борьбы изъ-за господства надъ моремъ явились безграничныя ненависть и злоба между двумя націями.

Въ XVI вѣкѣ испанецъ являлся въ глазахъ британца символомъ всякихъ мерзостей. Между тѣмъ, папа служилъ орудіемъ Испаніи. Быть католикомъ значило быть испанцемъ, т. е. кровнымъ врагомъ, а это было равносильно измѣнѣ отечеству, вѣрнѣе, скажемъ мы, его торговымъ интересамъ.

И вотъ на этихъ-то основахъ возникъ популярный протестантизмъ Елизаветы; реформація Генриха VIII, бывшая съ экономической точки зрѣнія простымъ грабежемъ замотавшагося короля и нѣкоторыхъ его также запутавшихся клевретовъ и жадныхъ проходимцевъ, стала теперь *національнымъ дѣломъ*.

Однако, реформація, вызванная абсолютизмомъ, не являлась въ Англіи единственнымъ реформаторскимъ движеніемъ. Еще задолго до нея возникла секта, боровшаяся не только съ церковной, но также съ королевской и вообще правительственной эксплоатаціей; она, слѣдовательно, была настолько же враждебна царственному протестантизму, какъ и самому католицизму. Эта секта гнѣздилась въ нижнихъ слояхъ народа, какъ разъ тѣхъ, за которые всегда стоялъ Моръ, именно среди крестьянъ, городскихъ мелкихъ ремесленниковъ и вообще пролетаріевъ. Мы говоримъ о *лоллардахъ*, о которыхъ была уже рѣчь выше (стр. 149); они держались ученія Виклефа до тѣхъ поръ, пока не открыли въ кальвинизмѣ ученія, соотвѣтствовавшаго ихъ вкусамъ, и не переродились въ *пуританъ*. Лолларды выработали своеобразный соціализмъ, сильно различавшійся отъ моровскаго. Послѣдній былъ насквозь пропитанъ феодальнымъ духомъ стариннаго католицизма на ряду съ жизнерадостнымъ направленіемъ нарождавшейся бодрой и ученой буржуазіи. Соціализмъ же лоллардовъ является выразителемъ угнетенныхъ классовъ, впадающихъ въ отчаяніе, которые находятся на послѣдней степени возможнаго человѣческаго существованія. Отъ него вѣетъ горемъ, мракомъ, аскетизмомъ и варварствомъ.

Если принять во вниманіе отвращеніе Мора ко всякому народному движенію, то нетрудно будетъ понять, что онъ не могъ дружить съ лоллардами.

Со своей же англійской точки зрѣнія онъ также осуждалъ и анабаптистовъ, казавшихся ему не то лютеранами, не то лоллардами. Онъ былъ о нихъ самаго невыгоднаго мнѣнія. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ къ Іоанну Кохлею: «Германія родитъ теперь больше

чудовищъ, чѣмъ дѣлаютъ это нѣдра Африки; что можетъ быть ужаснѣе анабаптистовъ, а между тѣмъ какъ сильно съ нѣкотораго времени стала распространяться эта зараза!»

Въ 1532 году, въ своемъ сочиненіи «Confutation of Tyndall's Answer» (ср. стр. 145) онъ пишетъ: «такимъ образомъ, вы можете видѣть, что Тиндоль не только защищаетъ самую отвратительную ересь, но присовокупляетъ къ ней еще заблужденія анабаптистовъ. Онъ увѣряетъ, что истинная церковь находится въ немъ самомъ, и что тотъ поступаетъ согласно святому писанію и слову Божію, кто считаетъ крещеніе дѣтей недѣйствительнымъ, кто не признаетъ никакихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, а также и собственности, такъ что вся земля, по слову Божію, будто должна принадлежать всѣмъ людямъ вмѣстѣ, а всѣ жены всѣмъ мужьямъ, какъ ближайшимъ родственникамъ, такъ и постороннимъ, такъ, чтобы каждый мужчина былъ мужемъ всѣхъ женщинъ и каждая женщина женой всѣхъ мужчинъ, и, наконецъ, что нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ просто человѣкъ, а вовсе не Богъ».

Проклятія по адресу коммунистовъ, изрекаемыя коммунистомъ Моромъ, могутъ показаться по меньшей мѣрѣ непослѣдовательностью, особенно его увѣренія, что коммунизмъ—отвратительная ересь. И тѣмъ не менѣе это вовсе не случайность, объясняющаяся извѣстнымъ личнымъ характеромъ, а вполнѣ соотвѣтствуетъ постоянному проявленію началъ соціализма. Между *Мюнцеромъ* [1]) и Моромъ въ зародышѣ уже замѣчается большая противоположность—тянущаяся черезъ всю исторію соціализма и получившая разрѣшеніе лишь съ выходомъ коммунистическаго манифеста въ 1848 г. Это противоположность между *утопизмомъ* и *рабочимъ движеніемъ*. Отношеніе между Моромъ и Мюнцеромъ приблизительно таково, какое существовало потомъ между *оуэнизмомъ* и *чартизмомъ* въ Англіи, между *фурьеризмомъ* и *рабочимъ движеніемъ* во Франціи.

---

[1]) Вожакъ крестьянской партіи во время междоусобной войны въ Германіи, явившейся результатомъ поднятія классоваго самосознанія среди обездоленнаго люда. Послѣ того, какъ въ 1517 году рушился авторитетъ папы, причемъ феодалы были вполнѣ солидарны съ народомъ, послѣдній быстро сообразилъ, что не одинъ только папа его угнетаетъ, и поднялся противъ дворянъ уже въ 1523 году. *Прим. перев.*

Какъ бы Моръ ни желалъ осуществленія своего идеала въ дѣйствительности, онъ, все-таки, опасался всякой попытки прекратить эксплоатацію движеніемъ *снизу*. Поэтому, съ его точки зрѣнія, коммунизмъ и не могъ развиться путемъ классовой борьбы на основаніи логики дѣйствительнаго положенія вещей, онъ долженъ былъ сложиться совсѣмъ готовымъ въ головѣ, прежде чѣмъ возможно было расположить въ свою пользу такого могущественнаго человѣка, который могъ бы навязать его человѣчеству сверху, въ видѣ благодѣтельной мѣры.

Это, конечно, была иллюзія. Однако, именно ей-то и обязано человѣчество своимъ высшимъ торжествомъ, ей мы обязаны первой попыткой изобразить способъ производства, являющагося противоположностью капитализма, однако, не отрицающаго всѣхъ завоеваній этого послѣдняго.

Капиталистическій строй и его цивилизація, несомнѣнно, были шагомъ впередъ сравнительно съ прежнимъ строемъ. Новый способъ производства, которымъ Моръ хочетъ замѣнить капиталистическій, имѣетъ именно ту цѣну, что онъ не ведетъ насъ къ реакціи, а впередъ, къ дальнѣйшей цивилизаціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изданія и переводы «Утопіи». Ея композиція.

Какъ соціалистъ, Моръ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Они просто не понимали его. Не слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, думать, что «Утопія» поэтому принадлежитъ къ числу сочиненій, которыя читаются и постигаются лишь послѣ смерти автора. Исчерпывающимъ образомъ ея значеніе могло быть понято только въ XIX вѣкѣ, когда тенденціи соціализма перестали быть голой мечтою и явились результатомъ очень реальной классовой борьбы. Однако, «Утопія» такъ сильно отвѣчала условіямъ своего времени, она пускала столь глубокіе корни во всѣ неустройства этой переходной эпохи и такъ отвѣчала назрѣвшимъ нуждамъ, что, далеко не будучи понятою въ

совершенствѣ, она все-таки инстинктивно была встрѣчена съ восторгомъ, какъ утѣшеніе въ несчастіи. Книга продавалась на расхватъ. Латинскія изданія быстро слѣдовали одно за другимъ. Первое изданіе «Утопіи» появилось въ Лувенѣ въ 1516 г. Уже въ 1518 г. потребовалось второе. Оно было выпущено въ Базелѣ извѣстнымъ печатникомъ Фробеномъ. Заглавіе ея не слишкомъ скромное. Въ тѣ времена лицемѣріе еще не было такъ велико, какъ нынче, и всякій самъ хвалилъ свою книжку, между тѣмъ какъ теперь это дѣлаютъ добрые друзья, выступающіе передъ публикою въ роли «объективныхъ критиковъ».

Заголовокъ гласитъ: «Поистинѣ золотая книжечка о лучшемъ состояніи общежитія и о новомъ островѣ Утопіи; книга не менѣе душеспасительная, сколько пріятная для чтенія, написанная славнымъ и краснорѣчивѣйшимъ Томасомъ Моромъ, гражданиномъ и помощникомъ шерифа (викомтомъ = vice comitis) извѣстнаго города Лондона» [1]).

Кромѣ этихъ двухъ изданій, мы нашли еще слѣдующія (латинскія): парижское 1520 г. [2]), лувенское 1548 г., кельнское 1555 г., ганноверское 1613 г., кельнское 1629 г., амстердамское 1631 г., оксфордское 1663 г., глэзговское 1750 г. [3]).

---

[1]) De optimo reipublicae statu, deque nova Insula Utopia libellus vere aureus, nec minus salutaris, quam festivus, clarissimi disserti ssimique Thomae Mori inclytae civitatis Londinensis civis et vicecomitis. Въ концѣ значится: Basileae apud Ioannem Frobenium Mense Novembri MDXVIII.

[2]) 1520 годъ принимается за *вѣроятный* годъ выхода этого изданія, напечатаннаго у Г. де Гурмонъ (G. de Gourmont) въ Парижѣ. Экземпляръ, найденный нами въ британскомъ музеѣ, начинается воззваніемъ къ читателю: «Ad lectorem. Habes candide lector opusculum illud vere aureum Thomae Mori etc»... т. е.: Къ читателю. Вотъ тебѣ, честнѣйшій читатель, поистинѣ золотая книжечка Т. Мора и т. д.

[3]) Кромѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій, русскій переводчикъ «Утопіи» А. Генкель пользовался еще базельскимъ полнымъ собраніемъ сочиненій Мора 1563 г., которое онъ нашелъ въ королевской публичной библіотекѣ Стокгольма. Въ новѣйшее время «Утопія» переиздана въ собраніи «Lateinische Litteraturdenkmäler des XV u. XVI Jahrhunderts, herausgegeben von Max Hermann. № 11. Berlin. 1895». Съ біографіей и комментаріями В. Михельса и Т. Цицлера. Приложены рисунокъ острова Утопіи, заглавная страница и азбука утопійцевъ. Цѣна $2^1/_2$ германскихъ марки, т. е. приблизит. 1 р. 60 к.

Прим. перев.

Уже по быстрому чередованію изданій можно составить себѣ понятіе о томъ успѣхѣ, которымъ пользовалась книга.

Однако, она вскорѣ перестала быть исключительнымъ достояніемъ публики, читающей по-латыни, и была переведена на всѣ языки образованнаго мира.

Первый англійскій переводъ, о которомъ мы слышали, относится къ 1551 г.; уже въ 1556 г. потребовалось второе его изданіе, въ 1597 г. вышло третье, а въ 1624 г.—четвертое. Переводъ сдѣланъ Рэфомъ Робинсономъ [1]) и представляетъ изъ себя поистинѣ прекрасную, добросовѣстную работу. Переводчикъ былъ еще такъ близокъ къ эпохѣ Мора и мѣсту его дѣятельности, что ему легко было такъ передать духъ подлинника, какъ это рѣдко удавалось кому-либо изъ позднѣйшихъ переводчиковъ. Очень хорошо, что изданіе это недавно было нѣсколько разъ переиздаваемо. Особенно пригоднымъ оказывается изданіе Pitt Press Series, которое теперь выпускается уже во второй разъ. Къ нему приложена также роперовская «Life of Sir Thom. More», а также полезныя указанія и словарь съ переводомъ выраженій, вышедшихъ нынче изъ употребленія.

Въ 1648 г. появился переводъ Г. Бернета (Burnet), выдержавшій безконечное число изданій.

Существуетъ рядъ современныхъ англійскихъ переводовъ «Утопіи», которые гораздо легче читать [2]), чѣмъ Робинсоновское, однако, насколько мы знаемъ ихъ, научное ихъ значеніе ничтожно.

Итальянскій переводъ появился уже въ 1548 г. въ Венеціи, *испанскій* въ 1636 г. въ Кордовѣ. Первый французскій переводъ былъ сдѣланъ въ 1550 г. Ж. Ле-Блономъ. За нимъ слѣдовало много другихъ (1643, 1650, 1715 [3]), 1730, 1789, 1842 и т. д.).

[1]) A fruteful pleasaunt and wittie worke of the beste state of a publique weale, and of the new yle, called Utopia: written in Latine by the right worthie and famous Syr Thomas More Knyght, and translated into Englishe by Rhaphe Robinson etc. Переводъ этого заглавія почти точно соотвѣтствуетъ тому, что приведено у насъ выше.

[2]) Всего доступнѣе переводъ Г. Морлея «Ideal commonwealthe», 23 томикъ серіи Morley's Universal library. Въ 1887 году появилось третье изданіе этого томика.

[3]) Этотъ переводъ имѣется въ библіотекѣ Новороссійскаго университета въ Одессѣ. *Прим. перев.*

Извлеченіе изъ «Утопіи» помѣщено въ Bibliothèque philosophique (9 томъ 1782 г.) Бриссо де Варвилля, того самаго Бриссо, который сказалъ, что собственность есть воровство (propriété c'est le vol) и игралъ выдающуюся роль во французской революціи.

Голландскій переводъ появился въ 1562 году въ Антверпенѣ [1]).

Однако, первымъ переводомъ «Утопіи» (второй книги) былъ *нѣмецкій*. Онъ появился за годъ до великой крестьянской войны и былъ сдѣланъ *Клавдіемъ Катіункулой*. Судьбѣ угодно было устроить такъ, чтобы печатникъ перваго соціалистическаго сочиненія, появившагося на нѣмецкомъ языкѣ, носилъ фамилію Бебеля [2]).

Другіе нѣмецкіе переводы были выпущены въ Лейпцигѣ въ 1612 и два во Франкфуртѣ въ 1704 и 1753 г.г. («Англійскаго канцлера Томаса Мора «Утопія» въ новомъ вольномъ переводѣ И. Б. К.». Дѣйствительно, очень вольный и наивный переводъ!). Назовемъ еще одинъ, самый молодой и самый доступный изъ всѣхъ, появившійся впервые въ 1846 г. въ Лейпцигѣ у Реклама и воспроизведенный теперь въ его Универсальной библіотекѣ. Правда, стоитъ переводъ всего 40 пфенниговъ (18 коп.), но и этихъ денегъ на него жалко. Конечно лучше прочесть «Утопію» въ этомъ пере-

---

[1]) De Utopie... nu erst overgeseit in need Duytsche. Thantwerpen. Утопія, впервые переведенная нынѣ на ниже-нѣмецкій языкъ.

[2]) Заголовокъ книги гласитъ: «О чудеснѣйшемъ островѣ Утопіи, вторая книга, впервые кратко описанная и изложенная на латинскомъ языкѣ знатнымъ ученѣйшимъ барономъ господиномъ Т. Моромъ, хранителемъ сокровищницы сіятельнѣйшаго, могущественнаго короля Англіи. Исполнена въ славномъ городѣ Базелѣ». Въ концѣ книги стоитъ: «напечатано въ Базелѣ Іоанномъ Бебелемъ. Въ MDXXIIII году, въ 16-ый день мѣсяца Враха. Предисловіе подписано Клавдіемъ Катіункулой изъ Метца. Посвящена книга «благородному, строгому, благочестивому, твердому, осторожному, почтенному Визенгерру Адельбергу Мейеру, бургомистру и совѣту славнаго города Базеля, милостивымъ и благожелательнымъ господамъ». Цѣль перевода выясняется такими словами: «и вотъ, разъ эта полиція (управленіе) острова Утопіи, какъ выше было выяснено, самая лучшая, древняя и крѣпчайшая сейчасъ и отнынѣ вовѣки, какую только мы, люди, знаемъ, то я и посвятилъ исторію этого острова благородному, строгому, почтенному Визенгерру, какъ истинному благожелателю настоящаго государственнаго устройства и полиціи, изъ благодарности. Я перевелъ ее съ латинскаго на нѣмецкій языкъ, которому выучился въ этомъ славномъ городѣ Базелѣ, за что ему этотъ трудъ и приподношу».

водѣ, чѣмъ не читать ее вовсе, такъ какъ несмотря на то, что переводчикъ, *г. Германъ Коте*, страшно исказилъ нашего Мора, однако, его величіе выступаетъ и въ этомъ отвратительномъ изложеніи.

Прежде всего Коте, повидимому, и не подозрѣвалъ, на какомъ языкѣ написана была «Утопія», такъ какъ несомнѣнно перевелъ ее съ французскаго [1]).

Указанное въ выноскѣ письмо очень характерно, ибо мы можемъ усмотрѣть изъ него, при какихъ обстоятельствахъ была написана «Утопія». Это не было твореніемъ ученаго, зарывшагося въ своемъ кабинетѣ, а человѣка жившаго и вращавшагося въ водоворотѣ общественной жизни.

Онъ хочетъ заставить читателя повѣрить, что въ «Утопіи» скрывается не плодъ собственнаго размышленія, а только записанъ разсказъ Рафаила Гитлодея. Такого рода фикція не представляла въ вѣкъ гуманизма чего-либо особеннаго. Уже греки и римляне дали тому примѣръ—такъ, напр., Платонъ вложилъ въ своихъ діалогахъ собственныя свои идеи въ уста Сократа. Заставлять говорить за себя другого было въ XVI вѣкѣ, впрочемъ, болѣе чѣмъ только подражаніемъ классическимъ формамъ—нерѣдко такимъ образомъ можно было спастись отъ самодурнаго деспотизма, такъ что къ этому пріему приходилось прибѣгать, какъ къ *мѣрѣ предосторожности.*

Объяснивъ намъ, стало быть, что онъ является лишь простымъ протоколистомъ того, что сдѣлано другимъ, онъ продолжаетъ (стр. 166):

«Тѣмъ не менѣе окончанію даже и этой маленькой работы мѣшали другія мои занятія и заботы. Судебныя дѣла каждый день отнимаютъ у меня массу времени: въ одномъ процессѣ мнѣ прихо-

---

[1]) Далѣе Каутскій показываетъ, что и французскій переводъ этотъ, видимо, сдѣланъ былъ не съ оригинала, а съ англійскаго, такъ что это изданіе представляетъ, по его мнѣнію, переводъ перевода, сдѣланнаго съ перевода. Въ переводѣ, кромѣ того, выпущенъ рядъ стихотвореній и писемъ, которыми сопровождается оригиналъ «Утопіи», напр., письмо автора къ издателю Эгидію въ Антверпенѣ (см. стр. 165 перевода А. Генкеля; наше мнѣніе [стр. 179] относительно этого перевода гораздо болѣе снисходительно, нежели это дѣлаетъ Каутскій).

дится самому говорить, въ другомъ выслушивать показанія и давать совѣтъ, въ третьихъ приходится высказать свой приговоръ. Затѣмъ являются разные люди, кто съ административными, кто съ частными дѣлами. И вотъ я, потративъ въ судѣ почти все свое время, остатокъ долженъ, все-таки, посвятить семьѣ. А мнѣ самому, т. е. моимъ литературнымъ занятіямъ, времени уже не остается. Вѣдь вернувшись домой, мнѣ приходится поболтать съ женой, балагурить съ дѣтьми, переговорить съ прислугою; все это я считаю своею обязанностью, которую приходится исполнять—если этого не дѣлать, то можно стать чужимъ въ своемъ собственномъ домѣ. Вѣдь человѣку нужно же стараться быть любезнымъ съ тѣми, кого природа, случайность или собственный выборъ сдѣлали спутниками твоей жизни; конечно, при этомъ ихъ не слѣдуетъ также и портить баловствомъ или становиться относительно своихъ слугъ въ положеніе подчиненнаго. За всѣми этими дѣлами проходятъ дни, мѣсяцы, годы. Когда же мнѣ писать? При томъ я не принялъ во вниманіе еще сонъ и ѣду, каковая у многихъ отнимаетъ времени лишь немного меньше, чѣмъ даже сонъ, а тотъ, въ свою очередь, крадетъ у человѣка полжизни. Потому мнѣ остается для себя лишь то время, которое я урываю у ѣды или сна».

Извинившись всѣми этими причинами и объяснивши ими замедленіе выхода въ свѣтъ «Утопіи», Моръ проситъ своего друга прочитать препровождаемую ему рукопись и добавить, что онъ, Моръ, могъ бы позабыть.

Такимъ образомъ письмо это очень ловко, уже въ предисловіи, знакомитъ читателя съ дѣйствующими лицами и заинтересовываетъ его тѣми, разговоръ которыхъ и составляетъ содержаніе «Утопіи».

Моръ является въ чей разсказчикомъ; онъ сообщаетъ, что былъ посланъ королемъ во Фландрію, чтобы вести переговоры съ послами Карла Кастильскаго (ср. II отдѣлъ, стр. 155). Переговоры затянулись и послы Карла отправились, наконецъ, въ Брюссель, чтобы запастись гамъ новыми инструкціями. Этимъ перерывомъ воспользовался Моръ и съѣздилъ въ Антверпенъ, гдѣ онъ много времени проводилъ въ обществѣ Петра Джайльса (Giles; по-латыни Aegidius), къ которому и обращено предисловіе. Однажды онъ встрѣтилъ его въ сопровожденіи чужестранца, похожаго наружностью на моряка. Это былъ Рафаилъ Гитлодей, португалецъ, котораго жажда при-

ключеній заставила присоединиться къ Америго Веспуччи въ его странствованіяхъ по Америкѣ. «А вѣдь описаніе его путешествій теперь напечатано и у каждаго въ рукахъ». Гитлодей совершилъ съ нимъ также и четвертое его путешествіе и упросилъ Америго, оставить его однимъ изъ 24 піонеровъ въ крѣпостцѣ [1]) въ Новомъ Свѣтѣ. Однако, Рафаилъ не остался тамъ. Онъ вошелъ въ дружбу съ туземцами и добрался, съ ихъ помощью, въ совершенно невѣдомыя доселѣ страны, среди которыхъ было много очень культурныхъ, съ прекрасными государственными учрежденіями, въ родѣ, напр., «Утопіи», гдѣ онъ провелъ пять лѣтъ. Онъ покинулъ ее, чтобы познакомить съ нею Европу, попалъ въ Индію, встрѣтилъ тамъ португальскіе корабли и вернулся съ ними на родину.

Моръ страшно заинтересовывается этимъ бывалымъ человѣкомъ и приглашаетъ его, вмѣстѣ съ Петромъ, къ себѣ. Разговоръ продолжается въ домѣ у Мора. Петръ Егидій очень удивляется, почему Рафаилъ, при своихъ глубокихъ познаніяхъ, не пойдетъ на службу къ какому-нибудь государю. Это даетъ тому поводъ къ критикѣ политическихъ и экономическихъ условій того времени, съ которою мы уже познакомились въ предыдущихъ главахъ, критикѣ, кончающейся хвалебнымъ гимномъ по адресу «Утопіи». Это даетъ ему случай перейти къ описанію этого острова.

Такая компановка сюжета удивительно удачна. «Утопія» была написана въ вѣкѣ открытій. Горизонты европейцевъ внезапно раздвинулись, новые сказочные міры открылись передъ ихъ взорами и фантазія ихъ возбуждалась не въ меньшей степени, чѣмъ и корыстолюбіе. Каждое описаніе вновь открытой страны находило массу читателей и ему всегда слѣпо вѣрили. Незадолго до «Утопіи» были опубликованы письма *Америго Веспуччи*, въ которыхъ онъ повѣствовалъ о своихъ открытіяхъ. Въ 1507 году появилось описаніе его первыхъ путешествій въ новооткрытую часть свѣта и (его quattuor navigationes) сдѣлали ее гораздо популярнѣе, чѣмъ она была во времена Колумба. Какую сенсацію вызвали сочиненія Америго, можно усмотрѣть хотя бы изъ того, что новый свѣтъ былъ названъ по его имени. Во время четвертаго своего путеше-

[1]) Эта и есть та крѣпостца (castellum), которую Коте, вслѣдъ за Бернетомъ (срв. стр. 230) передѣлалъ въ Новую Кастилію, родину Донъ-Кихота.

ствія (1503—1504) Америго оставилъ въ Бразиліи, подъ 18° южной широты, 24 человѣка, которые хотѣли тамъ поселиться [1]).

И вотъ Моръ выводитъ передъ читателемъ одного изъ этихъ 24 и заставляетъ его разсказывать о своихъ приключеніяхъ. Нельзя было, поистинѣ, выдумать болѣе дѣйствительнаго метода, чтобы обратить на «Утопію» всеобщее вниманіе.

Кромѣ того, Мору удалось такъ искусно сплести вымыселъ съ дѣйствительностью, что во многихъ кругахъ островъ «Утопія» сталъ разсматриваться какъ реально существующая страна, а вовсе не какъ недостижимый сонъ, какъ утопія. Съ разныхъ сторонъ къ папѣ поступали предложенія послать въ «Утопію» священниковъ, для того, чтобы «просвѣтить ее нашей святой вѣрою взамѣнъ за тѣ прекрасныя идеи о законодательствѣ, которыя мы узнали отъ нея». Что «Утопію» неоднократно принимали за реально существующую страну, это мы узнаемъ изъ письма Беата Ренана изъ Базеля къ Вилибальду Пиркгеймеру (1518 г.), извѣстному нюрнбергскому патрицію. Приводимъ большую выдержку изъ этого письма, такъ какъ оно чрезвычайно характерно—оно показываетъ намъ, какимъ уваженіемъ пользовался Моръ среди нѣмецкихъ и французскихъ гуманистовъ: какъ бы шутки (эпиграммы) Мора и ни показывали намъ его ума и образованія, тѣмъ не менѣе свою сильную способность къ критикѣ окружающихъ обстоятельствъ онъ лучше всего (cumulatissime) доказалъ въ «Утопіи». Мнѣ не приходится много говорить объ этомъ, такъ какъ Будей, столь основательный человѣкъ, несравненный мастеръ высшаго образованія и единственное въ своемъ родѣ украшеніе Франціи, достойно похвалилъ ее въ своемъ предисловіи. Это племя (утопійцы) обладаетъ законами, какихъ не найдешь ни у Платона, ни у Аристотеля, ни въ пандектахъ вашего Юстиніана. И если, быть можетъ, утопійцы не такіе сильные философы, какъ тѣ, зато они скорѣе похожи на христіанъ. Однако, послушай, ради Музъ, слѣдующую исторійку: когда недавно здѣсь въ обществѣ почтенныхъ мужей упомянули объ «Утопіи» и я похвалилъ ее, нѣкій сытый буржуй (quidam pinguis) объявилъ, что заслуга Мора не болѣе.

---

[1]) Sophus Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckunden. Стр. 335. С. Руге. Исторія эпохи открытій.

чѣмъ заслуга любого канцелярскаго писца, протоколирующаго въ судѣ показанія другихъ и сидящаго въ собраніи смирно, самъ не произнося своего мнѣнія. Вѣдь, все разсказано Гитлодеемъ, и Мору только оставалось записать слышанное. Вся его заслуга сводится, стало быть, къ превосходной передачѣ того, что онъ слышалъ. И, вѣдь, нашлись многіе, которые раздѣлили это мнѣніе [1]).

Извѣстно, что со временъ Мора буржуй сталъ много хитрѣе: въ XVI-мъ вѣкѣ онъ считалъ «Утопію» дѣйствительностью. Теперь онъ считаетъ дѣйствительность—именно общественное производство товаровъ—за утопію.

Очень часто, особенно въ профессорскихъ кругахъ, «Утопія» выставляется, какъ гуманистическая забава, какъ слегка подогрѣтое изданіе платоновскаго коммунизма. Однако, уже первая книга, введеніе и критическая часть, ясно показываютъ, насколько отличается «Утопія» отъ «Республики» Платона, сколь сильно она отвѣчаетъ современности. Поводъ, дающій Платону случай начать свое изслѣдованіе, представляетъ изъ себя простой разговоръ Сократа съ Тразимахомъ. Между тѣмъ, Моръ начинаетъ съ такого событія, которое служило важнымъ рычагомъ для уничтоженія феодальнаго строя, онъ пріурочиваетъ «Утопію» къ заморской экспедиціи. Платонъ приходитъ къ коммунизму, развивая *понятіе о справедливости*. Коммунизмъ Мора обосновывается, напротивъ того, *критикою существующихъ политическихъ и экономическихъ условій*.

Благодаря этому, Моръ становится на точку зрѣнія *современнаго* соціализма, въ значительной степени отличающагося отъ другихъ проявленій этого рода, которыя имѣли мѣсто въ древнемъ мірѣ. Да кромѣ своихъ исходныхъ началъ, коммунизмъ Мора въ *сильной степени разнится* отъ платоновскаго еще и своими требованіями и конечною цѣлью. Конечно, нѣкоторыя частности имъ обоимъ общи, но только лишь поверхностный наблюдатель можетъ попасться, благодаря имъ, въ просакъ. Сравнивать и отождествлять коммунизмъ Мора съ платоновскимъ было бы столь же неразумно, какъ считать однимъ предметомъ кирпичъ и розу потому только, что они краснаго цвѣта.

---

[1]) И нашъ Катіункула вѣритъ въ существованіе острова Утопіи и старается въ предисловіи разсѣять на этотъ счетъ всякія сомнѣнія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Способы производства въ Утопіи.

1. Изложеніе.

Во второй книгѣ «Утопіи» Рафаилъ Гитлодей знакомитъ слушателей съ учрежденіями и обычаями этого острова, которыя приводятъ его въ восторгъ. Послушаемъ сначала, что онъ разсказываетъ о *способѣ производства.* Ихъ семейныя, домашнія, политическія и проч. учрежденія находятся отъ этого въ полной зависимости и вытекаютъ изъ него (стр. 80).

«На островѣ Утопіи, говоритъ Рафаилъ, насчитывается 54 [1]) обширныхъ и прекрасныхъ города. Языкъ, обычаи, учрежденія и законы ихъ одни и тѣ же. Всѣ 54 города выстроены по одному и тому же плану; въ нихъ одни и тѣ же общественныя зданія, съ нѣкоторыми лишь приспособленіями къ чуждамъ каждой мѣстности.

«Самое большое разстояніе между городами 24 мили; наиболѣе близкіе отстоятъ другъ отъ друга на день пѣшеходнаго пути...

«Въ общемъ размѣръ полей каждаго города находится въ связи съ разстояніемъ между городами, т. е. не менѣе 20 миль во всѣ стороны. Жители его не стараются переступать отведенныхъ имъ границъ. Они считаютъ себя не *собственниками* земли, а скорѣе ея *арендаторами.*

«Среди воздѣлываемыхъ полей встрѣчаются удобные дома, въ которыхъ находятся всякаго рода земледѣльческія орудія. Дома эти служатъ помѣщеніемъ рабочихъ тѣхъ группъ, которыя городъ въ опредѣленные сроки посылаетъ на поля. Каждая земледѣльческая семья состоитъ по крайней мѣрѣ изъ сорока человѣкъ мужчинъ и женщинъ, и изъ двухъ приписанныхъ къ ней (ascripticі) рабовъ [2])

---

[1]) Въ передачѣ К. Каутскаго почему то 24. *Прим. перевод.*

[2]) Каутскій полагаетъ, что servus лучше переводить словомъ «батракъ», а не «рабъ». Онъ говоритъ, что Робинсонъ переводитъ его словомъ bondmen,

и управляется однимъ отцомъ и одной матерью семейства, людьми серьезными и разсудительными. Каждая группа въ тридцать семействъ управляется однимъ «филархомъ».

«Ежегодно въ городъ возвращается двадцать земледѣльцевъ, завершившихъ двухлѣтній срокъ своей земледѣльческой службы. Ихъ замѣщаютъ двадцать новыхъ, срокъ службы которыхъ и начинается съ этого времени. Новые пришельцы получаютъ наставленія отъ тѣхъ, кто уже проработалъ одинъ годъ, а на слѣдующій годъ наступаетъ и ихъ очередь руководить другими. Такимъ образомъ земледѣльцы не всѣ разомъ бываютъ неучами и новичками, и обществу не приходится бояться неопытности людей, обезпечивающихъ его продовольствіе. Эта ежегодная смѣна преслѣдуетъ еще и другую цѣль: благодаря ей, граждане не подвергаются слишкомъ долго тяжелой физической работѣ. Однако, часто случается, что нѣкоторымъ земледѣльческая жизнь приходится особенно по сердцу, и такимъ, само собой разумѣется, охотно разрѣшается проводить внѣ города и по нѣсколько лѣтъ.

«Землевладѣльцы обрабатываютъ поля, смотрятъ за скотомъ, заготовляютъ дрова и по сухому пути или моремъ отправляютъ свои

Katiyukula «eygen Lüte или eygen Knecht». Хотя мы въ своемъ переводѣ и оставили терминъ «рабъ», такъ какъ эти рабочіе, *несвободны*, но привели въ слѣдующемъ примѣчаніи (стр. 118, см. ниже) всѣ эти доводы, предоставляя читателю свободу въ выборѣ наиболѣе удачнаго термина для латинскаго servus:

«Это слово значитъ и рабъ и слуга. Читатель самъ увидитъ, къ какой категоріи умѣстнѣе будетъ отнести классъ людей, лишенныхъ свободы. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, что утопійскіе «рабы» принадлежали государству, а не частнымъ лицамъ, и по отношенію къ нимъ дѣйствовалъ строго опредѣленный, хотя съ нашей современной точки зрѣнія и несправедливый, законъ. Между тѣмъ въ рабствѣ именно ужасенъ произволъ рабовладѣльца. Утопійскіе рабы относятся къ рабамъ вообще такъ, напр., какъ государственные крестьяне относились къ крѣпостнымъ отдѣльныхъ помѣщиковъ. Замѣтимъ, въ видѣ исторической справки, что крѣпостные были освобождены во Франціи отчасти уже во время крестовыхъ походовъ. Въ Россіи рабы получили свободу въ 1861 г., въ Америкѣ лишь послѣ войны между сѣверными и южными штатами въ 1865 г., а въ свободолюбивомъ Трансваалѣ рабы освобождены лишь теперь, послѣ его завоеванія Англіей. (Нежеланіе буровъ дать неграмъ права гражданства послужило однимъ изъ поводовъ войны)». *Прим. перевод.*

припасы въ сосѣдніе города. Особенно оригиналенъ ихъ способъ разводить куръ въ громадномъ количествѣ: они пользуются для высиживанія цыплятъ не теплотой насѣдокъ, а подвергаютъ яйца извѣстной температурѣ.

«Количество пищевыхъ продуктовъ, необходимое для нуждъ каждаго города и его окрестностей, опредѣлено очень точно. Несмотря на это, жители значительно больше необходимаго разводятъ скота и обрабатываютъ поля. Избытокъ всего сохраняется на слѣдующій годъ или предоставляется сосѣдямъ.

«Что касается мебели, домашней утвари и другихъ предметовъ повседневнаго обихода, которыхъ за городомъ получить нельзя, то земледѣльцы берутъ ихъ съ собою изъ города. Для этого они обращаются къ городскому управленію, которое немедленно и безвозмездно даетъ имъ все необходимое. Каждый мѣсяцъ они собираются на общій праздникъ».

Познакомивъ насъ съ сельскою жизнью, Гитлодей разсказываетъ далѣе о городѣ (стр. 84):

«Улицы и площади очень удобны для передвиженія и хорошо защищены отъ вѣтровъ. Строенія города отличаются изяществомъ, удобствомъ и чистотой и тянутся сплошными рядами по обѣимъ сторонамъ улицъ, ширина которыхъ достигаетъ двадцати футовъ [1]).

«За домами находятся обширные сады. Каждый домъ сообщается одной дверью съ улицей, а другою съ садомъ. Двери эти открываются при малѣйшемъ нажатіи руки и даютъ доступъ первому встрѣчному. Въ этомъ случаѣ утопійцы исходятъ изъ принципа общности имущества. Чтобы предупредить даже малѣйшіе помыслы о частной и нераздѣльной собственности, они каждыя десять лѣтъ мѣняютъ дома по жребію.

«Жители городовъ съ любовью занимаются своими садами: они разводятъ виноградъ, плоды, цвѣты и всякаго рода растенія. При этомъ они обнаруживаютъ такой вкусъ и умѣнье, что я нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго урожая и вообще избытка, соединеннаго съ необычайной красотой. Но не одно только удовольствіе заставляетъ утопійцевъ ревностно заниматься садоводствомъ. Между различными частями города существуетъ вѣчное соревнованіе: онѣ наперерывъ

[1]) Во времена Мора это было идеаломъ!

стараются другъ передъ другомъ блеснуть своими садами. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе пріятное и полезное, чѣмъ садоводство»... (Далѣе пропускъ, см. стр. 88 перевода Генкеля).

«Есть одно занятіе, которымъ всѣ утопійцы, мужчины и женщины, занимаются сообща, и отъ котораго никто не смѣетъ отказываться: это—земледѣліе. Дѣти изучаютъ его теоретически въ школахъ и практически на окружающихъ городъ поляхъ, куда ихъ водятъ гулять. Тамъ они видятъ, какъ воздѣлываютъ землю; тамъ они и сами работаютъ и развиваютъ при этомъ свои физическія силы.

«Но, кромѣ земледѣлія, отъ котораго, какъ сказано, никто не имѣетъ права уклоняться, каждому утопійцу назначается еще какое-нибудь спеціальное ремесло. Одни ткутъ, другіе дѣлаются каменщиками и горшечниками, третьи обрабатываютъ металлы и дерево. О другихъ ремеслахъ не стоитъ и говорить.

«Платье у всѣхъ обитателей острова одного покроя. Этотъ покрой неизмѣнный, допускается только различіе мужчинъ отъ женщинъ, холостыхъ отъ женатыхъ. Платья соединяютъ въ себѣ изящество съ удобствомъ, предоставляя тѣлу полную свободу движеній. Каждая семья должна себѣ шить платье сама. Всѣ безъ исключенія, не только *мужчины*, но и *женщины*, обязаны изучить одно изъ вышеупомянутыхъ ремеслъ. Такъ какъ женщины слабѣе, то онѣ чаще всего обрабатываютъ ленъ и шерсть; мужчины же производятъ большею частью работы, требующія силы.

«Обыкновенно каждый пріучается къ ремеслу своихъ родителей, такъ какъ путемъ вліянія и примѣра у ребенка обыкновенно развивается къ этому дѣлу и вкусъ и умѣнье. Если же кто-нибудь изъ дѣтей почувствуетъ болѣе расположенія къ какому-либо другому ремеслу, то его принимаютъ въ ту семью, въ которой спеціально занимаются этимъ ремесломъ, причемъ не только отецъ ребенка, но и правительство заботится о томъ, чтобы ученикъ поступилъ на выучку въ честную и добродѣтельную семью.

«Если кто-нибудь, знающій одно ремесло, желаетъ изучить и другое, то онъ можетъ сдѣлать это на тѣхъ же основаніяхъ. Ему предоставляютъ право выбирать то, что его болѣе интересуетъ, или же городъ самъ назначаетъ его, сообразуясь съ общественными потребностями.

«Благороднѣйшая и почти исключительная дѣятельность сифогрантовъ (филарховъ) состоитъ въ постоянномъ наблюденіи, чтобы никто не предавался лѣни и чтобы всѣ дѣятельно трудились. Не слѣдуетъ, однако, думать, что утопійцы, подобно вьючному скоту, работаютъ съ ранняго утра до поздней ночи. Такая, одинаково вредная и для тѣла, и для души, жизнь была бы хуже рабства и пытки. А вѣдь и то, и другое повсюду достается въ удѣлъ рабочему люду, кромѣ утопійскаго. Утопійцы дѣлятъ день и ночь на 24 часа. Изъ нихъ шесть часовъ приходится на долю физическаго труда. Распредѣленіе времени слѣдующее: три часа работы до полудня, затѣмъ обѣдъ, два часа отдыха, три часа вечерней работы и, наконецъ, ужинъ. Когда у насъ полдень, по ихъ счету будетъ часъ. Въ 8 часовъ они ложатся спать и спятъ 8 часовъ. Время между работой, ѣдой и сномъ каждый проводитъ по своему усмотрѣнію...

«Я ожидаю отъ тебя возраженія и спѣшу предупредить его. Ты скажешь: шесть часовъ ежедневной работы недостаточно для удовлетворенія общественныхъ нуждъ; Утопія должна быть несчастной страной. А на самомъ-то дѣлѣ какъ разъ 6 рабочихъ часовъ съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни и даютъ даже значительный остатокъ съѣстныхъ припасовъ.

«Ты легко поймешь это, если вспомнишь, сколько у всѣхъ прочихъ націй праздныхъ людей... Прежде всего таковы почти всѣ женщины, составляющія половину населенія на земномъ шарѣ, а затѣмъ и мужчины въ тѣхъ странахъ, гдѣ всѣ работы падаютъ на долю женщинъ. Затѣмъ огромная масса священниковъ и разныхъ праздношатающихся церковныхъ служителей. Прибавимъ къ этому еще всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ (praediorum dominos), называемыхъ «дворянами» (generosos), и лордами (nobiles) присоединимъ къ нимъ еще цѣлыя полчища ихъ прислуги,—этихъ тунеядцевъ въ ливреяхъ; не забудемъ также и здоровыхъ нищихъ, скрывающихъ свою лѣнь подъ вымышленными недугами. Въ результатѣ тебѣ станетъ вполнѣ ясно, что число людей, доставляющихъ трудомъ своимъ средства къ пропитанію человѣческаго рода, оказывается гораздо ничтожнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Теперь вспомнимъ, какъ мало трудящихся людей занимается дѣйствительно нужнымъ и полезнымъ дѣломъ, что въ нашъ вѣкъ наживы денегъ, являющихся для всѣхъ божествомъ и всеобщимъ мѣриломъ, множество ненужныхъ и пустыхъ

искусствъ культивируется единственно въ угоду роскоши и разврата. Если бы вся эта масса рабочихъ рукъ была занята исключительно полезнымъ трудомъ, напримѣръ, ремеслами, и изготовляла бы даже въ избыткѣ все необходимое, то цѣны на эти издѣлія пали бы въ такой мѣрѣ, что рабочій не былъ бы въ состояніи жить на свой заработокъ. Допустимъ, что мы привлечемъ къ полезнымъ работамъ и тѣхъ, кто изготовляетъ теперь только предметы роскоши, и тѣхъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ, между тѣмъ, какъ каждый изъ нихъ потребляетъ заработокъ двухъ дѣйствительныхъ работниковъ; легко понять, что у этихъ людей будетъ болѣе времени, чѣмъ нужно для того, чтобы позаботиться о потребностяхъ, удобствахъ и даже удовольствіяхъ жизни. Подъ удовольствіями я понимаю, конечно, только тѣ, которыя вполнѣ естественны и нравственны.

«И вотъ все то, что я высказалъ сейчасъ въ видѣ предположенія, осуществлено на дѣлѣ въ Утопіи. Тамъ, во всемъ городѣ и его окрестностяхъ, изо всѣхъ мужчинъ и женщинъ, одаренныхъ для работы достаточными силами, едва ли найдется человѣкъ пятьсотъ, освобожденныхъ по закону отъ работы. Къ числу такихъ принадлежатъ сифогранты, и тѣмъ не менѣе эти начальствующія лица работаютъ подобно прочимъ гражданамъ, чтобы заразить ихъ своимъ примѣромъ. Это преимущество относится также къ тѣмъ юношамъ, которые по выбору народа и священниковъ, послѣ тайнаго голосованія, получаютъ отъ народа черезъ сифогрантовъ свободу для служенія наукамъ и искусствамъ. Коль скоро одинъ избранникъ не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, его возвращаютъ въ классъ рабочихъ. Когда же наоборотъ,—и это наблюдается гораздо чаще,—работнику удается, путемъ занятій въ часы досуга, пріобрѣсть себѣ основательное образованіе, онъ освобождается отъ физическаго труда и переводится въ классъ ученыхъ. Изъ числа ученыхъ выбираютъ пословъ и высшихъ должностныхъ лицъ.

«Остальное населеніе непрерывно трудится надъ ремеслами и въ короткое время изготовляетъ значительную массу превосходно исполненныхъ издѣлій.

«Еще болѣе способствуетъ уменьшенію работы то обстоятельство, что издѣлія прямо идутъ по назначенію, сохраняясь въ полномъ порядкѣ. Поэтому въ Утопіи гораздо меньше дѣла, чѣмъ у насъ. Въ другихъ мѣстахъ постройка и ремонтъ зданій требуетъ постоян-

ной работы. Причина этому понятна. Отецъ построилъ что-нибудь съ большими издержками и завѣщаетъ свое достояніе небрежному и расточительному сыну. При немъ все приходитъ въ упадокъ, такъ что наслѣдники его безъ громадныхъ затратъ уже не могутъ поддерживать всего въ порядкѣ. Иногда случается также, что наслѣднику не нравится отцовскій домъ и онъ съ большими затратами воздвигаетъ новое зданіе, между тѣмъ какъ старое обращается въ развалины. Въ Утопіи все это такъ хорошо предусмотрѣно и организовано, что тамъ крайне рѣдко приходится застраивать новый участокъ. Легкія поврежденія исправляются тотчасъ же, а до крупныхъ дѣло никогда не доходитъ. Такимъ образомъ всѣ постройки сохраняются при ничтожнѣйшей затратѣ средствъ и труда. Обыкновенно рабочіе заготовляютъ у себя дома матеріалы, стругаютъ лѣсъ и отесываютъ камни. Когда ихъ призываютъ куда-нибудь на постройку, то матеріалы у нихъ уже готовы, и дѣло налаживается очень быстро.

«Теперь я вамъ сообщу, какъ мало стоитъ утопійцамъ ихъ одежда. Для работы они одѣваются въ шкуры или кожи. Такое платье держится цѣлыхъ семь лѣтъ. Выходя на улицу, они накидываютъ сверху сюртукъ или плащъ, скрывающій грубый рабочій костюмъ. Цвѣтъ этого плаща, конечно, у всѣхъ жителей одинъ и тотъ же—это цвѣтъ шерсти. Такимъ образомъ они изнашиваютъ сукна гораздо меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Такъ какъ приготовленіе полотна требуетъ небольшого труда, то его идетъ много. Въ полотнѣ они цѣнятъ бѣлизну и чистоту, не обращая вниманія на нѣжность ткани. Обыкновенно одного платья хватаетъ на 2 года, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ требуется 4—5 шерстяныхъ платьевъ да столько же шелковыхъ; настоящіе же щеголи должны имѣть не менѣе десяти. Утопійцамъ вовсе нѣтъ расчета держать у себя такой большой гардеробъ, такъ какъ отъ холода онъ лучше тоже не защитилъ бы ихъ.

«Такимъ образомъ въ Утопіи всѣ заняты дѣйствительно полезными искусствами и ремеслами. Дневной физическій трудъ тамъ недологъ, но тѣмъ не менѣе его достаточно для общаго довольства и даже избытка. Когда этотъ избытокъ увеличивается, дневныя работы отмѣняются, и вся масса населенія начинаетъ заниматься исправленіемъ дорогъ. При полномъ же отсутствіи обычныхъ и

чрезвычайныхъ работъ сокращается число рабочихъ часовъ, «такъ какъ правительство нисколько не желаетъ утруждать гражданъ безполезными работами» [1]).

Вотъ что говорится о ремеслахъ и земледѣліи въ Утопіи. Оба эти занятія могутъ до извѣстной степени увлечь человѣка, если не доходить въ нихъ до переутомленія. Работа ремесленника и земледѣльца неоднообразна, не дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ, а, напротивъ, богата разнообразіемъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ личныя отношенія къ издѣлію рукъ своихъ; они могутъ служить ему

---

[1]) Интересно сопоставить сокращеніе рабочихъ часовъ въ коммунистической общинѣ *Мора* съ тѣмъ, что говоритъ по этому поводу *Марксъ*. Оказывается, что ходъ мыслей у обоихъ одинаковый. Въ «Капиталѣ» мы читаемъ «устраненіе капиталистическаго способа производства позволитъ сократить рабочій день до того, чтобы могла быть *исполнена необходимая* работа... чѣмъ сильнѣе возрастаетъ продуктивность труда, тѣмъ болѣе можетъ быть сокращенъ рабочій день, а чѣмъ короче будетъ онъ, тѣмъ выше можетъ быть интенсивность работы. Подходя къ вопросу съ общественной точки зрѣнія, мы должны будемъ признать, что продуктивность работы возрастаетъ по мѣрѣ экономіи въ ея расходованіи. Эта экономія заключается не только въ сохраненіи средствъ производства, но и въ томъ, что при этомъ нѣтъ мѣста никакой безполезной работѣ. Въ то время, какъ капиталистическій способъ производства въ каждой отрасли требуетъ экономіи, его анархическая система конкуренціи имѣетъ послѣдствіемъ безграничное мотовство общественныхъ средствъ производства и рабочихъ силъ; а между тѣмъ, на ряду съ этимъ, возникаетъ необходимость исполнять рядъ безполезныхъ по сути своей функцій, безъ которыхъ, однако, въ настоящее время, нельзя обойтись.

«Если бы работа шла интенсивно и продуктивно, тогда часть рабочаго дня, необходимо нужнаго для производства, настолько сохранилась бы, что для умственнаго и общественнаго участія каждой личности оставалось бы достаточно времени; и этотъ досугъ былъ бы тѣмъ больше, чѣмъ равномѣрнѣе распредѣлялась бы работа между *всѣми работоспособными членами общества*, чѣмъ меньше одинъ классъ общества въ состояніи спихнуть съ себя эту необходимую по своей природѣ работу и навалить ее на другой классъ. Абсолютный предѣлъ сокращенія рабочаго дня наступитъ стало быть тогда, когда работа будетъ *обязательна для всѣхъ*. Въ капиталистическомъ обществѣ вырабатывается досугъ для одного класса путемъ превращенія всего времени рабочаго сословія въ рабочее время». (Капиталъ, I, 3-е изданіе стр. 541. Это мѣсто дословно приведено въ моемъ «изложеніи экономическихъ ученій Карла Маркса». Второй томъ Интернаціональной библіотеки стр. 189, 190; K. Kautsky, «Karl Marx, Oekonomische Lehren).»

источникомъ удовлетворенія и радости. Конечно, мы при этомъ не имѣемъ въ виду ремесленниковъ и земледѣльцевъ *капиталистическаго общества*, которыя въ сущности представляютъ изъ себя лишь замаскированныхъ поденщиковъ, служащихъ тому, чтобы вырабатывать капиталисту прибавочную цѣнность.

Моръ имѣлъ, конечно, право предполагать, что земледѣліе и ремесла могутъ настолько заинтересовать человѣка, что не нужно особаго *принужденія къ работѣ*. Но какъ же поступить съ непріятными, противными работами? Чтобы заставить своихъ утопійцевъ исполнять ихъ, онъ прибѣгаетъ къ *религіи*, которая въ его время представлялась еще большею силою (стр. 152).

«Въ числѣ ихъ (утопійцевъ) находится классъ гражданъ, которые пренебрегаютъ науками ради религіи. Они отрицаютъ всякаго рода изслѣдованія и отказываются отъ какого бы то ни было рода удовольствій. Эти люди стараются заслужить передъ небомъ своею дѣятельною жизнью и хорошимъ отношеніемъ къ ближнему. Одни ухаживаютъ за больными, другіе чинятъ дороги и мосты, чистятъ каналы, выравниваютъ почву, очищаютъ улицы отъ песку и камней, подстригаютъ деревья и привозятъ въ тачкахъ дерево, зерно, фрукты и прочіе сельскіе продукты въ городъ. Они не только работаютъ на пользу общества, но даже поступаютъ и на службу къ частнымъ лицамъ и оказываются прилежнѣе и послушнѣе рабовъ. Они добровольно и охотно берутъ на себя самыя грязныя, непріятныя и трудныя работы, отъ которыхъ большинство отказывается, въ виду отвращенія къ дѣлу или трудностямъ его. Беззавѣтно предаются они работѣ и трудамъ, чтобы доставить другимъ спокойствіе и удобства, и за все это не требуютъ ни малѣйшей благодарности. Они не осуждаютъ жизни другихъ людей и не хвастаютъ тѣмъ добромъ, которое дѣлаютъ. Чѣмъ болѣе они унижаютъ себя и низводятъ себя на степень рабовъ, тѣмъ болѣе растетъ къ нимъ общественное уваженіе.

«Этотъ, жертвующій собою классъ людей, распадается на двѣ секты: одни отказываются не только отъ общенія съ женщинами, но также отъ употребленія мяса, а нѣкоторые не принимаютъ въ пищу никакихъ продуктовъ животнаго царства. Они отрекаются отъ всѣхъ житейскихъ удовольствій, такъ какъ считаютъ ихъ опасными. Они стремятся лишь къ тому, чтобы трудолюбіемъ и

усердіемъ заслужить радости будущей жизни. Надежда вкусить эти радости дѣлаетъ ихъ добрыми и сильными.

«Другіе, не менѣе трудолюбивые, вступаютъ въ бракъ, привлекающій ихъ своими обязанностями и радостями. Они думаютъ, что ради своей природы, себя самихъ и отечества обязаны имѣть дѣтей. Они не избѣгаютъ удовольствій, разъ тѣ не отвлекаютъ ихъ и отъ работъ. Они ѣдятъ мясо четвероногихъ животныхъ, чтобы больше получить силъ для перенесенія трудовъ всякаго рода. Утопійцы считаютъ вторую секту умнѣе, а первую благочестивѣе».

Эти идеальные, скромные, фанатичные рабочіе-монахи представляли изъ себя, конечно, самый рѣзкій контрастъ къ лѣнивымъ, вѣчно пьянымъ и нахальнымъ носителямъ клобука временъ Мора. Однако, ихъ Мору кажется недостаточно для исполненія непріятныхъ работъ. Вѣдь были же и такія работы, которыхъ никакъ нельзя было поручить благочестивому человѣку, напр. *убой скота*, работы, которыя поневолѣ должны дѣлать жестокимъ того, кто за нихъ возьмется. Между тѣмъ выполнять ихъ долженъ же былъ кто-нибудь. Мору хотѣлось избавить отъ этого утопійцевъ. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Моръ принужденъ былъ измѣнить самому себѣ и оставить утопійцамъ классъ людей, обязанныхъ исполнять *принудительныя работы* (стр. 125):

«Рабами становятся не всѣ военноплѣнные безъ исключенія, а только тѣ, которыхъ они сами [1]) взяли въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Сынъ раба становится свободнымъ; чужой рабъ точно также дѣлается свободнымъ, разъ вступаетъ на почву Утопіи. Рабство становится удѣломъ гражданъ, совершившихъ тяжелое преступленіе, и иностранцевъ, приговоренныхъ у себя дома къ смерти: послѣдній классъ очень многочисленъ. Утопійцы отыскиваютъ ихъ за границей и покупаютъ за ничтожныя деньги, а часто получаютъ и даромъ. Послѣдніе приговариваются къ принудительнымъ работамъ и носятъ цѣпи. Однако, со своими уроженцами Утопіи обходятся строже, чѣмъ съ иностранцами; ихъ считаютъ гнусными злодѣями, достойными послужить примѣромъ глубокаго нравственнаго паденія. Дѣйствительно, при воспитаніи въ нихъ вселяли зародыши добродѣтели;

[1]) Что случается рѣдко.

они имѣли возможность быть счастливыми и добрыми и все-таки не могли воздержаться отъ преступленія.

«Еще одинъ классъ рабовъ образуется изъ бѣдныхъ поденщиковъ сосѣднихъ странъ, которые добровольно являются съ предложеніемъ своихъ услугъ. Съ ними, вообще говоря, обращаются какъ съ гражданами, только заставляютъ нѣсколько больше работать, въ виду ихъ большей привычки къ продолжительному труду. Имъ предоставляютъ право уѣзжать, когда имъ вздумается (что, впрочемъ, случается рѣдко), и никогда не отпускаютъ ихъ съ пустыми руками».

Однако, положеніе осужденныхъ преступниковъ тоже не такъ уже безнадежно (стр. 130).

«Обычное наказаніе, даже за самыя тяжелыя преступленія,— это рабство. Утопійцы думаютъ, что рабство для преступника не менѣе страшно, чѣмъ смерть, и кромѣ того приноситъ пользу государству. Работающій человѣкъ, говорятъ они, полезнѣе трупа; и примѣръ безконечнаго наказанія болѣе запугиваетъ, чѣмъ смерть по закону, заставляющая виноватаго тотчасъ же исчезнуть. Когда осужденные рабы устраиваютъ возстаніе, ихъ убиваютъ, подобно дикимъ звѣрямъ, такъ какъ для нихъ уже оковы не оказываются достаточно тяжелыми. Однако, терпѣливые и покорные не лишены надежды на лучшую участь. Среди этихъ несчастныхъ попадаются люди, которые, будучи укрощены страданіями и временемъ, обнаруживаютъ искреннее раскаяніе и показываютъ, что преступленіе еще больше давитъ ихъ, чѣмъ самое наказаніе. Слово князя или приговоръ народа облегчаетъ имъ тогда наказаніе и даруетъ подчасъ полную свободу».

Въ обязанности этихъ слугъ, или рабовъ, входитъ также убой скота и работы по кухнѣ: изъ боенъ, расположенныхъ за городомъ, туши перевозятся на рынки.

«Бойни содержатся въ образцовой чистотѣ, такъ какъ небольшіе каналы уносятъ кровь и отбросы. Мясо чистятъ и дѣлятъ рабы, послѣ чего оно поступаетъ на рынокъ. Участіе въ этомъ рабовъ объясняется тѣмъ, что законъ запрещаетъ гражданамъ заниматься убоемъ изъ опасенія, что привычка убивать уничтожитъ въ людяхъ мало по малу состраданіе,—это благороднѣйшее движеніе человѣческаго сердца... Въ общихъ столовыхъ всякая непріятная, тяжелая или грязная работа исполняется рабами».

Такимъ-то образомъ говорится о рабочихъ и работахъ утопійцевъ. Теперь приведемъ нѣсколько характерныхъ чертъ экономическихъ взаимоотношеній съ одной стороны между отдѣльными производительными общинами, съ другой стороны между Утопіей и другими странами (стр. 102). Каждый городъ Утопіи посылаетъ въ Амауротскій сенатъ трехъ депутатовъ. Первыя засѣданія посвящаются экономической статистикѣ различныхъ частей острова. Какъ только гдѣ-нибудь отмѣчается «слишкомъ много», а въ другомъ мѣстѣ «недостаточно», то равновѣсіе тотчасъ же возстановляютъ: пустые амбары потерпѣвшаго города заполняются избыткомъ богатаго. Уступка эта дѣлается безвозмездно. Городъ, оказавшій помощь, не пользуется взамѣнъ этого ничѣмъ; но зато, въ свою очередь, онъ можетъ иной разъ получить отъ того города, которому самъ еще ничего не давалъ. Такимъ образомъ все утопическое государство образуетъ какъ бы *одну* семью.

«Въ виду опасностей отъ неурожая, островъ имѣетъ постоянные запасы хлѣба на два года. Излишекъ вывозится за границу. Къ предметамъ вывоза относятся: хлѣбъ, медъ, шерсть, ленъ, дерево, красильныя вещества (coccus), кожи, воскъ, мыло и скотъ. Седьмая часть этихъ товаровъ распредѣляется между бѣдными той страны, куда вывозятъ товары; остальное продается по умѣреннымъ цѣнамъ. Благодаря такой торговлѣ, Утопія не только пріобрѣтаетъ всѣ необходимые предметы, каково напримѣръ желѣзо, но получаетъ также значительныя количества золота и серебра. Съ того времени, какъ утопійцы ведутъ эту торговлю, они накопили себѣ невѣроятныя богатства [1])».

---

[1]) І. Г. Ф. Кирхманъ разсказываетъ намъ въ своемъ чрезвычайно поверхностномъ комментаріи къ республикѣ Платона (философская библіотека, 68 выпускъ): «Платонъ не *изолировалъ вполнѣ своего государства отъ другихъ*, какъ это впослѣдствіи сдѣлалъ *Томасъ Моръ* (съ двумя о!!), *Кабе* и другіе утописты... Поэтому государство Платона зиждется на гораздо болѣе реальномъ основаніи, нежели утопіи позднѣйшаго происхожденія и т. д.». Мы выше видѣли, что Моръ въ дѣйствительности вовсе не былъ такимъ мечтателемъ, чтобы представлять себѣ современное государство «изолированнымъ». Практическій представитель лондонскаго купечества предоставилъ это нѣмецкому ученому. Тѣмъ не менѣе мы видимъ на примѣрѣ г. Кирхмана—это, впрочемъ, не новость—что для снисходительнаго сужденія о соціализмѣ съ высоты профессорской кафедры многимъ современнымъ «философамъ» достаточно *полнаго незнанія* того, о чемъ они говорятъ.

Всѣ сосѣднія страны и государства задолжены имъ. Сокровища накапливаются утопійцами только для того, чтобы въ случаѣ войны нанять солдатъ и имѣть возможность подкупить часть враговъ.

У нихъ самихъ денегъ нѣтъ, да они въ нихъ и не нуждаются. Для того, чтобы ни у кого не явилось жадности къ сокровищамъ (стр. 104), «утопійцамъ пришла въ голову идея, вполнѣ соотвѣтствующая всѣмъ прочимъ ихъ учрежденіямъ, но зато идущая наперекоръ нашимъ понятіямъ, такъ какъ вѣдь у насъ золоту и серебру оказываютъ божескія почести. Они пьютъ и ѣдятъ изъ глиняной и стеклянной посуды, очень причудливой и красивой формы, но крайне ничтожной цѣны. Золото и серебро предназначены для издѣлій самаго низменнаго свойства: изъ него дѣлаютъ даже ночныя вазы, или выковываютъ напр. цѣпи и оковы для рабовъ и отличительные знаки для преступниковъ, потерявшихъ честь. Эти послѣдніе носятъ золотыя кольца и серьги, золотые шнурки на шеѣ и обручи на головѣ».

Вотъ какимъ образомъ Моръ представляетъ намъ экономическія условія своего идеальнаго коммунистическаго строя.

2. *Критика.*

Ни одинъ сколько-нибудь свѣдущій человѣкъ не станетъ утверждать, что цѣль, преслѣдуемая Моромъ, была вполнѣ тождественна тенденціямъ современнаго научнаго соціализма. Послѣдній зиждется на двухъ несомнѣнныхъ фактахъ: на развитіи *пролетаріата, какъ класса,* и на ростѣ машинной *крупной промышленности,* пользующейся наукою и умѣющей въ каждой своей отрасли уже и въ настоящее время устроить цѣлую систему организованной, общественной работы. Крупная промышленность представляетъ изъ себя ту основу, на которой, по воззрѣніямъ современнаго научнаго соціализма, пролетаріатъ можетъ направить производство сообразно своимъ интересамъ; конечно, онъ сумѣетъ это сдѣлать лишь тогда, когда станетъ серьезной политической силой.

Капиталистическое производство повело однако къ болѣе быстрому развитію неурядицъ, явившихся его послѣдствіемъ, чѣмъ успѣли окрѣпнуть элементы, которые должны его побѣдить. Пролетаріату пришлось сдѣлаться постояннымъ «учрежденіемъ» и захватить боль-

шую часть народа, прежде чѣмъ онъ почувствовалъ себя *классомъ* и могъ представиться изслѣдователю силою, способною произвести общественный переворотъ. Съ другой стороны, и крупная промышленность могла при системѣ товаропроизводства развиваться лишь въ *формѣ капитализма;* она стала возможною лишь съ того времени, какъ большіе капиталы собрались въ немногихъ рукахъ, а имъ противопоставилась цѣлая армія неимущихъ пролетаріевъ, ищущихъ работы.

Капиталу и пролетаріату, массовой нищетѣ и колоссальному богатству пришлось долго существовать на землѣ, пока изъ нихъ развились зародыши новаго общества. Въ то время, когда этихъ зародышей еще не было, всякія попытки устранить зло капиталистическаго способа производства замѣною его чѣмъ-нибудь противоположнымъ ему должны были висѣть въ воздухѣ. При этихъ обстоятельствахъ соціализмъ оставался утопическимъ и не могъ стать на твердыя научныя основы.

Такимъ положеніе дѣлъ оставалось еще до начала XIX столѣтія. Тѣмъ хуже оно было во времена Мора! Только въ началѣ XIX вѣка началось рабочее движеніе съ опредѣленною задачею; то, что пришлось узнать о рабочемъ движеніи Мору, были отдѣльными отчаянными попытками, производимыми, главнымъ образомъ, рабочими. Переходъ отъ капиталистической мануфактуры къ крупной промышленности сказывался уже въ началѣ XIX вѣка. Во времена Мора капитализмъ только начиналъ овладѣвать въ Англіи промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Однако, господство его не было еще такъ прочно, чтобы могъ уже произойти техническій переворотъ; разница между капиталистическимъ и обыкновеннымъ товаропроизводствомъ была скорѣе *количественная,* нежели *качественная.*

Въ настоящее время различіе между крупной капиталистической промышленностью и крестьянскимъ или ремесленнымъ хозяйствомъ всякому бросается въ глаза. Первое не только гораздо *крупнѣе* послѣднихъ, но и самое производство ведется совершенно иными орудіями, другими методами.

Такого различія между обыкновеннымъ и капиталистическимъ производствомъ товаровъ въ Англіи, въ началѣ XVI вѣка, еще не существовало. Рабочіе, ткавшіе шерсть для купца, дѣлали это тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и подмастерья цехового ткача.

Разница заключалась пока лишь въ томъ, что на купца работало больше народа, чѣмъ на цехового ткача, и что подмастерья ткача могли разсчитывать когда-нибудь сами сдѣлаться мастерами, между тѣмъ какъ поденщики купца-капиталиста не имѣли никакихъ основаній разсчитывать стать современемъ капиталистами. Различіе между капиталистическимъ и цеховымъ способами производства въ тѣ времена было *спеціальнымъ*, а не *техническимъ;* и тотъ и другой имѣли своею основою *ремесло.*

То же самое можно сказать и о сельскомъ хозяйствѣ. Хозяйства капиталистическихъ арендаторовъ отличались отъ хозяйствъ феодальныхъ крѣпостныхъ только своею величиною. Объ усовершенствованіи пріемовъ обработки земли, примѣненіи болѣе совершенныхъ орудій въ крупныхъ хозяйствахъ еще почти ничего не было слышно. Правда, много людей сдѣлались излишними, однако не потому, что усилилась продуктивность сельскаго труда, а вслѣдствіе перехода къ низшей формѣ землепользованія, именно благодаря тому, что *земледѣліе* замѣнялось *скотоводствомъ.*

Поэтому, какъ бы ясно въ эпоху Мора ни выступали нѣкоторыя неурядицы, послѣдствія капитализма, въ Англіи, тѣмъ не менѣе, *техническія основанія* его, съ которыми приходилось имѣть дѣло Мору при построеніи антикапиталистическаго общества, все еще сводились къ *ремесленному и крестьянскому производству.*

Ясно, что Мору во многихъ пунктахъ пришлось отступить отъ современнаго соціализма. Подобно тому, какъ онъ въ *политическомъ* отношеніи, въ нѣкоторомъ смыслѣ, могъ бы показаться *реакціонеромъ* (если быть настолько безразсуднымъ, чтобы прикладывать къ человѣку XVI вѣка мѣрку XX столѣтія), противникомъ всякаго народнаго движенія и поборникомъ конституціонной монархіи, такъ и соціализмъ Мора въ *экономическомъ* отношеніи приходится во многихъ пунктахъ считать отсталымъ. Не этому приходится удивляться, а тому, что несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, моровскій соціализмъ, на ряду съ отсталыми чертами, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ существеннѣйшіе признаки современнаго соціализма. Поэтому Мора съ полнымъ правомъ можно причислить къ новѣйшимъ соціалистамъ.

Отсталыя стороны моровскаго коммунизма являются неизбѣжными послѣдствіями того способа производства, изъ котораго онъ

исходилъ и долженъ былъ исходить. Къ такимъ несовременнымъ сторонамъ относится прежде всего *прикрѣпленіе человѣка къ опредѣленному ремеслу.*

Самая важная работа въ современной крупной промышленности досталась на долю *науки.* Она методически изслѣдуетъ тѣ механическія и химическія силы, которыя имѣютъ мѣсто въ производствѣ; затѣмъ она также изучаетъ механическія и химическія свойства различныхъ веществъ, переработка которыхъ и составляетъ задачу производства; наконецъ, она примѣняетъ къ техникѣ открытыя ею положенія. Рабочему остается только постичь немногіе, безсодержательные, легко усваиваемые пріемы *наблюденія* за машиною или за какимъ-либо химическимъ процессомъ.

Простота и безсодержательность ручного труда главнымъ образомъ обусловливаетъ, въ настоящее время, его приниженность. Ручной трудъ не требуетъ болѣе ума, не привлекаетъ къ себѣ, возбуждаетъ отвращеніе и дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ. Благодаря такимъ свойствамъ нынѣшней работы, ее могутъ исполнять не только способные и сильные, но даже тупые, незрѣлые, слабые люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ она все въ большей степени освобождаетъ капиталиста отъ необходимости держать кадръ ученыхъ рабочихъ. А между тѣмъ, благодаря примѣненію науки къ производству, условія его постоянно мѣняются, такъ какъ и наука не останавливается, да и конкуренція не дремлетъ и заставляетъ вносить въ дѣло все новыя и новыя улучшенія. Вчерашняя машина сегодня оказывается уже устарѣвшею, а завтра она уже не въ состояніи выдерживать конкуренціи. Рабочему приходится сегодня работать на другой машинѣ, чѣмъ вчера, а на завтра его поставятъ опять на другую отрасль.

Разъ самъ пролетаріатъ будетъ регулировать производство, эти причины, обусловливающія нынѣ приниженность рабочаго класса, окажутся какъ разъ факторами его поднятія. Благодаря именно простотѣ пріемовъ обращенія съ машиною, окажется возможнымъ отъ времени до времени мѣнять родъ работы, заставлять упражняться, въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности, различные мышцы и нервы, благодаря чему рабочій будетъ освѣжаться и оживляться въ гармоничной дѣятельности такъ же, какъ теперь этого достигаютъ путемъ *гимнастики,* работы вполнѣ не продуктивной. Переходя послѣдовательно отъ одного рода дѣятельности къ другому, рабочій только

и сознаетъ скрытыя въ немъ способности и сдѣлается изъ машины свободнымъ человѣкомъ. А занятіе науками, которое будетъ идти рука объ руку съ постепеннымъ укороченіемъ рабочаго дня, вернетъ труду его умственное содержаніе, такъ какъ, благодаря знанію, рабочему откроется вся техническая и экономическая сторона данной отрасли и онъ въ корнѣ пойметъ ея происхожденіе. Такимъ образомъ трудъ станетъ дѣйствительно свободной работой, такъ какъ вмѣсто голода, настёгивающаго въ настоящее время пролетарія, рабочій будетъ дѣйствительно сознавать ея необходимость.

Вмѣсто *перемѣны рода труда,* которая возможна лишь при крупномъ производствѣ и даже необходима, такъ какъ иначе рабочій классъ совершенно выродится, Моръ, какъ сказано, устанавливаетъ прикрѣпленіе каждаго рабочаго къ опредѣленному ремеслу. При ремесленномъ способѣ производства, умѣніе владѣть орудіемъ, знаніе свойствъ сырья и т. п. являются не результатомъ методическаго научнаго изслѣдованія, а оказываются слѣдствіемъ накопленія, нерѣдко притомъ случайнаго, личной опытности. То же самое наблюдается также и въ мануфактурѣ. Однако, въ мануфактурѣ каждый шагъ производства разбитъ на рядъ частичныхъ процессовъ, изъ коихъ на долю одного рабочаго приходится по одному, такъ что изучить его не представляется, конечно, столь сложнымъ, какъ изучить всѣ пріемы и методы извѣстной отрасли производства цѣликомъ. При мануфактурномъ производствѣ оказывается выгоднымъ на долгое время пріурочить рабочаго къ своей спеціальной, частичной дѣятельности, чтобы онъ могъ достичь въ ней высокаго совершенства и работа его стала особенно продуктивною; напротивъ того къ ремеслу, отдѣльныя стороны котораго подчасъ очень разнообразны, человѣку приходится пріучать себя смолоду, приходится поступать на выучку къ искусному мастеру, знающему всѣ традиціи своей спеціальности; это *технически необходимо.* Однако, такое прикрѣпленіе къ данной отрасли не казалось ужаснымъ, оно, какъ мы уже выше замѣтили, даже сообщало ремеслу извѣстную прелесть.

А какъ же поступить съ учрежденіями, не носящими характера ремесленныхъ? Какъ устроить классъ поденщиковъ, который во времена Мора былъ очень многочисленъ, какъ справиться съ грязными, отвратительными работами: убоемъ скота, очисткою отхожихъ мѣстъ

въ городахъ и отдѣльныхъ домахъ и т. д.? Этотъ непріятный трудъ, на который съ удовольствіемъ указываютъ буржуи, какъ на доводъ противъ соціализма, служилъ дѣйствительно и для всѣхъ утопистовъ камнемъ преткновенія. Фуррье старался разрѣшить этотъ вопросъ психологическими мотивами работы, которые онъ иногда измышлялъ прямо геніально. Моръ поступаетъ подобнымъ же образомъ, какъ мы это уже видѣли, и старается дѣйствовать при этомъ путемъ *религіи*, бывшей въ его время еще важнымъ рычагомъ общественной жизни. Но, такъ какъ онъ считалъ ее недостаточною, то призналъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть въ своемъ идеальномъ коммунистическомъ государствѣ къ принудительной работѣ рабовъ [1]), классу, лишенному правъ и собственности, работающему на другихъ. Видимо, ему это было очень тяжело, онъ изворачивался и извивался, чтобы какъ-нибудь сдѣлать это учрежденіе болѣе милостивымъ. Для этого онъ отнесъ къ этому классу такихъ лицъ, которыхъ безъ этого ожидала бы еще худшая участь. Техническія основы, отъ которыхъ онъ исходилъ, мѣшали ему совершенно устранить этотъ безправный классъ. Только современная крупная промышленность, производство, совершающееся на научныхъ основахъ, даетъ полную возможность уравнять прелести и непріятности разныхъ видовъ труда и до такой степени упростить то немногое, что остается отъ непріятныхъ работъ, что оно можетъ поочереди выполняться всѣми людьми, способными къ труду; такимъ образомъ, вполнѣ устранится надобность въ особомъ классѣ обиженныхъ отвратительнымъ трудомъ рабочихъ. Уже въ настоящее время разница между пріятными и непріятными работами стала значительно менѣе рѣзкою, хотя, въ большинствѣ случаевъ, уравненіе это совершилось такимъ образомъ, что тѣ виды труда, которые прежде были пріятны, теперь лишились уже всякой прелести. Зато современная техника совершенно устранила или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабила цѣлый рядъ противныхъ работъ. Впрочемъ, въ общемъ техника все-таки въ этомъ отношеніи сдѣлала еще далеко немного. Капитализмъ вовсе не задается цѣлью сдѣлать требуемую имъ работу пріятною. Онъ тре-

[1]) Характерно, что К. Каутскій, повсюду называющій моровскихъ servi батраками, здѣсь самъ употребляетъ этотъ терминъ, болѣе соотвѣтствующій истинному положенію дѣла (ср. стр. 236).

будетъ отъ техники только *сбереженія рабочихъ силъ*, хотя бы сама работа, благодаря этому, и становилась менѣе привлекательною. Наука должна была бы со всею энергіей приняться за устраненіе непріятныхъ видовъ труда лишь въ томъ случаѣ, если бы рабочій классъ получилъ опредѣленное вліяніе на способы производства. Вѣдь нѣтъ такихъ трудныхъ задачъ въ этой области, которыхъ современная техника не была бы въ состояніи разрѣшить, разъ она серьезно занялась бы этимъ вопросомъ. Впрочемъ и нынѣ уже большая часть работъ, противныхъ человѣческой природѣ, устраняется тѣмъ, что промышленность переходитъ изъ города въ деревню, о чемъ у насъ ниже еще будетъ рѣчь.

Однимъ словомъ, при настоящемъ состояніи научной техники, необходимость заниматься противнымъ трудомъ и устранивать для этого особый классъ рабочихъ безусловно устранима. Поэтому въ батракахъ (ср. стр. 236 и 253) «Утопіи» мы больше не нуждаемся.

Есть еще и третій признакъ утопійцевъ, противорѣчащій тенденціямъ современнаго соціализма, почему мы о немъ и упоминаемъ. Дѣло въ томъ, что *утопійцы отличаются крайнею невзыскательностью.*

Моръ хочетъ, насколько возможно, освободить гражданъ своего государства отъ физическаго труда, и въ этомъ отношеніи вполнѣ сходится съ современнымъ направленіемъ; это ему нужно для того, чтобы доставить утопійцамъ больше досуга для умственнаго и общественнаго развитія. Главнымъ средствомъ для этого служитъ *организація труда*, такая, чтобы всякія излишнія работы отпадали; при настоящей анархіи хозяйственной жизни, на долю такихъ-лишнихъ работъ приходится очень много, по сравненію съ чѣмъ, о томъ, что терялось во времена Мора отъ такого неустройства, врядъ ли стоитъ даже и говорить; далѣе Моръ требуетъ *работы всѣхъ* и, наконецъ, *сокращенія потребностей.*

Первыя два положенія Мора вполнѣ раздѣляются современнымъ соціализмомъ, зато послѣднее не встрѣчаетъ у него сочувствія. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ, въ вѣкъ перепроизводства, когда способы вырабатыванія товаровъ достигли такой продуктивности, что рамки капитализма для нихъ стали уже слишкомъ тѣсны и каждую минуту могутъ лопнуть подъ напоромъ все расширяющагося товаропроизводства, врядъ ли приходится говорить о сокращеніи потребностей.

Требовать теперь воздержанія отъ широкаго потребленія товаровъ во имя идеи сокращенія рабочаго дня—это значитъ въ корнѣ не понимать истиннаго положенія вещей.

Другое дѣло во времена Мора. Производительность ремесла растетъ лишь очень медленно, иногда она не увеличивается вовсе, и данная отрасль застываетъ въ извѣстныхъ формахъ. То же самое приходится сказать о крестьянскомъ земледѣліи. Построенный на такихъ основахъ коммунизмъ не можетъ ожидать сильнаго роста производительности по отношенію къ числу работающихъ. Поэтому нужно сокращать потребности, если хочешь значительно уменьшить рабочій день.

Въ эпоху Мора капитализмъ приводилъ не къ *перепроизводству*, а къ *уменьшенію* товаровъ. Чѣмъ болѣе расширялись пастбища для овецъ, тѣмъ сильнѣе сокращалось земледѣліе. Въ результатѣ получилось вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, которое еще усугубилось обильнымъ приливомъ золота и серебра изъ Америки въ Европу. Все это усиленно заставляло Мора предлагать утопійцамъ самый простой образъ жизни; особенно же вѣскою причиною, побуждавшей его проповѣдывать воздержаніе, являлась *безумная роскошь* (ср. I отдѣлъ, стр. 26) среди господствующихъ классовъ того времени, которой предавались и мужчины и женщины и которая шла гораздо дальше, чѣмъ она замѣчается нынѣ у нашихъ самыхъ расточительныхъ модницъ. Въ тѣ времена развилась роскошь и въ *нарядахъ*, и въ *убранствѣ помѣщеній*, все дѣлалось съ чрезвычайной помпой, которая не то, что вызывалась вкусомъ къ изящному, а просто желаніемъ выставить на показъ свое богатство. Понятно, что Моръ долженъ былъ выступить горячимъ противникомъ такого направленія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести соотвѣтствующихъ мѣстъ «Утопіи» (ср. стр. 239), такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Понятно также, что онъ ударился, въ своемъ увлеченіи, въ противоположную крайность и заставлялъ утопійцевъ удовлетворяться шкурами и шерстяною тканью одного цвѣта (ср. стр. 239 и стр. 93 переводъ «Утопіи)».

Однако не слѣдуетъ думать, будто Моръ проповѣдывалъ монашескій аскетизмъ. Совершенно напротивъ. Мы увидимъ, что по отношенію къ безвреднымъ наслажденіямъ, не обременяющимъ общества лишней работою, онъ является истиннымъ эпикурейцемъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, несовершенныя стороны его идеала проявляются въ ограниченіяхъ, вызываемыхъ отсталостью его эпохи; тѣмъ не менѣе онъ не подчиняется этимъ сторонамъ дѣла такъ сильно, чтобы отъ этого страдалъ основной характеръ этого идеала и вообще существенныя черты предлагаемаго имъ строя.

При ближайшемъ разсмотрѣніи тотчасъ же можно отличить тѣ признаки моровскаго соціализма, которые у него общи съ современнымъ, отъ того, что было ему навязано первобытнымъ коммунизмомъ, слѣды котораго еще сохранились во времена Мора въ видѣ подворныхъ, сельскихъ и городскихъ общинъ; точно также нетрудно будетъ выдѣлить то, что заимствовано Моромъ изъ коммунизма Платона, который, какъ мы знаемъ, былъ ему хорошо знакомъ. Какъ бы соблазнительно ни казалось примкнуть къ этимъ примѣрамъ, особенно въ виду несовершенствъ производства тогдашняго времени, Моръ, все-таки, настолько уже успѣлъ проникнуться капитализмомъ (представленнымъ въ его время почти исключительно крупными купцами), что онъ долженъ былъ придать своему коммунизму характеръ той новой эпохи, въ которую онъ вступалъ.

Въ первомъ отдѣлѣ нашей книги мы уже показали, что міровая торговля преодолѣла исключительность и ограниченность первобытной общины, за предѣлы которой не могъ выбраться Платонъ; между тѣмъ эта торговля поставила экономической единицею вмѣсто общины—*націю*.

Кромѣ того, міровая торговля побѣдила также и сословную исключительность первобытныхъ обществъ.

Подобно средневѣковымъ городамъ, и платоновская республика распадалась на рѣзко отграниченныя сословія и коммунизмъ Платона былъ привилегіей одного только высшаго изъ нихъ.

Между тѣмъ, жизненнымъ нервомъ капитализма является свободная конкуренція, равенство всѣхъ условій соревнованія, т. е. уничтоженіе сословныхъ различій. Разъ капитализму удалось сплотить маленькія общины въ націю, то стремленія его пошли и дальше—онъ долженъ былъ растворить въ себѣ всѣ сословія этой націи.

Эти тенденціи капитализма вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли моровскаго коммунизма. Онъ *національнъ* въ противоположность комму-

низму *прихода* или *сословія* прежнихъ временъ, который былъ Мору очень хорошо знакомъ по опыту и изученію [1]).

Мы видѣли уже, что утопійскій сенатъ состоитъ изъ представителей различныхъ общинъ; эти депутаты *націи* организуютъ производство, устанавливаютъ количество необходимыхъ товаровъ и изыскиваютъ средства къ ихъ изготовленію; на основаніи этой статистики и распредѣляется между общинами работа. Отдѣльныя общины не вымѣниваютъ своихъ издѣлій на издѣлія, изготовленныя другой общиной. Каждая работаетъ для всей націи. Поэтому-то только послѣдняя, а не отдѣльная община, является *собственницей средствъ производства, а также всей земли.* И не отдѣльная община, но все государство продаетъ излишекъ продуктовъ въ видѣ товаровъ за-границу. Въ его пользу поступаетъ, стало быть, и уплата. Золото и серебро образуютъ національный военный фондъ.

Однако, равенство всѣхъ членовъ націи, которое при капиталистическомъ строѣ сводится только къ равенству всѣхъ условій конкуренціи, должно было повести у Мора, въ его коммунизмѣ, къ *равной для всѣхъ обязанности работать.* Этотъ великій принципъ тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ Мора съ новѣйшимъ соціализмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отличаетъ его отъ Платона, устраивающаго *коммунизмъ лѣнтяевъ* и *эксплоататоровъ.* Господствующее сословіе платоновской республики, «стражи» ея, одни только и живущіе въ коммунизмѣ, считаютъ работу чѣмъ-то унизительнымъ; они живутъ податями, сбираемыми съ работающихъ гражданъ.

Отъ общаго для всѣхъ обязательнаго труда только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ можно быть уволеннымъ: изо всѣхъ людей, способныхъ къ работѣ, отъ него освобождено всего нѣсколько ученыхъ. Такое исключеніе необходимо было сдѣлать въ виду ремесленнаго характера производства, гдѣ матеріальная работа требо-

[1]) Такимъ образомъ Моръ значительно ближе данному времени, чѣмъ нынѣшній *анархизмъ*, который стремится раскрошить націю на группы и общины. Моръ слишкомъ сросся съ міровою торговлею, которая являлась тогда высшею формою капитализма, чтобы склоняться въ сторону мелкихъ горожанъ. То, что онъ описываетъ въ этомъ родѣ въ своей «Утопіи», было, почти противъ его воли, навязано ему отсталостью тогдашняго производства.

вала большой затраты силъ и постояннаго упражненія, такъ что отъ человѣка, занимающагося ею, нельзя было ожидать солиднаго научнаго труда. Машина, дающая возможность превращать работу въ продуктивную гимнастику, дѣлаетъ такое исключеніе для ученыхъ совершенно излишнимъ; впрочемъ этотъ вопросъ настолько неваженъ, что мы можемъ его ближе не касаться.

Существованіе *принудительныхъ работъ* въ «Утопіи», конечно, противорѣчитъ равенству ея жителей. Мы уже знаемъ, какъ объясняется это противорѣчіе; впрочемъ, дѣлая эту уступку отсталому способу производства своей эпохи, Моръ насколько возможно старался дѣйствовать въ современномъ духѣ: онъ считаетъ своихъ батраковъ (рабовъ) не *сословіемъ*, а *классомъ*. Дѣти рабовъ уже свободны; да и сами они представляютъ изъ себя либо иностранныхъ поденщиковъ, которые когда угодно могутъ измѣнить свое положеніе, либо приговоренныхъ къ принудительнымъ работамъ арестантовъ; послѣдніе доходятъ до такого состоянія по *собственной* винѣ и могутъ вновь подняться своими *личными* добродѣтелями.

Особенно интересно и вполнѣ отвѣчаетъ духу современнаго соціализма обязательнаго труда для *мужчинъ и женщинъ привлеченіе женщины къ работѣ по техническому производству*. Подобно мужчинамъ, и женщинѣ приходится изучать ремесло. Мы ограничимся пока сказаннымъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ намъ еще придется говорить о женскомъ трудѣ.

Въ данномъ случаѣ мы разбираемъ только *способъ производства* утопійцевъ. И въ этомъ отношеніи приходится упомянуть объ одномъ важномъ, характерномъ признакѣ: *объ уничтоженіи противорѣчія* между городомъ и деревней.

Вопросъ этотъ вполнѣ современенъ; онъ вызванъ къ жизни концентраціей промышленности въ городахъ, что явилось слѣдствіемъ торговли; міровая торговля родила *великіе города*, въ которыхъ населеніе физически вырождается, между тѣмъ какъ въ нихъ же сосредоточивается вся интеллигенція и соединяются всѣ средства къ умственному прогрессу; въ то же время деревня остается въ матеріальной и умственной нищетѣ. Эта загадка, конечно, можетъ быть разрѣшена только въ такомъ обществѣ, которое не знаетъ *торговли товарами*, обусловливающей ростъ большихъ городовъ.

Во времена Мора вопросъ этотъ не успѣлъ еще обостриться до такой степени, какъ нынѣ; о современныхъ городахъ-великанахъ тогда еще не имѣли и представленія, между тѣмъ и въ тѣ времена уже разница между городомъ и деревней во многихъ мѣстахъ сказывалась довольно рѣзко. Между прочимъ объ этомъ можно судить по возрожденію пастушеской поэзіи (раньше всего въ Италіи въ XV вѣкѣ), которая свидѣтельствуетъ о влеченіи горожанина къ сельской жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ сентиментальность и наивность, приписываемая въ этой поэзіи поселянамъ, даетъ намъ возможность судить о томъ, какъ далеко къ этому времени горожане успѣли уже отдалиться отъ сельской жизни.

Мору особенно легко было наблюдать, какъ современный способъ производства приводитъ къ чрезвычайному и вредному росту городовъ: Лондонъ въ его время принадлежалъ къ числу городовъ, населеніе которыхъ очень быстро увеличивалось. Намъ не удалось добыть точныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей Лондона во времена Мора. Однако о быстромъ ростѣ этого города можно судить по тому, что въ 1377 году, за сто лѣтъ до рожденія Мора, онъ насчитывалъ 35.000 жителей [1]); между тѣмъ въ 1590 году, черезъ 55 лѣтъ послѣ его смерти, Джованни Ботеро сопоставляетъ Лондонъ по числу жителей съ Неаполемъ, Лиссабономъ, Прагой и Гентомъ, что соотвѣтствуетъ количеству населенія въ 160.000 душъ. Въ 1661 году по Граунту Лондонъ насчитываетъ 460.000 жителей, въ 1683 году по Кингу 530.000, по серу Уильяму Петти 696.000 [2]) (разница объясняется тѣмъ, что одинъ включилъ въ счетъ также и нѣкоторыя предмѣстья). Лондонъ разростался такъ быстро, что на это уже обратила вниманіе Елизавета, хотя ея опасенія носили скорѣе политическій характеръ, что объясняется значительной политическою ролью, которую, какъ мы уже говорили, игралъ Лондонъ въ англійской исторіи. Въ 1580 году королева подъ страхомъ строгаго наказанія запретила строить новые дома ближе трехъ миль въ окружности отъ городскихъ воротъ и повелѣла, чтобы въ каждомъ домѣ жило не болѣе одного семейства. Конечно, законъ этотъ

---

[1]) Roger's six Centuries etc... Стр. 117.

[2]) Encyclopaedia Britannica, статья London.

остался на бумагѣ, но онъ доказываетъ, какъ быстро росла въ то время столица Англіи.

Уже Моръ чувствовалъ на себѣ, какъ плохо быть запертымъ въ городѣ; мы узнаемъ изъ его письма къ Колету, какъ сильно стремился онъ къ вольной природѣ. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ спѣшилъ уѣзжать изъ Лондона и поселялся въ окрестной деревнѣ Чельси, которая нынѣ вошла уже въ составъ метрополіи.

Условія жизни въ Лондонѣ заставили проницательнаго Мора, склоннаго вообще къ сельской жизни, всячески стараться устранить противорѣчіе между городомъ и деревнею.

Однако, устраненіе такого противорѣчія возможно лишь тогда, когда производство перейдетъ въ деревню и техническая работа соединится тамъ съ земледѣліемъ. Если, однако, нежелательно доводить дѣло до полнѣйшаго опрощенія, то необходимо дать деревнѣ всѣ средства производства, чтобы устранить обособленность—неизбѣжный спутникъ всѣхъ мелкихъ хозяйствъ. Необходимо, слѣдовательно, всячески облегчить проникновеніе въ деревню *идей*; помимо личнаго сообщенія, надо позаботиться о прессѣ, почтѣ, телеграфѣ, телефонѣ; точно также должны быть хорошо развиты способы доставленія *продуктовъ*, машинъ, сырья и т. п. и, наконецъ, способы передвиженія самихъ *людей* посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. п. Наконецъ, сельское производство должно само быть столь обширнымъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ могло сосредоточиться большое число рабочихъ, что, въ свою очередь, могло бы дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на умственное развитіе: однимъ словомъ дѣло сводится къ крупной промышленности въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ сотни людей соединяются въ одинъ «дворъ» и сообща занимаются земледѣліемъ.

Въ эпоху Мора всѣхъ этихъ условій не было и быть не могло. Между тѣмъ, онъ желалъ не опрощенія народа, а, напротивъ того, стремился поднять его духовную культуру. Поэтому, соединить промышленность съ земледѣліемъ ему было еще невозможно, и онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что предписалъ *каждому гражданину* заниматься земледѣліемъ впродолженіе *извѣстнаго* срока. Дѣти у него сызмала знакомились съ земледѣліемъ; городамъ былъ положенъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго они не имѣли права разрастаться. Мы узнаемъ ниже, что каждый городъ

долженъ былъ имѣть ни болѣе, ни менѣе 6.000 семействъ изъ 10—16 членовъ каждая. Конечно, эти средства, коими Моръ надѣялся избѣжать зла, совершенно не соотвѣтствуютъ природѣ современнаго соціализма. Мелко буржуазный способъ производства заставлялъ его придумать такія средства, на которыхъ ему и пришлось построить свое общество.

Изъ этого мы также можемъ усмотрѣть, что *цѣль*, преслѣдуемая Моромъ, вполнѣ современная. Однако, средства для ея достиженія натыкались на несовершенство методовъ производства его времени, какъ на камень преткновенія. Производство это стояло какъ разъ на такой степени развитія, что особенно проницательнымъ наблюдателямъ, притомъ систематически образованнымъ и хорошо понимающимъ экономическія условія, подобно Мору, можно было при тѣхъ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находилась Англія, почуять *тенденціи*, согласно которымъ производству суждено развиваться; что же касается тѣхъ средствъ, съ какими можно будетъ *преодолѣть* эти тенденціи, то о нихъ, конечно, еще не могло въ тѣ времена быть и рѣчи.

Въ общемъ, стало быть, и коммунизмъ Мора современенъ по своимъ *тенденціямъ*, но представляется намъ отсталымъ по *средствамъ*, предлагаемымъ для его осуществленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Семейный бытъ утопійцевъ.

1. Изложеніе.

Отъ способа производства находится въ зависимости форма домашняго хозяйства, послѣднее же, въ свою очередь, вліяетъ на форму *семейнаго быта*, на *бракъ*, на положеніе *женщины*. Посмотримъ, какъ хотѣлось устроить эти соотношенія Мору въ его идеальномъ обществѣ. Въ связи съ этимъ, очень удобно будетъ познакомиться съ его взглядомъ на вопросъ о *первенаселеніи*.

Въ Утопіи (стр. 94) «каждый городъ состоитъ изъ семей, большинство которыхъ соединены между собою узами кровнаго родства. Лишь только дѣвица входитъ въ возрастъ, ее выдаютъ замужъ въ другую семью. Мужья, сыновья и внуки остаются въ своихъ семьяхъ. Старшій членъ семьи является вмѣстѣ съ тѣмъ и ея главой; когда же возрастъ ослабитъ его умственныя способности, онъ замѣняется слѣдующимъ по старшинству членомъ семьи. Нижеслѣдующія постановленія поддерживаютъ среди населенія полное равновѣсіе и мѣшаютъ ему сгущаться въ одномъ пунктѣ, рѣдѣть въ другомъ. Каждый городъ долженъ насчитывать 6000 семействъ (не считая окрестностей), а въ семьѣ должно быть только отъ десяти до двѣнадцати мужчинъ зрѣлаго возраста. Число дѣтей въ счетъ не идетъ. Когда семейство разрастается свыше этой нормы, лишніе члены переходятъ въ менѣе населенную семью. Если число жителей города увеличится сверхъ того числа лицъ, которыя могутъ и должны въ немъ жить, то лишніе переводятся въ менѣе населенный городъ. Наконецъ, въ случаѣ переполненія всего острова, предписывается массовое выселеніе. Переселенцы основываютъ себѣ колонію на материкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ избытокъ земли.

«Колонія управляется по утопическимъ законамъ и призываетъ земледѣльцевъ изъ туземнаго населенія, которые пожелали бы раздѣлить ея работу и образъ жизни. Когда колонисты сталкиваются съ народомъ, перенимающимъ ихъ учрежденія и обычаи, они вмѣстѣ образуютъ одну общину. Это соединеніе представляетъ выгоды для всѣхъ, такъ какъ, живя по утопическимъ законамъ, они добиваются того, что почва, съ трудомъ прокармливавшая прежде одинъ народъ, оказывается потомъ достаточно плодородной для обезпеченія обоихъ.

«Въ случаѣ же, если утопійцы встрѣчаютъ народъ, сопротивляющійся ихъ законамъ, они вытѣсняютъ его, освобождая этимъ такой участокъ земли, какой имъ хочется обрабатывать; лишь въ крайнемъ случаѣ они прибѣгаютъ къ оружію. По ихъ мнѣнію, самой справедливой войной будетъ война противъ народа, владѣющаго большими пространствами земли безъ всякаго смысла и пользы: особенно, если народъ этотъ отказываетъ въ предоставленіи права обрабатывать землю такимъ людямъ, которые хотятъ пользоваться ею и кормиться по естественнымъ законамъ природы.

«Если бы когда либо, въ силу какихъ либо обстоятельствъ, населеніе города упало до такой степени (а это случалось два раза, послѣ свирѣпствовавшей тамъ чумы), что возстановить его безъ нарушенія равновѣсія и порядка на всемъ островѣ оказалось бы невозможнымъ, тогда колонисты должны вернуться въ Утопію. Наши островитяне согласны скорѣе лишиться всѣхъ колоній, чѣмъ потерять хотя бы одинъ городъ своей родины.

«Теперь возвращусь къ сношеніямъ между согражданами.

«Старѣйшій, какъ уже было сказано, является главою семейства. Женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, а въ своей средѣ—младшій старшему.

«Весь городъ раздѣляется на четыре равныхъ квартала. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ помѣщается рынокъ для необходимыхъ продуктовъ. Сюда сносятъ издѣлія всѣхъ семействъ, которыя помѣщаются сначала въ складахъ, а затѣмъ сортируются и сохраняются въ соотвѣтствующихъ магазинахъ. Каждый отецъ семейства выискиваетъ на площади то, что нужно ему или его кліентамъ. Онъ получаетъ все необходимое безъ всякаго денежнаго или другого какого либо вознагражденія. Отцу семейства никогда ни въ чемъ не отказываютъ. Такъ какъ всего изобиліе, то не приходится бояться, что кто нибудь возьметъ лишнее. Въ самомъ дѣлѣ, если знаешь, что никогда не будешь ни въ чемъ нуждаться, къ чему же тогда набирать излишекъ? Жадность и ненасытность всѣхъ живыхъ существъ истекаетъ главнымъ образомъ изъ боязни голода. Впрочемъ, эти пороки имѣютъ еще и другую причину: тщеславіе, заставляющее каждаго щеголять передъ своими ближними богатствомъ и ослѣплять ихъ видомъ своихъ сокровищъ. Утопическія постановленія дѣлаютъ весь этотъ вздоръ ненужнымъ».

На ряду съ этими рынками имѣются базары съ провизіей, куда животныя доставляются уже битыми, въ видѣ выпотрошенныхъ тушъ, какъ мы это уже видѣли въ предыдущей главѣ (стр. 246). Убой скота производится за городомъ близъ рѣки, для того, чтобы въ городахъ не заводилась грязь и запахъ гнили, которые въ свою очередь могли бы оказаться причиною болѣзни (далѣе стр. 97).

«На каждой улицѣ, въ извѣстномъ одна отъ другой разстояніи, помѣщаются обширныя гостиницы (дворцы), различающіяся своими названіями. Въ нихъ живутъ сифогранты; тридцать семействъ, под-

вѣдомственныхъ каждому, располагаются по обѣ стороны: пятнадцать справа, пятнадцать слѣва; во дворцѣ сифогранта они всѣ вмѣстѣ обѣдаютъ. Покупщики собираются къ извѣстному часу на рынкѣ и требуютъ себѣ количество съѣстныхъ продуктовъ, соотвѣтствующее числу обѣдающихъ. Начинаютъ всегда съ продовольствія больныхъ, находящихся на излеченіи въ общественныхъ больницахъ. Эти больницы, числомъ четыре, находятся въ окрестностяхъ города, и такъ превосходно устроены, что почти всѣ больные предпочитаютъ идти въ больницы, а не лежать дома.

«Труба возвѣщаетъ время наступленія обѣда. Всѣ члены сифогрантства, за исключеніемъ больныхъ, отправляются въ гостиницу, гдѣ обѣдаютъ или ужинаютъ сообща. Позволяется брать съѣстные припасы и для своего собственнаго употребленія, но только послѣ того, какъ общественныя столовыя заберутъ все, что имъ нужно. Однако, безъ особенно важныхъ причинъ утопійцы никогда не пользуются этимъ правомъ; такъ какъ никому не запрещается ѣсть дома, то никому этого и не хочется. Было бы глупо съ трудомъ приготовлять себѣ плохенькій обѣдъ, когда за нѣсколько шаговъ отъ дома можно получить его готовымъ гораздо лучше и притомъ даромъ.

«Самую грязную и трудную кухонную работу возлагаютъ на рабовъ. Женщины варятъ кушанья, приправляютъ ихъ, накрываютъ на столъ и убираютъ посуду. Онѣ смѣняются въ этой работѣ по семействамъ.

«Смотря по числу гостей, накрываютъ два или три стола. Мужчины сидятъ у стѣны, а женщины напротивъ, дабы каждая изъ нихъ могла свободно выйти изъ за стола въ особую комнату, никого не стѣсняя. Это особенно важно для беременныхъ и кормилицъ; въ комнатѣ для кормилицъ тепло и всегда имѣется чистая вода, а также люльки, куда можно положить дѣтей, вынуть ихъ изъ пеленокъ, высушить ихъ, а дѣтей занять игрою.

«Это тѣмъ болѣе важно для женщинъ, такъ какъ каждая мать сама кормитъ своего ребенка; только смерть или болѣзнь могутъ помѣшать ей въ этомъ. Въ обоихъ случаяхъ жены сифогрантовъ отыскиваютъ кормилицу, которую очень легко бываетъ найти. Способныя къ этой роли женщины съ большимъ удовольствіемъ предлагаютъ свои услуги. Кромѣ того, обязанность эта принадлежитъ

къ числу наиболѣе почетныхъ, и ребенокъ относится впослѣдствіи къ кормилицѣ своей, какъ къ родной матери.

Въ особыхъ залахъ для кормилицъ находятся также дѣти до пяти лѣтъ. Юноши и дѣвицы прислуживаютъ за столомъ. Тѣ мальчики и дѣвочки, у которыхъ еще не хватаетъ силъ для этого, стоятъ молча; они получаютъ то, что подаютъ имъ сидящіе и кромѣ этого тайкомъ въ другомъ мѣстѣ не ѣдятъ ничего».

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе общей трапезы, которую мы выпускаемъ, несмотря на то, что она представляетъ много симпатичнаго; однако, ничего существеннаго здѣсь нѣтъ, и это описаніе только вывело бы насъ изъ рамокъ нашей книги. Кончается это описаніе слѣдующими словами (стр. 100):

«Обѣды (prandium, по-англійски lunch) обыкновенно бываютъ очень коротки, а ужины (coena) длинны, такъ какъ послѣ первыхъ работаютъ, а послѣ вторыхъ отдыхаютъ и отправляются спать. Утопійцы придерживаются того мнѣнія, что сонъ дѣйствуетъ на пищевареніе гораздо лучше работы. За ужиномъ дѣло никогда не обходится безъ музыки и роскошнаго десерта (bellaria). Не жалѣютъ ни приправъ, ни пряностей, ни дорогихъ кореньевъ, чтобы доставить наслажденіе гостямъ. Можетъ быть, за все это можно обвинить утопійцевъ въ непомѣрной жаждѣ къ удовольствіямъ? Но они того мнѣнія, что удовольствія вполнѣ дозволены, если они не скрываютъ въ себѣ никакого зла.

«Такимъ образомъ протекаетъ жизнь въ утопійскихъ городахъ. Работающіе на поляхъ слишкомъ удалены отъ города, для того, чтобы принимать участіе въ общественныхъ столовыхъ; они обѣдаютъ у себя дома. Впрочемъ земледѣльческія семейства обезпечены богатой и разнообразной пищей. Они ни въ чемъ не нуждаются: да развѣ они сами не кормильцы городовъ?»

Вотъ, стало быть, какъ описывается *домашнее хозяйство* утопійцевъ. Теперь перейдемъ къ вопросу о бракѣ, который, къ удивленію, разбирается во главѣ «о рабахъ» (стр. 127).

«Дѣвушки не должны выходить замужъ раньше восемнадцати лѣтъ; юноши не женятся раньше двадцати двухъ. Лица обоего пола, обличенныя въ прелюбодѣяніи, подвергаются тяжелому наказанію: бракъ запрещается имъ навсегда, развѣ только самъ князь проститъ имъ вину. Отецъ и мать того семейства, въ которомъ

произошелъ подобный случай, считаются обезчещенными, потому что недостаточно слѣдили за поведеніемъ своихъ дѣтей. Въ Утопіи думаютъ, что супружеская любовь двухъ лицъ, которыя должны всю жизнь прожить вмѣстѣ и претерпѣвать при такомъ сожительствѣ тысячи непріятностей, очень скоро охладѣла бы, если бы преступная любовь одного изъ нихъ была бы терпима и оставалась безнаказанною.

«Впрочемъ, утопійцы и не женятся, очертя голову; чтобы лучше выбрать себѣ жену, они держатся обычая, который показался намъ (Гитлодею и его слушателямъ) очень страннымъ и смѣшнымъ; однако, они слѣдуютъ ему спокойно, съ удивительной серьезностью. Почтенная и уважаемая женщина показываетъ жениху его невѣсту, будь она дѣвица или вдова, въ совершенно голомъ видѣ; обратно и мужчина испытанной честности показываетъ невѣстѣ ея жениха раздѣтымъ. Этотъ странный обычай заставилъ насъ много посмѣяться, и мы вначалѣ считали его довольно глупымъ; однако, на всѣ наши насмѣшки утопійцы отвѣчали, что они въ свою очередь не могутъ надивиться безразсудству жителей другихъ странъ. Когда, говорили они, у васъ покупаютъ старую клячу, стоящую нѣсколько червонцевъ, то проявляютъ необычайную осторожность. Животное и такъ ужъ почти совершенно голое, а съ него еще снимаютъ сѣдло и сбрую изъ боязни, что эти ничтожныя вещи прикрываютъ какую-нибудь язву. А когда дѣло идетъ о выборѣ супруга, выборѣ, оказывающемъ вліяніе на всю послѣдующую жизнь, то приступаютъ къ дѣлу безъ всякой осторожности. Какъ можно заключать неразрывныя узы съ тѣломъ, сплошь закутаннымъ въ платье, такъ что о человѣкѣ приходится судить только по лицу—сравнительно небольшой части его тѣла. И они не боятся найти какой-нибудь недостатокъ, который заставитъ иначе всю жизнь проклинать этотъ, заключенный слишкомъ опрометчиво, бракъ. Говоря такъ, утопійцы до нѣкоторой степени правы: вѣдь, не всѣ же люди философы, цѣнящіе въ женщинѣ только умъ и сердце; да и философъ тоже не бываетъ недоволенъ, когда тѣлесная красота соединяется съ умственными дарованіями. Достовѣрно одно, что лучшее украшеніе можетъ скрывать подъ собою отталкивающее безобразіе; какъ сердце, такъ и чувство несчастнаго супруга будутъ возмущены, и онъ станетъ проклинать жену, разводъ съ которой невозможенъ. Дѣло въ томъ,

что обманъ, обнаружившійся послѣ брака, не расторгаетъ его, и мужчинѣ ничего больше не остается, какъ затаить въ себѣ злобу. Поэтому, законы предоставляютъ человѣку вѣрнѣйшее средство избѣжать подобной ловушки, особенно въ Утопіи, гдѣ не въ примѣръ прочимъ странамъ многоженство весьма строго воспрещено, и бракъ обыкновенно расторгается только смертью, за исключеніемъ прелюбодѣянія или же нестерпимаго поведенія одной стороны. Въ обоихъ случаяхъ оскорбленному супругу предоставляется вновь вступить въ бракъ; другому же остается только примириться съ холостой жизнью. Ни подъ какимъ видомъ не позволено расходиться съ супругой непорочнаго поведенія противъ ея воли, въ случаѣ, если у нея обнаружится какой-нибудь тѣлесный недостатокъ. Кто покидаетъ жену свою какъ разъ въ то время, когда она наиболѣе нуждается въ помощи, совершаетъ, по мнѣнію нашихъ островитянъ, гнусную жестокость: онъ отнимаетъ у старости всякую надежду на будущее и подрываетъ довѣріе къ обѣщанной вѣрности. Да развѣ старость—не мать всѣхъ болѣзней, развѣ она сама по себѣ не болѣзнь?

«Въ Утопіи иногда случается, что супруги, не подходящіе другъ къ другу въ силу большого различія характеровъ, стараются заключить новыя связи, сулящія имъ лучшую и болѣе счастливую жизнь. Просьбы о расторженіи брака разсматриваются сенаторами совмѣстно съ ихъ женами. Они разбираютъ дѣло и либо разрѣшаютъ разводъ, либо объявляютъ бракъ нерасторжимымъ. Въ первомъ случаѣ обѣ стороны расходятся по взаимному соглашенію и могутъ заново вступить въ бракъ. Разводъ допускается рѣдко, утопійцы знаютъ, что при надеждѣ вновь жениться бракъ не можетъ быть достаточно проченъ.

«Уличенные въ нарушеніи супружеской вѣрности приговариваются къ строжайшей формѣ рабства. Когда оба провинившіеся состояли въ бракѣ, каждый изъ оскорбленныхъ супруговъ пользуется правомъ изгнать другого. Они могутъ по желанію пожениться между собою или выбрать себѣ супруговъ въ другомъ мѣстѣ. Если же оскорбленная сторона продолжаетъ любить свою недостойную половину, то бракъ не расторгается, хотя, конечно, она должна слѣдовать туда, гдѣ провинившемуся назначена работа. Раскаяніе одного и любвеобильное самопожертвованіе другого вызываетъ иногда мило-

сердіе у князя, и онъ даруетъ обоимъ свободу. Повторенное прелюбодѣяніе карается смертью».

Къ этому мы прибавимъ всего лишь нѣсколько строкъ, характерныхъ для положенія женщины въ Утопіи (стр. 130):

«Мужья наказываютъ своихъ женъ, отцы и матери—дѣтей и къ суду прибѣгаютъ только въ особенно важныхъ случаяхъ».

Далѣе стр. 143: «Законъ никого не принуждаетъ выступать (на войну) за предѣлы страны противъ своего желанія, а также разрѣшаетъ женамъ слѣдовать въ армію за мужьями. Вмѣсто того, чтобы запрещать, ихъ уговариваютъ сдѣлать это, и подобный шагъ доставляетъ имъ значительный почетъ. Въ сраженіи супруги становятся вмѣстѣ, окруженные дѣтьми и близкими родственниками, которые по самой природѣ склонны помогать и защищать другъ друга. Позоръ ожидаетъ того мужа, который возвращается безъ своей жены, того сына, который потерялъ отца» (далѣе см. стр. 154).

«И вотъ, когда утопійцамъ приходится нападать, и врагъ оказывается упорнымъ, то бой завязывается не на жизнь, а на смерть. Изо всѣхъ силъ стараются они сами не вступать въ бой и рѣшать его при помощи наемниковъ. Но ужъ если имъ разъ приходится вступить въ сраженіе, тогда храбрость ихъ не уступаетъ той хитрости, съ которой они, пока было возможно, старались уклониться отъ боя.

«При первомъ натискѣ они не истощаютъ всѣхъ своихъ силъ. Сопротивленіе и продолжительный бой понемногу до того распаляютъ ихъ храбрость, что они скорѣе умрутъ, нежели уступятъ. Особенное мужество вселяетъ въ нихъ увѣренность, что дома они всегда найдутъ настолько, чтобы удобно прожить свой вѣкъ; кромѣ того имъ не приходится безпокоиться о своей семьѣ, а это безпокойство во всякомъ другомъ мѣстѣ лишаетъ даже и лучшихъ героевъ душевнаго равновѣсія. Увѣренность въ побѣдѣ увеличивается еще ихъ необычайной понятливостью въ военной тактикѣ, но главнымъ образомъ замѣчательнымъ воспитаніемъ, которое они получаютъ въ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ государства съ самаго ранняго дѣтства. Они рано научаются не настолько презирать жизнь, чтобы безразсудно рисковать ею, но и не настолько любить ее, чтобы позорнымъ образомъ беречь себя, когда честь требуетъ собою пожертвовать.

«Священники выбираютъ себѣ женъ изъ добродѣтельнѣйшихъ семействъ населенія. Женщины также не лишены возможности сдѣлаться священнослужителями, при томъ, впрочемъ, условіи, чтобы онѣ были вдовами и почтеннаго возраста».

Сдѣланныхъ выписокъ будетъ, повидимому, достаточно, для того, чтобы познакомиться съ семейнымъ бытомъ, бракомъ и т. п. въ Утопіи. Если бы мы привели всѣ относящіяся сюда мѣста полностью, то это завело бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ Моръ вдается въ большія подробности.

2. *Критика.*

Мы уже указали на то, съ какою любовью Моръ детально описываетъ общія трапезы утопійцевъ. Это не случайность, не проявленіе личныхъ симпатій Мора, а представляется намъ результатомъ его коммунизма. Крупная промышленность, послужившая основою современнаго соціализма, является системою *общественной* работы; каждая отрасль такой промышленности требуетъ общей и планомѣрной работы сотенъ и даже тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Современный соціализмъ стремится распространить этотъ общественный характеръ труда съ отдѣльныхъ отраслей на все производство данной общественной группы и приспособить способы потребленія къ методамъ производства.

Коммунистическій или, если угодно, соціалистическій характеръ всего того общественнаго строя, къ которому и стремится нынѣшній соціализмъ, прямо вытекаетъ изъ того *общественнаго характера труда*, который, до высокой степени, уже осуществляется въ настоящее время.

Ремесленный бытъ и крестьянское землепользованіе, изъ которыхъ исходилъ Моръ, напротивъ того, требуютъ, до нѣкоторой степени, *изолированія* отдѣльныхъ маленькихъ производительныхъ единицъ другъ отъ друга. Поэтому ему и нужно было особенно подчеркнуть *общественный характеръ трапезъ и развлеченій*. Для современнаго соціализма общеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ уже второстепенное значеніе—для Мора оно было главнымъ жизненнымъ нервомъ. Въ этомъ отношеніи Моръ ближе примыкаетъ къ проявъ-

леніямъ такъ называемаго соціализма древности, прежде всего къ платоновскому коммунизму, чѣмъ къ нынѣшнему соціализму.

Для Мора, однако общія трапезы были важны не только, какъ средство укрѣпить общественное единеніе, онъ нуждался въ нихъ также и для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, отчасти *освободить женщину отъ работы по хозяйству.*

Мы наталкиваемся при этомъ на вопросъ, который вообще можетъ служить хорошимъ пробнымъ камнемъ для характеристики каждой соціалистической системы. Обыкновенно по отношенію къ *женщинѣ* всегда можно правильно охарактеризовать направленіе этой системы даже въ томъ случаѣ, когда ничего ближе о ней не знаешь.

Мелко-буржуазные или даже *реакціонные* соціалисты, какъ мы ихъ можемъ смѣло назвать, отводятъ женщинѣ роль завѣдующей *отдѣльнымъ хозяйствомъ* и, такимъ образомъ, устраняютъ ее отъ участія въ общественной жизни. Совершенно по иному поступаетъ *современный пролетаріатскій* соціализмъ. Онъ исходитъ изъ крупной промышленности, какъ способа производства, превращающаго работу, посвященную отдѣльному хозяйству, въ отрасли общественной промышленности. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, трудъ, посвященный отдѣльному хозяйству, оказывается *напрасною тратою рабочихъ силъ* и *матеріала.* Подобная трата только потому не такъ уже сильно отражается нынѣ на кормильцѣ семьи, что хозяйка прямо безгранично тратитъ свои рабочія силы—съ одной стороны и съ другой—сокращаетъ до минимума свои жизненныя потребности.

Такимъ образомъ, работа женщины въ отдѣльномъ хозяйствѣ не только не становится все болѣе и болѣе излишней, но дѣлается прямо непосильною; прежде всего этотъ чрезмѣрный трудъ отзывается, конечно, на ней самой, затѣмъ онъ, косвеннымъ образомъ, переходитъ и на мужчину.

Однако, на ряду съ этимъ, крупная промышленность отводитъ мѣсто, и притомъ все въ большей и большей мѣрѣ, возможному и выгодному примѣненію женщины въ производствѣ. Такимъ образомъ, она выходитъ изъ узкаго, изолированнаго круга своего домашняго хозяйства на арену общественной дѣятельности и классовой борьбы, ей какъ бы навязывается интересъ къ политическому развитію и,

въ концѣ концовъ, въ ней возбуждается стремленіе къ политической дѣятельности.

Освобожденіе женщины отъ хозяйства, несомнѣнно, имѣетъ слѣдствіемъ также ея политическую эмансипацію. Равноправность обоихъ половъ въ политической жизни является, стало быть, требованіемъ всякаго современнаго соціалиста, а также и каждаго великаго утописта, которые будутъ строить свое ученіе не на мелкобуржуазныхъ основаніяхъ, а на капитализмѣ.

И въ этомъ отношеніи, стало быть, съ Моромъ произошло то же самое, какъ и со многими другими, о чемъ мы въ свое время уже говорили: онъ предвосхищалъ у современнаго соціализма извѣстное положеніе раньше, чѣмъ выработались тѣ матеріальныя условія, которыя могли бы служить ему основою. Онъ добирался до такого положенія путемъ логическаго мышленія, исходя при этомъ изъ тѣхъ началъ капитализма, которыя въ его время уже существовали.

Въ первомъ отдѣлѣ нашей книги мы уже замѣтили, что отъ хлопотъ по хозяйству избавилась прежде всего жена крупнаго купца и стала, благодаря этому, способна къ умственной и общественной дѣятельности. Далѣе мы уже видѣли, что Моръ, гуманистъ и представитель капиталистическаго купечества, и теоретически, и практически защищалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ идею женской эмансипаціи. Однако, обусловливая эту идею коммунистическимъ принципомъ равнаго для всѣхъ, обязательнаго труда, Моръ придаетъ ей совершенно иной характеръ, чѣмъ другіе эмансипаторы временъ гуманизма; *эмансипація женщины буржуазнаго круга, покоившаяся на эксплоатаціи* (ср. стр. 71), *приняла у Мора характеръ эмансипаціи всѣхъ женщинъ, которыя должны участвовать въ опредѣленной работѣ по отдѣльнымъ спеціальностямъ каждой изъ нихъ.*

Моръ показалъ намъ превосходный примѣръ того, какъ далеко геніальный изслѣдователь можетъ предусмотрѣть цѣли общественнаго развитія; вѣдь, казалось бы, для этого нужно только вполнѣ понять то, что имѣется подъ глазами. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ на примѣрѣ Мора, какимъ несовершеннымъ бываетъ такое предположеніе; оказывается, что идея, получившая толчокъ къ развитію отъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, въ нихъ же самихъ находитъ

также и ту препону, которая преграждаетъ ей путь къ дальнѣйшему совершенствованію.

Учредивъ общія трапезы, Моръ только отчасти сумѣлъ достичь эмансипаціи женщинъ: ему не удалось довести этого дѣла до конца потому, что онъ оставилъ безъ измѣненія главную основу отдѣльнаго хозяйства: *крестьянскій или же ремесленный способъ производства.*

Этотъ способъ требуетъ, чтобы *каждой отдѣльной отрасли отвѣчало отдѣльное хозяйство семьи*, какъ это очень типично было для римской *семьи* [1]). Дѣйствительно, латинское слово *familia* вовсе не обозначаетъ только людей, связанныхъ кровнымъ родствомъ, а именно, людей, сплоченныхъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ производствомъ. Естественно, что при обработкѣ почвы, пастьбѣ скота и т. д. участвовали прежде всего жена и дѣти крестьянина; затѣмъ его внуки и т. д., если того требовало расширеніе дѣла. Однако, и рабы, которые, на ряду съ ближайшими родственниками, также участвовали въ производствѣ, въ Римѣ тоже относились къ семьѣ, между тѣмъ какъ дѣти, выступающія изъ производительной ассоціаціи, напр., дочери, выходящія замужъ на сторону, считались выбывшими изъ семьи. Глава семейства (pater familias; странный родительный падежъ на as, вмѣсто ae—древняя форма) былъ руководителемъ производства, и ему, какъ таковому, всѣ члены семьи обязаны были полнымъ и безусловнымъ повиновеніемъ. По отношенію къ нему дѣти, въ римской семьѣ, занимали какъ разъ такое же положеніе, что и рабы, и характерно, что сынъ могъ освободиться отъ власти отца (patria potestas) только лишь такимъ образомъ, что послѣдній, по крайней мѣрѣ для виду, продавалъ его трижды въ рабство. Даже сама мать семейства была подчинена отцу.

Если не такъ ужъ рѣзко, то, во всякомъ случаѣ, въ подобномъ же родѣ обстояло дѣло и въ крестьянской средневѣковой патріархальной семьѣ. И она также представляла изъ себя ассоціацію людей, связанныхъ для веденія одного общаго отдѣльнаго отъ другихъ крестьянскаго хозяйства, она представляла изъ себя, значитъ, *экономическую единицу.*

---

[1]) Ср. *Энгельсъ*, «Происхожденіе семьи, собственности и государства». Существуетъ русскій переводъ. Последнее русское издание вышло в URSS в 2010 г.

Въ средневѣковомъ ремеслѣ каждая отрасль также образуетъ свое хозяйство, свою отдѣльную семью, къ которой могли и не принадлежать дѣти мастера, посвятившія себя другому ремеслу; но зато въ эту семью входили всѣ подмастерья и ученики, даже если они и не приходились средни мастеру, хотя очень часто послѣднее и имѣло мѣсто. Вѣдь тотъ или другой пріемъ въ ремеслѣ могъ быть семейной тайной, и легко было усвоить его сыну отъ отца, у котораго онъ его съ дѣтства видѣлъ. Нерѣдко та или другая отрасль была пріурочена къ одной семьѣ (въ смыслѣ кровнаго родства) и передавалась въ ней по наслѣдству. Какъ у крестьянина, такъ и у средневѣковаго ремесленника занятіе спеціальностью и весь строй домашней жизни тѣсно сплочены другъ съ другомъ. Тѣ, кто вмѣстѣ производятъ что-нибудь, вмѣстѣ и потребляютъ одни и тѣ же продукты. Отецъ семейства руководилъ производствомъ, однако, не одинъ онъ пользовался всѣмъ тѣмъ, что это производство давало.

Другое дѣло при капиталистическомъ способѣ производства. Это послѣднее уже по самому своему естеству отдѣлено отъ домашняго хозяйства владѣльца предпріятія и его руководителя; благодаря этому, наемный рабочій получаетъ, конечно, возможность устроить свое собственное семейство, чего цеховой подмастерье сдѣлать не могъ; зато, съ другой стороны, рабочій получилъ также полную возможность помереть съ голоду, между тѣмъ какъ владѣлецъ предпріятія живетъ въ роскоши, при цеховомъ ремеслѣ мастеръ и подмастерье ѣдятъ за однимъ столомъ. Капиталъ и на ремесленный бытъ повліялъ такимъ образомъ, что единство производства и домашняго хозяйства постепенно ослабѣвало и, наконецъ, уничтожилось совсѣмъ. Между тѣмъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ эти патріархальныя отношенія въ большинствѣ случаевъ сохранились еще и понынѣ.

Во времена Мора домашняя жизнь крестьянскаго и ремесленнаго производителей еще тѣсно сплачивалась съ предпріятіемъ. Если Моръ и посягнулъ, въ своихъ общихъ трапезахъ, на это единеніе (по крайней мѣрѣ для городскихъ ремесленниковъ, не для крестьянъ), то онъ вполнѣ освободиться отъ нихъ все-таки не сумѣлъ. Поэтому, мы и встрѣчаемъ у него патріархальную семью, можно сказать, въ ея классической формѣ, такъ какъ у него она представляется чисто логическимъ измышленіемъ, освобожденнымъ отъ всѣхъ препятствую-

щихъ дѣлу постороннихъ вліяній, которыя нерѣдко такъ застилаютъ явленіе, что его трудно среди нихъ различить. Семейства утопійцевъ представляютъ изъ себя производительныя ассоціаціи, которыя, такъ же, какъ и большинство ремесленныхъ семействъ средневѣковья, сплачиваются въ большинствѣ случаевъ, но не обязательно, узами кровнаго родства. Величина семьи опредѣляется *техническими* соображеніями. Крестьянскія семьи крупнѣе ремесленныхъ; первыя насчитываютъ 40, вторыя только 10—16 взрослыхъ членовъ. Лишеніе члена одной семьи заполняютъ пробѣлы въ другихъ. Старшій въ семьѣ руководитъ мастерствомъ, онъ властвуетъ надъ остальными членами.

Принимая въ свою утопическую общину отдѣльное хозяйство, патріархальную семью, Моръ, конечно, долженъ былъ считаться со всѣми послѣдствіями, и потому онъ всячески старался ослабить ихъ невыгодное вліяніе на положеніе женщины.

Онъ не только до высокой степени подчинилъ женщину мужчинѣ, но и сохранилъ всѣ формы половыхъ сношеній, свойственныя патріархальной семьѣ: онъ требовалъ отъ дѣвицы *цѣломудрія* до брака, онъ строго настрого запретилъ *нарушеніе супружеской вѣрности* или *требованіе развода* женою и т. п. Эти требованія такъ крѣпко въѣлись въ нравы, что и сегодня еще они остаются безъ измѣненія, хотя матеріальныя основанія для нихъ давно уже рухнули.

Тѣмъ менѣе могъ выбраться изъ нихъ Моръ, жившій почти 400 лѣтъ тому назадъ. Единственное, что онъ могъ сдѣлать, сводилось къ возможному смягченію строгости въ супружескихъ требованіяхъ. Однако, съ другой стороны, ему во многихъ отношеніяхъ пришлось даже *усилить* эти строгости, такъ какъ, желая уравнять права обоихъ половъ, онъ и отъ мужчины требуетъ тѣхъ же ограниченій половой свободы, а не догадывается предоставить ее также и женщинамъ. Онъ отъ *обоихъ половъ* требуетъ цѣломудрія до брака, обѣимъ сторонамъ запрещаетъ измѣну супружескому обѣту. Правда, въ вопросѣ о разводѣ онъ допускаетъ нѣкоторыя поблажки, но самыя незначительныя. Между тѣмъ, онъ требовалъ, чтобы бракъ основывался на взаимной склонности,—требованіе необходимое, если не желать ставить женщину въ положеніе рабыни мужа и если ему тоже запрещено всякое внѣбрачное половое сношеніе.

Чтобы исключить возможность позднаго раскаянія въ легкомысленно заключенномъ бракѣ и требованія развода, онъ придумалъ странный способъ: показывать жениха и невѣсту передъ свадьбою другъ другу совершенно нагишомъ. Намъ кажется, что въ этой затѣѣ слышится тайный вздохъ Мора по поводу того, что ему не удалось *во время*, до свадьбы, ознакомиться съ чарами его Алисы—тогда бы ему навѣрно этого было бы достаточно (ср. стр. 103—104).

Всѣ эти измышленія являются естественными слѣдствіями желанія вытянуть изъ своихъ мозговъ способы осуществленія идеи, пока фактическія основанія для нея имѣются лишь какъ разъ въ такой степени, что даютъ толчокъ къ идеѣ, но не представляютъ еще никакихъ условій, необходимыхъ для ея реализаціи.

При построеніи семейныхъ отношеній, условій брака и жизни супруговъ, генію Мора была задана гораздо болѣе трудная задача борьбы съ крайне стѣснительными фактическими данными, нежели при его мысляхъ о способѣ производства. Поэтому въ вопросахъ о семейномъ бытѣ мы встрѣчаемъ у Мора, наряду съ принципами, вполнѣ соотвѣтствующими современному соціализму, такіе, отъ которыхъ вѣетъ давно минувшей стариной и отсталыми способами производства. Очень современнымъ являются его требованія общихъ трапезъ, участія женщинъ въ общественной жизни, конечно, въ ея тогдашнихъ формахъ, въ военномъ дѣлѣ, и въ священнослуженіи, въ выборѣ должностныхъ лицъ и въ правѣ заниматься наукою.

Несоотвѣтствіе съ тенденціями современнаго соціализма и даже соціализма самого Мора проявляется въ подчиненномъ положеніи женщины и въ сохраненіи отдѣльнаго хозяйства.

Однако, и въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ мы говорили выше, Моръ имѣетъ весьма мало общаго съ Платономъ. Трудно сказать, увлекался ли Моръ когда-нибудь идеей общности женъ. Эразмъ, разсказывающій намъ объ этомъ (ср. стр. 106), слишкомъ плохо понимаетъ вообще соціализмъ Мора, чтобы на него можно было положиться, какъ на вполнѣ надежный источникъ. Одно вѣрно, что въ «Утопіи» Моръ строго требовалъ моногаміи и свободнаго выбора супруговъ и въ этомъ отношеніи находился въ противорѣчіи къ Платону, который со свойственной ему лаконическою простотою и чисто аттическимъ презрѣніемъ къ женщинамъ восхвалялъ общность женъ и наряду съ нею половой отборъ по требованію начальства;

въ настоящее время и то и другое одинаково претитъ нашему нравственному чувству.

Если Моръ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ Платону, то въ вопросѣ о *народонаселеніи* оба они сходятся значительно ближе другъ къ другу и дальше отъ современнаго соціализма. Каждый изъ нихъ считаетъ необходимымъ, чтобы число народонаселенія его идеальнаго общества держалось въ *одной нормѣ*. Правда, *способы*, которыми тотъ и другой желаютъ достичь этого равновѣсія, сильно разнятся другъ отъ друга. Система предотвращенія дѣторожденія и устройство искусственныхъ выкидышей, рекомендуемая Платономъ, Мору не приходитъ даже въ голову. Онъ совѣтуетъ соціалистическую политику колонизаціи и переселенія, которая рѣзко противорѣчила политикѣ его эпохи. Онъ требовалъ не порабощенія и эксплоатаціи туземцевъ, населяющихъ колонію, а желалъ принятія ихъ въ число гражданъ на равныхъ правахъ и участія ихъ въ выгодахъ того высшаго способа производства, съ которымъ ихъ знакомятъ колонисты.

Однако, и ему, какъ и Платону, приходится требовать, чтобы населеніе держалось на одномъ уровнѣ, такъ какъ они строили свое общество на крестьянскомъ и ремесленномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, эти формы производства очень консервативны, онѣ лишь въ малой степени и постепенно способны увеличивать производительность работы; нерѣдко, достигши извѣстнаго развитія, онѣ застываютъ и далѣе не совершенствуются. Разъ вся годная къ обработкѣ земля уже занята подъ культуру, тогда при крестьянскомъ хозяйствѣ болѣе невозможенъ замѣтный ростъ населенія безъ ущерба для его благосостоянія.

Вопросъ о народонаселеніи принимаетъ, между тѣмъ, совершенно иной характеръ, разъ въ земледѣліе и производство товаровъ начинаютъ проникать принципы крупной промышленности. Эта форма производства пользуется выводами науки и постоянно революціонируется неустаннымъ прогрессомъ открытій и знаній; въ результатѣ получается безпрерывное увеличеніе продуктивности работы, благодаря чему становится возможнымъ значительный приростъ населенія. Нерѣдко онъ прямо-таки обусловливаетъ дальнѣйшіе успѣхи той или другой отрасли производства. Продуктивность работы увеличивается по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ развивается раздѣленіе

труда, чѣмъ болѣе каждая отдѣльная отрасль спеціализируется на изготовленіи одного опредѣленнаго предмета и чѣмъ въ большихъ количествахъ она этотъ предметъ изготовляетъ. Постоянный ростъ *массоваго производства* и *массоваго сбыта*, при современныхъ условіяхъ техники, точно такъ же является непремѣннымъ условіемъ прогресса. Ростъ же производства и сбыта становится возможнымъ при поднятіи требованій къ жизни, другими словами, при увеличеніи потребленія отдѣльными лицами, а также при увеличеніи числа потребителей; стало быть, для увеличенія арены сбыта надо либо найти для товара болѣе отдаленные рынки, либо увеличить народонаселеніе.

Извѣстное регулированіе народонаселенія при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени даже и необходимо. Однако, ограниченіе числа жителей опредѣленной цифрой, выше которой идти нельзя, какъ требовалъ ея Моръ, и не могъ, добавимъ отъ себя, не требовать—это, во всякомъ случаѣ, совершенно противорѣчитъ современному способу производства и нынѣшнему соціализму.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политика, наука и религія въ Утопіи.

1. Политика.

Способъ производства, хозяйство, семейный бытъ и бракъ—вотъ тѣ главнѣйшіе вопросы, на которыхъ извѣстная коммунистическая система можетъ развернуться во всѣхъ своихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ. Политической, также и идеологической надстройкѣ мы придаемъ значительно меньшее значеніе. О политикѣ въ коммунистической общинѣ вообще много говорить не приходится. Что же касается идей, царящихъ въ ней, то, конечно, гораздо легче представить себѣ учрежденія, отличающіяся отъ нашихъ, чѣмъ будущія идеи и особенности характера вымышленнаго населенія. Религіозныя и философскія идеи «Утопіи» для *своего времени* отличаются уди-

вительной смѣлостью и чрезвычайно характерны для Мора. Однако, въ то время, какъ его экономическія требованія и нынѣ еще, во многихъ отношеніяхъ, революціонны, философія его, въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ она еще не устарѣла, сдѣлалась общимъ мѣстомъ, подъ которымъ можетъ подписаться нашъ самый легковѣсный либералъ. Поэтому-то философія и религія «Утопіи» болѣе всего и заинтересовали нашихъ либеральныхъ историковъ— имъ они посвятили длинныя изслѣдованія, между тѣмъ какъ отъ коммунизма они отдѣлывались очень просто, двумя-тремя фразами снисходительнаго сожалѣнія, въ которыхъ онъ обозначался пустой фантазіей. Философія и религія «Утопіи» очень важные документы для выясненія литературнаго и научнаго положенія Мора, о чемъ мы говорили во второмъ отдѣлѣ нашей книги; зато онѣ не состоятъ ни въ какомъ отношеніи къ коммунизму его идеальной общины и органически съ нимъ не связаны.

Поэтому изъ всего длиннаго повѣствованія Мора объ этихъ предметахъ мы выберемъ лишь наиболѣе существенное и ограничимъ свои комментаріи и критику только самымъ необходимымъ, тѣмъ болѣе, что въ главныхъ чертахъ намъ придется лишь повторять то, что уже было высказано нами въ первомъ отдѣлѣ.

Прежде всего посмотримъ, какъ представлялъ себѣ Моръ *политическую конституцію* своей Утопіи (стр. 86).

«Тридцать семействъ города [1]) ежегодно выбираютъ одного правителя. На старинномъ діалектѣ онъ называется «*сифогрантомъ*», а на новомъ «*филархомъ*». Десять филарховъ и триста семействъ повинуются одному «протофиларху», или по древнему «транибору». Наконецъ, сифогранты, которыхъ числомъ 200, производятъ послѣдніе выборы. Они даютъ клятву подавать свои голоса лишь за лучшаго и способнѣйшаго гражданина и затѣмъ приступаютъ къ выбору князя изъ среды тѣхъ четырехъ гражданъ, которые предложены народомъ. Такъ какъ городъ распадается на четыре округа, то каждый изъ нихъ представляетъ сенату своего избранника. Званіе князя остается на всю жизнь, при томъ, однако, условіи, чтобы на него не падало подозрѣнія въ стремленіи къ единодержавію.

[1]) Стало быть, во всякомъ случаѣ, мужчины и женщины вмѣстѣ

Трапиборы избираются ежегодно; однако, безъ особенныхъ поводовъ ихъ не мѣняютъ. Остальныя власти мѣняются разъ въ годъ. Каждые три дня, а въ случаѣ надобности и чаще, трапиборы вмѣстѣ съ княземъ собираются на совѣщаніе, въ которомъ обсуждаютъ текущія дѣла и улаживаютъ тяжбы между частными лицами, которыхъ обыкновенно бываетъ крайне мало. На засѣданіи сената присутствуютъ два сифогранта, смѣняющіеся каждый разъ...

«Собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ, помимо сената и народнаго собранія, считается преступленіемъ, карaемымъ смертью. Этими постановленіями князья и трапиборы стараются предотвратить заговоры противъ свободы, противъ притѣсненія народа деспотическими законами и противъ измѣненія формы правленія.

«Въ этомъ отношеніи правительство настолько бдительно, что вопросы первостепенной важности предлагаются на разсмотрѣніе сифогрантовъ, которые затѣмъ сообщаютъ ихъ семействамъ. Каждый такой вопросъ обсуждается затѣмъ въ народномъ собраніи, и, наконецъ, сифогранты, разсмотрѣвъ дѣло сами, сообщаютъ сенату свое собственное мнѣніе и волю народа. Иногда прибѣгаютъ къ опросу населенія всего острова...

«Изъ правилъ, которымъ подчиняется сенатъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: въ тотъ день, когда сдѣлано предложеніе, обсуждать его еще нельзя—пренія откладываются до слѣдующаго засѣданія.

«Такимъ образомъ, никто не подвергается опасности необдуманно высказать первое пришедшее ему въ голову мнѣніе, которое онъ затѣмъ изъ самолюбія или стыда сталъ бы настойчиво защищать, совершенно забывая объ общественномъ благѣ. И вотъ, чтобы предотвратить такую опасную опрометчивость, сенаторамъ дается время на размышленіе».

Стр. 80: «Каждый городъ выбираетъ трехъ наиболѣе мудрыхъ старцевъ и посылаетъ ихъ въ Амауротъ (столицу, гдѣ обсуждаются дѣла, касающіяся всей страны). Мы знаемъ уже, что этотъ сенатъ обязанъ составлять статистику наличности и требованій, назначать каждому городу количество требуемой отъ него работы и уравнивать между отдѣльными общинами недостачу или излишки».

Что касается функцій отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, то мы уже знаемъ, что (стр. 89).

«Благороднѣйшая и почти исключительная дѣятельность сифограптовъ состоитъ въ постоянномъ наблюденіи, чтобы никто не предавался лѣни и чтобы всѣ дѣятельно трудились.

«Не слѣдуетъ, однако, думать, что утопійцы, подобно вьючному скоту, работаютъ съ ранняго утра до поздней ночи. Такая, одинаково вредная и для тѣла, и для души, жизнь была бы хуже рабства и пытки. А вѣдь и то, и другое повсюду достается въ удѣлъ рабочему люду, кромѣ утопійскаго».

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 132) мы читаемъ:

«Кто слишкомъ жадно добивается занятія какой-нибудь должности, теряетъ всякую надежду занять какую бы то ни было. Утопійцы живутъ всѣ вмѣстѣ, какъ одна семья. Правительствующія лица не суровы и не горды; ихъ называютъ отцами, и они на дѣлѣ творятъ только добро и справедливость; они и держатся, какъ отцы. Съ простотой принимаютъ они тѣ почести, которыми окружаютъ ихъ дѣятельность, при этомъ безъ всякаго принужденія. Даже самъ князь не отличается отъ толпы ни порфирой, ни короной, а исключительно пучкомъ колосьевъ, который несетъ въ рукѣ. Отличіемъ первосвященника является восковая свѣча, которую несутъ передъ нимъ.

«Число законовъ очень не велико, и тѣмъ не менѣе ихъ достаточно бываетъ для всѣхъ учрежденій. Утопійцамъ особенно не нравится у другихъ народовъ безконечное количество писаныхъ законовъ, декретовъ и комментаріевъ, которыхъ, однако, далеко не хватаетъ для общественнаго спокойствія.

«Они считаютъ верхомъ несправедливости сковывать человѣка желѣзными законами, слишкомъ обширными для того, чтобы была возможность ихъ прочесть, и иногда слишкомъ туманными, чтобы ихъ понять.

«Сообразно этому, въ Утопіи нѣтъ адвокатовъ; тамъ нѣтъ ораторовъ по профессіи, которые спеціально занимаются тѣмъ, что выворачиваютъ на изнанку всѣ законы и примѣняютъ ихъ къ своему дѣлу съ большой ловкостью. Утопійцы предпочитаютъ, чтобы каждый самъ защищалъ свое дѣло и непосредственно передавалъ судьѣ то, что у насъ поручаютъ адвокату.

«Такимъ образомъ, получается меньше двусмысленности и путаницы и легче обнаруживается истина. Стороны излагаютъ свое

дѣло просто, благодаря отсутствію адвокатовъ, научающихъ различнымъ обходамъ да интригамъ. Доводы каждой стороны взвѣшиваются судьей на основаніи здраваго смысла и пониманія дѣла; онъ защищаетъ откровенность прямого человѣка отъ лживыхъ увѣреній обманщика.

«Подобнаго рода правосудіе очень трудно было бы примѣнять въ другихъ странахъ, гдѣ оно замѣняется кучею доносовъ среди противорѣчій и двусмысленностей. Впрочемъ, въ Утопіи каждый человѣкъ есть «докторъ правъ», такъ какъ, повторяю, число законовъ тамъ очень ограничено и самое простое выраженіе ихъ считается наиболѣе подходящимъ и справедливымъ.

«Законы, говорятъ Утопійцы, созданы исключительно для той цѣли, чтобы каждый зналъ свои права и обязанности. Тонкость нашихъ комментаріевъ была бы доступна только немногимъ, и ее бы пришлось разъяснять при помощи ученыхъ спеціалистовъ, между тѣмъ какъ ясно изложенный законъ, смыслъ котораго не двойственъ и легко понятенъ, вполнѣ доступенъ каждому».

Внѣшнія политическія сношенія утопійцевъ такъ же несложны, какъ и внутреннія ихъ дѣла. Они не заключаютъ договоровъ съ сосѣдними странами, такъ какъ знаютъ, что святость ихъ договоровъ чтутъ только до тѣхъ поръ, пока это выгодно. Они надѣются только на самихъ себя и на экономическую зависимость отъ нихъ ихъ сосѣдей (стр. 137).

«Война представляется утопійцамъ чѣмъ то ужаснымъ. Она кажется имъ остаткомъ звѣрской грубости, къ которой человѣкъ, однако, оказывается болѣе пристрастнымъ, чѣмъ какой бы то ни было родъ дикихъ звѣрей. Въ противоположность правамъ почти всѣхъ другихъ націй, въ Утопіи самымъ позорнымъ считается погоня за военными лаврами. Несмотря на это, не надо думать, что они не упражняются, и очень ревностно, въ военной дисциплинѣ; даже женщины подлежатъ ей наравнѣ съ мужчинами. Для упражненій назначаются извѣстные дни, дабы никто не оказался въ минуту опасности неумѣлымъ въ бою. Тѣмъ не менѣе, утопійцы никогда не затѣваютъ войны безъ вѣскихъ причинъ. Къ этимъ причинамъ они относятъ защиту отъ нападенія своихъ и союзныхъ границъ, а также освобожденіе сосѣдняго народа отъ деспотизма и ярма тирана. При этомъ они совершенно не считаются со сво-

ими собственными интересами, а имѣютъ въ виду лишь благо человѣчества. Государство Утопія спѣшитъ на помощь своему другу безъ всякихъ условій и обѣщаній и при томъ не только въ случаѣ вражескаго набѣга, но также и для того, чтобы отомстить за него и потребовать удовлетворенія. Однако, оно поступаетъ такимъ образомъ лишь тогда, если съ нимъ посовѣтовались передъ объявленіемъ войны; въ этомъ случаѣ серьезно разбирается суть дѣла, и если народъ, поступившій несправедливо, не пожелаетъ возмѣстить причиненныхъ убытковъ, то его признаютъ зачинщикомъ войны и объявляютъ виновникомъ всѣхъ ея послѣдствій. Такое непоколебимое рѣшеніе принимаютъ утопійцы всякій разъ, когда производится вооруженное нападеніе съ цѣлью грабежа; особенно же возмущается ихъ гнѣвъ, если купцы дружественной націи претерпѣваютъ несправедливыя утѣсненія на чужбинѣ во имя неправильнаго закона или невѣрнаго толкованія его».

Въ послѣдней фразѣ въ нашемъ добромъ Морѣ ясно проглядываетъ купецъ, стоящій за его спиною.

Его чрезвычайно детальныя сообщенія о веденіи утопійцами войны, изъ которыхъ мы привели выше только начало, представляютъ въ общемъ весьма ѣдкую сатиру на страсть къ войнѣ его современниковъ: особенно жестоко достается отъ него швейцарцамъ[1]), которые выставлены въ Утопіи подъ именемъ цаполетовъ.

[1]) Вотъ какъ характеризуются швейцарцы-наемники въ «Утопіи» (стр. 141): «Цаполеты, варварское, грубое и дикое племя, живутъ среди лѣсовъ и скалъ, гдѣ они родились и выросли.

«Они очень закалены и терпѣливо выносятъ холодъ, жару и лишенія. Роскошная жизнь имъ незнакома, они пренебрегаютъ земледѣліемъ, они не умѣютъ ни уютно устроиться, ни порядочно одѣться. Единственнымъ источникомъ питанія является для нихъ скотоводство, а главной статьей дохода—грабежъ и охота.

«Рождонные для одной только войны, цаполеты жадно хватаются за всякій случай, предоставляющій имъ возможность сражаться. Тысячами спускаются они со своихъ горъ и за ничтожную плату продаютъ свои услуги любому государству, какое только пожелаетъ ихъ взять. Смертоубійство оказывается единственнымъ ремесломъ, въ которомъ они понимаютъ толкъ; зато они храбро дерутся и никогда не измѣняютъ тому, кому продались. Они никогда не заключаютъ договора до извѣстнаго срока, а сражаются подъ тѣмъ условіемъ, что на другой же день перейдутъ на сторону враговъ, если тѣ предложатъ имъ большую плату, и въ этомъ случаѣ ихъ уже ничто не въ состояніи вер-

Всѣ эти его разсужденія основаны на томъ предположеніи, что утопійцы со всѣхъ сторонъ окружены государствами, стоящими на той же ступени культуры, но не имѣющими коммунистическаго соціально-политическаго строя Утопіи. Моръ очень смутно сознавалъ международную солидарность современнаго соціализма; послѣдній вѣдь принимаетъ, что соціальный переворотъ, къ которому онъ стремится, является естественнымъ послѣдствіемъ капиталистическаго способа производства; изъ этого логически слѣдуетъ выводъ, что онъ долженъ распространиться на всѣ тѣ страны, которыя приняли этотъ способъ производства.

Внутренняя политическая организація Утопіи находится съ коммунизмомъ въ гораздо болѣе тѣсной связи, нежели всѣ разсужденія Мора о войнѣ. Утопія представляетъ изъ себя чисто демократиче-

---

нуть назадъ. Въ этихъ странахъ рѣдко бываетъ война, гдѣ бы съ обѣихъ сторонъ не воевали цаполеты. Такимъ образомъ ежедневно приходится видѣть близкихъ родственниковъ и друзей, которые, служа въ одномъ войскѣ, обнаруживаютъ нѣжную любовь другъ къ другу, но лишь только случай разъединитъ ихъ и поставитъ въ ряды непріятельскихъ армій, они съ остервенѣніемъ бросаются другъ на друга. Они забываютъ объ узахъ семьи и дружбы, убиваютъ своихъ собратьевъ съ яростью, и все это по той причинѣ, что два непріятельскихъ вождя заплатили имъ за эту кровь и усердіе немного денегъ. Корыстолюбіе у нихъ настолько сильно, что одного гроша прибавки въ день достаточно, чтобы заставить ихъ покинуть свое знамя. Эта страсть выродилась у нихъ въ необузданную алчность, которая не приноситъ имъ, однако, никакой пользы, такъ какъ то, что цаполетъ покупаетъ цѣной своей крови, онъ тутъ же и проматываетъ въ излишествахъ самаго послѣдняго свойства.

«Этотъ народъ готовъ воевать за утопійцевъ противъ всего міра, такъ какъ нигдѣ онъ не получаетъ лучшаго вознагражденія. Съ другой стороны, сами утопійцы, которые всегда готовы принять хорошихъ людей, чтобы пользоваться ихъ услугами, не пренебрегаютъ и этими головорѣзами, имѣя въ виду истребить это племя. И вотъ, стало быть, когда имъ нужны бываютъ цаполеты, они завлекаютъ ихъ самыми заманчивыми обѣщаніями и ставятъ ихъ на опаснѣйшіе посты. Большинство изъ нихъ погибаетъ и, слѣдовательно, не приходитъ требовать обѣщаннаго; остающіеся въ живыхъ исправно получаютъ свое жалованье, и эта вѣрность расплаты заставляетъ ихъ въ слѣдующій разъ также храбро презирать опасность.

«Утопійцамъ мало дѣла до того, сколько они потеряютъ такихъ наемниковъ. Они убѣждены, что окажутъ міру большую услугу, если освободятъ его когда-нибудь отъ этого безчестнаго разбойничьяго племени.»

Прим. перев.

скую общину, въ которой весь трудъ должностныхъ лицъ сводится къ разбору споровъ и, въ особенности, къ *руководительству надъ работою*. Моръ выставляетъ тутъ тотъ же принципъ, что и современный соціализмъ—съ прекращеніемъ розни между классами, политическія функціи постепенно сходятъ на нѣтъ и изъ политическаго государства получается производительное общество.

Однако, для Мора очень характерно то обстоятельство, что онъ не могъ представить себѣ такую общину безъ князя. Хотя послѣднему не остается рѣшительно никакой другой заботы, кромѣ того, чтобы его какъ-нибудь не заподозрили въ стремленіи къ единодержавію, однако, безъ такого личнаго главы Утопіи дѣло обойтись все-таки, не можетъ.

2. *Наука.*

Теперь познакомимся съ положеніемъ *науки* въ Утопіи (стр. 89).

«Каждое утро передъ восходомъ солнца открываются общественныя залы. Только тѣ обязаны ходить туда, кто исключительно посвятилъ себя наукамъ; однако, каждый имѣетъ право посѣщать ихъ—мужчины и женщины; каждый слушаетъ тѣ курсы, которые его интересуютъ».

Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается одна изъ основъ современнаго соціализма: уничтоженіе привилегіи знанія для одной *касты*. Наука дѣлается достояніемъ всѣхъ членовъ общества, мужчинъ и женщинъ, и одна изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ задачъ коммунистической общины заключается въ пріобщеніи къ наслажденіямъ, доставляемымъ умственною работою, рѣшительно всякаго.

Въ «Утопіи» мы читаемъ:

«Всѣ учрежденія этой общины сводятся къ тому, чтобы дать каждому гражданину возможность пользоваться каждою минутою того времени, которое не расходуется на физическій трудъ, для развитія свободной дѣятельности и умственныхъ способностей. Такъ какъ именно въ этомъ они видятъ земное счастье».

Эта мысль вполнѣ отвѣчаетъ нашему времени, и мы не встрѣчаемся съ нею ни въ первобытномъ коммунизмѣ, ни въ Платоновомъ. Дикарь, не задававшійся особыми мыслями, еще не могъ

понять прелести научныхъ занятій. Подобнаго рода импульсы могли получиться лишь въ ту эпоху, когда общественные элементы начали подхватываться теченіемъ общаго развитія, когда появились враждующіе классы, когда соціальные перевороты перестали уступать волѣ одного человѣка, а соціальная борьба вызывала на размышленіе, однимъ словомъ, тогда, когда началась *исторія*.

Но, съ другой стороны, подобные импульсы зависѣли также и отъ того, что человѣкъ освободился отъ подчиненія *природѣ* и могъ углубиться въ изученіе ея, какъ въ объектъ, отъ котораго онъ самъ не зависитъ. Оба эти основанія для развитія вкуса къ научнымъ занятіямъ могли имѣть мѣсто лишь въ *городахъ*; здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, развились и тѣ условія, которыя дали возможность приступить къ научнымъ занятіямъ, появился *классъ*, освобожденный отъ физической работы, который могъ всецѣло посвятить себя всѣмъ прелестямъ научныхъ занятій.

Въ древности физическій трудъ и наука казались чѣмъ-то несоединимымъ, чѣмъ-то противоположнымъ другъ другу. Потому-то въ платоновской республикѣ наука и составляетъ привилегію властвующаго класса эксплоататоровъ.

И Моровскому коммунизму, основанному, подобно современному, на равномъ участіи въ трудѣ для всѣхъ и, стало быть, на общей равноправности, приходилось, какъ и первобытному, давать всѣмъ участникамъ труда возможность пользоваться также и всѣми прелестями его результатовъ. Особенно должно это было имѣть мѣсто въ самомъ сильномъ изъ наслажденій, которое, впрочемъ, зародилось лишь послѣ того, какъ съ лица земли исчезъ первобытный коммунизмъ—мы говоримъ о наслажденіяхъ умственною работою. Какъ гуманистъ, Моръ долженъ былъ особенно подчеркнуть эту сторону дѣла: жизнь безъ умственнаго труда не стоила того, чтобы ее проживать [1]).

---

[1]) Моръ далеко не считалъ соціализма исключительно вопросомъ *желудка*. По его мнѣнію, это прежде всего вопросъ *культуры* и въ этомъ отношеніи онъ значительно выше многихъ современныхъ соціалистовъ, полагающихъ, что рабочимъ только и нужно обезпечить за собою свой насущный хлѣбъ; такъ, напр., Родбертусъ такъ былъ всецѣло поглощенъ этою стороною дѣла, такъ односторонне занялся вопросомъ о *заработной платѣ*, что даже не пожелалъ заинтересоваться опредѣленіемъ нормальнаго рабочаго дня.

А такъ какъ въ его время освобожденіе гражданъ отъ убивающихъ мысль физическихъ трудовъ должно было обязательно сопровождаться сокращеніемъ потребностей, то Моръ скорѣе согласился съ послѣднимъ, чѣмъ могъ рѣшиться отказать своимъ утопійцамъ въ возможности умственнаго прогресса. Мы уже касались этого пункта и знаемъ, что техническая отсталость его времени заставляла Мора создать два класса, хотя и незначительныхъ по числу, но, тѣмъ не менѣе, противорѣчащихъ всему строю Утопіи: классъ ученыхъ, освобожденныхъ отъ всякой обязательной работы, и классъ рабовъ, которому не позволено заниматься умственною дѣятельностью. Однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что ученые, во всякомъ случаѣ, не пользуются никакими матеріальными преимуществами передъ остальными гражданами. И Мору вовсе не кажется необходимымъ мотивировать подобный порядокъ. Буржуазія должна была дойти уже до высокой степени вырожденія къ тому времени, когда она выставила принципъ, будто мозговая работа—такое мученье, что къ ней можно пришпорить себя лишь въ надеждѣ на блестящее вознагражденіе; поэтому де коммунизмъ несомнѣнно равносиленъ совершенному уничтоженію наукъ и искусствъ. Вотъ ужъ дѣйствительно сужденіе, доказывающее, сколь недальновиденъ мѣщанскій мозгъ буржуа!

По тому, что Моръ такъ рѣзко подчеркнулъ прелести умственнаго труда, еще не слѣдуетъ дѣлать заключенія, будто онъ презираетъ физическія наслажденія. Общія трапезы Утопіи вовсе не отличаются, какъ мы, впрочемъ, уже слышали, аскетической простотою. Ѣдятъ за ними хорошо и плотно, въ сладостяхъ тоже нѣтъ недостатка, музыка и благовонія раздражаютъ при этомъ чувства. Міросозерцаніе утопійцевъ также жизнерадостное, веселое. Мы знакомимся съ нимъ по отступленію, составляющему конецъ главы, «о путешествіяхъ утопійцевъ» (стр. 101). Вообще это отступленіе очень важно потому, что очень хорошо опредѣляетъ положеніе науки въ Утопіи; тутъ высказано много ироніи по адресу чисто умозрительныхъ наукъ, которыя во времена Мора играли столь важную роль, и сильно поддчеркнуто значеніе естествознанія [1]). Лучше всего будетъ

[1]) Извѣстно, что во времена Мора естествознаніе еще совершенно не успѣло освободиться изъ оковъ схоластики, и только полузапрещенныя работы

кончить наше сообщеніе о наукѣ въ Утопіи словами самого Мора, которыя не потребуютъ дальнѣйшихъ объясненій. Наши читатели на основаніи приведеннаго выше сами разберутся въ томъ, насколько идеи, заключающіяся въ этихъ строкахъ, характерны, съ одной стороны, для Мора и, съ другой стороны, для современнаго коммунизма (стр. 107).

«Такого рода убѣжденія островитяне наши составляютъ себѣ, отчасти, благодаря изученію наукъ, отчасти, благодаря воспитанію, получаемому ими отъ государства, учрежденія котораго находятся въ противорѣчіи со всѣми нашими нелѣпостями. Правда, очень небольшое число ихъ освобождается отъ физической работы и посвящаетъ себя исключительно развитію ума. Это, какъ уже было сказано, тѣ, кто съ дѣтства обнаружилъ счастливыя способности, проницательный умъ и призваніе къ наукамъ. Однако, не взирая на это, всѣмъ дѣтямъ дается хорошее воспитаніе; кромѣ того, громадное большинство гражданъ, мужчинъ и женщинъ, посвящаетъ весь свой досугъ умственнымъ занятіямъ. Утопійцы изучаютъ науки на своемъ *родномъ* языкѣ [1])...

«Въ музыкѣ, діалектикѣ, ариѳметикѣ и геометріи они сдѣлали тѣ же самыя открытія, что и мы. Если они во всемъ почти сравнялись съ нашими предками, то въ одномъ они сильно отстали отъ нихъ—въ современной діалектикѣ; они еще не изобрѣли ни одного изъ тѣхъ тонкихъ правилъ лаконики, тавтологіи и аллегоріи, которыя преподаются нашей молодежи въ аудиторіяхъ профессорами

алхимиковъ проливали нѣкоторый свѣтъ на тайны природы. Офиціальная же наука должна была исключительно руководиться авторитетомъ Аристотеля, искаженныя сочиненія котораго были признаны папами чуть ли не откровеніемъ. Достаточно сказать, что для сужденія о томъ, есть ли у крота глаза, исписывались цѣлые томы и приводились тексты изъ Аристотеля и отцовъ церкви, но никому изъ ученыхъ диспутантовъ не пришло въ голову поймать крота и посмотрѣть, какъ у него обстоитъ дѣло насчетъ глазъ.

Моръ съ ѣдкой ироніей осмѣялъ такіе диспуты, которые охотно велись схоластиками на любую тему (стр. 49).

Опытныя науки были воскрешены Бэкономъ Веруламскимъ (1561—1626), англійскимъ вельможей, и, навѣрно, не безъ косвеннаго участія его старшаго соотечественника, Томаса Мора.

[1]) Характерно для Мора, написавшаго свою «Утопію» по-латыни!

Примѣчанія перев.

логики по учебнику «Parva Logicalia» [1]). Они еще не дошли до *абсолютныхъ понятій*, и что касается человѣка въ его общей сущности, или, по выраженію метафизиковъ, универсальнаго человѣка, то этого громаднѣйшаго изъ всѣхъ великановъ, какихъ мы только знаемъ, въ Утопіи даже и не замѣтили. Зато они превосходно разбираются въ теченіи свѣтилъ и движеніи небесныхъ тѣлъ. Они изобрѣли особыя машины, которыя очень подробно и наглядно изображаютъ взаимное соотношеніе солнца, луны и звѣздъ, видимыхъ на горизонтѣ. Что касается дружбы и вражды планетъ и всѣхъ другихъ обмановъ гаданія по звѣздамъ, то они объ этомъ и не думаютъ. Зато по примѣтамъ, основаннымъ на долгихъ наблюденіяхъ, они умѣютъ предсказывать дождь, вѣтеръ и прочія перемѣны погоды. Они не дѣлаютъ другихъ предположеній для объясненія явленій природы, прилива и отлива, солености морской воды, происхожденія и устройства неба и земли, кромѣ предположеній естественно-историческихъ. Ихъ теоріи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ теоріи древнихъ философовъ, но иногда онѣ и уклоняются отъ нихъ; однако и въ новѣйшихъ, построенныхъ ими теоріяхъ, такъ же, какъ и у насъ, существуютъ разногласія.

«Въ нравственной философіи обсуждаютъ они тѣ же вопросы, что и наши философы. Они отыскиваютъ въ душѣ человѣка, въ тѣлѣ его и во внѣшнемъ мірѣ то, что могло бы осчастливить его; они спрашиваютъ себя, относится ли прилагательное «хорошій» ко всѣмъ безразлично элементамъ матеріальнаго и интеллектуальнаго счастья или же только къ развитію душевныхъ способностей. Они изслѣдуютъ добродѣтель и удовольствія; однако, самымъ благороднымъ изслѣдованіемъ считается у нихъ открытіе источника или источниковъ человѣческаго счастья. По понятіямъ ихъ *наслажденіе*

---

[1]) Эти «начатки логики», повидимому, далеко не пользуются расположеніемъ Мора. Въ письмѣ къ Дорпіусу, которое часто печатается вмѣстѣ съ Эразмовой «Похвалою глупости (Encomium Moriae)», онъ, между прочимъ, пишетъ: «я думаю, что «маленькая логика» получила свое имя оттого, что логики въ ней очень мало (Liber ille parvorum logicalium, quem ideo sic appelatum puto, quod parum habet Logices)». Въ «письмахъ темныхъ людей (Epistolae obscurorum virorum)» эта книга также упоминается очень часто. (См. примѣчаніе на стр. 236, въ кэмбриджскомъ изданіи перевода «Утопіи» Рэфа Робинсона).

не составляетъ единственный, но весьма существенный элементъ счастья. И, странное дѣло, эту жаждущую наслажденія мораль они основываютъ на серьезной и строгой религіи»... (далѣе стр. 111):

«Добродѣтелью они считаютъ жизнь, согласную съ законами природы. Когда Богъ создавалъ человѣка, онъ не искалъ для него другого назначенія. Человѣкъ, слѣдующій влеченіямъ природы, повинуется въ своемъ отвращеніи или въ своей любви только голосу разсудка. Однако, разсудокъ прежде всего внушаетъ любовь и уваженіе къ величію Бога, которому всѣ обязаны жизнью и благосостояніемъ. Затѣмъ онъ учитъ насъ жить весело и безобидно и стараться также устроить подобную жизнь и нашему ближнему, нашему брату»... (далѣе стр. 118):

«Къ самымъ чистымъ и наиболѣе желательнымъ они относятъ упражненія въ добродѣтели и сознаніе безпорочной жизни. Изъ физическихъ радостей они всему предпочитаютъ здоровье; вѣдь если приходится искать хорошаго обѣда и удовлетворять прочимъ потребностямъ животной жизни, то эти вещи служатъ только для поддержанія здоровья»...

«Проникнутые (стр. 119) этими убѣжденіями, утопійцы думаютъ, что плотское удовольствіе можно цѣнить только до тѣхъ поръ, пока оно полезно и необходимо. При всемъ томъ, они, однако, предаются ему съ радостью и благодарятъ природу за то, что она съ материнской заботливостью печется о нуждахъ человѣчества, сопровождая необходимыя функціи жизни пріятными ощущеніями».

3. Религія.

Теперь обратимся къ религіознымъ установленіямъ «Утопіи», которыя скорѣе проникнуты языческою философіей, чѣмъ христіанскою (стр. 147).

«Религіи Утопіи не только различны въ разныхъ провинціяхъ, но даже и въ предѣлахъ одного и того же города. Одни почитаютъ солнце, луну или другое какое-нибудь свѣтило. Иные высшимъ божествомъ признаютъ память человѣка, слава и добродѣтель котораго не имѣли себѣ подобнаго. Большинство населенія и въ то же время наиболѣе разумная часть его отказывается, однако, отъ такого идолопоклонства и вѣруетъ въ единаго, вѣчнаго, неизмѣримаго, непзъяспи-

маго и неизвѣстнаго Бога, который выше всякаго человѣческаго пониманія, который наполняетъ весь міръ своимъ всемогуществомъ, а не своимъ тѣлеснымъ протяженіемъ. Этого Бога они называютъ отцомъ...

«Впрочемъ, несмотря на всякія различія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, всѣ утопійцы согласны въ томъ, что есть Высшее Существо, являющееся одновременно и Творцомъ и Провидѣніемъ. Это Существо называется на общежитейскомъ языкѣ именемъ «Митры»... (далѣе стр. 149):

«Къ числу древнѣйшихъ постановленій утопійцевъ принадлежитъ запретъ оскорблять кого бы то ни было за его религію. Во время основанія своего государства Утопъ зналъ, что до его прибытія туземцы вели безконечныя религіозныя войны. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что такое состояніе страны значительно облегчаетъ ея завоеваніе, потому что враждебныя секты, вмѣсто того, чтобы воевать вмѣстѣ, борются каждая въ отдѣльности. Лишь только онъ сталъ побѣдителемъ и царемъ, онъ поспѣшилъ обнародовать полную вѣротерпимость. Впрочемъ, онъ никоимъ образомъ не запретилъ миссіонерской дѣятельности, которая кротко и спокойно распространяетъ свою вѣру доказательствами, а не старается, если проповѣдь не удается, уничтожить другую религію грубой силой. Кто этому не подчинится, тотъ наказывается изгнаніемъ или рабствомъ.

«Когда Утопъ предписывалъ религіозную терпимость, онъ имѣлъ при этомъ въ виду не только поддержаніе мира, который былъ только что потрясенъ безконечными войнами и непримиримою ненавистью, но ему казалось также, что интересы самой религіи требуютъ подобнаго мѣропріятія. Онъ никогда не рѣшался издавать какихъ-либо законовъ относительно религіи, не будучи въ состояніи рѣшить, не самъ ли Богъ внушилъ людямъ различныя вѣроученія, чтобы испытать многочисленные способы богопочитанія. Что касается примѣненія строгихъ мѣръ и угрозъ для того, чтобы заставить кого-нибудь перемѣнить вѣру, то такой способъ казался ему настолько же нелѣпымъ, какъ и жестокимъ. Онъ предвидѣлъ, что если бы всѣ религіи, кромѣ одной, были ложны, то должно было бы наступить время, когда истина, въ связи съ разумомъ и милосердіемъ, сама торжественно появилась бы среди мрака заблужденія. Когда, напротивъ того, борются съ оружіемъ въ рукахъ, то навѣрное

лучшія религіи будутъ погребены въ морѣ суевѣрныхъ мнѣній, какъ хорошая жатва въ плевелахъ и терніяхъ, такъ какъ вѣдь извѣстно, что худые люди бываютъ самыми упрямыми. Поэтому Утопъ предоставилъ всѣмъ полную свободу мыслей и вѣрованій. Тѣмъ не менѣе онъ во имя нравственности строго наказывалъ того, кто унижалъ достоинство своей природы ученіемъ, будто душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, или будто міръ управляется безо всякаго Провидѣнія, одною игрою случая»...

«Такимъ людямъ они отказываютъ въ какомъ бы то ни было уваженіи, имъ не довѣряютъ ни общественной должности, ни какого-нибудь важнаго дѣла. Ихъ презираютъ, подобно существамъ низшей и безполезной расы. Впрочемъ, оставаясь вѣрными правилу, что вѣра человѣка не зависитъ отъ его воли, ихъ не наказываютъ и не прибѣгаютъ ни къ какимъ угрозамъ, чтобы заставить измѣнить свои убѣжденія. Притворство находится въ Утопіи въ презрѣніи, и ложь, какъ родная сестра обмана, является предметомъ отвращенія. Единственное, что съ ними дѣлаютъ,—это запрещаютъ имъ публично выражать свои убѣжденія, но позволяютъ разговаривать съ мыслящими людьми и въ особенности со священниками. Ихъ даже вызываютъ на такіе споры въ надеждѣ, что безразсудныя мнѣнія ихъ измѣняются передъ голосомъ разума».

Эти взгляды, проповѣдующіе *полную вѣротерпимость*, скорѣе соотвѣтствуютъ вѣку *просвѣщенія*, нежели эпохѣ *реформаціи*; можно было бы думать, что они высказаны примѣрно въ то время, когда вышелъ въ свѣтъ Лессинговскій «Натанъ Мудрый», чѣмъ въ тотъ почти годъ, когда Кальвинъ велѣлъ сжечь Сервета. Надо помнить, что «Утопія» появилась непосредственно передъ самыми кровавыми религіозными войнами, какія когда либо велись на землѣ. Интереснѣе всего то, что эти взгляды высказалъ не атеистъ, не человѣкъ, стоявшій фактически выше всѣхъ религій, а человѣкъ глубоко религіозный, человѣкъ, который только путемъ религіи умѣлъ выражать человѣчеству свою фанатическую любовь и свой экстазъ, которому атеизмъ казался синонимомъ недостатка ума. Матеріализмъ XVI вѣка, дѣйствительно, зародился не среди притѣсненныхъ классовъ, а у самихъ притѣснителей. Не вѣрили въ Бога и въ безсмертіе души какъ разъ именно папы, кардиналы, государи и ихъ присные; ихъ презрѣніе къ религіи шло рука объ руку съ

презрѣніемъ къ народу. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать, такъ какъ иначе трудно понять, почему Моръ не допускалъ атеистовъ къ занятію общественныхъ должностей, считая ихъ гнусными эгоистами.

Если Моръ по своей *вѣротерпимости* близокъ къ XVIII вѣку, то въ организаціи своей идеальной церкви онъ предвосхитилъ *реформацію;* болѣе того, онъ, мученикъ св. католической церкви, во многихъ отношеніяхъ пошелъ гораздо дальше ея (ср. стр. 153):

«Утопійскіе священники — люди необычайнаго благочестія, и потому число ихъ очень невелико: въ каждомъ городѣ ихъ всего тринадцать, соотвѣтственно такому же числу церквей.

«Въ случаѣ войны, однако, дѣлается исключеніе: семь священниковъ сопровождаютъ тогда армію, и потому приходится назначать семь новыхъ. Настоящіе священнослужители, вернувшись изъ похода, снова занимаютъ свои мѣста.

«Помощники замѣщаютъ ихъ, когда тѣ умираютъ; до того времени они помогаютъ первосвященнику, находящемуся въ каждомъ городѣ.

«Подобно прочимъ служащимъ, они выбираются народомъ *закрытою баллотировкою;* коллегія священниковъ посвящаетъ вновь избранныхъ. Они предсѣдательствуютъ на религіозныхъ собраніяхъ, слѣдятъ за религіями и являются какъ бы судьями нравовъ. Быть приглашеннымъ къ священнику, чтобы выслушать отъ него выговоръ, считается позорнымъ; это служитъ признакомъ безпорядочной жизни. Хотя они и имѣютъ право дѣлать выговоры или увѣщанія, но арестовать виновнаго и уголовно преслѣдовать его могутъ только князь и правительство»... «Воспитаніе дѣтей и юношей ввѣряется священнику», который учитъ ихъ преимущественно нравственности и добродѣтели, а затѣмъ только наукамъ. Утопійскій учитель примѣняетъ всѣ свои способности и опытъ, чтобы насадить въ нѣжной и воспріимчивой душѣ ребенка тѣ хорошіе принципы, которые затѣмъ должны послужить оплотомъ государству. Дитя, воспринявъ эти правила, остается вѣрнымъ имъ въ продолженіе всей своей жизни и является потомъ надежною опорою для благоденствія государства. Государства распадаются отъ пороковъ, а пороки являются послѣдствіемъ плохихъ нравственныхъ правилъ.

«Священники выбираютъ себѣ женъ изъ добродѣтельнѣйшихъ семействъ населенія. Женщины также не лишены возможности сдѣ-

латься священнослужителями, при томъ, впрочемъ, условіи, чтобы онѣ были вдовами и почтеннаго возраста...

«Нѣтъ должности, которая внушала бы болѣе уваженія, чѣмъ должность священника.

«Почести, которыми ихъ окружаютъ, такъ высоки, что, когда кто-нибудь изъ нихъ провинится, его не привлекаютъ даже къ отвѣтственности, а предоставляютъ Богу и его собственной совѣсти.

«Утопійцы не позволяютъ себѣ рукою смертнаго касаться того, что посвящено Богу въ видѣ священной жертвы, какъ нѣчто неприкосновенное и особенное. Этому обычаю тѣмъ легче слѣдовать, что священниковъ очень мало и выбираютъ ихъ крайне осторожно. Поэтому лишь очень рѣдко можетъ случиться, чтобы человѣкъ, которому довѣрили такой высокій постъ, не взирая на всю свою добродѣтель и праведность и на то, что онъ считался изъ лучшихъ лучшимъ, сталъ бы предаваться пороку и безнравственности. И если бы даже такой случай и произошелъ (вѣдь, природа человѣческая ненадежна), то отъ этого никогда не пострадало бы благо государства, такъ какъ классъ священниковъ самъ по себѣ очень невеликъ и не пользуется никакой властью.

«Уменьшивъ сословіе священниковъ, утопійцы хотѣли поддержать значеніе его, которое легко могло бы пасть, если бы въ этотъ классъ вошло много лицъ. Главная же причина кроется въ томъ, что имъ кажется труднымъ найти столько дѣйствительно добродѣтельныхъ людей для исполненія службы, которая требуетъ болѣе, чѣмъ обыкновенной нравственности. Утопійскіе священники не менѣе чтятся и у другихъ народовъ. Происходитъ это вотъ отчего: во время сраженія священники держатся въ сторонѣ, хотя и невдалекѣ отъ поля битвы. Тамъ они, въ облаченіи, ставъ на колѣни и поднявъ руки къ небу, умоляютъ Всевышняго прежде всего о ниспосланіи мира, затѣмъ о своей родинѣ и о побѣдѣ, но о такой побѣдѣ, которая не стоила бы крови ни той, ни другой сторонѣ.

«Когда ихъ сограждане побѣждаютъ, они бросаются въ сѣчу и прекращаютъ кровопролитіе.

«Тотъ несчастный, который увидитъ и окликнетъ ихъ, остастся живымъ; кто коснется ихъ длинныхъ развѣвающихся одѣяній, того не лишаютъ даже имущества. Этотъ хорошій обычай придаетъ ихъ сану столько величія, онъ внушаетъ сосѣднимъ народамъ столько

уваженія, что вмѣшательство ихъ часто служитъ собственному благу утопійцевъ не меньшую службу, чѣмъ непріятельскому войску.

«Въ самомъ дѣлѣ, иногда случалось, что утопійскія войска, потерявъ всякую надежду, отступали и обращались въ бѣгство, но что въ ту самую минуту, когда врагъ готовъ былъ преслѣдовать ихъ для грабежа и насилія, вмѣшательство священниковъ задерживало его, и миръ заключался на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Не существовало еще такого варварскаго и жестокаго народа, который не почиталъ бы утопійскихъ священниковъ, какъ неприкосновенную и священную корпорацію.

«Утопійцы устраиваютъ праздники въ первый и послѣдній день мѣсяца и года. Они дѣлятъ годъ на лунные мѣсяцы и измѣряютъ его по круговороту солнца. Эти первые и послѣдніе дни на утопійскомъ языкѣ называются Цинемернами и Трапемернами, что означаетъ приблизительно «начальный и заключительный праздникъ». Въ Утопіи можно видѣть дивные храмы роскошной архитектуры, которые въ состояніи вмѣстить громадныя толпы народа, что необходимо, ибо храмовъ немного. Даже въ самый ясный день тамъ царятъ сумерки; такое устройство ихъ зависитъ не отъ неумѣнія строителей, а придумано нарочно по совѣту священниковъ. Слишкомъ сильный свѣтъ разсѣиваетъ мысли, между тѣмъ какъ при слабомъ люди сосредоточиваются и приходятъ въ соотвѣтственное молитвенное настроеніе.

Хотя утопійцы (стр. 156) не исповѣдуютъ одной и той же религіи, однако, всѣ формы богопочитанія этой страны ведутъ къ одной цѣли — обоготворенію природы. Поэтому въ храмѣ не услышишь ничего такого, что не соотвѣтствовало бы вѣрованіямъ всѣхъ. Особые обряды своей вѣры каждый совершаетъ въ кругу своего семейства. Общественное богослуженіе организовано такимъ образомъ, что ни въ чемъ не противорѣчитъ частнымъ домашнимъ моленіямъ. Въ храмѣ нѣтъ никакихъ идоловъ, чтобы каждый имѣлъ возможность представлять себѣ божество въ той формѣ, какая соотвѣтствуетъ его вѣрѣ...

«Послѣдній день каждаго мѣсяца и года считается праздникомъ. Въ такіе дни заключительныхъ праздниковъ женщины преклоняютъ колѣни передъ мужьями, дѣти передъ родителями. Они исповѣдуются передъ ними во всѣхъ своихъ ошибкахъ и проступкахъ и просятъ

унихъ прощенія. Посредствомъ этого семейнаго признанія, этого благочестиваго нравственнаго удовлетворенія, весьма быстро разсѣиваются облака злобы, омрачавшія домашній миръ, и всѣ могутъ затѣмъ итти на богослуженіе со спокойной совѣстью и чистой душой».

Какъ сильно опередила эта утопійская церковь лютеранство и даже кальвинизмъ! Подобно имъ обоимъ, она отмѣнила устную исповѣдь, безбрачіе духовенства, иконопоклонство; подобно кальвинизму, она дѣлаетъ священника выборнымъ лицомъ народа. Однако, Моръ пошелъ гораздо дальше. Онъ устраняетъ, напримѣръ, право священника наказывать кого бы то ни было и допускаетъ женщинъ къ исполненію священническихъ обязанностей. Онъ не останавливается даже передъ такою мѣрою, какъ поощреніе неизлѣчимыхъ больныхъ къ самоубійству. Учреждая *общее* богослуженіе для всѣхъ исповѣданій, съ предоставленіемъ *права каждому молиться дома*, какъ ему угодно, Моръ оказался головою выше всѣхъ современныхъ ему церквей. На языкѣ XVI вѣка это то же самое положеніе, которое нынѣ принято соціализмомъ: *религія объявляется частнымъ дѣломъ каждаго.*

Мы видимъ, сколь много революціонныхъ идей заключала въ себѣ «Утопія»; революціонной она оказывалась не только по отношенію къ вопросамъ отдаленнаго будущаго, но даже по отношенію къ самымъ жгучимъ вопросамъ современной ей эпохи. Она не только обрушилась на частную собственность, на политику государей, на невѣжество и праздность монаховъ—она не пощадила даже ученія религіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Цѣль «Утопіи».

Послѣ того какъ Моръ далъ подробную картину своего идеальнаго общества, которое оказывалось прямою противоположностью того, что представляло собою общество его времени, онъ въ концѣ своей «Утопіи» еще разъ рѣшительно бросаетъ этому послѣд-

нему перчатку прямо въ лицо. Нынѣшнему соціализму трудно указать на другую, болѣе сильную критику современнаго общества, чѣмъ та, которою Гитлодей кончаетъ свое описаніе Утопіи (стр. 159).

«Я попытался, насколько могъ, описать вамъ устройство этого государства, которое я считаю не только самымъ лучшимъ, но и единственнымъ, къ какому примѣнимо названіе «свободнаго». Вѣдь повсюду люди, толкующіе объ *общемъ благѣ*, имѣютъ въ виду лишь свое *собственное;* между тѣмъ тамъ, гдѣ никто ничѣмъ не владѣетъ нераздѣльно, всѣ серьезно занимаются общественными дѣлами, такъ какъ частный интересъ въ этомъ случаѣ совершенно сливается съ общимъ благомъ. Кто въ другихъ странахъ не знаетъ, что, пренебрегая своими частными интересами, онъ умретъ съ голоду, даже если государство и будетъ процвѣтать.

«Поэтому онъ неизбѣжно долженъ заботиться болѣе о себѣ, чѣмъ о благѣ родины, т. е. своего ближняго. Напротивъ того, въ Утопіи, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ, никто ни въ чемъ не можетъ нуждаться, разъ общественные магазины полны; вѣдь государственное достояніе не можетъ быть раздѣлено въ этой странѣ несправедливо: тамъ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни нищихъ, и хотя никто ничего не называетъ своимъ, однако, всѣ богаты. Развѣ на самомъ дѣлѣ существуетъ на землѣ лучшее богатство, чѣмъ то, которое намъ позволяетъ жить весело и спокойно, безъ тревогъ и заботъ? Развѣ можно представить себѣ лучшую участь, чѣмъ ту, когда не приходится дрожать за свое существованіе, слушать безконечныя просьбы и причитанія жены, бояться за то, что сынъ обѣднѣетъ или дочери не хватитъ на приданое,—а, напротивъ, быть всегда спокойнымъ за свое будущее благосостояніе и не только за себя, а за всѣхъ близкихъ,—за жену, дѣтей, внуковъ, правнуковъ, до самыхъ отдаленныхъ потомковъ, какими только можетъ похвастаться родъ? Эти выгоды утопійское государство предоставляетъ какъ тѣмъ, которые прежде работали, а теперь стали калѣками, такъ и здоровымъ гражданамъ, имѣющимъ еще возможность работать. Мнѣ было бы пріятно, если бы кто-нибудь сравнилъ съ этими учрежденіями порядки у другихъ народовъ; что касается меня, то я готовъ поручиться головою, что у прочихъ народовъ нѣтъ и тѣни справедливости и правосудія. Развѣ справедливо, чтобы богатый золотыхъ

дѣлъ мастеръ [1]), ростовщикъ, человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ для государства или только снабжаетъ его ненужными предметами,—справедливо ли, чтобы эти люди проводили жизнь свою въ бездѣйствіи или пустыхъ забавахъ, тогда какъ поденщики, носильщики, кузнецы, плотники, земледѣльцы живутъ въ страшной нуждѣ и едва получаютъ скудное пропитаніе? А между тѣмъ эти послѣдніе осуждены на такую длинную и тяжелую работу, что вьючные скоты едва могли бы ее выдержать, и работы эти столь необходимы, что ни одно общество и году не можетъ обойтись безъ нихъ. На самомъ дѣлѣ, судьба вьючнаго скота въ тысячу разъ лучше: онъ не такъ много работаетъ, его пища только немногимъ хуже, да къ тому же соотвѣтствуетъ его вкусу, и, кромѣ того, скотина не боится за свою будущность. Въ чемъ же состоитъ судьба поденщика? Безплодная, неблагодарная работа истощаетъ его въ настоящемъ, а перспектива голодной старости убиваетъ его уже теперь: вѣдь скуднаго заработка его недостаточно даже для всѣхъ его теперешнихъ потребностей. Какъ же можетъ измѣнить онъ свою судьбу и откладывать ежедневно что нибудь изъ своего излишка на черный день? Развѣ справедливо и благодарно то общество, которое расточаетъ столько богатствъ тому, кого именуютъ благороднымъ, праздным или производителемъ никому ненужныхъ вещей, называемыхъ предметами роскоши,—между тѣмъ какъ съ другой стороны не принимается никакихъ мѣръ для обезпеченія земледѣльца, угольщика, каменщика, поденщика, извозчика, ремесленника и др., безъ которыхъ общество не могло бы существовать. Въ своемъ жестокомъ эгоизмѣ оно злоупотребляетъ силами своей молодежи, чтобы выжать изъ нея насколько возможно больше пользы и работы; но лишь только силы начинаютъ ослабѣвать отъ старости или болѣзней, тогда забываютъ о безсонныхъ ночахъ, о многочисленныхъ полезныхъ услугахъ и награждаютъ людей голодною смертью.

Да это еще не все! Богатые не только стараются ежедневно уменьшать заработную плату бѣдныхъ при помощи различныхъ хитростей, но даже издаютъ съ этой цѣлью особые законы. Такое

[1]) Во времена Мора золотыхъ дѣлъ мастера нерѣдко въ то же время мѣняли деньги и вообще представляли собою банкировъ.

возмутительное вознагражденіе тѣхъ, кому слѣдовало бы объявить благодарность государства, уже на первый взглядъ представляется несправедливостью; однако, богатые превращаютъ ее въ правовую норму, санкціонируя именемъ закона.

«Поэтому, я не вижу въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ, Богъ тому свидѣтель, ничего, кромѣ заговора знатныхъ, которые, подъ фирмою своего громкаго имени и подъ вывѣской государства, дѣлаютъ все, что имъ только вздумается. Эти заговорщики пользуются всякаго рода обманомъ, всѣми возможными средствами, чтобы достигать своей двойной цѣли. Прежде всего они хотятъ обезпечить за собой неограниченное право на собственность, доставшуюся имъ болѣе или менѣе сомнительнымъ путемъ; во-вторыхъ, они хотятъ пользоваться нищетой бѣдныхъ для своихъ выгодъ и заставлять ихъ работать за возможно низкую плату.

И вотъ эти то хитросплетенія, придуманныя богатыми подъ именемъ государства, а слѣдовательно, какъ бы и отъ имени бѣдныхъ, стали законами. Хотя эти хищники съ ненасытною жадностью подѣлили между собою всѣ богатства, которыхъ было бы достаточно для обогащенія цѣлаго народа, все-таки имъ далеко до того завиднаго положенія, которымъ пользуются утопійцы. Въ Утопіи алчность немыслима, потому что денегъ тамъ не употребляютъ. Какой обильный потокъ слезъ и заботъ высыхаетъ уже отъ одного этого, какая богатая жатва преступленій уничтожается съ корнемъ! Кто же не знаетъ, что обманъ, воровство, грабежъ, вымогательство, народныя возстанія, жалобы, неурядицы, убійства, предательства, отравленія, кто не знаетъ, повторяю я, что всѣ эти преступленія, за которыя общество постоянно караетъ, не уничтожая ихъ, могли бы исчезнуть съ земли въ тотъ самый день, когда будутъ уничтожены деньги? Тогда прекратились бы и страхъ, безпокойство, заботы, невѣроятныя усилія и безсонныя ночи. Самая бѣдность, которая, повидимому, такъ нуждается въ этихъ деньгахъ, исчезла бы вмѣстѣ съ деньгами».

Когда мы читаемъ эту смѣлую критику, которая подкапывается подъ самые корни общества, то какимъ пѣснымъ сравнительно съ нею покажется намъ столь прославленное *дѣяніе* Лютера; черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ «Утопіи» онъ началъ проповѣдь противъ *злоупотребленій* въ продажѣ индульгенціями, не противъ

самихъ индульгенцій; дальнѣйшіе шаги дѣятельности Лютера были обусловлены и навязаны ему не умственною работою его, а положеніемъ вещей!

И вотъ для нападенія на человѣка, возставшаго противъ злоупотребленій при торговлѣ отпустительными грамотами, не желая ничего измѣнить въ церковныхъ установленіяхъ, была сосредоточена вся сила Рима. А съ другой стороны, на того, чьи ученія должны были потрясти всѣ основы общества, разъ бы только они сильнѣе распространились,—на такого человѣка не обратили никакого вниманія. Болѣе того, защитникъ устройства церкви, которая была менѣе католической, чѣмъ любая протестантская, даже во многихъ отношеніяхъ прямо противорѣчила христіанству (самоубійство неизлѣчимо-больныхъ, женщины-священники), этотъ реформаторъ сдѣлался святымъ католической церкви!

Какъ бы ни удивительнымъ казалось намъ это несходство въ судьбѣ двухъ борцовъ—его очень легко объяснить. Лютеръ обратился къ массамъ: онъ выражалъ интересы огромныхъ партій и классовъ. Моръ стоялъ въ своихъ стремленіяхъ совершенно одиноко; онъ обратился лишь къ тѣсному кругу ученыхъ, народъ не понималъ его, и самъ онъ *не хотѣлъ*, чтобы народъ понялъ его. Поэтому онъ писалъ по-латыни и облекъ свои мысли въ форму сатиры, что, впрочемъ, помогло ему значительно смѣлѣе высказать свои мысли.

Теперь мы добрались до послѣдняго вопроса, на который намъ еще предстоитъ отвѣтить: *какую цѣль преслѣдовалъ Моръ въ своей «Утопіи»?*

Мы знаемъ, что многіе считали ее лишь подражаніемъ платоновской «республикѣ». Другіе выставляли ее даже просто плодомъ досужей фантазіи. Иные, особенно нѣмцы, видѣли въ ней и то и другое. Такъ, напр., Рудгартъ называетъ «Утопію» «хорошимъ продуктомъ знакомства съ древними», а въ другой разъ высказывается объ учрежденіяхъ утопійцевъ не съ той точки зрѣнія, что имъ «можно бы подражать и провести въ жизнь», а считаетъ ихъ лишь *«веселыми шутками веселаго ума»* [1]). И недавно еще профессоръ Альфредъ Штернъ называлъ Мора «самымъ остроумнымъ и

[1]) Рудгартъ, «Томасъ Моръ», стр. 119, 156 (ср. у насъ, стр. 91 и 96).

знаменитымъ литераторомъ, желавшимъ сплавить христіанскую любовь къ ближнему съ платоновскимъ коммунизмомъ». Далѣе онъ называлъ «Утопію» «фантастическимъ измышленіемъ ума въ часы досуга» [1]).

Намъ, повидимому, вполнѣ удалось установить, что моровскій коммунизмъ носитъ совершенно иной характеръ, нежели платоновскій. Этотъ коммунизмъ вовсе не оказывается «сладкимъ плодомъ изученія *древнихъ*»—онъ возникъ подъ вліяніемъ соціальныхъ неурядицъ и зародышей экономическаго развитія *новаго времени*, онъ основанъ на *живыхъ фактахъ*, а не на *антикварной книжной мудрости*. О христіанской любви къ ближнему въ моровскомъ коммунизмѣ тоже что-то очень мало слышно, такъ какъ эта любовь, въ концѣ концовъ, сводится къ тому, чтобы *помогать бѣднымъ;* она предполагаетъ существованіе *бѣдныхъ*, нуждающихся въ помощи, и богатыхъ, имѣющихъ возможность помогать имъ. Тамъ, гдѣ въ христіанствѣ проглядываетъ коммунизмъ, онъ оказывается коммунизмомъ *нищенской сумы*, а не *работы*, это коммунизмъ нищенскаго пролетаріата оборванцевъ (Lumpenproletariat), а не пролетаріата рабочаго класса. Моровскій коммунизмъ ни съ платоновскимъ, ни съ христіанскимъ коммунизмомъ ничего общаго не имѣетъ, онъ *вполнѣ современенъ* и возникъ изъ *капитализма*.

Однако, и простой шуткой мы «Утопію» также не можемъ считать. По мнѣнію нашихъ ученыхъ, «Утопія» въ настоящее время должна была бы попасть либо въ спеціально филологическій журналъ, либо въ фельетонъ.

За то, чтобы считать «Утопію» шуткой, не говоритъ ничего, рѣшительно ничего. Напротивъ того, все, особенно сама книга, говоритъ въ пользу какъ разъ обратнаго взгляда.

Надо имѣть наивность нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, а наивны, пожалуй, только лучшіе изъ нихъ, чтобы считать шуткою сочиненіе, заключающее въ себѣ такую ѣдкую критику существующаго, которое строитъ столь продуманную систему коммунизма и такъ хорошо отвѣчало бы техническимъ и экономическимъ условіямъ своего

[1]) Alfred Stern, Die Socialisten der Reformationszeit, Berlin, 1883, стр. 13, 14.

времени. Потому-то современники и отнеслись къ этой книгѣ столь серьезно. Такъ, напр., Будей писалъ къ Лупсету: «Мы обязаны Томасу Мору чрезвычайной благодарностью за его «Утопію», въ которой онъ рисуетъ міру образецъ счастливой жизни. Наши современники и потомки найдутъ въ этомъ описаніи цѣлую школу цѣнныхъ ученій и полезныхъ совѣтовъ, государства будутъ заимствовать изъ него учрежденія и устраивать ихъ сообразно своимъ потребностямъ». Точно также высказываются еще многочисленные другіе современники Мора, ученые и политики, подобно Іоанну Палюдану, Павлу Іонію и Гіерониму Буслидіану (или Буслидію, латинизированное произношеніе нидерландской фамиліи Буслейдена), который состоялъ въ совѣтѣ Карла V. Стэплтонъ (стр. 184) собралъ рядъ отзывовъ объ «Утопіи», которые всѣ сводятся приблизительно къ тому же, что только что было приведено. Всѣ видѣли въ «Утопіи» книгу, дающую правителямъ государствъ наставленія, какъ лучше управлять страною.

А вѣдь это вполнѣ соотвѣтствовало духу того времени. Государь, по понятіямъ того времени, былъ всемогущъ, и всемогущъ также былъ и тотъ, кто сумѣлъ привлечь государя на свою сторону. Въ тѣ времена массами появились наставленія для правителей. Въ одно время съ «Утопіей» были составлены «Государь» (Il principe) — Макіавели и «Наставленіе для христіанскаго государя» (Institutio principis christiani)—Эразмомъ, и мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что и «Утопія» преслѣдовала тѣ же самыя цѣли, что и послѣднія сочиненія: *она должна была показать государямъ, какъ надо править.*

Кромѣ того, «Утопія» преслѣдовала еще и спеціальную цѣль— повліять на управленіе и конституцію Англіи. Это не только вполнѣ ясно проявляется въ первой книгѣ, но видно также изъ извѣстнаго письма Эразма къ Гуттену (стр. 52, переводъ Н. Макшеевой и А. Генкеля): «Утопію» онъ написалъ съ цѣлью показать, почему государства находятся въ плохомъ состояніи, въ особенности же онъ имѣлъ въ виду Англію, которую основательно изучилъ.

Дѣйствительно, островъ Утопія представляетъ собою Англію. Моръ хотѣлъ показать, какой бы видъ приняла Англія и какъ она относилась бы къ другимъ странамъ, если бы получила коммунистическое устройство. Аналогію эту можно прослѣдить до мелочей.

Островъ отдѣленъ отъ материка проливомъ въ 15.000 шаговъ ширины. Описаніе столицы Амаурота представляетъ точное описаніе Лондона: она лежитъ на рѣкѣ Анидрѣ (Темза), въ которой приливъ и отливъ проявляются на нѣсколько миль выше города. Оба берега соединены каменнымъ мостомъ (London Bridge) въ той части города, которая далѣе всего отстоитъ отъ моря для того, чтобы суда могли возможно дальше подыматься вверхъ по рѣкѣ, и т. д. Амауротъ въ переводѣ значитъ «туманный городъ» (отъ греческаго ἀμαυρός, темный, мутный, туманный). Въ Англіи аналогія между островомъ Утопіей и Британіей признана всѣми [1]).

Историки и экономисты, ничего не сумѣвшіе подѣлать съ «Утопіей», конечно, усмотрѣли въ этомъ названіи тонкій намекъ Мора на то, будто самъ онъ считаетъ свой коммунизмъ неосуществимой фантазіей. Вотъ ужъ, поистинѣ, «научный» методъ превращенія неудобнаго для себя историческаго явленія въ его противоположность; на *факты* закрываютъ глаза, а объясненій ищутъ въ греческомъ *словарѣ!*

При описаніи «Утопіи» только одинъ элементъ *фантастиченъ*, и Моръ самъ не очень твердо вѣрилъ въ его осуществленіе: дѣло не въ *цѣли*, къ которой книга должна была возбуждать, а въ *средствахъ*, какими ея *достигнуть*. Онъ видѣлъ только одну *силу*, которая могла бы провести въ жизнь коммунизмъ, но этой силѣ онъ самъ не вѣрилъ. Моръ показалъ намъ въ «Утопіи», какъ онъ представлялъ себѣ насажденіе коммунизма въ жизни: государь, по имени Утопъ, завоевалъ страну и положилъ на ней отпечатокъ своего духа; всѣ учрежденія Утопіи устроены, въ концѣ концовъ,

---

[1]) Now. Survey of London II 458. Здѣсь проведена полная параллель между Лондономъ и Амауротомъ. Рудбергъ оспариваетъ ее, но, конечно, только потому, что университетская библіотека въ Геттингенѣ врядъ ли представляется удобнымъ мѣстомъ для ознакомленія съ Лондономъ.

По примѣру Мора, Рабле въ своемъ сочиненіи «Гаргантуа и Пантагрюэль» также нѣсколько разъ скрываетъ свою родину подъ именемъ «Утопіи» (II книга, 8, 23 глава; III книга, I глава).

Эсмангаръ въ своемъ коментаріи Oeuvres de Rabelais (ср. у насъ стр. 76 и 185), III, 516 говоритъ слѣдующее:

„«Утопія» Рабле представляетъ, слѣдовательно, Францію—съ этимъ соглашаются всѣ комментаторы. Онъ заимствовалъ эту идею и идею колоніи утопійцевъ изъ «Утопіи» Томаса Мора“.

имъ. Онъ сначала придумалъ, а затѣмъ выполнилъ коммунистическое устройство общины.

Такимъ, стало быть, образомъ, Моръ представлялъ себѣ возможность осуществленія своихъ идеаловъ: онъ былъ *отцомъ утопическаго соціализма*, который по справедливости получилъ свое имя отъ Утопіи. Онъ утопиченъ менѣе въ виду *невозможности достигнуть намѣченныхъ цѣлей*, чѣмъ по *недостаточности тѣхъ средствъ*, которыми онъ располагаетъ для ихъ достиженія или которыя ему желательно примѣнять.

Мы уже знаемъ, что Моръ по необходимости *долженъ* былъ быть утопистомъ. Еще не было партіи, не было класса, который могъ стать на сторону соціализма; главной политической силой, отъ которой, повидимому, зависѣло государство, были государи, тогда еще молодой и, до нѣкоторой степени, революціонный элементъ, не имѣвшій еще твердыхъ традицій: почему бы ихъ и нельзя было обратить въ сторону соціализма?

Если бы кому-нибудь изъ нихъ захотѣлось, то онъ могъ бы провести коммунизмъ въ жизнь. Если никто изъ государей не пожелаетъ взяться за это дѣло, тогда горю народа помочь невозможно. Такъ думалъ Моръ и при составленіи своей книги онъ *долженъ* былъ исходить изъ такой точки зрѣнія, чтобы расположить въ свою пользу государей. Однако, онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что надежды на нихъ очень ужъ плохи. Хорошо, видно, зналъ онъ современныхъ ему государей!

«Утопію» онъ кончаетъ тѣмъ, что слегка споритъ съ Гитлодеемъ, будто бы не соглашается съ нимъ (стр. 163).

«Хотя я и не могу согласиться со всѣмъ тѣмъ, что этотъ ученѣйшій и опытнѣйшій человѣкъ говоритъ, но тѣмъ не менѣе я охотно признаюсь, что въ утопійскомъ государствѣ очень много такого, чего можно было бы *пожелать* и нашимъ государствамъ хотя особенной *надежды* на осуществленіе этихъ желаній я *не имѣю* (optarim verius quam sperarim)».

Въ этомъ заключеніи высказанъ весь трагизмъ судьбы Мора здѣсь вылилась вся трагедія его *генія*, который сумѣлъ поставить вопросъ въ такое время, когда онъ уже зачался во чревѣ эпохи но нѣтъ еще налицо тѣхъ матеріальныхъ причинъ, при наличности которыхъ онъ могъ бы разрѣшиться; тутъ высказана вся трагедія

характера, считающаго долгомъ взяться за разрѣшеніе задачи, выдвинутой эпохою, выступить въ защиту обиженныхъ противъ своевластія притѣснителей; между тѣмъ, онъ стоитъ совершенно одиноко, и начинанія его ему же самому кажутся безнадежными.

Величіе своего *характера* Моръ доказалъ на эшафотѣ, на который онъ взошелъ потому, что не хотѣлъ пожертвовать своими убѣжденіями капризу государя. Это величіе души признали за нимъ уже современники. Зато они не поняли всего величія его *генія*, какъ бы они его ни выхваляли; только въ наши дни, только въ эпоху разработки научнаго соціализма стало возможнымъ вполнѣ оцѣнить Мора—*соціалиста*. Только со второй половины XIX вѣка цѣли соціализма, какъ *историческаго* явленія, выяснены столь хорошо, что стало возможнымъ точно разграничить и въ эпохѣ начатковъ соціалистическаго движенія существенное отъ маловажнаго, прочное отъ мимолетнаго, скоропреходящаго. Тогда только стало возможно опредѣлить, что именно было въ «Утопіи» «фантастическимъ измышленіемъ досужихъ часовъ», что представлялось отзвукомъ давно прошедшихъ временъ, что предвѣщало будущее, что являлось историческимъ фактомъ.

Однако, ничто такъ не говоритъ въ пользу величія человѣка, ничто не докажетъ намъ лучше его духовной мощи, сравнительно съ современниками, какъ слѣдующее обстоятельство: болѣе трехсотъ лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ возможно было понять, что намѣченныя имъ цѣли были не измышленіями праздной фантазіи, а результатомъ глубокаго пониманія сущности экономическихъ тенденцій его эпохи. «Утопіи» скоро исполнится 400 лѣтъ, уже прошло слишкомъ столько времени отъ дня рожденія Мора, а все еще идеалы его не достигнуты, все еще лежатъ они впереди человѣчества, идущаго къ прогрессу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 3

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вѣкъ гуманизма и реформація.

Введеніе 7

Глава I. **Возникновеніе капитализма и современнаго государственнаго строя** 10

1. Феодализмъ . . . . . —
2. Города 13
3. Міровая торговля и абсолютизмъ 16

Глава II. **Земельная собственность** 26

1. Недостатокъ земли у феодаловъ и капиталистовъ . . . 27
2. Пролетаріатъ 29
3. Крѣпостная зависимость и товарное производство . . . 32
4. Новое дворянство экономически излишне 35
5. Рыцарство 36

Глава III. **Церковь** 40

1. Необходимость и могущество церкви въ средніе вѣка. —
2. Основы могущества папы 49
3. Крушеніе папской власти 54

Глава IV. **Гуманизмъ** 71

1. Язычество и католицизмъ . . . . . —
2. Язычество и протестантизмъ 79
3. Невѣріе и суевѣріе 84

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Томасъ Моръ.

Глава I. **Біографы Томаса Мора** 95

1. Уилльямъ Роперъ . . . . . —
2. Стэплтонъ 97
3. Кресакръ Моръ и др. 99
4. Эразмъ Роттердамскій 103

Глава II. **Моръ, какъ гуманистъ** 144

1. Юношескіе годы Мора . . . . . —

Стран.

2. Моръ—какъ писатель 117
3. Моръ о женщинахъ. Моръ—педагогъ 120
4. Отношеніе Мора къ искусству и естествознанію . . . 124
Глава III. Моръ и католицизмъ 126
1. Религіозность Мора . . . . . —
2. Моръ—противникъ духовенства 128
3. Вѣротерпимость Мора 133
Глава IV. Моръ, какъ политикъ 140
1. Политическое положеніе Англіи въ началѣ XVI-го вѣка. —
2. Моръ—монархистъ ненавидитъ тирановъ 150
3. Моръ—представитель лондонскихъ горожанъ 153
4. Политическая критика въ «Утопіи» 158
5. Моръ, ненавистникъ тирановъ, поступаетъ на службу къ королю 168
6. Борьба Мора съ лютеранствомъ 171
7. Столкновеніе Мора съ королевскою властью 177
8. Гибель Мора 185

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„Утопія".

Глава I. Моръ, какъ соціалистъ 193
1. Корни моровскаго соціализма . . . . . —
2. Экономическая критика въ «Утопіи» 205
3. Экономическія тенденціи англійской реформаціи 216
Глава II. Изданія и переводы «Утопіи». Ея композиція . . 224
Глава III. Способы производства въ «Утопіи» 233
1. Изложеніе . . . . . —
2. Критика 245
Глава IV. Семейный бытъ утопійцевъ 258
1. Изложеніе . . . . . —
2. Критика 266
Глава V. Политика, наука и религія въ «Утопіи» 274
1. Политика . . . . . —
2. Наука 281
3. Религія 286
Глава VI. Цѣль «Утопіи» 292